

ПЕРВЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

(ИЗЪ БЕСѢДЪ СЪ УЧЕНИКАМИ.)

ДРЕВНІЙ ВОСТОКЪ.

„Ex oriente lux“.

Изданіе шестое.

Съ 25 рисунками и картою.

Первое изданіе было рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ и гимназій, а Учебнымъ Комитетомъ Святейшаго Синода одобрено для ученическихъ библиотекъ духовныхъ семинарій.

ИЗДАНИЕ МАГАЗИНА
«СОТРУДНИКЪ ШКОЛЬ»
А. Е. ЗАТЪСКОЙ.

Москва, Воздвиженка, д. Арманъ.

Цена 1 р. 25 к.

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и А. Гешеля.

Воздвиженка, Кустановъ пер., д. Лиснера.

1904.

Biblioteka Politechniki Krakowskiej

10000297366

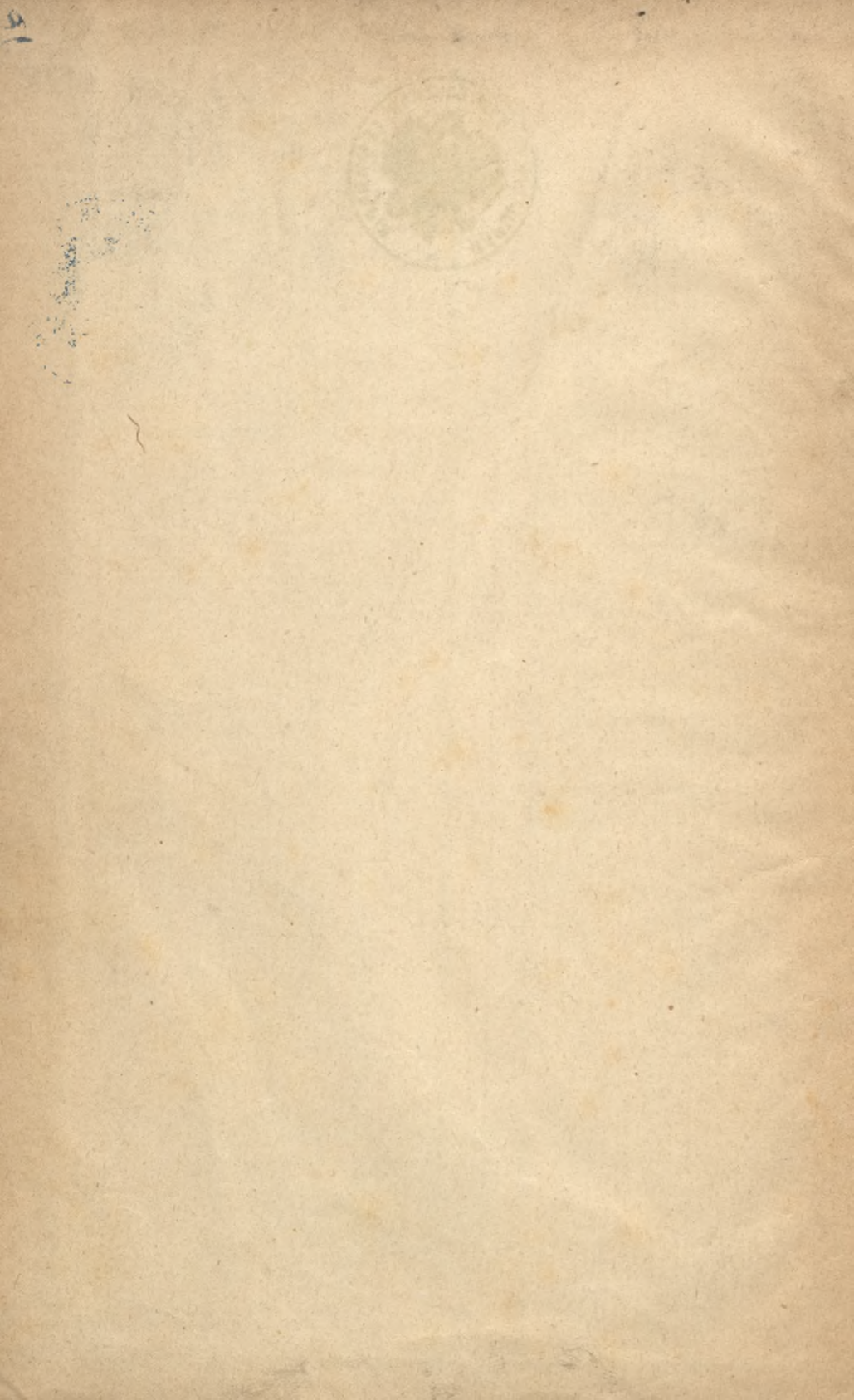

1252²
у

D/344

Book order copy de dubl. 1252
П. МЕЛЬГУНОВЪ.
У

ПЕРВЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

(ИЗЪ БЕСѢДЪ СЪ УЧЕНИКАМИ.)

ДРЕВНІЙ ВОСТОКЪ.

„Ex oriente lux“.

Изданіе шестое.

Съ 25 рисунками и картою.

Первое изданіе было рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ и гимназій, а Учебнымъ Комитетомъ Святѣйшаго Синода одобрено для ученическихъ библиотекъ духовныхъ семинарій.

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и А. Гешеля.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

1904.

Цена 1 р. 25 к.

D/347

ПЕРВЫЙ УРОК В ИСТОРИИ

192
11

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАСС (1903)

ДРЕВНИЙ ВОСТОК Г.

Р. о. 1903 г.

Доволено цензурою. Москва, 18 октября 1903 г.

БИБЛИОТЕКА ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ
КРАКОВ

II 2614

WYDAWCA
KRAKÓW
A. J. WISNIEWSKI

Акц. Nr. 1794/49

1903

Изъ предисловія къ 1-му изданію.

Происхожденіе «Первыхъ Уроковъ Исторіи» очень просто, хотя и нуждается въ объясненіи. Въ 1875 году въ одномъ изъ московскихъ учебныхъ заведеній (Практической Академіи коммерческихъ наукъ) пишущимъ эти строки былъ *разказанъ вступительный курсъ исторіи*. Такъ какъ записывать за преподавателемъ никакъ не дѣло учениковъ младшаго или средняго класса, то помочь имъ въ этомъ случаѣ взялся инспекторъ заведенія. Интересуясь этими уроками, онъ принялъ на себя нелегкій и неблагодарный трудъ — записывать ихъ за преподавателемъ и потомъ возстановлять или, говоря по-школьному, «составлять» разказъ за разказомъ съ единственною (первоначальною) цѣлью — сдѣлать возможнымъ для учениковъ запоминаніе и приготовленіе разказаннаго (имъ же составлены потомъ для настоящаго изданія и всѣ, помѣщенные въ концѣ разказовъ, дополненія).

Изъ предисловія ко 2-му изданію.

Такимъ образомъ, своимъ появленіемъ въ свѣтъ мои «Первые Уроки Исторіи» всецѣло обязаны И. М. Живаго; за его помощь совѣтомъ, словомъ и дѣломъ, приношу ему глубокую и искреннюю благодарность.

Фирма «Сотрудникъ Школъ», взявшая на себя изданіе моихъ разказовъ, нашла возможнымъ приложить къ нимъ

рисунки. Я выбралъ для нихъ то, что казалось мнѣ наиболѣе важнымъ, характернымъ и доступнымъ пониманію молодыхъ читателей. Это именно соображеніе и заставило меня многое заимствовать изъ талантливыхъ реставрацій *Chipiez* (*Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité*), быть можетъ нѣсколько смѣлыхъ, но чрезвычайно наглядныхъ.

Къ новому изданію приложено «Краткое Повтореніе». Оно имѣетъ цѣлью помочь ученикамъ и, вообще, читающимъ мою книжку въ краткомъ очеркѣ припомнить себѣ всѣ *существенные факты* и имена исторіи древняго Востока.

Къ 5-му изданію.

Выпуская пятымъ изданіемъ книгу моего покойнаго отца, я считаю нужнымъ оговорить, что въ новомъ изданіи устранены недосмотры, вкравшіеся въ предыдущія изданія, и въ видахъ педагогическихъ произведены небольшія измѣненія въ текстѣ — преимущественно *редакціоннаго* характера. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ сообщаются нѣкоторыя дополнительные свѣдѣнія по культурной исторіи народовъ древняго Востока. При составленіи этихъ примѣчаній имѣлись въ виду главнымъ образомъ тѣ читатели, которые пользуются «Первыми Уроками», какъ пособіемъ для самообразованія.

Сергій Мельгуновъ.

10 февраля 1903 г.

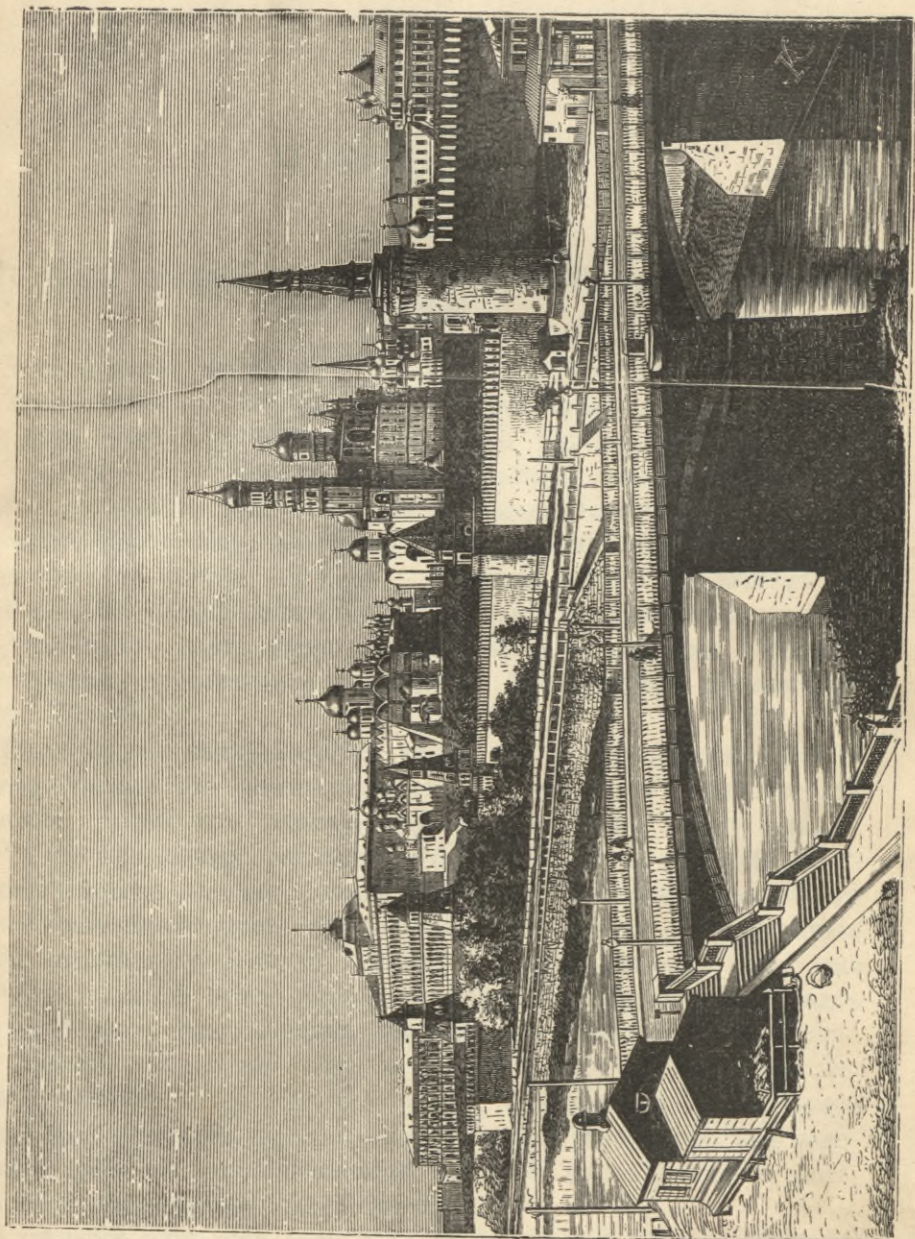

ОГЛАВЛЕНИЕ.

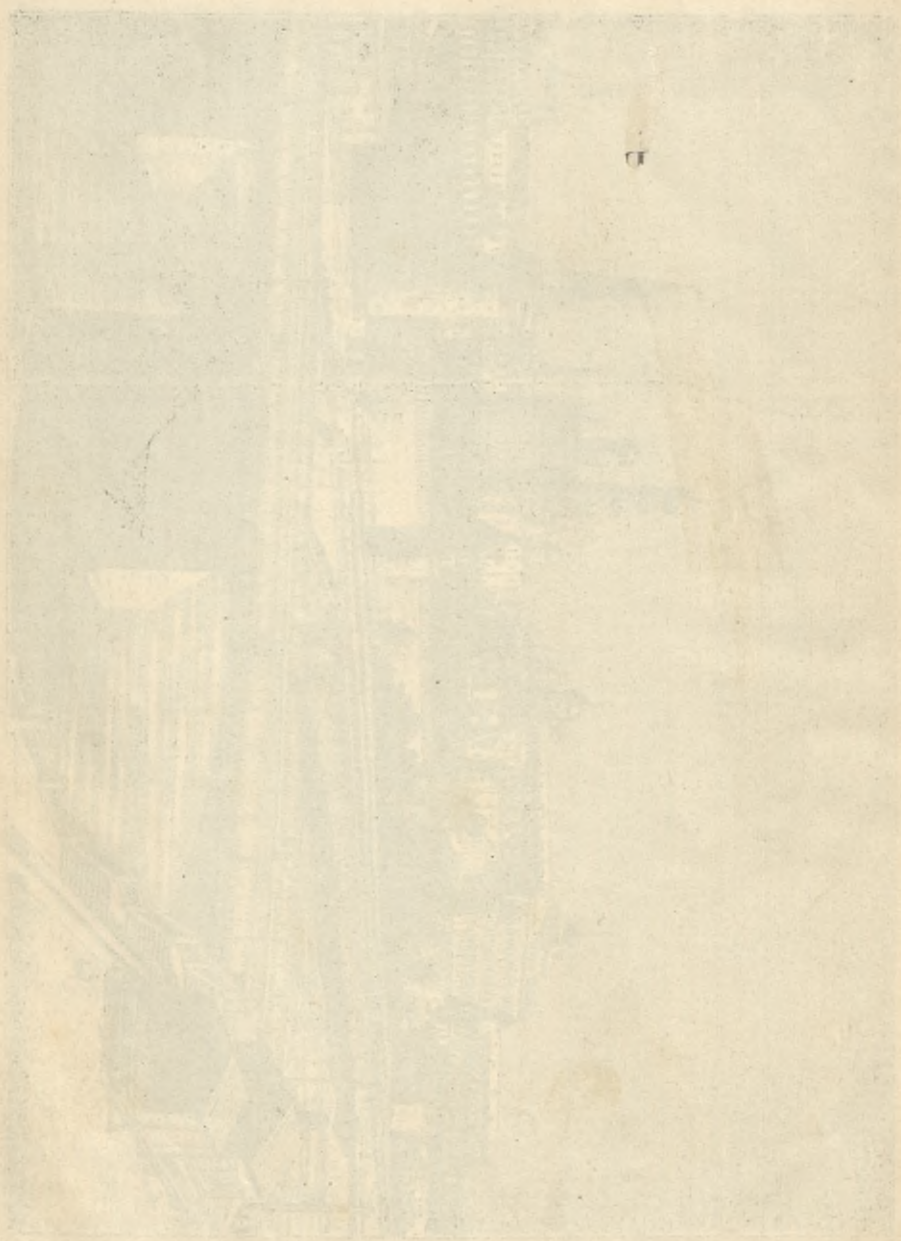
	<i>Стран.</i>
Предисловіе	III
Разсказъ I. Что такое исторія. Источники исторіи	1
Разсказъ II. Источники монументальныя. Вспомогательныя науки исторіи	10
Разсказъ III. Народы историческіе и неисторическіе. Евреи. Патриархальный бытъ	17
Разсказъ IV. Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ. Переселеніе въ Египетъ. Природа Египта. Искусственное орошеніе	24
Разсказъ V. Касты. Религія египтянъ. Монотеизмъ и политеизмъ. Мифы объ Озирисѣ. Вѣра въ будущую жизнь. Поклоненіе животнымъ	32
Разсказъ VI. Каста воиновъ. Древнѣйшая исторія Египта. Вторженіе гиксовъ. Оивская династія. Рамсесъ II Міамунъ (Сезострисъ Великій)	44
Разсказъ VII. Постройки египтянъ. Пирамиды. Храмы. Лабиринтъ. Обелиски. Сфинксы. Колоссы. Египетская мудрость. Героглифы	51
Разсказъ VIII. Моисей. Очеркъ исторіи евреевъ до Соломона.	67
Разсказъ IX. Финикіяне. Мореплаваніе. Торговля. Колоніи	73
Разсказъ X. Изобрѣтеніе финикіянъ. Религія. Нравы. Государственное устройство.	81
Разсказъ XI. Раздѣленіе народа еврейскаго на два царства. Исторія Ассиріи и Вавилона	92
Разсказъ XII. Продолженіе исторіи Ассирійскаго царства. Тиглатъ-Пилесаръ. Салманасаръ. Саргонъ. Сарданапалъ и паденіе Ассиріи.	105
Разсказъ XIII. Савскій періодъ египетской исторіи. Псаметихъ. Нехао. Ново-Вавилонское царство. Навуходоносоръ. Плѣнъ іудеевъ. Постройка Навуходоносора. Наука вавилонская.	113
Разсказъ XIV. Арійское племя. Бактрыяне. Религія Зороастра.	125
Разсказъ XV. Мидяне. Дейокъ. Киръ и начало Персидскаго царства.	133
Разсказъ XVI. Лидія. Крезъ и Солонъ. Завоеваніе Лидіи персами.	142
Разсказъ XVII. Паденіе Вавилонскаго царства. Возвращеніе евреевъ изъ плѣна. Походъ Кира на скивовъ и смерть его.	151

Московский Кремль.

РАЗСКАЗЪ I.

Что такое исторія? — Очеркъ исторіи Москвы. — Источники исторіи.

Что за наука исторія? Чему она учитъ?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, посмотримъ, что происходитъ съ нами самими и вокругъ насъ. Мы видимъ, что и мы сами во многомъ *мѣняемся* съ годами, и вокругъ насъ многое измѣняется на свѣтѣ. Пусть каждый изъ васъ оглянется на свое собственное прошедшее: не велико оно, а между тѣмъ сколько уже перемѣнъ произошло въ немъ — съ вами самими, въ вашемъ семействѣ, въ вашихъ занятіяхъ и т. д. Такія *перемѣны* происходятъ не только съ отдѣльными людьми, но и съ цѣлыми городами, съ цѣлыми государствами и народами. Для примѣра возьмемъ городъ *Москву*.

Если бы мы какимъ-нибудь чудомъ могли перенестись лѣтъ за тысячу назадъ отъ нашего времени, то тамъ, гдѣ теперь стоитъ Москва, одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ земного шара, съ ея многочисленнымъ населеніемъ (больше милліона жителей), съ ея безчисленными улицами, домами и разными зданіями, мы нашли бы одинъ сплошной густой сосновый боръ (его остатки — Сокольники, такъ называемый Лосинный островъ и т. д.). До сихъ поръ еще о существованіи этого бора напоминаютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей въ самой Москвѣ, на примѣръ — самой древней церкви въ Кремлѣ *Спасъ на Борѣ* и *Боровицкихъ воротъ* тамъ же. Такія названія, какъ *Моховая* улица, площадь *Болото*, *Елохова* улица (отъ названія дерева „ольха“) и т. д. также невольно переносятъ насъ въ давнопрошедшее время и напоминаютъ о томъ, что было когда-то на мѣстѣ Москвы.

Главными жителями этой, еще почти нетронутой человѣческой рукою, природы были тогда дикіе звѣри, которые водились въ большомъ числѣ и принадлежали къ такимъ породамъ, которыя теперь

или исчезли, или стали очень рѣдки: туры, т.-е. дикіе быки, медвѣди, бобры, куницы, лоси и т. д. Среди этого бора жили однако тогда и люди, но люди эти были *не русскіе* и говорили не по-русски. Племя, къ которому они принадлежали, у насъ въ старину называлось *чудь* (т.-е. чужіе, не русскіе люди), а теперь мы привыкли употреблять другое, нѣмецкое названіе этого племени — *финны**). Сравнительно небольшіе остатки финновъ, разбросанные среди русскаго населенія, до сихъ поръ встрѣчаются кой-гдѣ, на сѣверѣ Россіи и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, лежащихъ по Волгѣ, Камѣ и Уральскому хребту, напримѣръ, Нижегородской, Вятской, Пермской и т. д. (мордва, черемисы, чуваша, пермяки, зыряне и пр.). Но лѣтъ за тысячу назадъ финны одни занимали всю сѣверную половину Россіи, а русскіе пришли сюда уже позже. Та чудь, которая жила на мѣстѣ теперешней Москвы, называлась *меря*, что по-фински значитъ просто „человѣкъ“ или „люди“**). Чудь въ тѣ далекія отъ насъ времена жила еще въ полудикомъ состояніи, полукочуя, полуосѣдло; занималась она большею частью не земледѣліемъ, а охотою. Многія племена долго не умѣли добывать и плавить столь нужное для насъ желѣзо и ограничивались для наконечниковъ своихъ копій и стрѣлъ, для ножей и другихъ орудій употребленіемъ бронзы (т.-е. сплава мѣди съ оловомъ), которую получали отъ другихъ народовъ. Было даже время, когда жители нашей сѣверной Руси совсѣмъ не знали употребленія металла и свое оружіе выдѣлывали за просто изъ *камня*: и до сихъ поръ нерѣдко находятъ случайно въ разныхъ мѣстахъ на землѣ или въ землѣ каменные стрѣлы, топоры и другія вещи, сдѣланныя первобытными людьми. Простой народъ зоветъ обыкновенно такіе предметы „громовыми стрѣлками“ и такимъ образомъ не признаетъ ихъ за работу рукъ человѣческихъ, а думаетъ, что они произошли будто бы отъ удара молніи въ землю. Но даже еще въ очень недавнее время на землѣ были дикари, которые совершенно не имѣли понятія о металлахъ и всѣ для нихъ необходимые орудія выдѣлывали изъ дерева, кости и камня.

По прошествіи извѣстнаго времени въ мерянскую лѣсную и болотистую глушь стали заходить люди другого племени, которое теперь живетъ по всей русской имперіи, а въ то время жило на западѣ и югѣ отъ Москвы — это были наши предки,

*) На старинномъ нѣмецкомъ языкѣ это значило: *болотники*, въ болотахъ живущіе люди, что вѣрно указываетъ на свойства страны, въ которой они жили.

**) И теперь еще есть у насъ народы, которые называютъ себя просто „людьми“, какъ, напримѣръ, *самоды*, которые зовутъ себя *хасово-арка-я*, т.-е. „люди большой земли“, или *черемисы*, которые зовутъ себя *куркъ-мари*, т.-е. *горные люди*.

славяне или *русскіе*, какъ они прозвались потомъ. Въ чудскую страну переселенцевъ этихъ манило сначала обиліе дикаго, пушнаго звѣря, и потому сюда приходили *промышленники*, т.-е. охотники, надѣявшіеся не безъ основанія на богатую добычу. Но затѣмъ стали все болѣе и болѣе приходять и земледѣльцы, которыхъ, въ свою очередь, привлекалъ привольный просторъ, избытокъ земли, потому что славяне уже издавна занимались земледѣліемъ. Усердно начали они рубить дремучіе лѣса, выжигать въ нихъ *острова* и на мѣстѣ вырванныхъ съ корнемъ *деревьевъ* строить свои *деревни*, а на расчищенныхъ *полянахъ* сѣять хлѣбъ*). Во многихъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ встрѣчаются такія названія мѣстностей (*урочища* — говорится въ народѣ), которыя совершенно не похожи на окружающую дѣйствительность. Вы слышите названія въ родѣ „Борки“, „Боровое“, „Ясная Поляна“ и видите кругомъ себя одну безлѣсную гладь. Эти названія, сохранившіяся отъ стародавнихъ временъ въ памяти жителей, переносятъ насъ такъ же, какъ и названія нѣкоторыхъ московскихъ улицъ, въ ту старину, когда дѣйствительно здѣсь былъ боръ или поляна среди лѣса. Новые переселенцы по развитію были гораздо выше чуди, имѣли лучшее желѣзное оружіе, были мужественнѣе и сильнѣе ея, и потому чудь не могла долго устоять противъ незваныхъ пришельцевъ. Не безъ борьбы отказалась она отъ своей просторной родины, но тѣмъ не менѣе должна была, наконецъ, уступить славянамъ и уходила постепенно все дальше и дальше на востокъ и сѣверъ, въ глубь вѣковѣчныхъ дремучихъ лѣсовъ, а гдѣ оставалась на прежнихъ мѣстахъ, тамъ подчинялась славянамъ, принимала славянскій языкъ, славянскіе обычаи и такимъ образомъ мало-по-малу сливалась со славянами, *славянилась* или *русьла*. Проникая все дальше въ лѣса, славяне добрались, наконецъ, и до рѣки Москвы. Это имя тоже не русское, а чудское; толкуютъ его разное: нѣкоторые думаютъ, что оно значитъ „коровья рѣка“, другіе — „мутная вода“. Сначала этихъ славянскихъ переселенцевъ на берегахъ Москвы-рѣки было немного. Есть преданіе, что однимъ изъ первыхъ здѣсь поселился какой-то пустынный *Вуколь*, срубилъ будто бы келью на холмѣ, гдѣ теперь Кремль, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ до сихъ поръ стоитъ церковь *Спасъ на Бору*. Вокругъ холма мало-по-малу появились помѣстья, и выросли усадьбы помѣщиковъ. Одинъ такой помѣщикъ назывался

*) И теперь еще въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, гдѣ еще много сохранилось лѣсу, вырубаятъ деревья, жгутъ пеньки и корни, и на выжженномъ мѣстѣ вспахиваютъ землю. Такія мѣста, какъ въ старину, такъ и теперь, зовутся „огнище“, то-есть мѣсто, гдѣ огонь прошелъ.

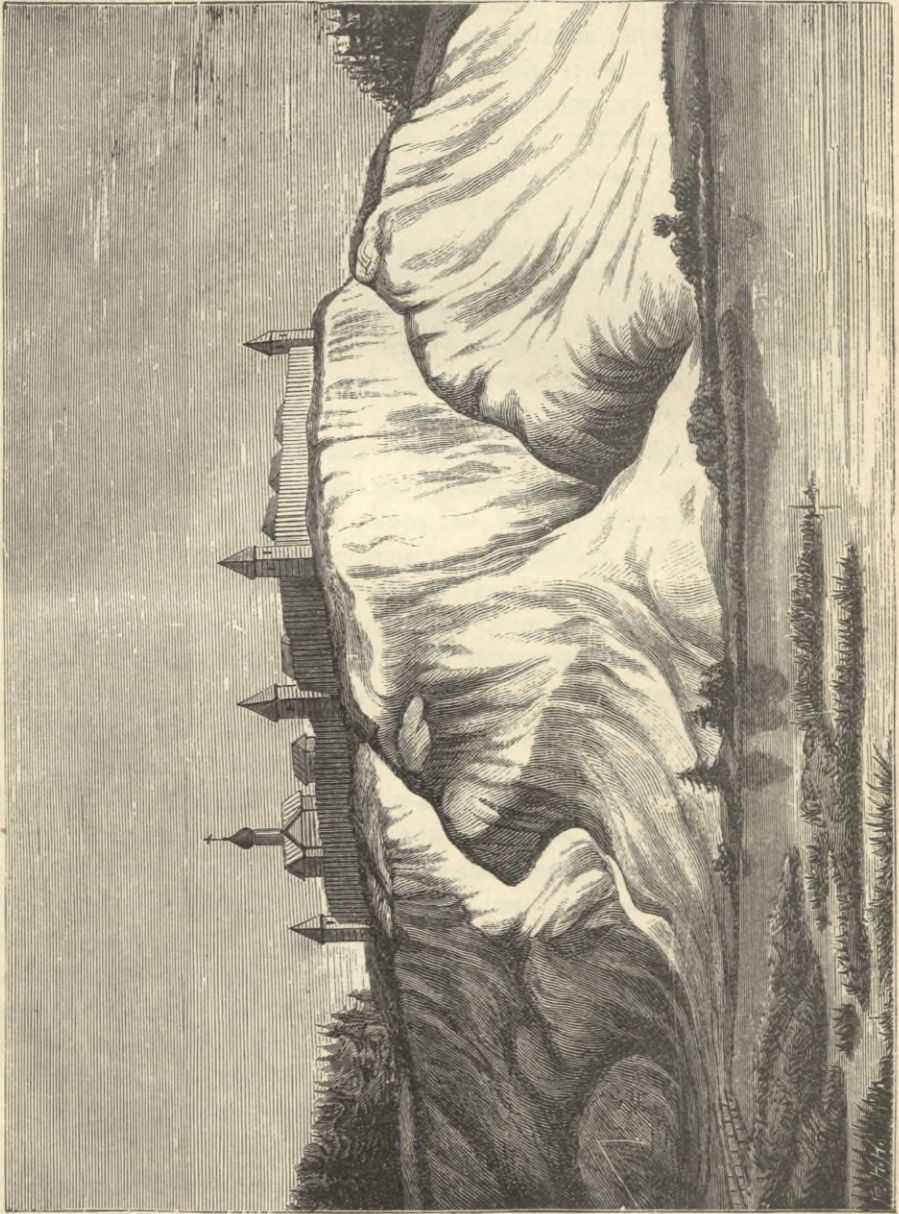
Степанъ Ивановичъ Кучко, а помѣстье его, лежавшее между рѣками Москвой и Яузой, называлось село *Кучково*. Въ это время славяне, поселившіеся на берегу Москвы-рѣки, были уже подчинены князю, но князь этотъ жилъ не въ Москвѣ, а въ Суздальѣ (теперь уѣздный городъ Владимирской губерніи), и только иногда пріѣзжалъ на Москву-рѣку поохотиться или похозяйничать. Князь Юрій Владимировичъ Долгорукій однажды пріѣхалъ сюда, за что-то прогнѣвался на С. И. Кучко, казнилъ его, а село отобралъ за себя. Холмистая и живописная мѣстность по берегамъ рѣкъ Москвы, Яузы и Неглинной*) очень понравилась князю, и онъ построилъ здѣсь *городъ*, „малъ градъ *древянь*“, какъ говоритъ старинный повѣствователь, а также и *первую* церковь во имя *Рождества Богородицы***). Замѣтите, въ старину *городомъ* называлось всякое *огороженное*, укрѣпленное мѣсто; потому и подъ „*городомъ* Москвой“ разумѣлось только то мѣсто, гдѣ теперь Кремль; сначала оно было огорожено тыномъ изъ бревенъ или частоколомъ изъ кольевъ и уже послѣ, гораздо позже, было окружено такими каменными стѣнами, какія мы видимъ теперь. Все же, что лежало вокругъ города, называлось *посадомъ*; жители посада — *посадскіе*, когда приходилъ непріятель, укрывались за городскими стѣнами. Вотъ отчего и до сихъ поръ въ Москвѣ, по старой привычкѣ, говорятъ: „итти“ или „ѣхать въ городъ“, при чемъ разумѣется обнесенный стѣнами Китай-городъ, гдѣ находятся лавки или „гостиный“, т.-е. торговый или купеческій дворъ.

Первое извѣстіе о Москвѣ дошло до насъ отъ 28 марта 1147 года, когда князь Юрій Владимировичъ принималъ и угощалъ въ ней, какъ пограничномъ своемъ городѣ, своего союзника черниговскаго князя, съ которымъ собирався наступающимъ лѣтомъ предпринять походъ на сосѣдняго смоленскаго князя. Это *первый*, достоверно намъ извѣстный, *день* изъ *исторіи* *Москвы*. Маленькою деревянною крѣпостью начала Москва свою жизнь, и не прошло еще ста лѣтъ со дня ея основанія, какъ она чуть-чуть не исчезла съ лица земли. На Русь сдѣлалъ нападеніе дикій, степной народъ, татары, которые жгли наши города и истребляли ихъ жителей или брали въ тяжкую неволю. За другими городами чередъ дошелъ и до Москвы. Храбрый московскій начальникъ, *воевода Филиппъ Няника*, мужественно защищался за своими деревянными стѣнами, но былъ убитъ, а Москва, взятая татарами, превратилась въ одно сплошное пожарище. Казалось, вотъ и конецъ чуть начавшему жить

*) На мѣстѣ устья р. Неглинной теперь раскинутъ Александровскій садъ. Самая рѣчка течетъ въ каменной трубѣ подъ этимъ садомъ.

**) Церковь эта была у Боровицкихъ воротъ; теперь ея не существуетъ: она снесена за ветхостью лѣтъ 50 тому назадъ.

Первоначальная Москва.

молодому городу; однако случилось иначе. Татары черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ушли; лѣсу было кругомъ очень много, города строились тогда исключительно деревянные, и потому уцѣлѣвшіе отъ погрома москвичи вернулись назадъ на свое родное пепелище, опять стали строить себѣ дома, и вотъ Москва выстроилась вновь и даже стала больше сравнительно съ прежней, потому что въ нее стали собираться также бѣглецы и изъ другихъ разоренныхъ городовъ. Такъ Москва стала понемногу главнымъ городомъ отдѣльнаго княжества.

Первымъ замѣчательнымъ московскимъ княземъ, которому наша первопрестольная столица очень многимъ обязана, былъ — *Иванъ Даниловичъ Калита* *). Умный, распорядительный и радушный хозяинъ, Иванъ Даниловичъ многихъ новыхъ переселенцевъ и гостей зазвалъ къ себѣ, въ Москву; но изъ нихъ самымъ дорогимъ гостемъ былъ *митрополитъ св. Петръ* (въ то время высшее духовное лицо въ Россіи), котораго Иванъ Даниловичъ уговорилъ переѣхать изъ Владимира на постоянное житье въ свой городъ. Съ этого времени Москва, какъ мѣстожителство главнаго пастыря Церкви, стала въ глазахъ всѣхъ русскихъ людей какъ бы святою, *матушкою*, какъ и до сихъ поръ ее зоветъ народъ. Св. Петръ благословилъ князя „потрудиться“ и поставить въ Москвѣ *первое ея каменное зданіе: соборъ Успенія Божіей Матери* (на томъ же самомъ мѣстѣ стоитъ и теперешній Успенскій соборъ, перестроенный лѣтъ черезъ двѣсти послѣ его перваго основанія). Теперь у насъ каменныя зданія строятся ежегодно во множествѣ и потому они вовсе не въ диковинку, но въ то время это была неслыханная новость, событіе своего рода, и потому немудрено, что 1327-й годъ, когда произошло освященіе вновь построеннаго собора, былъ очень важнымъ годомъ въ исторіи *прежней* Москвы.

Внукъ Ивана Даниловича, *Димитрій Ивановичъ*, столь памятный всѣмъ русскимъ людямъ подъ прозвищемъ *Донского*, могъ уже рѣшиться пойти дальше своего дѣда: онъ выстроилъ вмѣсто прежнихъ деревянныхъ *каменные стѣны* кругомъ всего *города*, т.-е. теперешняго Кремля (въ 1367 году). Это было такую рѣдкостью, что съ этого времени Москва получила на Руси прозваніе *блокаменной*, которое также по старой памяти сохраняется за нею и до сихъ поръ. Строитель нашего Кремля первый

*) *Калита* — прозвище князя Ивана Даниловича; самое слово „калита“ означаетъ мѣшокъ съ деньгами; князь Иванъ Даниловичъ былъ бережливымъ и очень заботливымъ хозяиномъ, старавшимся объ увеличеніи своего княжества и своего богатства; за э т черту въ характерѣ, за „скопидомство“, онъ и получилъ прозвище „Калита“. Нѣкоторые, впрочемъ, объясняютъ это прозвище больше тѣмъ, что Иванъ Калита имѣлъ обыкновеніе носить при себѣ мѣшокъ съ деньгами для раздачи бѣднымъ. С. М.

осмѣлился подняться и противъ русскихъ притѣснителей, татаръ; онъ нанесъ имъ страшное пораженіе на Дону, на Куликовомъ полѣ (8 сентября 1380 года произошла эта первая большая побѣда русскихъ надъ татарами). Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ этого великаго дѣла внукъ Донского побѣдителя, *Иванъ Васильевичъ III*, уже могъ окончательно освободить Русь отъ рабскаго подчиненія татарамъ, а его внукъ, *Иванъ Васильевичъ IV*, торжественно вѣнчался уже не княземъ, а вольнымъ царемъ и побѣдносно завоевалъ нѣкоторыя татарскія государства. Такъ, видимъ мы, постепенно выросшій изъ ничтожнаго села Кучкова „малградъ древянъ“, о которомъ почти никто и не думалъ и не зналъ при его основаніи, сдѣлался главнымъ городомъ, столицею русскаго народа, соединилъ его въ одно цѣлое и освободилъ отъ позорнаго татарскаго ига. Не говоря о томъ, что испытала Москва въ позднѣйшее время, уже въ этомъ очень короткомъ очеркѣ вы можете замѣтить, какъ много переменъ случилось съ Москвою, пока она стала тѣмъ, чѣмъ мы ее знаемъ теперь.

Но, если въ Москвѣ мы видѣли наглядный примѣръ того, какъ изъ ничтожнаго съ теченіемъ времени дѣлается великое, то мы знаемъ также много примѣровъ совершенно обратнаго. Такъ, напр., изъ священной исторіи вы должны хорошо помнить великій и многочисленный городъ *Вавилонъ*, въ которомъ такъ долго томились въ неволѣ евреи. Въ настоящее время на мѣстѣ этого города безлюдная и бесплодная пустыня, въ которой кой-гдѣ холмами возвышаются занесенныя пескомъ развалины когда-то величественныхъ зданій; тамъ, гдѣ слышались шумъ и движеніе милліона людей, теперь изрѣдка пройдетъ караванъ, покажется левъ, высматривающій себѣ добычу, или завоюетъ стая шакаловъ. Невольно воспоминаетъ тутъ современный путешественникъ вѣщее предсказаніе пророка Іереміа: „Вавилонъ станетъ грудой развалинъ, жилищемъ шакаловъ!“

Вотъ о такихъ-то переменѣхъ, которыя происходили съ городами, съ народами, съ государствами и со всѣмъ родомъ человѣческимъ, пока онъ сталъ такимъ, какимъ мы его теперь видимъ, и пока явилось все, что есть теперь между людьми, объ этихъ-то переменѣхъ и рассказываетъ **исторія**. Другими словами: *исторія* есть наука о томъ, какъ родъ человѣчскій жилъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, какъ онъ развился и дошелъ, наконецъ, до того, что онъ есть теперь. Первый, кто назвалъ нашу науку исторіею (это слово греческое и въ переводѣ на нашъ языкъ значить: повѣствованіе), былъ ученый грекъ, жившій за 450 л. до Р. Х., въ городѣ Галикарнасѣ (въ Малой Азій), по имени **Геродотъ**. Потому Геродота и называютъ обыкновенно *отцомъ исторіи*.

Начиная заниматься исторіею, запомнимъ твердо имя ея „отца“, тѣмъ болѣе, что впереди намъ очень часто придется упоминать о немъ и пользоваться его разсказами.

Но откуда же исторія узнаетъ все то, о чемъ она намъ разсказываетъ или *повѣствуетъ*? Изъ такъ называемыхъ *источниковъ*. Источники дѣлятся на устные, письменные и монументальные.

Устные источники. Когда у людей не было письменности, то память о прошедшихъ событіяхъ передавалась отъ одного поколѣнія къ другому — изустно, и *переданное* (отсюда — *преданіе*) запомнилось. Преданія не могутъ быть всегда и вполнѣ достовѣрны: одинъ, передавая, забудетъ что-нибудь, выпустить; другой, напротивъ, прибавитъ лишнее, чего и не было въ самомъ дѣлѣ.

Другой устный источникъ — *народная пѣсня*. Случалось въ старину замѣчательное событіе; обыкновенно объ немъ кто-нибудь слагалъ поэтической разсказъ, который потомъ разсказывался на распѣвъ, *въ ладъ*. Это — *былина* (отъ слова: былъ, т.-е. что-нибудь, не выдуманное, а то, что въ самомъ дѣлѣ было). Такія былины до сихъ поръ еще поются у насъ кой-гдѣ въ Олонецкой и другихъ губерніяхъ, на далекомъ сѣверѣ. Поютъ (или „напѣваютъ“) ихъ большею частью старики, иногда слѣпые (народъ называетъ ихъ „сказатели“). Эти былины поютъ о Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ (о кievскомъ князѣ Владимірѣ Святѣ), о татарахъ, о прежнихъ знаменитыхъ князьяхъ русскихъ (напр. объ Александрѣ Невскомѣ), о первомъ русскомъ царѣ — Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, о первомъ императорѣ — Петрѣ Великомъ. Былины, стало-быть, для неграмотнаго, не имѣющаго книгъ народа замѣняли и отчасти до сихъ поръ замѣняютъ исторію. Былина меньше подвержена искаженію, чѣмъ преданіе, потому что слагается извѣстнымъ, какъ бы стихотворнымъ „ладомъ“, или „размѣромъ“, потому лучше затверживается и меньше измѣняется при передачѣ: не даромъ говорится, что „изъ пѣсни слова не выкинешь“. Но и въ былинахъ много бываетъ невѣрнаго: имена переименованы, событія перепутаны.

Приведемъ одинъ примѣръ: мы уже знаемъ, что слишкомъ за 600 лѣтъ до нашего времени пришли изъ Азіи на Русь дикіе кочевники — татары, подъ предводительствомъ своего царя или „хана“ *Батгя* и жестоко опустошили русскую землю, разорили и пожгли много городовъ: Рязань, Владиміръ, Москву и др. И долго еще, почти 250 лѣтъ послѣ Батгя, татары угнетали Русь, брали съ русскихъ тяжелую дань, вводили ихъ въ неволю, дѣлали набѣги, жгли церкви, разоряли города, и князья русскіе ѣздили въ орду съ подарками бить челомъ хану, кланяться мурзамъ, т.-е. вельможамъ ханскимъ и задабривать ихъ. Но прошло время; орда осла-

бѣла, а Русь окрѣбла и сбросила татарское ярмо. Такъ было на самомъ дѣлѣ, а *вотъ какъ* поется объ этомъ въ одной былинѣ:

„Изъ орды подымался злой царь *Калинъ Калиновичъ* со своей силою поганюю (т.-е. нехристіанскою, языческою) ко стольному городу, ко Кіеву“. Войска у него было такъ много, что „отъ пару отъ конинаго мѣсяць-солнце померкло“. Калинъ шлетъ ко князю Владимиру гонца „съ яркимъ скорописчатымъ“ (т.-е. письмомъ, грамотою); грозить, что „возьметъ стольный Кіевъ-градъ, Владимира князя въ полонъ полонить, Божьи церкви на дымъ пустить“. Владимиру плохо, потому что „въ ту пору съ нимъ въ Кіевѣ богатырей не случилось“. Но скоро подоспѣлъ на выручку старый богатырь — Илья Муромецъ. По его совѣту, князь насыпаетъ „миску чиста серебра, другую — красна золота, третью — скатна жемчуга“, и съ этими „гостинцами“ Илья идетъ бить челомъ Калину-царю, злодѣю Калиновичу и просить у него малой отсрочки, чтобы кіевляне могли въ Кіевѣ „поуправиться — отслужить обѣдни съ панихидами“, какъ служатъ по „усопшимъ душамъ“, и „другъ съ дружкой проститися“. Но Калинъ „нечестно“, грубой бранью отвѣчаетъ на эту просьбу. Не выдержалъ этого русскій богатырь и самъ выругалъ татарина „проклятымъ“ и „собакою“. Тогда схватили Илью „злы татаровья, связали ему руки бѣлыя во крѣпки чембуры (путы) шелковы, и — плюнулъ ему царь во ясны очи“. Разсердился Илья, изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ, схватилъ за ноги перваго подвернушагося татарина и сталъ „тѣмъ татаринѣмъ помахивати: куда махнеть, тутъ и улицы лежать, куда отмахнеть — съ переулками“. Татары бѣгутъ въ ужасѣ, и Кіевъ спасенъ... Былина кончается словами: „то старина, то и дѣянье“.

Въ этой былинѣ многое вѣрно, но есть и большая примѣсь вымысла, очень многое спутано. Въ 1240 году татары, дѣйствительно, облегли Кіевъ съ несмѣтными силами и жгли города, разоряли храмы, истребляли жителей — все это, какъ мы уже знаемъ, вѣрно; вѣрно изображенъ въ былинѣ и тотъ ужасъ, который наводило приближеніе татаръ на жителей, ожидавшихъ вѣрной смерти. Но все остальное, а именно: русское, вымышленное имя хана (настоящее татарское, какъ видно, народъ со временемъ успѣлъ забыть), участіе въ дѣлѣ князя Владимира, который на самомъ-то дѣлѣ жилъ лѣтъ за 200 слишкомъ до нашествія татаръ, — все это невѣрно. Дальше, на самомъ-то дѣлѣ Кіевъ былъ взятъ татарами и страшно разоренъ, а въ былинѣ оказывается — татары были прогнаны удалю одного богатыря. Мы видимъ изъ этого, что и былина представляетъ *смѣсь правды и вымысла*, особенно въ подробностяхъ*).

* См. объ этомъ также въ *дополненіяхъ* къ этимъ рассказамъ въ концѣ книги.

Гораздо больше достовѣрности въ источникахъ *письменныхъ*. Когда люди изобрѣли грамоту, тогда со временемъ они додумались и до того, что хорошо было бы записывать замѣчательныя происшествія на память потомкамъ. У насъ въ старину такимъ записываніемъ первые стали заниматься *монахи*, потому что въ то далекое время монахи были наиболѣе образованные люди, и почти въ однихъ только монастыряхъ и занимались книжнымъ дѣломъ. Монахи обыкновенно вели свои записки по годамъ или *по лѣтамъ*, записывая подъ каждымъ годомъ все, что изъ случившагося въ этомъ году имъ казалось замѣчательнымъ. Когда умиралъ одинъ монахъ, начатыя имъ записки продолжалъ другой. Отсюда названія: *лѣтопись*, *лѣтописецъ*. Первымъ русскимъ лѣтописцемъ считаютъ преподобнаго *Нестора*, кіево-печерскаго монаха. Въ лѣтописи заносились и важныя событія и, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, не особенно важныя для исторіи. Рядомъ съ описаніемъ войны между князьями, набѣга половцевъ (дикое степное племя, еще прежде татаръ дѣлавшее набѣги на южную Россію), встрѣчаются извѣстія объ явленіи „звѣзды хвостатой копейнымъ образомъ“ (комета), о затменіи солнца или луны [какъ „солнце погыбе“], о томъ, какъ „придоша пружи“ (пѣшая саранча, личинка саранчи), или, какъ однажды изъ Днѣпра рыбаки выловили сѣтью уroda страннаго вида, „его же позоровахомъ (смотрѣли, дивовались) до вечера“. Такія лѣтописи велись въ разныхъ городахъ; отсюда: псковскія, новгородскія, тверскія, кіевскія лѣтописи (Несторова — только самая древняя изъ всѣхъ).

Кромѣ такихъ отрывочныхъ погодныхъ записокъ, въ старину составлялись и связные рассказы о жизни отдѣльныхъ замѣчательныхъ лицъ. Такой рассказъ о жизни одного лица теперь называется *біографіа* (по-гречески „біосъ“ значить — жизнь, а „графія“ — описаніе), а въ старину у насъ назывался просто *житіемъ* (житіе — жизнь). Бывали и болѣе обширные рассказы, уже не объ одномъ лицѣ, а о какомъ-либо событіи; такіе рассказы назывались *повѣстями*. Самъ Несторъ свою лѣтопись начинаетъ словами: „се есть повѣсть временныхъ лѣтъ (т.-е. прошедшаго времени), откуда есть пошла русская земля и кто нача въ ней первѣе княжити“.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ источниковъ: лѣтописей, житій, повѣстей, преданій и пр. можно уже составить связный, послѣдовательный рассказъ о жизни цѣлаго народа. Такой рассказъ и будетъ — *исторія* этого народа.

РАЗСКАЗЪ П.

Источники монументальные. — Вспомогательныя науки исторіи.

Когда люди выходятъ изъ первоначальнаго, полудикаго состоянія, они вмѣсто прежнихъ землянокъ и шалашей мало-по-малу научаются строить жилища изъ дерева или камней. Сначала хлопчуть о томъ только, чтобы было тепло, потомъ начинаютъ думать объ удобствѣ, еще позднѣе, когда выучатся строить лучше, и разовьется вкусъ, начинаютъ заботиться и о красотѣ постройки. Дальше, когда народъ разбогатѣетъ, начинаютъ уже строить зданія болѣе обширныя и богатыя: дворцы для государей и храмы для боговъ (зданія *общественныя*). Чѣмъ народъ становится богаче и образованнѣе, тѣмъ все богаче, обширнѣе, красивѣе и величественнѣе становятся его постройки. Постройки нѣкоторыхъ древнихъ народовъ стоятъ уже цѣлыя тысячелѣтія, напримѣръ, пирамиды у развалинъ храмовъ древнихъ египтянъ. Если бы мы не имѣли даже вовсе никакихъ другихъ извѣстій о древнемъ Египтѣ, то по однимъ этимъ пирамидамъ (громadнымъ, какъ *каменныя горы*) и этимъ развалинамъ можно было бы заключить, что египтяне въ свое время были народъ очень образованный, знавшій и архитектуру, и механику (безъ того не поднять бы такихъ огромныхъ камней на такую высоту), и въ то же время народъ очень многочисленный, что они имѣли правильно-устроенное государство (безъ этого не собрать бы такого громаднаго числа рабочихъ). Вотъ какъ много и притомъ вполне достоверныхъ свѣдѣній даютъ намъ о древнемъ Египтѣ одиѣ пирамиды.

Но о прошедшей жизни народовъ можно судить не по однимъ только такимъ громаднымъ сооружеиіямъ, какъ пирамиды и храмы, а точно также и по самымъ мелкимъ принадлежностямъ простаго домашняго быта (каковы: оружіе, домашняя утварь, женскія украшенія и проч.). Вотъ, напримѣръ, мы говорили о мерянахъ; откуда же взяли мы все, что знаемъ о нихъ? Въ лѣтописи сказано только, что былъ народъ меря, и больше ничего. Чтò это былъ за народъ? какъ онъ жилъ? лѣтопись молчитъ объ этомъ; но тутъ на помощь исторіи приходитъ *археологія*, т. е. наука о древностяхъ, (по-гречески „архэосъ“ — древній, „логія“ — наука). Въ Московскои,

Владимирской и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ губерніяхъ находится очень много небольшихъ земляныхъ насыпей или такъ называемыхъ „кургановъ“. Одинъ москвичъ, любитель и знатокъ древностей, теперь уже покойный, графъ *А. С. Уваровъ*, раскопалъ нѣсколько тысячъ такихъ кургановъ, и оказалось, что это могилы нѣкогда жившихъ здѣсь мерянь. „Раскопки показали, что

меряне“, рассказываетъ намъ гр. Уваровъ, „по обычаю многихъ языческихъ народовъ, клали также въ могилу вокругъ покойнаго всѣ любимыя его вещи и домашнюю утварь; воина хоронили съ оружіемъ, конскою сбруею, стременами; купца — съ вѣсами, гирями, мѣшкомъ и шкатулкою; домовитую хозяйку — съ иглою, ножницами, серпомъ и замкомъ. Кромѣ орудій ремесла и утвари, самого покойнаго клали въ могилу въ полномъ убранствѣ, со всѣми украшеніями одежды, металлическими привѣсками, бляхами. Женщинъ также погребали въ полномъ убранствѣ: съ серьгами въ ушахъ, бусами и монетами на шеѣ, съ разнообразными привѣсками и бляхами на груди и на поясѣ, съ перстнями, кольцами и браслетами на рукахъ. При этомъ на домашнихъ животныхъ смотрѣли тоже, какъ на любимые предметы умершаго хозяина, какъ видно изъ того, что кости животныхъ часто попадаютъ около человѣческаго остова“. По всѣмъ этимъ найденнымъ вещамъ можно составить себѣ довольно ясное понятіе о томъ, какъ жили древніе меряне, какъ одѣвались они (объ этомъ мы можемъ судить по полуистлѣвшимся остаткамъ одеждъ и по украшеніямъ), чѣмъ занимались (напр. меряне уже начали заниматься земледѣліемъ, потому что въ позднѣйшихъ курганахъ найдены серпы и т. д.). какіе у нихъ были похоронные обряды (напр. въ болѣе древнихъ курганахъ кости и положенныя вещи найдены сожженными; слѣдовательно, въ прежнее время меряне сожигали своихъ покойниковъ), даже какую имѣли они наружность (напр. по длинѣ скелетовъ, формѣ черепа или кое-какимъ остаткамъ волосъ на головныхъ костяхъ). Однимъ словомъ, благодаря этимъ находкамъ, мы можемъ какъ бы воскресить передъ собою цѣлый народъ, о кото-

ромъ безъ этого мы только бы и знали, что онъ назывался меряне и жилъ, между прочимъ, на мѣстахъ теперешней Москвы.

Къ археологіи, какъ часть или отдѣлъ ея, принадлежитъ *нумизматика*, т.-е. наука о монетахъ, потому что монеты также даютъ матеріаль для исторіи. Очень интересно знать уже и то, имѣлъ ли народъ въ извѣстное время металлическихъ деньги, и притомъ — каковы были эти деньги. Было время, когда вмѣсто денегъ употребляли кусочки звѣриныхъ шкуръ (у насъ они назывались *куны*); и теперь еще внутри Африки есть народы, у которыхъ при торговлѣ вмѣсто денегъ употребляются мѣшки съ солью, раковины и т. п. Это народы дикіе, необразованные. Потому, если доказано, что какой-нибудь народъ въ извѣстное время зналъ уже употребленіе монеты, то изъ этого слѣдуетъ: 1) что народъ этотъ былъ уже въ это время нѣсколько образованъ, и 2) что онъ находился въ сношеніяхъ съ другими народами, ибо металлическихъ деньги дѣлаютъ удобными торговыя сношенія (такъ какъ металлъ имѣетъ общую, т.-е. всѣми одинаково признаваемую стоимость). Далѣе интересно и то, какова была и сама чеканка монетъ: если народъ умѣлъ самъ чеканить и притомъ хорошо чеканить монету, значитъ народъ этотъ въ эту пору успѣлъ уже достигнуть извѣстной образованности. Напримѣръ, у насъ, въ Россіи, до Петра I или совсѣмъ не было своихъ денегъ (ходили иностранныя монеты, и на нихъ вычеканивалось только маленькое изображеніе русскаго герба), или, если и были свои деньги, то мелкія, неправильной формы и некрасивыя. Между тѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ въ это самое время были уже красивыя монеты. Это показываетъ, что европейцы въ то время были много образованнѣе русскихъ. Кромѣ того, для исторіи важны самыя надписи и изображенія на монетахъ: по нимъ можно иногда опредѣлить, какіе и когда царствовали государи, и такимъ образомъ провѣрить другія извѣстія объ этомъ. Напримѣръ, въ русскомъ городѣ *Керчи* (на проливѣ Керченскомъ у Азовскаго моря) есть музей, куда собираютъ разныя вещи и, между прочимъ, древнія монеты, находимыя въ землѣ около Керчи. Монеты эти греческія, а это доказываетъ, что въ этомъ мѣстѣ очень давно (гораздо болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ) жили греки. По тѣмъ же монетамъ можно узнать имена и годы правленія нѣкоторыхъ греческихъ царей. Еще примѣръ: въ мерянскихъ могилахъ находили арабскія монеты, значитъ — меряне имѣли торговыя сношенія если не прямо съ арабами, то съ другими народами, которые жили ближе къ мерянамъ и торговали уже прямо съ арабами.

Стало-быть, какъ постройки, такъ и всякіе остатки отъ старины *напоминаютъ* о древнихъ временахъ, сохраняютъ *память*

о нихъ, а потому и называются *памятниками* или иностраннымъ словомъ — *монументами*. Археологія такимъ образомъ *помогаетъ* узнать исторію какого-нибудь народа и потому называется *вспомогательною наукою исторіи*. Но, кромѣ археологіи, исторія пользуется еще и другими пособиями при разсказѣ о прошломъ. Изъ нихъ главные: *хронологія*, *генеалогія* и *географія*.

Хронологія, т.-е. времясчисленіе (отъ греческаго слова „хрѣнось“ — время) очень важна для исторіи. Мало знать, что такія-то событія были; надо еще знать, *когда* они были, чтобы не перепутать ихъ порядкомъ. Счетъ годовъ не у всѣхъ народовъ велся отъ одного начала. Теперь мы, русскіе, какъ и всѣ европейцы, считаемъ годы отъ Рождества Христова, но этотъ счетъ ввелся у насъ только при Петрѣ I съ 1700 года. До этого времени — годы считались отъ сотворенія міра; по этому счету отъ сотворенія міра до Р. Х. прошло 5508 лѣтъ: стало-быть, на примѣръ, 1887-й годъ отъ Р. Х. будетъ — годъ или „лѣто“ 7395 отъ сотворенія міра. Турки и всѣ магометане ведутъ счетъ опять по-иному, а именно съ 622 года по Р. Х.*) Событіе, съ котораго начинается лѣтосчисленіе какого-нибудь народа, называется *эра*; отсюда говорятъ: такой-то годъ христіанской, магометанской эры и т. д. Годъ или нѣсколько годовъ, особенно памятныхъ по какому-нибудь важному событію, составляютъ *эпоху*, а время, протекшее отъ одной такой эпохи до другой, называется *періодомъ*. На примѣръ, нашествіе татаръ въ 1236 году составляетъ извѣстную тяжелую эпоху въ русской исторіи; освобожденіе отъ татарскаго ига — другая важная эпоха, а тѣ 250 лѣтъ, которыя прошли между этими двумя эпохами, составляютъ періодъ татарскаго владычества, или, короче, *татарскій періодъ русской исторіи*.

Генеалогія — тоже слово греческое („гѣнось“ — родъ) и значить *родословіе*. Генеалогія разыскиваетъ и опредѣляетъ родъ, т.-е. рожденіе или происхожденіе государей (кто былъ чей сынъ, кто были его предки). Въ исторіи родъ или поколѣніе государей называется *династія*. У насъ теперь съ 1613 года царствуетъ родъ, домъ или династія *Романовыхъ*, а до 1613 года, въ продолженіе почти восьми столѣтій, сперва „княжила“, а потомъ „царствовала“ династія *Рюриковичей*, т.-е. потомство Рюрика. Знать всѣхъ по порядку предковъ нашего, теперь царствующаго, государя, начиная отъ перваго изъ Романовыхъ, Михаила Θεодоровича, значить знать генеалогію или родословную дома Романовыхъ.

*) Магометане ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ 26 іюля 622 г., отъ того дня, когда основатель магометанства *Махамедъ* (или по другому произношенію *Магометъ*) бѣжалъ отъ преслѣдованій изъ своего родного города Мекки (въ Аравіи); магометане считаютъ это наиболѣе достовѣрнымъ фактомъ изъ жизни своего пророка. С. М.

Географія (или землеописанія, по-гречески „ге“ означаетъ — земля, „графо“ — описываю) также очень важное пособіе для исторіи, потому что природа страны (т.-е. климатъ, гористая или плоская форма поверхности, близость или отдаленность отъ моря, береговая линія и пр.) оказываетъ большое вліяніе на характеръ народа, на его образъ жизни и на всю его судьбу.

Народы, живущіе въ различныхъ *климатахъ*, живутъ различно, и бывають во многомъ несходны между собою. Тамъ, гдѣ слишкомъ жарко, напр. подъ тропиками, въ центральной Африкѣ, люди рѣдко достигаютъ высокой степени образованія, потому что чрезмѣрный жаръ расслабляетъ человѣка, дѣлаетъ его неспособнымъ къ напряженному труду, особенно къ умственнымъ занятіямъ. Наоборотъ, и другая крайность — чрезмѣрный холодъ — также не благоприятна для развитія. Въ полярныхъ странахъ какому-нибудь эскимосу некогда думать объ образованіи. У него одна забота — добыть себѣ пищу звѣриной ловлей (земледѣліе тамъ невозможно), а послѣ звѣриной охоты — тепло: какъ бы закутаться потеплѣе, да завалиться спать у огня въ своемъ курномъ жилищѣ; въ безконечныя полярныя ночи, которыя продолжаются чуть не цѣлые полгода, неудобно учиться и заботиться о своемъ образованіи. Ясно, стало-быть, что климатъ, наиболѣе благоприятный для успѣховъ развитія, есть климатъ средней или умѣренный, какъ въ большей части Европы.

Форма поверхности также имѣетъ вліяніе на характеръ народа, на его образъ жизни и судьбу. Жители горъ, напримѣръ, съ дѣтства привыкають бороться съ опасностями и преодолевать естественныя препятствія (пропасти, неприступныя скалы, вѣчныя снѣга, ледники и т. д.), которыми окружаетъ ихъ суровая, горная природа ихъ родины. Подъ вліяніемъ этой природы и постоянной борьбы съ ней складывается *народный* характеръ *горцевъ*: эта постоянная борьба *закаляетъ* ихъ, дѣлаетъ смѣлыми и воинственными (таковы, напримѣръ, черногорцы, черкесы); зато *горцы* рѣдко бывають очень образованы, по крайней мѣрѣ они обыкновенно позднѣе другихъ народовъ достигаютъ образованія и медленно подвигаются впередъ. Это зависитъ отъ того, что горы мѣшаютъ имъ ходить къ сосѣдямъ, знакомиться съ другими народами, видѣть и перенимать у нихъ новое, т.-е. что-нибудь такое, до чего они не успѣли додуматься сами. Жители равнинъ не знаютъ этихъ природныхъ преградъ, а потому обыкновенно ранѣе начинаютъ заниматься земледѣліемъ, строить города, сносятся съ другими народами и чрезъ то становятся образованными гораздо ранѣе, чѣмъ жители странъ горныхъ.

Что касается *очертанія береговъ*, то очень важно: 1) какъ глубоко (если страна приморская) море врѣзывается въ землю, 2) насколько удалены отъ моря внутреннія части страны. Если море врѣзывается въ землю глубокими, удобными, закрытыми отъ вѣтровъ, заливами, то народъ этой страны непременно полюбитъ море, и у него со временемъ разовьется дѣятельное мореходство. Мореходство же познакомитъ его съ другими народами, у которыхъ можно перенять многое новое и хорошее. Такой народъ, вслѣдствіе сообщеній съ иностранцами („умъ хорошо, а два лучше“, говоритъ пословица), сдѣлается образованнымъ раньше другихъ народовъ, отдаленныхъ отъ моря и живущихъ одинокою, замкнутою жизнью. Вотъ почему въ Европѣ нѣтъ ни одной великой державы, которая бы не владѣла моремъ или хотя частью моря, и во всѣ времена исторіи особенно могущественными были народы, господствовавшіе на моряхъ (какъ, напр., теперь Англія).

Разительнымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго можетъ служить *Китай*. Орошеніе Китая прекрасное: двѣ большія рѣки и много меньшихъ. Почва очень плодородная; потому народъ, поселившійся здѣсь, долженъ былъ рано выучиться земледѣлію и рано сдѣлаться осѣдлымъ, а осѣдность, какъ мы уже знаемъ, есть первое, и самое необходимое условіе для успѣховъ образованія. Съ осѣдлостію являются города, торговля, промышленность и т. д. Благодаря плодородію почвы и хорошему климату, китайскій народъ долженъ былъ разбогатѣть, потому что богатство также не послѣднее условіе для успѣховъ образованія: народъ бѣдный все время и силы тратитъ на черный трудъ ради одного насущнаго хлѣба; ему некогда думать о пищѣ духовной, о наукѣ или искусствѣ. Но при всѣхъ остальныхъ, столь выгодныхъ условіяхъ, *границы* Китая очень невыгодны. На сѣверѣ — бесплодная монгольская степь, гдѣ живутъ племена кочующія и полудикія. Это очень невыгодно, потому что у дикихъ кочевниковъ выучиться нечему, а, наоборотъ, нужно обороняться отъ ихъ грабежей и набѣговъ. Для этой цѣли китайцы и выстроили „великую“ каменную стѣну. Западные границы Китая тоже не очень выгодны: тамъ лежатъ природныя стѣны — высочайшія въ мірѣ горныя плоскости, за которыя трудно пробираться*). На югѣ опять естественная преграда — неприступныя горы Гималайскія (самое имя ихъ обозначаетъ „снѣжныя палаты“)**). Такимъ образомъ съ трехъ сторонъ

*) Тамъ въ маѣ мѣсяцъ бываютъ морозы до 25°, а въ іюлѣ случаются сильныя снѣжныя метели.

**) Средняя высота Гималайскихъ горъ равняется 6941 метрамъ, т.-е. около 6 верстѣ; многочисленныя же вершины ихъ значительно выше этой линіи.

Китай оказывается какъ бы отрѣзаннымъ отъ остального міра. Съ четвертой, на востокѣ, новая преграда — бозбрежный океанъ, который не могъ послужить хорошей школой мореплаванія и приохотить къ сообщенію съ другими народами, какъ было бы, если бы вмѣсто океана здѣсь было море, менѣе обширное и притомъ покрытое частыми островами (какъ, напримѣръ, Архипелагъ).

Какія же были послѣдствія такого географическаго положенія? Разобщеніе со всѣмъ остальнымъ міромъ, отчужденіе отъ другихъ народовъ и застои. Благодаря прекраснымъ климатическимъ условіямъ, въ Китаѣ рано народилось многочисленное населеніе, рано началась осѣдая жизнь, гораздо ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, устроился правильный государственный порядокъ, законы правительство и прочее. Рано выучились китайцы воздѣлывать землю, проводить каналы и даже сдѣлали нѣкоторыя очень важныя изобрѣтенія (азбука, книгопечатаніе, порохъ, компасъ). Но эти изобрѣтенія остановились на полдорогѣ и не усовершенствовались, не такъ, какъ у европейскихъ народовъ, которые начали образовываться гораздо псзже китайцевъ, а между тѣмъ далеко опередили ихъ, потому именно, что сообщаются между собою, учатся другъ отъ друга. Китайцы изобрѣли порохъ, а между тѣмъ артиллерія и военное искусство у нихъ и до послѣдней поры находились въ очень жалкомъ положеніи (драконы на знаменахъ и мундирахъ, деревянные размалеванныя крѣпости и т. д., которыми они думали испугать врага)*). Они изобрѣли азбуку, но не упростили ея, какъ европейцы. У насъ всего 25—30 буквъ, посредствомъ которыхъ мы можемъ передать на письмѣ все, что угодно, а у китайцевъ нѣсколько тысячъ**) (сколько, стало-быть, нужно труда и времени, чтобы выучиться только писать и читать!). Мало зная и мало желая знать, что дѣлается у другихъ народовъ, китайцы сдѣлались очень надменны: они называютъ свою страну „небесной имперіей“, своего государя „сыномъ неба“, а себя считаютъ „первымъ народомъ въ мірѣ“. Только немногіе, самые умные изъ нихъ, сознаютъ, что китайскій народъ остановился и, остановившись, отсталъ отъ другихъ. „Государство наше“, сказала одинъ умный китаецъ, „можно сравнить съ колесницею, которая катитъ вѣчно все по одной и той же дорогѣ“.

*) Въ послѣднее время китайцы начали покупать у европейцевъ пушки, заказывать пароходы, поручать иностраннымъ инженерамъ постройку своихъ крѣпостей — но все это пока чужое, не свое.

**) Въ китайскомъ языкѣ нѣтъ алфавита, а каждое слово его изображается при письмѣ особымъ знакомъ.

РАЗСКАЗЪ III.

Народы историческіе и неисторическіе. — Евреи. — Патриархальный бытъ.

Теперь мы знаемъ, что такое исторія, какими она пользуется источниками, какія у нея есть вспомогательныя науки. *Съ чего же, съ какого народа начнемъ мы изученіе исторіи рода человеческого?* Прежде всего замѣтимъ, что далеко не у всѣхъ народовъ, какіе есть на землѣ, есть непременно исторія. Есть такіе народы, въ жизни которыхъ не происходитъ почти никакихъ перемѣнъ, никакихъ улучшеній, ничего новаго, не замѣчается никакого движенія впередъ — *прогресса* (слово латинское и означаетъ: шагъ впередъ). И теперь они живутъ, какъ жили нѣсколько столѣтій тому назадъ, какъ напр. нѣкоторыя кочевыя племена (самоѣды, калмыки, киргизы, готтентоты и др.), которыя до сихъ поръ не имѣютъ ни постоянныхъ жилищъ, ни городовъ, ни сель, но съ своими подвижными кибитками, табунами и стадами порекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, совершенно все такъ же, какъ сто, двѣсти и болѣе лѣтъ тому назатъ. Можно описать разъ навсегда *бытъ*, т.-е. образъ жизни такихъ народовъ, но затѣмъ *исторіи* ихъ бытъ не можетъ, какъ не можетъ быть и біографіи человѣка, который живетъ изо дня въ день, безъ всякой перемѣны: сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня и т. д. Изъ этого видно, что исторію имѣютъ не всѣ народы, а только такіе, въ жизни которыхъ происходитъ движеніе впередъ или *прогрессъ*. Отсюда — дѣленіе народовъ на *историческіе* и *неисторическіе*.

Неисторическіе народы *своей* исторіи не имѣютъ, но объ нихъ приходится иногда упоминать въ исторіи *другихъ* народовъ: необразованные народы могутъ иногда имѣть *отрицательное* вліяніе на своихъ сосѣдей, т.-е. мѣшать ихъ успѣхамъ, задерживать ихъ на пути прогресса на болѣе или менѣе долгое время. Таково было вліяніе на русскую исторію *татаръ*, вторгавшихся нѣсколько разъ въ Россію изъ своихъ азіатскихъ степей и два съ половиной столѣтій господствовавшихъ надъ русской землей. Татарскій погромъ и татарское господство задержали развитіе образованности, которая до татаръ было началась на Руси. Татары были такимъ образомъ причиною того, что древняя Русь отстала въ образованіи отъ другихъ народовъ, которымъ не пришлось, какъ русскимъ, такъ долго вести борьбу съ дикою степью.

Итакъ, исторія изучаетъ главнымъ образомъ жизнь народовъ историческихъ. Какой же историческій народъ выберемъ мы для перваго знакомства нашего съ исторіей? Для начала, *припомнимъ* нѣчто объ одномъ народѣ, съ которымъ вы уже знакомы еще съ перваго класса изъ уроковъ Закона Божія — о *народѣ еврейскомъ*.

Еврейскій народъ замѣчателенъ тѣмъ, что 1) онъ одинъ во всемъ древнемъ мірѣ вѣровалъ во *Единого, Истиннаго Бога*, и 2) у этого народа сохранились свѣдѣнія о самыхъ отдаленныхъ временахъ его исторіи, и по этимъ свѣдѣніямъ можно прослѣдить, какъ этотъ народъ произошелъ, какъ онъ *сложился въ народъ*.

Евреи, какъ вы знаете, ведутъ свое начало отъ *Авраама*, сына *Тарры*. Авраамъ же, прежде чѣмъ сдѣлался родоначальникомъ евреевъ, принадлежалъ къ народу, жившему въ его время въ плодотворной низменности между *Тигромъ* и *Евфратомъ* (*Месопотамія*, т.-е. междурѣчье) и пришедшему сюда съ сѣвера, съ армянской возвышенности. Народъ этотъ принадлежалъ къ *семитическому* племени*). Спустившись съ *Армянскихъ горъ*, это племя разселось по разнымъ мѣстамъ (одни въ Месопотаміи, другіе на Аравійскомъ полуостровѣ, третьи на восточномъ берегу Средиземнаго моря, четвертые на Малоазіатскомъ полуостровѣ и т. д.) и образовало нѣсколько разныхъ народовъ. Когда Авраамъ жилъ въ Месопотаміи, его соплеменники были идолопоклонниками, и онъ одинъ только вѣровалъ въ Единого Бога. Это заставило Авраама выселиться вмѣстѣ съ *Лотомъ, братаничемъ* (племянникомъ) своимъ изъ этой страны. Забравъ своихъ рабовъ (въ томъ числѣ своего любимца и довѣрпаго *Елезара*), свой скотъ и все имущество они пошли на западъ черезъ Сирійскую пустыню (отъ Евфрата до горъ Ливанскихъ) и поселились ближе къ Средиземному морю въ странѣ *Кенаанъ* или *Ханаанъ* (значить: „низменная страна“, теперешняя Палестина). Изъ книги *Бытія****) мы знаемъ, что на новомъ мѣстѣ Аврааму приходилось, во-первыхъ, переходить съ одного мѣста на другое, во-вторыхъ, то ссориться, то заключать договоры съ мелкими сосѣдними царями. Ссоры выходили большею частію

*) Племя это такъ называется, потому что ведетъ родъ свой отъ сына Ноева *Сима* (по другому произношенію *Сема*).

**) Книга *Бытія* — одна изъ пяти книгъ Моисея, составляющихъ содержаніе перваго отдѣла Вѣтхаго Завѣта въ Библии. Библией же называется собраніе книгъ, написанныхъ по вдохновенію и откровенію Св. Духа черезъ освященныхъ отъ Бога людей — пророковъ и апостоловъ. Библия раздѣляется на два отдѣла — Вѣтхій Завѣтъ и Новый Завѣтъ. Къ первому принадлежатъ книги, написанныя въ дохристіанское время на еврейскомъ языкѣ и чтимыя священными какъ у евреевъ, такъ и у христіанъ; ко второму принадлежатъ книги, написанныя апостолами и евангелистами. С. М.

изъ-за пастуховъ, которые спорили между собою то за пастбища, то за водопой для скота. Изъ книги же Бытія мы узнаемъ, что такія ссоры между пастухами заставили Авраама разойтись и со своимъ племянникомъ Лотомъ, но что это не помѣшало ему заступиться за племянника, когда Лоть попалъ въ плѣнъ къ одному мелкому ханаанскому царю. „Услышалъ Авраамъ“, сказано въ книгѣ Бытія, „что Лоть, сродникъ его, взятъ въ плѣнъ; онъ вооружилъ рабовъ своихъ, рожденныхъ въ домѣ его, триста восемнадцать, и погнался за пепріателемъ. И напалъ на нихъ ночью, самъ и рабы его, и возвратилъ Лота, сродника своего, и все имущество его, также и женщинъ и народъ [его]“.

Если мы повнимательнѣе взглянемъ въ жизнь Авраама, какъ она описывается въ Библии, то замѣтимъ въ ней двѣ особенности. Первая особенность та, что Авраамъ, хотя и живетъ въ одной странѣ, но не остается въ одной и той же мѣстности: то въ одномъ мѣстѣ разбиваетъ онъ свои многочисленныя палатки, то снимается со всѣмъ людомъ своимъ и стадами и *перекочевываетъ* на другое мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи Авраама, въ Библии очень часто упоминается о такихъ переходахъ. „И *прошелъ* Авраамъ по землѣ до Сихема, до дубравы Морѣ“; далѣе: „*двинулся* къ горѣ на востокъ отъ Виеиля“; еще далѣе: „и *поднялся* Авраамъ и продолжалъ итти къ югу“. Одинъ разъ читаемъ даже: „былъ голодь въ той землѣ, и сошелъ Авраамъ въ *Египетъ* пожить тамъ, потому что усилился голодь въ землѣ той“. Отчего же происходили эти частыя странствованія? Оттого, что Авраамъ имѣлъ большія стада и занимался скотоводствомъ, а не земледѣіемъ; точно также этимъ занимались и Лоть и всѣ сосѣди, всѣ племена, жившія въ ту пору въ Ханаанѣ. Такъ бывало и у всѣхъ народовъ въ самую первую, раннюю пору ихъ жизни. Умѣнье и навыкъ обрабатывать землю является позднѣе, а сначала всѣ народы занимались скотоводствомъ или, если земля для скотоводства неудобна, — звѣриной ловлей, охотой (вспомните Исава, брата Иакова), а скотоводство и звѣриная ловля поневолѣ заставляютъ *кочевать*, т. - е. переходить съ мѣста на мѣсто. Иначе и быть не можетъ: чѣмъ больше стада, тѣмъ больше нужно корма — травы; когда съѣдена вся трава на одномъ мѣстѣ, приходится перегонять стада на другое мѣсто, затѣмъ — опять на другое и такъ далѣе, а за стадами, поневолѣ, слѣдуютъ и люди, снимаютъ шатры и — *перекочевываютъ*.

Другая особенность въ томъ, что Авраамъ *ведетъ войны*; онъ имѣетъ такъ много слугъ, что у него можетъ составить небольшое войско; съ этимъ войскомъ онъ разбиваетъ одного сосѣдняго царя, а съ другимъ царемъ заключаетъ мирный договоръ. Въ наше время объявлять войну, заключать мирныя договоры

могутъ только государя, а Авраамъ, мы знаемъ, не былъ государемъ, у него не было государства, не было народа, не было даже опредѣленныхъ владѣній. Авраамъ *не* былъ государь, но онъ былъ *родоначальникъ* или по-гречески — *патріархъ*. Чтобы понять, что такое родоначальникъ, надобно имѣть понятіе о *родовомъ бытѣ*, какимъ жили и Авраамъ, и Лотъ, и потомки ихъ, и ихъ сосѣди, и почти всѣ люди того времени: всѣ они жили *не народами*, какъ теперь, а *родами*.

Какъ же произошелъ родъ? Въ то время, если у одного отца было нѣсколько взрослыхъ сыновей, семейство не раздѣлялось, не распадалось на отдѣльные, самостоятельныя семьи, изъ которыхъ каждая бы жила отдѣльно, сама по себѣ, какъ бываетъ теперь у насъ: когда вырастутъ дѣти — сыновья женятся, дочери выходятъ замужъ, и живутъ особо, каждый своимъ домомъ. Въ ту пору, когда люди жили родовымъ бытомъ, бывало не такъ: взрослые сыновья, женившись, продолжали жить всѣ вмѣстѣ подъ властью, *подъ началомъ* отца, и составляли одинъ *родъ*. Если отецъ умиралъ, родъ опять-таки *не распадался*: мѣсто отца, начальника рода, заступалъ его старшій сынъ, который, какъ говорилось въ старину у насъ, русскихъ, для остальныхъ братьевъ и ихъ дѣтей становился „въ отца мѣсто“. Члены рода или „родичи“ обыкновенно повиновались ему, такъ именно, какъ дѣти повинуются отцу. Какъ въ семейной жизни, на примѣръ, отецъ рѣшаетъ споры между дѣтьми и бываетъ судьей между ними, такъ въ то давнее время родоначальникъ былъ судьей для цѣлаго рода: его слово было свято для всѣхъ родичей, какъ слово отца; его приговору подчинялись безпрекословно, какъ приговору отца; все, что дѣлалось въ родѣ, дѣлалось съ его согласія, потому что онъ былъ всѣмъ „вмѣсто отца“.

Но иногда родъ слишкомъ размножался; становилось тѣсно и неудобно жить вмѣстѣ: тогда родичи уговаривались разойтись, и родъ дѣлился на *два*, которые продолжали жить попрежнему, но уже на разныхъ мѣстахъ и подъ властію не одного, а двухъ родоначальниковъ. Мы видѣли примѣръ такого раздѣленія одного рода на два: раздѣлъ Авраама съ Лотомъ; мы видѣли, какъ каждый изъ нихъ съ дѣтьми и имуществомъ, стадами, рабами и рабынями идетъ въ свою сторону; *вмѣсто одного рода съ однимъ родоначальникомъ* являются *два* рода, и у каждаго рода — свой отдѣльный родоначальникъ. Бывало и наоборотъ: роды, жившіе отдѣльно, но неподалеку одинъ отъ другого, естественно должны были знакомиться, заводить сношенія между собой. Сношенія бывали, какъ мы уже видѣли въ исторіи Авраама, то *враждебныя*, то *дружескія*,

пріязненныя. Ссоры, какъ мы видѣли, могли случаться иногда отъ причинъ, по-нашему, неважныхъ, и бывали какъ между членами одного и того же рода, такъ и между членами двухъ разныхъ родовъ. Если ссорились между собою два родича одного и того же рода — дѣло рѣшалось приговоромъ родоначальника; если ссорившіеся принадлежали не къ одному роду, то для рѣшенія спора вступались родоначальники обоихъ родовъ. Если случалось *убійство*, если членъ одного рода бывалъ убитъ кѣмъ-нибудь изъ другого рода, то *всѣ родичи убитаго* считали своимъ долгомъ отмстить кровью за кровь убитаго родича; тогда начиналась кровавая *родовая мсть*, загоралась вражда между цѣлыми родами (поздѣе, когда нравы нѣсколько смягчились, мѣсто кровавой мести заступила извѣстная денежная плата за убитаго — его роду)*).

Но не все же бывали ссоры и вражда между родами: могли завязываться и другія отношенія, дружескія, пріязненныя. Если роды жили не очень далеко одинъ отъ другого, ихъ могли сближать — одинъ общій *языкъ*, одна общая *религія*, общія привычки или *обычаи* и т. д. Люди разныхъ родовъ могли сходиться вмѣстѣ для общаго богослуженія, то-есть для принесенія жертвъ общимъ богамъ; за жертвоприношеніемъ всегда слѣдовало общее празднество, общій пиръ, съ разными, тому времени свойственными, забавами, какими бывали, напримѣръ, игры, пѣсни, богатырская борьба и т. п. Какъ есть племена, которыя до сихъ поръ ведутъ кочевую жизнь и живутъ родовымъ бытомъ, отдѣльными родами (напримѣръ у насъ въ заволжскихъ степяхъ — киргизы, калмыки), такъ и наши русскіе предки нѣкогда, давнымъ-давно, лѣтъ за тысячу и еще далѣе, тоже жили отдѣльными родами. Люди родовъ, жившихъ близко одинъ къ другому, сходились на *игрища межи* (между) *селы*, какъ рассказываетъ о томъ нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ (память такихъ сходокъ для игрищъ сохранилась въ *хороводахъ* нашихъ крестьянъ, на которые въ нѣкоторые праздники собирается молодежь изъ нѣсколькихъ деревень, какъ сходились нѣкогда для „игрищъ межи селы“ молодые люди нѣсколькихъ родовъ). Завязывались отношенія еще болѣе близкія: на игрищахъ молодые люди изъ различныхъ родовъ, молодые парни и дѣвушки, знакомились; знакомства вели къ женитьбѣ, къ бракамъ**).

*) Эта денежная плата существовала и у славянъ нашихъ предковъ; называлась она *вира*. И до сихъ поръ, даже въ Европѣ, сохранился народъ, у котораго остались слѣды стараго обычая кровавой мести, это именно *корсиканцы*. У нихъ она называется *вендетта* и иногда, до сихъ поръ, губить цѣлыя семьи. Таковы же и *албанцы*. С. М.

**) Прочтите въ *дополненіяхъ* одну изъ *хороводныхъ* пѣсней, которая своимъ содержаніемъ напоминаетъ о глубокой старинѣ.

Браки въ родовомъ быту происходили обыкновенно тремя способами: или *похищеніемъ* („умыканіемъ“, какъ выражается Песторъ), или *уговоромъ*, или, наконецъ, *покупкою*. Къ похищенію прибѣгали обыкновенно въ томъ случаѣ, если роды жили не въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Молодой человѣкъ, которому правилась дѣвушка изъ чужого рода, старался заставить ее гдѣ-нибудь вдаль отъ ея села или одну, или съ немногими подругами, и увозилъ ее къ себѣ, въ свой родъ. До сихъ поръ одинъ обычай, теперь еще соблюдаемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи на крестьянскихъ свадьбахъ, напоминаетъ о похищеніи невѣстъ въ родовомъ быту. Передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу, женихъ со всѣми поѣзжанами съ своей стороны пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты. Они будто силой хватаютъ невѣсту, сажаютъ ее въ сани или въ телѣгу и во всю мочь мчатъ вонъ изъ села. Родные и поѣзжане невѣсты пускаются въ погоню; въ заранѣ условленномъ мѣстѣ обѣ стороны останавливаются, и происходитъ притворная драка. Дѣло кончается тѣмъ, что женихъ выдаетъ противной сторонѣ *нѣсколько денегъ*. Послѣ этого оба поѣзда вмѣстѣ мирно отправляются въ церковь — къ вѣнцу. Теперь это, конечно, не болѣе, какъ обрядъ, который какъ будто даже не имѣетъ смысла, но въ этомъ обрядѣ сохранился отголосокъ глубокой старины, остатокъ чего-то такого, что когда-то давно, очень давно, было совершенно *серіознымъ дѣломъ**). Путемъ *уговора* браки бывали у такихъ родовъ, которые жили въ дружескихъ сношеніяхъ между собою, и *нравы* которыхъ были уже *мягче*. О такомъ сговариваніи между собою молодыхъ людей также сохранилось воспоминаніе въ нашихъ хороходныхъ пѣсняхъ, общее содержаніе которыхъ большею частью одно и то же и относится къ женитьбѣ. Наконецъ, и слѣды покупки невѣстъ уцѣлѣли до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ обычаяхъ или, по крайней мѣрѣ, поговоркахъ какъ у крестьянъ, такъ кой-гдѣ даже и въ среднемъ сословіи. До сихъ поръ можно услышать, что свать или сваха, являясь съ предложеніемъ къ родителямъ невѣсты, говорятъ: „у васъ товаръ, а у насъ купецъ“. Въ настоящее время всякій знаетъ, что невѣста — не товаръ, женихъ невѣсты не покупаетъ, что очень часто, напротивъ, женихъ самъ беретъ приданое за невѣстой. Но въ словахъ свахи слышится опять отголосокъ отдаленной старины, когда было не такъ, какъ теперь, когда дѣвушка была на самомъ дѣлѣ товаромъ, который надобно было *купить*.

Мы легко поймемъ это, если всмотримся въ условія тогдашняго быта. Дѣвушка выросла; она исполняетъ извѣстное дѣло въ домѣ,

*) Эти остатки древняго быта въ современной жизни называются *переживаниями* или *пережитками*.

несеть известную долю домашнихъ работъ въ семьѣ; она — работница. Такъ и до сихъ поръ смотрять на взрослую дѣвушку въ деревенскомъ быту. Но вотъ членъ другого рода сватается, уводитъ работницу къ себѣ, въ свой родъ; стало-быть, у одного рода въ общемъ итогѣ происходитъ *убыль* рабочихъ силъ, у другого, напротивъ, оказывается *прибыль*. За эту-то прибыль и требовалось вознаграждать родъ, изъ котораго выходила невѣста; потому женихъ долженъ былъ договориться и по договору заплатить въ родъ невѣсты вознагражденіе, которое состояло сначала изъ скота, потомъ изъ денегъ. У насъ теперь, какъ замѣчено выше, дѣлается наоборотъ: женихъ получаетъ за невѣстой приданое; но у народовъ, доселѣ живущихъ родовымъ бытомъ, напр. у татаръ, киргизовъ, калмыковъ, за невѣсту до сихъ поръ еще платится такъ называемый *калымъ*, который, смотря по богатству жениха, иногда состоитъ изъ нѣсколькихъ барановъ, иногда доходить до тысячи рублей и больше. У нашихъ предковъ такой калымъ въ глубокой древности назывался *врно*.

Сближаясь и родясь между собою такимъ путемъ болѣе и болѣе, нѣкоторые роды могли, наконецъ, сливаться, соединяться въ одно цѣлое, и тогда образовывался *народъ*. Укажемъ на главныя причины, которыя могли вести къ такому сліянію или соединенію родовъ. Во-первыхъ, иногда случалось такъ, что въ одномъ какомъ-нибудь родѣ родоначальникъ отличался замѣчательными личными качествами, напримѣръ, умѣнемъ умно и справедливо рѣшать спорныя дѣла или искусствомъ предводительствовать на войнѣ, храбростью и т. п. Слава его расходилась между другими сосѣдними родами, особенно, если родоначальники другихъ родовъ не могли похвалиться ни находчивостью на судѣ, ни мужествомъ и военнымъ искусствомъ въ полѣ. Тогда известность талантливаго родоначальника росла, и остальные роды мало-по-малу приходили къ убѣжденію, что для нихъ будетъ лучше соединиться подъ властію мудраго родоначальника, и дѣйствительно соединялись. Случалось и такъ, что, живя отдѣльно отъ другихъ, самъ по себѣ, каждый отдѣльный родъ чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, особенно, если часто приходилось отбиваться отъ сильныхъ непріятелей. Жили, положимъ, десять родовъ, и въ каждомъ было по двѣсти человѣкъ. Нападалъ непріятель съ войскомъ въ 1000 человѣкъ; взятый порознь, каждый родъ былъ впятеро слабѣе непріятеля, но всѣ десять родовъ, взятые вмѣстѣ, оказывались вдвое сильнѣе непріятеля. Ясно, что въ такомъ случаѣ, ради безопасности, ради болѣе успѣшной обороны отъ враговъ, менѣе сильнымъ и менѣе многочисленнымъ родамъ

было выгоднѣе соединиться вмѣстѣ. Бывало, наконецъ, такъ, что одинъ родъ, благодаря какимъ-нибудь благопріятнымъ обстоятельствамъ, особенно усиливался, разрастался и подчинялъ себѣ нѣсколько другихъ родовъ.

Когда такимъ образомъ нѣсколько родовъ соединялись подъ одною общею властію, тогда уже являлся *народъ*, являлось *государство*. Что же такое народъ? Народъ составился изъ *соединенія множества родовъ, живущихъ подъ единою властію и повинующихся одному правленію*. Эта власть, которая всеми управляетъ, которой все повинуются, называется *правительствомъ*. Съ различнымъ устройствомъ правительства, какое въ разныя времена бывало у различныхъ народовъ, вы познакомитесь послѣ — постепенно, когда будете проходить исторію этихъ народовъ. Теперь же возвратимся къ исторіи Авраама и его рода.

РАЗСКАЗЪ IV.

Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ. — Переселеніе въ Египетъ. — Природа Египта. — Искусственное орошеніе.

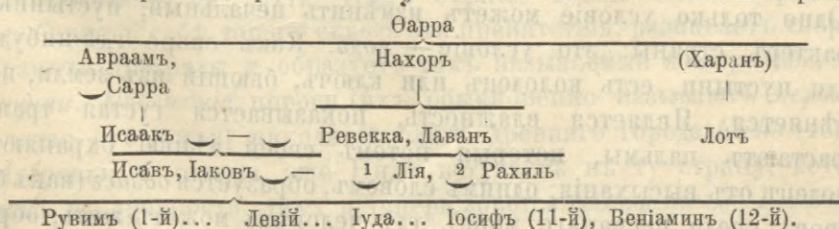
Передъ смертію своею Авраамъ женилъ своего сына *Исаака* на своей племянницѣ *Ревеккѣ*. Вы, конечно, помните, что высваталъ ее по порученію Авраама его довѣренный и любимый рабъ *Елеазаръ*. Въ наше время было бы, конечно, странно, если бы сватовство довѣрили слугѣ, но здѣсь вы встрѣчаетесь опять съ чертою родового быта, когда люди жили *запросто* („патріархально“, говоримъ мы и до сихъ поръ о такой жизни), когда рабъ ничѣмъ, ни по воспитанію, ни по образованію, не отличался отъ своего господина и потому легко могъ, если былъ ему преданъ, сдѣлаться его другомъ и довѣреннымъ лицомъ. По смерти Авраама родоначальникомъ становится сынъ его Исаакъ; онъ живетъ совершенно такъ же, какъ отецъ его Авраамъ: пасетъ многочисленныя стада, начальствуетъ надъ своимъ родомъ, иногда бываетъ поставленъ въ необходимость вступать въ борьбу съ царями сосѣднихъ племенъ. Женильба младшаго сына Исаака *Іакова* также переноситъ насъ въ родовой бытъ. Вы помните, что онъ женился на двухъ своихъ родственницахъ, сестрахъ *Лии* и *Рахили* и при этомъ, чтобы получить ихъ, *выслужилъ* за каждую по семи лѣтъ, пася стада тестя своего *Лавана*, т. е. онъ заплатилъ

за женъ своихъ *вѣно*, только не деньгами или скотомъ, а своею собственною службою. По смерти Исаака родъ дѣлится на двѣ части, на два отдѣльные рода: *Исавъ*, старшій изъ сыновей Исаака, предпочитаетъ покинуть мѣсто, гдѣ жилъ съ своимъ родомъ отецъ его, уходитъ на югъ, къ пустынѣ, и становится родоначальникомъ новаго рода, отъ котораго впослѣдствіи происходитъ цѣлый новый народъ — арабы (сыны Эдема). „И взялъ Исавъ женъ своихъ, и сыновей своихъ, и дочерей своихъ, и всѣхъ людей дома своего, и всѣ стада свои, и весь скотъ свой, и все имѣніе свое, которое онъ приобрѣлъ въ землѣ Ханаанской, и пошелъ въ *другую* землю отъ лица Іакова, брата своего, *ибо имѣніе ихъ было такъ велико, что они не могли жить вмѣстѣ, и земля странствованія ихъ не вмѣщала ихъ по множеству стада ихъ*“ (такъ разсказывается въ книгѣ Бытія). Другой сынъ Исаака, *Іаковъ*, продолжаетъ съ своимъ родомъ жить въ прежнихъ мѣстахъ, и въ его образѣ жизни также нѣтъ ничего особеннаго, новаго, пока въ исторіи еврейскаго рода не совершилось важное событіе, которое надолго измѣнило его дальнѣйшую судьбу.

Родъ Іакова размножился; у него было 12 сыновей*), но между ними не было полнаго братскаго согласія потому отчасти, что всѣ они происходили не отъ одной матери (это, между прочимъ, образецъ тѣхъ распрей, которыя могли возникать въ средѣ рода и вести иногда къ его распаденію). Изъ двухъ женъ, которыя были у Іакова, онъ особенно любилъ Рахиль, мать Іосифа и Веніамина; этихъ двухъ сыновей онъ предпочиталъ всѣмъ остальнымъ и особое довѣріе оказывалъ старшему, семнадцатилѣтнему Іосифу. „Іаковъ любилъ Іосифа болѣе всѣхъ сыновей своихъ, потому что онъ былъ сынъ старости его, и увидѣли братья его, что онъ любитъ его болѣе всѣхъ братьевъ; и возненавидѣли его, и не могли говорить съ нимъ дружелюбно“. Зависть заставила братьевъ рѣшиться на дурной поступокъ; они

*) Чтобы нагляднѣе видѣть и легче запомнить происхожденіе и потомство Авраама, мы можемъ изобразить его родословіе въ „генеалогической“ табличкѣ такимъ образомъ:

продали его, какъ мы знаемъ, каравану купцовъ, который проходилъ мимо ихъ пастбищъ въ Египеть, нагруженный стираксою (благовонная смола), бальзамомъ и ладаномъ. Это обстоятельство свидѣтельствуесть, между прочимъ, что уже въ то время между различными странами происходила торговля, и торговля эта была *караванная*, которая вамъ извѣстна изъ географіи. Вы помните изъ Священной исторіи, что случилось съ Іосифомъ въ Египтѣ, и какимъ образомъ злой поступокъ братьевъ сдѣлался поводомъ переселенія Іакова *со всѣмъ родомъ своимъ* въ новую страну — въ землю *Гесемскую* или *Госемскую въ Египтъ* (между устьемъ Нила и Чернымъ моремъ).

Теперь, прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшей судьбѣ евреевъ въ Египтѣ, познакоимся съ самой этой страной, гдѣ имъ довелось жить, и съ ея жителями; но еще прежде, чѣмъ говорить о жителяхъ и ихъ бытѣ, обратимъ вниманіе на *природу* страны. Вамъ извѣстно, что Египеть лежитъ въ сѣверо-восточной части Африки. Сѣверная Африка, за исключеніемъ немногихъ прибрежныхъ мѣстностей, есть огромная песчаная пустыня (какъ бы дно высохшаго моря) *Сахара*, гдѣ солнце нестерпимо палитъ, а дожди составляютъ величайшую рѣдкость.

На такой пустынѣ не могутъ развиваться растенія, не могутъ жить и животныя, не можетъ, и подавно, поселиться человѣкъ. Вы слышали, конечно, что африканскія песчанья пустыни сравниваютъ съ моремъ... Въ этомъ пустынномъ морѣ бывають свои бури, свои страшныя волненія: эти волненія возбуждаетъ вѣтеръ *хамсинъ*. Песокъ подымается массами на воздухъ, крутится, вихремъ переносится черезъ огромныя пространства и засыпаетъ все, что попадаетъ на его пути. Иногда такая буря застигаетъ караванъ и заноситъ его жгучимъ, раскаленнымъ пескомъ, такъ что послѣ, когда новая буря свѣетъ и разнесетъ песчаные холмы, подъ которыми былъ погребенъ караванъ, путешественники долго еще съ ужасомъ встрѣчаютъ бѣлѣющія цѣлыми грудями кости людей и верблюдовъ.

Одно только условіе можетъ измѣнить печальный, пустынный характеръ страны: это условіе — вода. Какъ скоро гдѣ-нибудь, среди пустыни, есть колодець или ключъ, бьющій изъ земли, все измѣняется. Является влажность, показывается густая трава, вырастають пальмы, которыя потомъ своей тѣнью охраняють колодець отъ высыханія; однимъ словомъ, образуется *оазисъ* (какъ бы островъ среди песчанаго моря), гдѣ человѣкъ можетъ жить, обрабатывать землю и находить пропитаніе для своего скота. Вотъ какія чудеса дѣлаетъ въ Африкѣ присутствіе воды!

Для сѣверо-восточной части Аѳрики нашлась въ изобиліи своя вода, нашелся постоянный источникъ благотворной влажности, и эта мѣстность превратилась мало-по-малу въ одну изъ самыхъ плодородныхъ, самыхъ благословенныхъ странъ свѣта. Эта вода — знаменитый *Ниль*; эта страна — *подарокъ Нила*, какъ говоритъ Геродотъ, — Египетъ. Рѣка Ниль — одна изъ длиннѣйшихъ рѣкъ, можетъ-быть, даже самая длинная рѣка въ мірѣ. До самаго послѣдняго времени оставалось неизвѣстнымъ, откуда Ниль беретъ свое начало. Въ древности о началѣ Нила ходили самыя баснословныя сказанія; одни говорили, напримѣръ, что Ниль течетъ изъ *рѣки Оксана*, обтекающей весь міръ, т.-е. вытекаетъ изъ одного моря и впадаетъ въ другое; другія сказанія, не менѣе баснословныя, хотя и напоминающія немного дѣйствительность, передавали, что Ниль вытекаетъ гдѣ-то далеко изъ озера, возлѣ котораго живутъ какіе-то черные волшебники маленькаго роста. Для древнихъ грековъ и римлянъ вопросъ объ истокахъ Нила остался неразрѣшеннымъ, такъ что даже говорили: „это все равно, что искать источниковъ Нила“, когда хотѣли сказать: „это значить — добиваться невозможнаго“. Теперь, благодаря неутомимымъ трудамъ и смѣлой предприимчивости цѣлаго ряда англійскихъ и нѣмецкихъ путешественниковъ, стало извѣстно, что Ниль вытекаетъ изъ великихъ озеръ въ центральной Аѳрикѣ. Начинаясь въ этихъ озерахъ, Ниль (у арабовъ онъ зовется теперь *Бахр-эль-Аббьядъ*, т.-е. бѣлая рѣка) долгое время протекаетъ по низменной странѣ и мало получаетъ вспомогательныхъ притоковъ до тѣхъ поръ, пока не приближается къ Абиссинской горной возвышенности; съ Абиссинскихъ горъ въ него стекаетъ очень большой многоводный притокъ (теперь онъ извѣстенъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ *Бахр-эль-Азрэка*, т.-е. темной рѣки), и пополняетъ его воды, оскудѣвшія отъ лучей палящаго солнца. Затѣмъ русло Нила пролегаетъ уже между каменными скалами, которыя тѣснятъ его справа и слѣва (это въ теперешней Нубіи), а иногда и совершенно закладываютъ ему путь. Ниль бурною силою своего стремленія пробиваетъ себѣ дорогу сквозь эти препятствія, разбиваетъ твердый гранитъ преграды и образуетъ такъ называемыя *катаракты*, т.-е. пороги. *Послѣдніе* пороги (ихъ обыкновенно называютъ *первыми*, считая отъ устья) находятся близъ древняго города *Сіене* (теперь *Ассуанъ*), и отсюда уже Ниль вступаетъ въ ту страну, которая какъ въ древности, такъ и теперь зовется *собственнымъ Египтомъ*. Здѣсь долина Нила расширяется, хотя и не болѣе, какъ на 15 верстъ (а иногда и значительно меньше); по правую сторону эта долина ограничена *Аравійскими* горами, а по лѣвую *Ливійскими*, за ко-

торыми уже начинается *Сахара* (въ древности ее называли *Ливія*, а по ея имени и всю Африку). Приближаясь къ морю, Ниль развѣтвляется и впадаетъ нѣсколькими рукавами (сначала, по всей вѣроятности, было одно устье, но середина постоянно засаривалась, заносилась пескомъ съ моря; мало-по-малу образовалось болото, а потомъ цѣлый островъ, похожій формою на четвертую букву греческой азбуки (*Δ*) и потому, какъ и эта буква, называемый *дельтой*).

Присутствіе воды, какъ мы сказали, вызываетъ жизнь среди африканскихъ песковъ: понятно, что на берегахъ Нила должна была явиться богатая растительность, а съ нею — населеніе. Но, помимо этого, Ниль имѣетъ еще одну особенность, которая должна была еще болѣе помочь развитію жизни на его берегахъ. Весною и въ началѣ нашего лѣта начинаются подъ экваторомъ продолжительные, непрерывные дожди въ странѣ нильскихъ озеръ; немного позже начинаютъ таять снѣга Абиссинскихъ горъ. Образуются повсюду ручьи и даже огромные потоки воды, которые понемногу всѣ стекаютъ въ Ниль. На своемъ пути, стекая съ возвышенности *Габешской* или Абиссинской, вода уноситъ съ собою много постороннихъ минеральныхъ и растительныхъ частицъ, между прочимъ красную глину и черный иль. Такимъ образомъ, рѣка все прибываетъ, растетъ, наконецъ выходитъ изъ береговъ и разливается. Прежде это явленіе замѣчается въ Нубіи, потомъ доходитъ и до Египта, гдѣ разливъ начинается обыкновенно въ половинѣ іюня, во время лѣтняго солнцеворота*). Явленіе это наступаетъ въ Египтѣ какъ разъ послѣ того, какъ закончился періодъ *хамсина*, знойнаго вѣтра Ливійской пустыни, который дуетъ непрерывно *семьдесятъ дней* и все заноситъ пескомъ и иссушаетъ своимъ, раскаленнымъ какъ печка, дыханіемъ**). Вода въ рѣкѣ становится мутной, потомъ принимаетъ на нѣкоторое время сперва зеленый, а затѣмъ темно-красный цвѣтъ и, постепенно возрастая, подымается отъ 15 до 20 футовъ выше обыкновеннаго уровня рѣки. Разливъ покрываетъ собою все низменное пространство, всю долину Нила и останавливается, только дойдя до горъ. Своей наибольшей высоты разливъ достигаетъ въ половинѣ сентября, затѣмъ недѣли двѣ остается на достигнутой высотѣ, потомъ начинаетъ убывать и постепенно

*) Лѣтнимъ солнцеворотомъ называется то время, когда день достигаетъ наибольшей своей продолжительности и затѣмъ идетъ уже на сокращеніе. С. М.

***) Какую массу песку приносятъ съ собою хамсинъ Сахары, видно изъ того, что многія громадныя зданія Египта, лежащія на окраинѣ Нильской долины и Ливійскихъ горъ, заносятся пескомъ (если ихъ не расчищаютъ постоянно) въ немного лѣтъ такъ, что не видать даже слѣдовъ ихъ!

спадаетъ. Рѣка входитъ въ прежнее русло и, подъ вліяніемъ сильныхъ тропическихъ жаровъ, постепенно мелѣетъ до слѣдующаго года, когда снова повторяется то же самое явленіе*).

На первый взглядъ такой періодическій разливъ можетъ представляться явленіемъ разрушительнымъ, гибельнымъ, но на самомъ дѣлѣ вода въ этомъ случаѣ является величайшимъ благодѣтелемъ человѣчества. Отецъ исторіи, Геродотъ, говоритъ, что Египетъ — *даръ Нила, его твореніе*, и это дѣйствительно такъ: безъ Нила Египетъ бы совсѣмъ не существовалъ, потому что дожди тамъ составляютъ величайшую рѣдкость, и вся необходимая для растительной и животной жизни влага дается *одною* только рѣкою**). Кромѣ того, мы уже сказали, что разливаясь Ниль приноситъ съ собой массы примѣшавшихся къ водамъ его глины и ила; когда вода сходитъ, этотъ илъ и эта глина покрываютъ все мѣсто разлива и, благодаря такому *естественному удобренію*, растительность развивается съ необыкновенной силой и быстротой. У насъ землю унавоживаютъ; въ Египтѣ Ниль своимъ ежегоднымъ осадкомъ дѣлаетъ излишнимъ всякое удобреніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Египта и теперь еще оказывается ненужнымъ даже пахать землю: зерна бросаютъ безъ всякаго труда въ разрыхленную и удобренную разливомъ почву, и „одно зерно“, какъ говоритъ книга Бытія, „дѣлаетъ цѣлую горсть зеренъ“. Такъ велика сила разлива, что и страшныя тропическія жары не въ состояніи уничтожить ея благотворныхъ послѣдствій для растительности: земля высыхаетъ, трескается отъ жару; несмотря на то, растительность все-таки необыкновенно могуча, и во всѣ времена Египетъ славился своимъ необыкновеннымъ, чудеснымъ плодородіемъ. Еще въ св. Писаніи, чтобы посредствомъ сравненія дать понятіе о богатствѣ Палестины, говорится: „эта страна была точно рай земной, словно страна египетская“, и не одни только евреи, но всѣ народы древности были такого высокаго понятія о плодородіи Египта. Уже греческій путешественникъ Геродотъ обратилъ вниманіе на то, что въ Египтѣ почва, даже по самому цвѣту и виду, отличается отъ почвы другихъ странъ. „Въ *Египтѣ*“, говоритъ онъ, „почва не похожа на почву сосѣднихъ странъ: она совершенно черная и растрескавшаяся, ибо состоитъ изъ ила, тогда какъ *Ливія* имѣетъ почву болѣе красно-

*) О подробностяхъ картины Египта во время разлива прочтите въ разсказѣ англійскаго путешественника *Осберна*, помѣщенномъ въ дополненіяхъ.

***) *Дождь* (хотя бы даже *нѣсколько капель только*) составляетъ такую рѣдкость въ южномъ Египтѣ, что тамъ, когда онъ продлется, это считаютъ за очень *дурное предзнаменованіе*.

ватую и песчанистую, а *Аравія* и *Сирія* — болѣе глинистую и каменистую*).

Естественно, что въ такой плодородной странѣ *населеніе* должно было ранѣе, чѣмъ въ другихъ, менѣе благословенныхъ природою, странахъ, заняться земледѣіемъ, ранѣе сдѣлаться осѣдлымъ и образовать *правильное государство*. Дѣйствительно, очень рано, когда мы, на примѣръ, еще не имѣемъ права говорить объ евреяхъ, какъ о *народѣ*, въ Египтѣ была уже осѣдлость, были уже города, процвѣтало земледѣіе, были цари, было, однимъ словомъ, государство. Народъ египетскій былъ очень трудолюбивъ, ибо самыя природныя условія страны располагали, пріучали къ дѣятельности и трудолюбію: хотя Ниль давалъ самыя благопріятныя условія для плодородія, но были и нѣкоторыя менѣе благопріятныя обстоятельства, съ которыми надо было бороться умомъ и трудомъ. Ниль ежегодно разливался; надобно было принять мѣры противъ избытка воды во время разлива; надобно было за неимѣніемъ такихъ природныхъ возвышенностей, куда бы вода не доходила, приняться за устройство искусственныхъ возвышеній и плотинъ. Еще древніе греческіе путешественники поражались необыкновенно красивымъ и оригинальнымъ зрѣлищемъ, которое представлялъ Египетъ во время полнаго разлива. „Это точно море“, говоритъ одинъ древній греческій писатель, „по которому разбросаны острова, подобно *Цикладамъ*, которыми усѣяно море *Эгейское* (Архипелагъ)“. Этого мало; если съ одной стороны приходилось ограничивать дѣйствіе разлива, то въ другихъ случаяхъ нужно было помогать рѣкѣ. Въ однихъ, болѣе низкихъ мѣстахъ, воды могло оказаться слишкомъ много и явиться болото, въ другихъ, наоборотъ, слишкомъ мало, а до нѣкоторыхъ мѣстностей разливъ могъ и совершенно не достигать. Отсюда являлась надобность въ проведеніи каналовъ: одни изъ этихъ каналовъ служили для осушки, для того, чтобы отводить воду оттуда, гдѣ ея накоплялось слишкомъ много; другіе, напротивъ, служили для орошенія. Воду приходилось иногда проводить на очень большія разстоянія; въ каналахъ она слишкомъ быстро испарялась; ея слишкомъ много усыхало. Потому надобно было рыть большія *водохранилища* или *резервуары*. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что иногда случалось, что разливъ по разнымъ причинамъ былъ менѣе обыкновеннаго, благодатная вода Нила не заливала тогда многія мѣста,

*) Замѣчаніе о „растрескиваніи“ почвы совершенно понятно всякому, кто имѣлъ случай наблюдать иль около рѣки, когда съ него сойдетъ вода, вскорѣ послѣ разлива, и видѣть, какъ высыхая онъ трескается отъ дѣйствія солнечныхъ лучей.

въ которыхъ были пахотныя поля, не покрывала песокъ своимъ плодоноснымъ иломъ; многія поля поэтому нельзя было обработать и засѣять, — и тогда въ Египтѣ наступала голодъ. (Вспомните изъ исторіи Іосифа разсказъ о вѣщемъ снѣ фараона, который растолковалъ Іосифъ, о семи хлѣбородныхъ и семи неурожайныхъ годахъ). Чтобы избѣжать такихъ случайностей, египтяне не останавливались ни передъ какими трудностями; съ изумительнымъ трудолюбіемъ и постоянствомъ занимались они обработкою своей страны и различными приспособленіями для того, чтобы возвысить ея естественное плодородіе и вполне воспользоваться благоприятными условіями, которыя имъ представляла природа. Вся страна, разсказываютъ древніе греческіе путешественники, была перерѣзана множествомъ каналовъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы сохранить воду на все сухое время, были выкопаны *искусственныя озера* такой величины, что трудно даже повѣрить. Самое замѣчательное изъ такихъ озеръ было, какъ, его называли греки, *Меридово* озеро. Это озеро лежало по лѣвую сторону отъ Нила, въ мѣстности, окаймленной горами. Геродотъ оставилъ намъ описаніе этого озера, изъ котораго мы узнаемъ, что оно будто бы было выкопано однимъ древнимъ царемъ, котораго звали *Меридомъ*, откуда получило названіе и самое озеро*). Наполненное водою, озеро было такъ велико, что равнялось самому большому естественному озеру, ибо площадь его, если вѣрить показаніямъ Геродота, представляла поверхность величиною около 80 квадратныхъ географическихъ миль; при этомъ оно имѣло весьма значительную глубину и все было выложено камнемъ. Съ Ниломъ Меридово озеро соединялось нѣсколькими каналами, изъ которыхъ славилась два: черезъ одинъ вода входила, въ другой вытекала и затѣмъ распредѣлялась по множеству другихъ каналовъ. Такъ-то ничего не жалѣли египтяне, чтобы какъ можно лучше воспользоваться *дарами Нила*.

---

*) На самомъ дѣлѣ, по-египетски *Мери* значитъ просто *озеро* или *разливъ*, откуда, конечно, греки и сочинили какого-то царя *Мерида*.

РАЗСКАЗЪ V.

**Насты. — Религія египтянь. — Монотеизмъ и политеизмъ. —
Миѣны объ Озирисѣ. — Вѣра въ будущую жизнь. — Поклоненіе
животнымъ.**

Египтяне, какъ я сказалъ, давно уже создали свое особое государство, свою особую религію, свой особый бытъ и, такъ какъ они жили отдѣльно отъ другихъ народовъ, мало сообщались съ другими странами, то жизнь ихъ представляла чрезвычайно *много своеобразнаго*. Другіе народы древности съ изумленіемъ смотрѣли на египетскій народъ: Геродотъ называетъ Египетъ „страною чудесъ“, гдѣ гораздо болѣе удивительнаго, „превосходящаго описаніе“, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ.

Что же, однако, возбуждало такое удивленіе? Прежде всего, самое *устройство быта и жизни*. Въ устройствѣ народнаго быта въ древнемъ Египтѣ прежде всего бросается въ глаза одна особенность: всѣ египтяне были раздѣлены на извѣстныя сословія или *касты*. На первый взглядъ, касты напоминаютъ наши сословія: духовенство, дворянство, купечество, сословіе ремесленниковъ и проч. Но это можетъ казаться только на первый взглядъ; въ дѣйствительности, есть *очень большая разница*. У насъ можно переходить изъ одного сословія въ другое: стоить, напримѣръ, дворянину внести „гильдію“, и онъ получаетъ право торговать, а сынъ купца или мѣщанина можетъ дослужиться до дворянства; сынъ священника можетъ сдѣлаться врачомъ или переходить въ военную службу и т. д. Но у египтянь нельзя было переходить изъ одной касты въ другую; во-первыхъ, кто разъ занимался однимъ какимъ-нибудь дѣломъ, тотъ долженъ былъ заниматься имъ вѣчно: торговецъ — торговлей, земледѣлецъ — земледѣліемъ; во-вторыхъ, всякій долженъ былъ заниматься тѣмъ и исключительно тѣмъ только дѣломъ, которымъ занимались его предки: отецъ, дѣдъ, прадѣдъ.

Кромѣ этого, въ кастовомъ устройствѣ была еще одна особенность: у насъ дворянину ничто не мѣшаетъ жениться на дѣвушкѣ купческаго происхожденія, купцу на дворянкѣ и т. д. Въ Египтѣ было иначе: тамъ человѣкъ одной касты не могъ жениться на дѣвушкѣ изъ другой касты — это строго запрещалось закономъ. Правда, въ Египтѣ законы въ этомъ отношеніи не были такъ безусловно и неумолимо строги, какъ это было, напримѣръ, въ *Индіи*, гдѣ также существовало дѣленіе на касты и отчасти

существуетъ и теперь. Многіе ученые даже думаютъ, что касты существовали въ Египтѣ только въ древнѣйшее время, а впоследствии это строгое раздѣленіе всѣхъ людей было забыто или, по крайней мѣрѣ, не соблюдалось такъ строго, какъ встарину.

Главныхъ кастъ было двѣ: *жрецы* и *воины*, т.-е. духовство и дворянство. Прежде чѣмъ говорить объ египетскихъ жрецахъ, познакомимся съ религіей египтянъ, ибо по религіи народа можно составить понятіе о самомъ народѣ, о его нравственныхъ качествахъ, о степени его развитія. У египтянъ была своя религія, ибо не бывало еще народа, который бы не имѣлъ религіи, не имѣлъ боговъ. Мало того, Геродотъ говоритъ, что египтяне были очень богобоязненны, и ни одинъ изъ извѣстныхъ ему народовъ не отличался такимъ уваженіемъ къ своимъ богамъ, такимъ строгимъ исполненіемъ всѣхъ религіозныхъ предписаній и обрядовъ.

Въ чемъ же заключалась религія египтянъ? Это не былъ *монотеизмъ*, т.-е. вѣра въ Единаго Бога, какая была въ древнемъ мірѣ у однихъ только евреевъ. Египтяне вѣрили *не въ Бога, но въ боговъ*; ихъ религія была, стало-быть, *политеизмъ*, т.-е. *многобожіе*. Кто же были эти *многіе* боги? *Кому* или *чему* поклонялись они, какъ богамъ? Египтяне, подобно всѣмъ языческимъ народамъ, поклонялись *силамъ и явленіямъ природы*. Человѣкъ встрѣчаетъ въ природѣ много явленій, которыя производятъ на него сильное впечатлѣніе. Такова, на примѣръ, гроза, со всѣми величественными, благотворными и въ то же время наводящими страхъ, явленіями и послѣдствіями ее сопровождающими. Таковы — солнце, его восходъ и заходъ, его видимое движеніе по небесному своду, *перемѣны*, которыя происходятъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей на землю въ продолжительности дня и ночи, соотвѣтственно различнымъ временамъ года. Таково вліяніе солнца на природу и человѣка, которое бываетъ то пріятно и полезно для человѣка, какъ, на примѣръ, весною, то губительно, когда слишкомъ сильный и продолжительный жаръ иссушаетъ и сожигаетъ растительность, стало-быть, разрушаетъ, губитъ трудъ человѣка или вызываетъ заразительныя болѣзни, какъ бываетъ въ очень жаркихъ странахъ. Таково море, всегда могучее и величественное, но иногда прекрасное и привлекательное, какъ бываетъ въ ясную, тихую погоду, часто грозное и опасное, какъ бываетъ во время бури, и всегда *коварное*, т.-е. возбуждающее въ человѣкѣ опасеніе, недоувѣрчивость. Таковы далѣе различныя движенія, происходящія въ воздухѣ, на примѣръ, буря, которая топить караваны, разрушаетъ жилища людей, разгоняетъ дождевыя тучи или, какъ это бываетъ въ африканскихъ пустыняхъ, приноситъ смерть

цѣлымъ караванамъ. Евреи также поражались этими явленіями природы, но они умѣли возводить всѣ эти явленія къ *одному* общему Источнику, къ *одной* общей Причинѣ, къ *одной* Силѣ, все создавшей и всѣмъ управляющей. Въ каждомъ изъ этихъ явленій для евреевъ сказывались всемогущество и мудрость Единаго — *Иеговы*, „сотворшаго небо и землю со всею красотою и великолѣпіемъ ихъ“. „Все премудростію сотворилъ Ты, слава Тебѣ, сотворившему все“! — говорится въ одномъ еврейскомъ псалмѣ... Но изъ всѣхъ народовъ древняго міра только одни евреи думали, что всѣ эти явленія природы: и свѣтила, и море, и вѣтеръ и проч. и проч. — созданія Единаго Бога. Другіе народы, видя, что солнце восходитъ и заходитъ, что оно движется по небу, что вѣтеръ пробѣгаетъ громадныя пространства, что море то дышитъ спокойно, то волнуется, и, точно разсердившись на что-нибудь, яростно устремляется на берега, видя все это, они думали, что солнцемъ, моремъ, воздухомъ управляютъ особыя живыя, разумныя существа или *отдѣльные боги*, или, что это солнце, это море, воздухъ сами суть *боги*, то добрые и милостивые, которые дѣлаютъ добро человѣку, то гнѣвные и грозные, которые готовятъ ему бѣды и страданія, преслѣдуютъ, губятъ его, не желаютъ ему добра. Кромѣ того, они замѣчали въ природѣ, что стихіи нерѣдко вступаютъ между собою какъ бы въ споръ или борьбу: то, напримѣръ, облака закрываютъ солнце и лишаютъ землю благотворнаго вліянія его теплыхъ лучей; то вѣтеръ разноситъ тучи и лишаетъ изсохшую землю необходимаго для нея дождя или солнце палитъ и сожигаетъ растительность и какъ бы не даетъ образоваться дожденоснымъ облакамъ и т. д. и т. д. Они выводили отсюда такое заключеніе: добрые боги ведутъ борьбу съ злыми богами; въ одно время одерживаетъ верхъ добрый богъ, доброжелательный человѣку, тогда человѣку бываетъ хорошо; иногда побѣда остается за злымъ богомъ, и тогда человѣку приходится плохо*).

*) Вѣрованія въ существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ, постоянно борющихся между собою и олицетворяющихъ собою хорошія и темныя стороны жизни — правду и ложь, добро и зло, жизнь и смерть, которыя какъ бы съ самаго сотворенія міра постоянно спорятъ другъ съ другомъ о преобладаніи, наблюдались въ большей или меньшей степени почти у всѣхъ языческихъ народовъ. Такъ было у египтянъ и у персовъ, какъ увидите изъ дальнѣйшаго изложенія; позднѣе у арабовъ, затѣмъ у нѣкоторыхъ полукочевыхъ народовъ, населявшихъ в. Европу въ первые вѣка по Р. Х. — германцевъ. Особенно рѣзко эта двойственность въ религіи сказывалась тамъ, гдѣ въ окружающей природѣ замѣчались рѣзкія перемѣны, напримѣръ, у арабовъ, которые жили въ небольшихъ оазисахъ, расположенныхъ среди мрачной и голой пустыни; у египтянъ, обитавшихъ по сосѣдству съ ужасной Сахарой и т. д. Эту пустыню съ гибельными послѣдствіями для всего живого олицетворялъ всегда злой духъ; оазисъ, являющійся источникомъ жизни, напротивъ — добрый духъ. Эта противо-

Такъ точно думали и египтяне: они также признавали *много боговъ и богинь*. У нихъ были: богъ солнца, богиня луны, богиня земли, богъ рѣки Нила и т. д. Самый главный изъ этихъ боговъ былъ богъ солнца, который имѣлъ нѣсколько именъ, и, между прочимъ, назывался *Аммонъ* или *Ра*. Я не буду говорить о всѣхъ богахъ египетскихъ, которыхъ жрецы насчитывали множество. Упомяну только объ одномъ, котораго египтяне особенно любили и чтили. Это былъ *Озирисъ*. О жизни Озириса у египтянъ сложился цѣлый рядъ или кругъ *сказаній* (такія сказанія о богахъ называются у насъ обыкновенно греческимъ словомъ *миѳъ*, и есть цѣлая наука, которая занимается объясненіемъ смысла и значенія такихъ миѳовъ — *миѳологія*). Египтяне рассказывали, что нѣкогда во всемъ Египтѣ правилъ добрый царь *Озирисъ*, у котораго была не менѣе добрая жена *Изида*. Страна подъ ихъ владычествомъ благоденствовала. Долго царствовали они счастливо, пока не явился противникъ, который позавидовалъ счастіемъ Озириса и общей любви къ нему народа. Этотъ противникъ былъ братъ Озириса *Тифонъ* (Сетъ), жившій въ знойной Ливійской пустынѣ, откуда, какъ мы видѣли, доносится до Египта страшный вѣтеръ хамсинъ. Тифонъ задумалъ погубить брата и воцариться вмѣсто него. Съ этой злой цѣлью онъ составилъ заговоръ и, выбравъ себѣ 70 такихъ же злыхъ, какъ и онъ самъ, пособниковъ, приказалъ устроить богато украшенный гробъ, который приходился бы какъ разъ по росту Озириса. Затѣмъ въ одинъ день онъ пригласилъ на пиршество своихъ сообщниковъ, позвалъ и Озириса. Послѣ пиршества Тифонъ велѣлъ принести гробъ и объявилъ, что дарить его тому изъ своихъ гостей, кому онъ придется по мѣркѣ (мы увидимъ послѣ, что вслѣдствіе особаго взгляда египтянъ на смерть и на сохраненіе мертвыхъ тѣлъ, въ подарокъ гроба не представлялось ничего страннаго или оскорбительнаго; напротивъ, это былъ весьма почетный и цѣнный подарокъ). Одинъ за другимъ ложились въ гробъ всѣ присутствующіе, но никому онъ не приходился по мѣркѣ. Дошла очередь до Озириса; едва онъ легъ въ гробъ, какъ злые союзники Тифона бросились на него, захлопнули крышку, крѣпко-накрѣпко утвердили ее и бросили гробъ въ волны Нила. Долго плылъ по волнамъ гробъ Озириса, пока не доплылъ до устья Нила и остановился въ тростникахъ. Изида, между тѣмъ, въ отчаяніи отправилась по всему Египту разыскивать своего безъ вѣсти погибшаго супруга и,

ложность между добрымъ и злымъ началами, господствующими въ жизни, называется *дуализмъ* (т.-е. двойственность); отсюда религія, въ которой рѣзко сказывается противоположность добраго и злаго начала — *дуалистическая*.

С. М.

наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, случайно нашла гробъ съ тѣломъ въ тростникахъ при устьѣ великой рѣки; съ горькимъ плачемъ и сѣтованіемъ она похоронила его и стала ждать случая отмстить Тифону. Самъ Озирисъ перешелъ къ богамъ, но у него и Изиды былъ сынъ, по имени *Горъ*, который, оставшись по смерти отца младенцемъ, потомъ выросъ и сдѣлался сильнымъ и мужественнымъ юношею. Возмужавъ, онъ рѣшился отмстить за смерть отца, собралъ сильное войско, пошелъ съ нимъ противъ Тифона, разбилъ его войско, убилъ самого Тифона и сталъ царствовать, какъ царствовалъ его отецъ. Такимъ образомъ въ лицѣ Гора какъ бы ожилъ самъ Озирисъ.

Этотъ мифъ весьма интересенъ, какъ образецъ того, какимъ образомъ древніе, поклоняясь явленіямъ природы, какъ будто бы живымъ разумнымъ существамъ, представляли себѣ разныя перемѣны, совершающіяся въ природѣ, въ формѣ особыхъ сказаній, въ которыхъ силы природы выводятся дѣйствующими лицами, какъ люди. *Озирисъ* — богъ Нила, *Изида* — богиня земли. Съ рѣкою Ниломъ, какъ мы видѣли, происходятъ перемѣны. Въ извѣстное время года Ниль находится въ полномъ разливѣ, въ полномъ могуществѣ, какъ бываетъ человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ силъ. Потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, видъ Нила измѣняется. Изъ Ливійской пустыни начинаютъ дуть вѣтры, которые, хотя задерживаются горами и потому не могутъ наносить большого вреда Египту, но тѣмъ не менѣе все-таки приносятъ песокъ и нѣсколько засоряютъ воды Нила, какъ бы вредятъ ему, точно злоумышляютъ на него. Затѣмъ наступаютъ 70 знойныхъ дней; вода въ рѣкѣ все падаетъ; рѣка мелѣетъ, точно изнемогаетъ, какъ изнемогаетъ больной или умирающій человѣкъ; измѣняется, наконецъ, самый цвѣтъ воды; она получаетъ темно-красный оттѣнокъ, какъ будто напоминающій цвѣтъ крови. Но проходитъ время, и Ниль снова какъ бы оживаетъ, оправляется, опять растетъ, наполняется, становится, какимъ былъ прежде: Ниль точно воскресъ. *Эти-то перемѣны, которыя происходятъ съ Ниломъ, и рассказаны въ мифѣ объ Озирисѣ, какъ событія, происходящія съ человекомъ, съ живымъ лицомъ: Ниль олицетворяется въ Озирисѣ.* Такое представленіе силъ и явленій природы въ образѣ живыхъ, *человѣку подобныхъ существъ*, называется *антропоморфизмомъ* (отъ греческихъ словъ: „антропосъ“ — человѣкъ, и „морфэ“ — видъ, образъ), самыя же языческія религіи, въ которыхъ боги представляются въ человѣческомъ образѣ, называются *антропоморфическими религіями*.

Озирисъ, какъ я сказалъ, былъ любимѣйшимъ изъ египетскихъ боговъ, и въ честь его совершались торжественныя богослуженія,

справлялись въ известное время года особые праздники. Одинъ изъ такихъ дней, посвященный воспоминанію о смерти Озириса, носилъ печальный, похоронный характеръ. То были дни скорби; весь Египетъ облекался въ трауръ; египтяне стригли волосы, брили брови, часто собирались въ храмахъ, гдѣ слышались печальные гимны, оплакивавшіе судьбу Озириса и т. д. Зато съ необыкновенно радостнымъ увлеченіемъ, съ необыкновеннымъ восторгомъ справлялся другой праздникъ — возвращенія Озириса къ жизни. Особенно торжественно совершалось это празднество въ одномъ изъ храмовъ, посвященныхъ Озирису, на *островъ Филэ*, въ Верхнемъ Египтѣ (близъ первыхъ пороговъ). Говорятъ, до 700.000 поклонниковъ собиралось туда на праздникъ Озириса; они плыли на островъ вверхъ по рѣкѣ на безчисленныхъ челнахъ, баркахъ, расписныхъ и богато изукрашенныхъ ладьяхъ. Во время плаванія по рѣкѣ раздавались гимны въ честь великаго Озириса, на лодкахъ играли музыканты, слышался смѣхъ, веселыя пѣсни, а по прибытіи въ храмъ совершались торжественныя богослуженія съ пѣніемъ и плясками, и приносились жертвы. Когда наступала ночь, весь Египетъ освѣщался потѣшными огнями, а народъ ликовалъ.

Вѣрованія относительно Озириса не ограничивались тѣмъ, что рассказано до сихъ поръ. Такъ какъ разливъ Нила былъ, какъ замѣтили египтяне, въ какой-то связи съ солнцемъ, потому что всегда происходилъ во время лѣтняго солнцеворота, то Озириса они считали не только богомъ рѣки, но и богомъ солнца, а жену его Изиду, соотвѣтственно этому — богинею луны.

Какъ *Аммонъ* есть богъ дневного могущественнаго солнца, думали они, такъ и Озирисъ есть богъ *того солнца, которое на ночь закатывается*, уходитъ куда-то въ невѣдомыя страны. Тамъ, гдѣ-то подъ землею, думали они, живутъ души умершихъ, тамъ и Озирисъ воссѣдаетъ на престолѣ, какъ праведный и неподкупный *судія* для всѣхъ, покончившихъ земную жизнь. Изъ этого видно, что египтяне такъ же, какъ и мы, вѣровали въ *загробную жизнь*. На старинныхъ египетскихъ кладбищахъ можно видѣть до сихъ поръ на памятникахъ много рисунковъ, которые изображаютъ, что должно случиться съ душою послѣ смерти. На этихъ рисункахъ мы видимъ, какъ душа подвергается сначала *разнымъ страшнымъ испытаніямъ*, мытарствамъ, какъ ее мучаютъ разные злые духи и т. д.; затѣмъ, какъ духи вводятъ ее въ *подземный чертогъ*, въ которомъ на престолѣ воссѣдаетъ *самъ Озирисъ*, окруженный 42 судьями (по числу смертныхъ грѣховъ, которыхъ египтяне считали 42); посрединѣ стоятъ вѣсы, на которыхъ взвѣшиваютъ сердце покойнаго, такъ какъ *въ немъ именно*, думали египтяне, вмѣщается

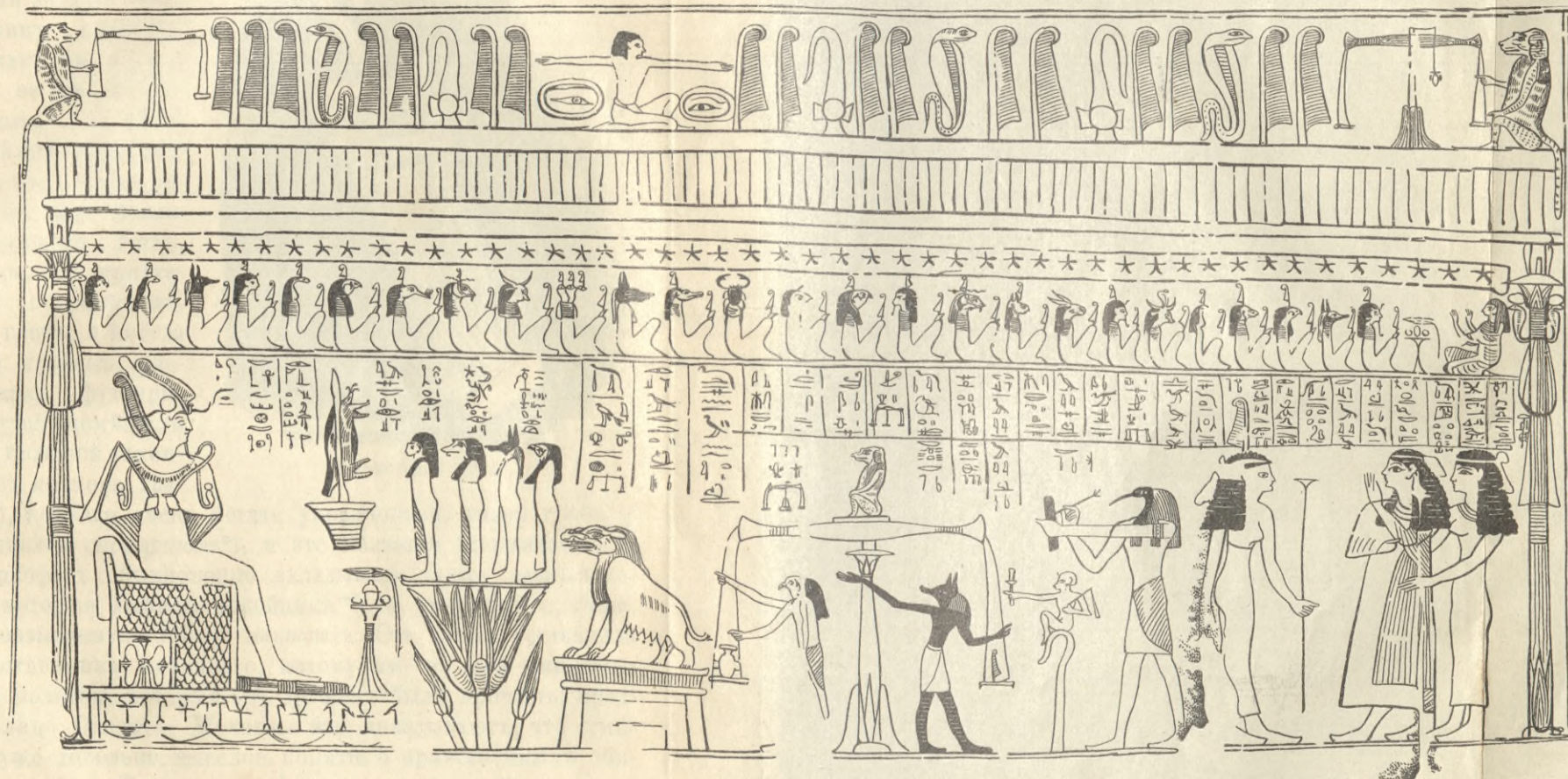
все доброе и злое въ человѣкѣ, а одинъ изъ боговъ *Тотъ* (его обыкновенно египтяне изображаютъ съ головою птицы *ибиса* или съ собачьей головою) тщательно записываетъ на дощечкѣ все, что выяснилось на судѣ*). *По дѣламъ своимъ* душа получаетъ и *воздаяніе*: или допускается къ богамъ, или подвергается наказанію. Египтяне вѣровали, что души умершихъ могутъ появляться на землѣ и по смерти, и тогда переселяются въ тѣла разныхъ животныхъ и даже растений. Есть другой народъ, именно древніе *индусы*, который вѣровалъ также, что душа всякаго умершаго должна переселяться въ животное или растеніе и даже *непрямно* совершить *нѣсколько* такихъ переселеній, чтобы этимъ *очиститься* отъ своихъ грѣховъ; въ ихъ священныхъ книгахъ даже подробно указывается, за какой грѣхъ въ какое животное переселится душа (напр. душа того, кто избранить жреца словомъ „собака“, переселится по смерти, въ наказаніе, въ собаку, и т. д.)**). Относительно египтянъ мы навѣрное не знаемъ, признавали ли и они такое очистительное отъ грѣховъ переселеніе души *необходимымъ*, но, во всякомъ случаѣ, они вѣровали, что душа умершаго можетъ поселяться въ животныхъ и особенно *возвращаться* въ свое *прежнее, собственное тѣло*.

Съ этимъ вѣрованіемъ находился въ связи одинъ обычай, или, вѣрнѣе, религиозный обрядъ, всегда обращавшій вниманіе путешественниковъ, именно *балъзамированіе* умершихъ. Чтобы душа могла разыскать свое тѣло, необходимо, чтобы тѣло это сохранилось. Вотъ почему, когда человѣкъ умиралъ, его тѣло передавали особымъ мастерамъ, знатокамъ по части балъзамированія. Они вскрывали трупъ, вынимали внутренности, все, что могло способствовать гніенію, и образовавшуюся пустоту наполняли такими веществами, которыя *мѣшали гніенію*, а иногда, сверхъ того, клали трупъ въ особый составъ, въ которомъ онъ оставался семьдесятъ дней, и затѣмъ вынимали и обертывали или пеленали очень крѣпко и тщательно въ полотняные бинты, начиная съ пальцевъ и кончая остальными частями тѣла. Приго-

*) См. прилагаемый рисунокъ: Книга мертвыхъ.

**) Вѣра въ переселеніе души умершаго человѣка въ другого живущаго на землѣ или въ животное, существовала, несомнѣнно, также и у многихъ другихъ народовъ древняго міра. И теперь еще встрѣчаются дикари, которые убѣждены, что душа умершаго человѣка переходитъ въ ребенка и что люди, напоминающіе какими-нибудь признаками или чертами характера одного изъ своихъ предковъ, воплотили въ себѣ души послѣднихъ; замѣчая въ дѣйствіяхъ и поступкахъ животныхъ проявленіе чело-вѣческихъ свойствъ, напримѣръ, кошка отличается лукавствомъ — они вѣрятъ, что въ этихъ животныхъ возродились души людей, которые при жизни обладали такими же качествами.

Озирись.

Боги на цвѣтъ лотоса.

Горь.

Анубись.

Тоть.

Душа умершаго и духи.

Книга мертвыхъ (Судъ Озириса).

товленное такимъ образомъ тѣло не гнило, но высыхало, что въ Египтѣ, гдѣ дождя бываетъ мало, а солнце сильно печеть, дѣлалось очень быстро. Такіе высохшіе трупы называются *муміями* (отъ слова *мумъ*, какъ называлась арабская смола, которою наполнялось мѣсто вынутыхъ внутренностей).

Запеленутую мумію покрывали особеннымъ составомъ, который вскорѣ твердѣлъ и такимъ образомъ составлялъ какъ бы *первый гробъ*; затѣмъ ее разрисовывали *золотомъ, красками*, дѣлали соотвѣтственныя надписи (о томъ, кто именно покойникъ), а на лицо накладывали *деревянную маску*, которой старались придать сходство съ покойникомъ. Деревянный гробъ, а иногда и нѣсколько гробовъ, вложенныхъ, какъ футляры, одинъ въ другой, помѣщали въ послѣдній большой каменный гробъ (изъ мрамора, гранита и т. д.), нерѣдко очень богато украшенный; такой гробъ у грековъ назывался *саркофагомъ**)

, и это названіе удержалось и у насъ. Въ саркофагъ обыкновенно вкладывали также разныя дорогія вещи, которыя любилъ покойникъ**), и, сверхъ того, очень часто такъ называемую *Книгу мертвыхъ*. Эта книга составляла какъ бы молитвенникъ покойнаго, потому что въ ней записаны были разныя молитвы, которыя онъ долженъ былъ прочесть, представъ предъ лицо Озириса. Молитвы эти показываютъ, что египтяне имѣли уже довольно высокое понятіе о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка. Такъ, на примѣръ, въ нихъ покойникъ говорить Озирису, что онъ „не обижалъ слабыхъ, кормилъ алчущихъ, поилъ жаждущихъ“ и т. д.

По окончаніи всей этой работы, покойника хоронили, но не за-

*) Слово это греческое и означаетъ собственно *плотоядецъ*, т.-е. какъ бы пожирающій, поглощающій плоть человѣка.

**) Царскія муміи часто украшали *золотомъ и драгоценными камнями*. Въ позднѣйшее время это обстоятельство привлекало многихъ грабителей, которые всячески старались разыскать старинныя гробницы, чтобы воспользоваться ихъ сокровищами. Объ этомъ прочтите въ *дополненіяхъ*.

Египетская мумія.

рывали просто въ землю, какъ дѣлаемъ это мы, а сохраняли въ особо для этого устроенныхъ помѣщеніяхъ. Иногда эти помѣщенія строили изъ камня или кирпича, но чаще высѣкали прямо въ скалахъ: это такъ называемыя *катакомбы* (пещеры). Въ нихъ устраивались цѣлыя комнаты и залы, на стѣнахъ которыхъ и до сихъ поръ (какъ я уже сказалъ) можно видѣть высѣченныя на камнѣ картины, изображающія разныя сцены или изъ земной жизни покойнаго, или, напротивъ, изъ того, что ему предстояло въ загробной жизни, какъ себѣ ее представляли египтяне. Самый саркофагъ обыкновенно старались запрятать куда-нибудь подалеже, чтобы никто не могъ до него добраться и какъ-нибудь повредить мумію (напр. выкапывали или вырубали въ одной изъ комнатъ катакомбы длинныя шахты или колодцы, опускающіеся прямо въ почву, помѣщали тамъ гробъ и все заваливали пескомъ, землею, камнемъ и заравнивали такъ, что снаружи почти нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ работы). На всякій случай даже выдѣлывали множество изображеній покойнаго: если бы мумія его и погибла какимъ-нибудь образомъ, душа его въ случаѣ крайности, думали египтяне, могла переселиться въ одну изъ этихъ статуэтокъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою тщательною, можно сказать, боязливою заботливостью древніе египтяне старались о сохраненіи мертвыхъ тѣлъ; поэтому понятно, что каждый египтянинъ чуть не съ рожденія уже думалъ о смерти, старался приготовить еще при жизни гробъ и посмертное помѣщеніе для своего тѣла (припомните теперь сказанное о подаркѣ Тифона Озирису*). Само собою разумѣется, что такъ хоронить,

*) Такъ тщательно древніе египтяне заботились о сохраненіи тѣла умершаго потому, что по ихъ воззрѣніямъ въ загробную жизнь, какъ вы уже видѣли, душа человѣка послѣ смерти находилась въ тѣсной зависимости отъ судьбы тѣла. Египтяне даже думали, что мертвые продолжаютъ жить подъ землею совершенно такъ же, какъ жили на землѣ; они считали загробную жизнь какъ бы *повтореніемъ* жизни земной: у человѣка умершаго тѣ же потребности, что у человѣка живого — онъ ощущаетъ голодъ и жажду. Поэтому египтяне заботились не только о томъ, чтобы сохранить тѣло отъ разложенія (приготовленіе мумій), но и старались снабдить покойника всѣмъ необходимымъ для существованія — удобнымъ жилищемъ, съѣстными припасами (хлѣбомъ, мясомъ, водою и пр.), необходимой утварью и даже слугами, которые охраняли бы мертваго отъ враговъ. Съ этой цѣлью египтяне, какъ вы увидите дальше, строили большія усыпальницы, на стѣнахъ которыхъ изображали всѣ тѣ вещи, которыя могутъ понадобится покойнику въ его загробной жизни; иногда же всѣ названныя вещи попросту перечислялись въ надгробной надписи, и это считалось достаточнымъ, чтобы обезпечить покойнику пользованіе ими (первоначально, и на самомъ дѣлѣ ставили глиняную посуду съ провизіей, необходимой усопшему въ другой жизни). Таковы были первоначальныя вѣрованія египтянъ въ загробную жизнь; въ послѣдствіи въ ихъ религіи на первое мѣсто выдвигается ученіе о судѣ Озириса въ преисподней, на которомъ каждый, окончившій земную жизнь, подвергается испытанію по своимъ

какъ описано, могли только царей, богатыхъ и знатныхъ людей. Бѣдняковъ бальзамировали меньше, гробъ замѣняли простою доскою, къ которой привязывали мумію, и складывали рядами, не въ отдѣльныя помѣщенія, а въ общія „братскія“ катакомбы, но тѣмъ не менѣе и здѣсь видна такая же забота о сохраненіи мертваго тѣла. Не мудрено поэтому, что число дошедшихъ до насъ катакомбъ и мумій громадно. Древніе греки называли эти обширныя кладбища *некрополеми*, т.-е. „городомъ мертвыхъ“ и говорили, что въ Египтѣ городъ мертвыхъ не менѣе царства живыхъ. Теперь, конечно, эти катакомбы заброшены; въ нихъ мрачно, душно и пыльно, многія муміи нерѣдко отъ малѣйшаго прикосновенія обращаются въ пыль. Но нѣкоторыя муміи, особенно въ саркофагахъ, благодаря сухости египетскаго воздуха и охраняющему дѣйствию смолы, замѣчательно сохранились и до сихъ поръ, какъ сами, такъ и положенные съ ними предметы; въ гробу, напр., одного египетскаго царя, жившаго за 3500 лѣтъ до нашего времени, вѣнки цвѣтовъ сохранялись такъ, какъ будто были высушены нѣсколько недѣль тому назадъ*).

Вѣра въ возможность переселенія душъ ставила человѣка въ особую связь съ животными. Отсюда, вѣроятно, происходило, что египтяне смотрѣли особеннымъ образомъ на

Богиня съ кошачьею головою.

грѣхамъ и заслугамъ (см. стр. 37). Такимъ образомъ, существовавшее прежде грубое возрѣніе на загробную жизнь, какъ на продолженіе жизни земной, при которой судьба души зависитъ отъ судьбы тѣла, отъ сохраненія его, что въ свою очередь зависитъ отъ богатства покойника и отъ заботъ родственниковъ, замѣняется болѣе совершеннымъ пониманіемъ загробной жизни — вѣрой въ зависимость души отъ безпристрастнаго и всевѣдущаго судьи.

С. М.

*) Объ этомъ желающіе могутъ прочесть подробнѣе въ книжкѣ русскаго путешественника *Андреевскаго*: „Египетъ“ (С.-Пб. 1884) и въ *дополненіяхъ*.

животныхъ, уважали ихъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе народы. Они видѣли въ нѣкоторыхъ животныхъ что-то *святое* и самыхъ боговъ своихъ изображали или въ видѣ животныхъ, или, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми признаками животныхъ. Такъ, *Горз* (или *Горусъ*) изображался съ головою ястреба или коршуна; *Тотъ*, какъ мы уже видѣли, имѣлъ голову ибиса или собаки; *Изида* изображалась съ головою коровы; были боги и богини, которые изображались съ головою шакала, *кошки*, крокодила, асида (змѣи) и т. д. Боги, по мнѣнію древнихъ египтянъ, иногда даже вселялись въ животныхъ. Такъ, *Озирисъ* вселялся въ *быка*. Почему же именно въ быка? У всѣхъ народовъ древности быкъ считался представителемъ силы, мощи; потому нѣкоторые древніе народы самое солнце, какъ самое могучее изъ свѣтилъ, изображали *символически* въ видѣ быка. Такъ и египтяне полагали, что *Озирисъ* былъ убитъ, а душа его или, по крайней мѣрѣ, частичка его души переселилась въ быка, и когда умиралъ одинъ такой быкъ, она переходила въ другого, но не во всякаго, не въ любого. *Озирисовъ* быкъ узнавался по особымъ примѣтамъ: онъ былъ весь черный, съ одною только бѣлой полоской на лбу и съ чернымъ же пятномъ на языкѣ, похожимъ на фигуру священнаго жука*). Такой быкъ назывался *Аписомъ*; слово „аписъ“ значитъ *судья*, а *Озирисъ* былъ *судья мертвыхъ*. Когда *Аписъ* умиралъ, весь Египетъ облекался въ религиозный трауръ. Египтяне брили брови, стригли волосы и оплакивали смерть *Аписа*, какъ нѣкогда *Изида* оплакивала смерть *Озириса*. Это продолжалось, пока жрецы не находили новаго *Аписа* и не объявляли объ этомъ народу. Тогда печаль смѣнялась ликованіемъ; торжественно, съ радостными пѣснями, въ вызолоченной лодкѣ везли новаго бога въ особый посвященный ему храмъ, гдѣ его окружали всякимъ почетомъ и самымъ нѣжнымъ уходомъ; приносились жертвы, конечно, не быку, а *Озирису*, которому быкъ *Аписъ* служилъ какъ бы жилищемъ. Но, такъ какъ мнѣ рассказывалъ, что *Озирисъ* прожилъ на землѣ только 28 лѣтъ, то и *Аписъ* могъ жить только до этого крайняго срока, а если случайно жилъ долѣе, то жрецы топили его въ *Нилѣ*, а тѣло благоговѣйно сохраняли въ особенномъ помѣщеніи и въ особыхъ саркофагахъ.

Быки и другія священныя животныя, которыя служили только символическими изображеніями боговъ, т.-е. должны были только видимымъ образомъ напоминать невидимыхъ боговъ. Но это по-

*) У египтянъ былъ даже свой *священный жукъ*, похожій на нашихъ обыкновенныхъ, летающихъ вечеромъ, навозныхъ жуковъ, сине-стального цвѣта. Египетскихъ жуковъ теперь зовутъ „скарабеями“. Ихъ изображенія, сдѣланныя изъ камня, встрѣчаются очень часто.

нимали только люди высшего, образованного класса; масса же народа, мало образованная, видѣла боговъ въ самихъ животныхъ и поклонялась этимъ самымъ животнымъ, какъ богамъ. Явились святые животные — различныя для разныхъ мѣстностей: въ одной мѣстности поклонялись однимъ святымъ животнымъ, въ другой — другимъ. Такъ, напримѣръ, въ мѣстности около Меридова озера, гдѣ водилось очень много крокодиловъ, поклонялись крокодиламъ. Греческіе путешественники рассказываютъ, какъ крокодилы на звукъ колокольчика приплывали къ берегу, брали пищу, приготовленную для нихъ ихъ поклонниками, позволяли даже надѣвать на себя разныя драгоценныя украшенія, напримѣръ, браслеты на лапы, и т. п. Тѣла этихъ крокодиловъ бальзамировались наравнѣ съ тѣлами людей, и муміи ихъ сохранялись въ храмахъ такъ же, какъ и муміи Аписа. Въ другой мѣстности чтился, наоборотъ, какъ святое животное, *изневмонъ* (небольшой звѣрокъ съ хищнымъ характеромъ, въ родѣ нашей куницы или ласочки, поѣдающій преимущественно яйца крокодиловъ, которыя эти животные кладутъ на берегу въ песокъ, предоставляя ихъ дѣйствию горячихъ солнечныхъ лучей). Еще въ другихъ мѣстностяхъ поклонялись кошкамъ, собакамъ и т. д. Когда въ какомъ-нибудь домѣ умирала кошка, всѣ члены семейства носили трауръ и брили брови; когда умирала собака, брили голову. Трупы умершихъ кошекъ и собакъ также бальзамировались; для погребенія кошекъ былъ назначенъ даже особый городъ — Бубастисъ, а для собакъ въ каждомъ городѣ отдѣлялось особое мѣсто, гдѣ ихъ хоронили.

Другіе древніе путешественники рассказывали, что, вслѣдствіе этого поклоненія животнымъ, по Египту было даже трудно ѣздить иностранцамъ. Путешественникъ, незнакомый во всей подробности съ религіею страны, могъ, нечаянно убивъ какое-нибудь животное, оскорбить, и самъ того не зная, религіозные законы, которые были очень строги въ этомъ случаѣ. Кто убивалъ священное животное нечаянно, тотъ долженъ былъ заплатить значительную пеню въ пользу храма; кто убивалъ священное животное съ намѣреніемъ, тотъ подлежалъ смертной казни. Изъ птицъ особенно уважались *ибисъ* и *коршунъ*. Можно догадываться, какимъ образомъ началось это уваженіе, которое потомъ перешло въ поклоненіе. Обѣ эти птицы бывали очень полезны всякій разъ, когда кончался разливъ Нила: ибисъ уничтожалъ гадовъ и всякихъ насекомыхъ, а коршунъ истреблялъ падаль, которая, предаваясь разложенію, особенно въ такой жаркой странѣ, какъ Египетъ, легко могла произвести чуму. Убившій коршуна или ибиса казнился смертію.

Понятно, что у такого набожного народа, какъ египтяне, жрецы должны были занимать особенно почетное мѣсто и пользоваться особымъ уваженіемъ. Сословіе или каста жрецовъ была очень многочисленна: они дѣлились на многіе отдѣлы или классы, смотря по священнымъ должностямъ или обязанностямъ, которыя они исполняли. Были жрецы — *тѣвіе*, жрецы — *хранители сокровищъ* и всего имущества, принадлежавшаго храмамъ, далѣе — жрецы, завѣдывавшіе жертвоприношеніями и т. д. Мы уже знаемъ, что не только званіе, но и самыя должности свои они передавали обыкновенно по наслѣдству. На содержаніе жрецовъ была отдѣлена значительная часть египетской земли, которую они обрабатывали посредствомъ рабовъ*).

РАЗСКАЗЪ VI.

Каста воиновъ. — Древнѣйшая исторія Египта. — Вторженіе гиксовъ. — Фивская династія. — Сезострисъ Великій. — Придворный и военный бытъ.

Второе мѣсто послѣ жрецовъ занимала каста *воиновъ*. Каждый воинъ владѣлъ извѣстнымъ участкомъ земли и за это былъ обязанъ являться на военную службу, какъ скоро это требовалось для отечества**). Такимъ образомъ Египетъ, въ случаѣ надобности,

*) Жрецы въ Египтѣ вообще были самымъ богатымъ сословіемъ, пользующимся большимъ вліяніемъ въ государствѣ. Имъ принадлежала $\frac{1}{3}$ самой лучшей и доходной земли, которая при этомъ была освобождена отъ всякихъ налоговъ и оброковъ. Кромѣ доходовъ, которые жрецы получали съ богатыхъ своихъ помѣстій, и обильныхъ доходовъ отъ добровольныхъ приношеній набожныхъ египтянъ и многочисленныхъ религиозныхъ праздниковъ, они получали еще отъ государства своего рода жалованье въ видѣ сѣбѣтныхъ припасовъ (священнаго жаренаго мяса и вина), которыми ихъ снабжали ежедневно. Какую важную роль въ жизни Египта играли жрецы, видно изъ того, что на нихъ, кромѣ духовныхъ дѣлъ, лежали заботы и обязанности по управленію, они занимали высшія должности въ государствѣ и замѣняли иногда даже царей. Такое выдающееся положеніе жрецовъ въ Египтѣ объясняется не только тѣмъ, что жрецы были самыми богатыми людьми и пользовались уваженіемъ у набожнаго населенія, какъ представители религіи (духовенство), но они были также и самыми образованными людьми въ то время. Эта же образованность, какъ мы увидимъ ниже, высоко цѣнилась у египтянъ. С. М.

**) Воины, какъ и жрецы, пользовались особымъ почетомъ и вліяніемъ въ государствѣ — занимали высшія должности и по наслѣдству отъ отца къ сыну передавали свои права и должности; они были самыми богатыми людьми: имъ принадлежала

могъ выставить до 300.000 даже до 400.000 воиновъ. Стало-быть, у египтянъ было то же самое, что встарину, до Петра Великаго, было и у насъ — въ Россіи. Каждый дворянинъ (*служилый человекъ*) получалъ отъ государя жалованную землю, *помѣстье* (первоначально *помѣстьемъ* называлась земля, которая давалась извѣстному лицу только пожизненно, а не въ наслѣдственную собственность; наслѣдственная земля называлась *вотчиной*, потому что переходила *отъ отца къ сыну* и т. д.). За это онъ былъ обязанъ въ случаѣ войны по требованію государя являться на военную службу и притомъ не одинъ, а съ извѣстнымъ (смотря по величинѣ помѣстья) числомъ вооруженныхъ *пѣшихъ* или *конныхъ* крестьянъ. Теперь существуетъ наборъ, введена общая воинская повинность для содержанія *постояннаго войска*, а прежде на Руси *постояннаго войска* не было: проходила надобность, всякій опять возвращался въ свое помѣстье и снова принимался за хозяйство.

Остальныя касты въ Египтѣ далеко не имѣли такого значенія, какъ двѣ первыя: каста жрецовъ и каста воиновъ. Потому нѣкоторые ученые полагаютъ даже, что населеніе Египта составилось изъ двухъ народностей. Первоначально, думаютъ они, Египетъ населяла народность африканской расы болѣе темнаго цвѣта; потомъ откуда-то съ сѣвера пришли завоеватели съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи*); изъ этихъ-то завоевателей составились двѣ первыя касты, а изъ завоеванныхъ — остальныя три: каста *ремесленниковъ*, каста *земледѣльцевъ* и самая низшая, пренебрегаемая другими, каста *пастуховъ*. Египтяне уважали земледѣліе, а скотоводства не уважали, и себя, какъ народъ земледѣльческій и осѣдлый, ставили несравненно выше сосѣднихъ кочевыхъ народовъ Азіи. Пастухи были, но не уважались, особенно *свинопасы*. Геродотъ говорить: „свинопасамъ не дозволяется даже входить въ храмы, куда можетъ входить всякій другой египтянинъ; за свинопасовъ никто не выдаетъ своихъ дочерей; никто не женится и на ихъ дочеряхъ“ (**).

другая треть всей земли, они не были обязаны никакими налогами и оброками и, кромѣ того, какъ и жрецы, получали ежедневно отъ государства опредѣленную порцію мяса, хлѣба и вина. С. М.

*) Вѣроятно, изъ Азіи — народъ семитическаго племени.

**) Мы видѣли, что высшія касты въ Египтѣ пользовались особенно большими преимуществами — это былъ правящій классъ въ государствѣ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находилось остальное свободное населеніе, занятое тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ. Хотя по египетскимъ законамъ и не дѣлалось различія между знатнымъ и незнатнымъ (напримѣръ, за убійство всѣ безъ исключенія подвергались казни), однако въ дѣйствительности низшія касты находились въ крайне угнетенномъ положеніи. Вся земля принадлежала крупнымъ землевладѣльцамъ ($\frac{1}{3}$ жрецамъ, $\frac{1}{3}$ воин-

Изъ всего разсказаннаго ясно, что *египтяне жили иначе, нежели живутъ народы при родовомъ бытѣ*. Египтяне жили осѣдлою жизнью; у нихъ были города, было правильное государственное устройство, было раздѣленіе народа по занятіямъ. Пока народъ живетъ родовымъ бытомъ, такого дѣленія не бываетъ. У евреевъ, напримѣръ, пока они жили родовымъ бытомъ, такого дѣленія не было. Тамъ родоначальникъ, старшій въ родѣ, приносилъ жертву; онъ же и судилъ; онъ же и предводительствовалъ на войнѣ. Его дочери занимались домашними работами, сами (вспомнимъ Ревекку, Рахиль, Лію) водили на водопой стада отца своего и работали дома вмѣстѣ съ рабами и рабынями; его сыновья пасли стада (вспомнимъ Иакова). Но какъ скоро является государственное устройство, то вмѣстѣ съ нимъ являются и сословія, является раздѣленіе занятій, быть городской и быть сельскій и т. д.

У египтянъ государственное устройство явилось, быть можетъ, ранне, чѣмъ у какого-либо другого народа древняго міра*).

намъ, остальная находилась во владѣніи членовъ царской фамиліи — князей); мелкіе земледѣльцы, у которыхъ не было своей собственной земли, должны были снимать въ аренду участки казенной или частной земли; за это они должны были нести различныя повинности, платить хозяевамъ земли огромные оброки и поэтому находились отъ нихъ въ полной зависимости. Земледѣльцы не могли даже бросить обрабатываемый участокъ земли, такъ какъ были прикрѣплены къ нему: не могли переходить отъ владѣльца земли къ другому — они были какъ бы вѣчными арендаторами. Кромѣ того, на этомъ населеніи лежали все остальные государственные подати и налоги, которые взыскивались очень строго, поэтому оно отличалось въ Египтѣ чрезвычайной бѣдностью — жило впроголодь. Лучше жило населенію въ городахъ, гдѣ оно занималось промышленностью и торговлей, а торговля въ Египтѣ была большая. Остальная масса несвободнаго населенія въ Египтѣ состояла изъ рабовъ, положеніе которыхъ было еще хуже, чѣмъ земледѣльцевъ. Это были люди совершенно безправные, ихъ даже не признавали за людей и приравнивали къ рабочему скоту; принадлежали они зажиточнымъ людямъ, и хозяева обращались съ ними крайне жестоко. Эти полуголодные рабы нерѣдко убѣгали отъ своихъ хозяевъ, образовывали воровскія шайки и грабили богатые гробницы. Такое строгое разграниченіе населенія Египта на касты, какъ только что описанное, постепенно однако ослабилось; касты превращались въ сословія (отличіе касты отъ сословія см. выше стр. 32). Случалось, что сынъ воина дѣлался жрецомъ и наоборотъ. Впослѣдствіи при многочисленныхъ войнахъ, которыя вели египетскіе цари, военная служба стала тяготить населеніе, своихъ воиновъ не хватало и пришлось призывать наемныя войска, состоящія изъ чужестранцевъ. Наконецъ, служба царю могла возвысить даже и простого человѣка до высшихъ степеней.

С. М.

*) Понятно, почему у египтянъ такъ рано появилось государственное устройство. Мы уже видѣли, что все благосостояніе Египта зависѣло отъ разлива Нила; иль и влага, оставленные рѣкою послѣ разлива, дѣлали почву Египта одной изъ самыхъ плодородныхъ на земномъ шарѣ. Египетскую страну въ древности даже называли „даромъ Нила“. Но чтобы воспользоваться благами наводненія, населенію приходилось употреблять много усилій и работы — надо было *руководить наводненіемъ*. Если

говорить, что первый и древнѣйшій городъ Египта былъ *Мемфисъ**), неподалеку отъ теперешняго *Каира*. Трудно съ достоверностью опредѣлить, когда онъ былъ основанъ, но должно думать, что онъ существовалъ уже по крайней мѣрѣ за 3500 л. до Р. Х., стало-быть, болѣе чѣмъ за 5000 лѣтъ тому назадъ. Основателемъ и первымъ царемъ Мемфиса преданіе называетъ *Менеса* (иначе *Мена*), но о немъ сохранились одни только темныя воспоминанія**). Послѣ Менеса слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ царей; жрецы записывали ихъ имена, которыя, благодаря этому, дошли и до насъ: за все время самостоятельнаго существованія Египта они насчитывали цѣлыхъ 30 династій!

Примѣрно за 2300 лѣтъ до Р. Х. Египетъ постигло *нашествіе*. На Египетъ напалъ дикій кочевой народъ; не удивительно, что дикихъ жителей степей соблазнила такая богатая страна, какъ Египетъ, и что они попытались завоевать ее. Сами египтяне называли своихъ завоевателей *шксы*, т.-е. *цари-пастыри* или *кочевники*; это названіе показываетъ, что, вѣроятно, пришельцы были кочующіе пастушескіе народы семитическаго племени, которыхъ жило много въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Египта, на Синайскомъ полуостровѣ и въ Сиріи.

предоставить рѣку самой себѣ, то она въ иныхъ мѣстахъ прорвется съ разрушительной силой, въ другихъ образуетъ лужи и болота вредной стоячей воды, а во многія мѣстности совсѣмъ не проникнетъ. Приходилось поэтому устраивать цѣлую сеть каналовъ, по которымъ вода расходилась бы по полямъ, плотины, которыя удерживали бы напоръ воды и т. д. Напримѣръ, въ Египтѣ, какъ мы знаемъ, было вырыто громадное *искусственное* Меридово озеро (Мѣрисъ), куда собирали во время наводненія лишнюю воду, и потомъ, въ случаѣ надобности, пользовались ею какъ запасомъ. Такія большія работы могли производиться только общими усиліями населенія, а не врознь. Сама *природа* вызывала жителей на *совокупную* работу, и вотъ почему египтяне такъ рано соединились въ одно государство. Первоначально населеніе Египта дѣлилось на многочисленныя племена (образовавшіяся, вѣроятно, изъ нѣсколькихъ родовъ), изъ которыхъ каждое образовало отдѣльное независимое, мелкое княжество въ различныхъ мѣстахъ страны. Эти мелкія княжества съ теченіемъ времени слились въ одно большое государство. Прежнія мелкія государства образовали провинціи „номы“, во главѣ которыхъ стояли назначенные царемъ правители изъ знатныхъ людей (номархи), передававшіе свою власть большей частью по наследству отъ отца къ сыну. Понятно, что эти областные правители пользовались большою властью и независимостью и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже противодѣйствовали царской власти и присваивали ее себѣ.

*) Иначе онъ назывался *Га-ка-Пта*, т.-е. домъ бога Пта (Фта); отсюда произошло греческое и наше названіе всей страны *Египетъ*. (Сами себя египтяне называли *Рету*, а землю свою *Кемитъ*).

**) Нѣкоторые ученые думаютъ даже, что Менесъ жилъ за 5000 слишкомъ лѣтъ до Рождества Христова!

2300
до Р.

Гиксы недолго удержали весь Египетъ. Часть населенія выселилась на югъ, въ Верхній Египетъ, гдѣ была основана новая столица, городъ *Оивы* (слово *Tane* на языкѣ египтянъ означало: столица, городъ), и здѣсь, вдали отъ чужеземцевъ, возникло новое, независимое египетское государство съ своими отдѣльными царями. Цари у египтянъ пользовались необыкновеннымъ уваженіемъ и почестями. Обыкновенный титулъ ихъ былъ: *фараонъ**), сынъ солнца, сынъ бога. Народъ падалъ ницъ на землю при появленіи царя; обращеніе къ нему звучало: „Ваша Святость“. Нѣкоторые изъ фараоновъ даже прямо величали себя богами, и имъ воздавались божескія почести. Фараоны неограниченно властвовали надъ своимъ народомъ, но, несмотря на свою неограниченную власть, сами находились подъ вліяніемъ жрецовъ. Жрецы были обыкновенно воспитателями фараона; изъ жрецовъ избирались его главные совѣтники; жрецы постоянно окружали фараона и занимали высшія придворныя должности, а такихъ должностей при дворѣ фараоновъ было очень много (помните изъ исторіи Іосифа: хлѣбодара, виночерпія и т. д.). Такимъ образомъ они оказывали огромное вліяніе на все управленіе государствомъ.

1700 до Р. X. *Оивскіе фараоны* съ теченіемъ времени такъ усилились, что одному изъ нихъ, *Тутмосису I* (по иному произношенію *Тутмесъ*) удалось около 1700 г. до Р. X. стѣснить и *вынать иксовъ* изъ Мемфиса и подчинить себѣ весь Египетъ. Съ этой поры начинается новый *блестящій періодъ въ исторіи Египта*. Оивы становятся столицею всего царства и разрастаются въ громадный городъ, о чемъ достаточно свидѣтельствуетъ ихъ прозвище у грековъ: *стогратныя*. Фараонъ, царствуя надъ всею страной, величаетъ себя „*владычиномъ Верхняго и Нижняго Египта*“ и въ знакъ этого носитъ двойную красно-бѣлую шапку или митру, украшенную золотымъ изображеніемъ священной змѣи, аспида. Но ему теперь мало властвовать надъ однимъ Египтомъ, — онъ ищетъ прославить себя *завоеваніями* въ сосѣднихъ странахъ. Такъ какъ Египетъ окруженъ съ двухъ сторонъ пустынею, то по самому его географическому положенію фараоны могли предпринимать свои завоевательные походы только въ теперешнюю *Нубію* (въ древности она называлась *Эіонія*) или въ *Сирію*: туда, дѣйствительно, и направляются египетскія войны.

1300 до Р. X. Замѣчательнѣйшій изъ царей-завоевателей былъ, жившій въ половинѣ XIV вѣка, около 1350 г. до Р. X., *Рамсесъ II Міамунъ* (т.-е. любимецъ Аммона — бога солнца). О его подвигахъ раз-

*) Думаютъ, что слово это означаетъ: хозяинъ большого дома.

Статуя Рамсеса.

SEATED FEMALE FIGURE

сказываетъ Геродотъ, и въ этихъ разсказахъ не мало преувеличеннаго. Вѣроятно, греки слышали много о славныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ этого царя, потомъ ему же одному приписали дѣла и подвиги еще многихъ другихъ царей, царствовавшихъ въ другое время; такимъ образомъ составились преувеличенные, изукрашенные сказочными подробностями, разсказы о другомъ великомъ, славномъ царѣ, котораго греки называли *Сезострисъ Великій*. Но, отбросивъ преувеличенія, мы изъ этихъ разсказовъ можемъ составить себѣ понятіе о воинственныхъ предпріятіяхъ, которыя совершали въ разное время самые воинственные и могущественные изъ фараоновъ.

Вотъ что, между прочимъ, Геродотъ разсказываетъ о Сезострисѣ. Когда онъ родился, отецъ его рѣшился воспитать его такъ, чтобы изъ него вышелъ великій государь, а такъ какъ *великимъ* государемъ, по мнѣнію древнихъ, былъ тотъ, который дѣлалъ наиболѣе завоеваній, то отецъ Сезостриса рѣшился воспитать его такъ, чтобы изъ него вышелъ хорошей воинъ. Для этого всѣ мальчики изъ касты воиновъ, родившіеся въ одинъ годъ съ сыномъ фараона, были собраны во дворецъ и здѣсь воспитаны вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ ними съ самаго ранняго дѣтства и сынъ фараона развивалъ свои тѣлесныя силы и ловкость въ гимнастическихъ и военныхъ упражненіяхъ, учился владѣть оружіемъ и такимъ образомъ сдѣлался храбрымъ, дѣятельнымъ воиномъ. Когда Сезострисъ возмужалъ и сдѣлался фараономъ, то своихъ сверстниковъ онъ поставилъ начальниками надъ войскомъ и рѣшился отправиться въ походъ для завоеванія другихъ, сосѣднихъ странъ. Войско у него было огромное (будто бы до 700.000; это, конечно, очень преувеличено); воины его одѣты были въ металлическое вооруженіе: на голову надѣвался мѣдный или желѣзный шлемъ, на тѣло—такой же панцырь, въ лѣвой рукѣ держали щитъ, въ правой—копье, ножъ или мечъ. Это были *тяжело-вооруженные*, но, кромѣ нихъ, было еще множество *легко-вооруженныхъ*, которые дѣйствовали преимущественно лукомъ и стрѣлами. Затѣмъ въ войскѣ Сезостриса было еще до 25.000 *колесницъ*. Колесницы составляли одну изъ рѣзкихъ особенностей, которыми древній способъ веденія войны отличался отъ нашего. Храбрый воинъ становился на легкую колесницу о двухъ колесахъ, запряженную двумя конями, которыми управлялъ особый возница. Возница направлялъ коней въ извѣстное мѣсто битвы, и воинъ съ колесницы металъ на враговъ копья и стрѣлы. Съ такимъ-то войскомъ Сезострисъ выступилъ въ походъ, и никто — говорить преданіе — не въ силахъ былъ противостоять ему.

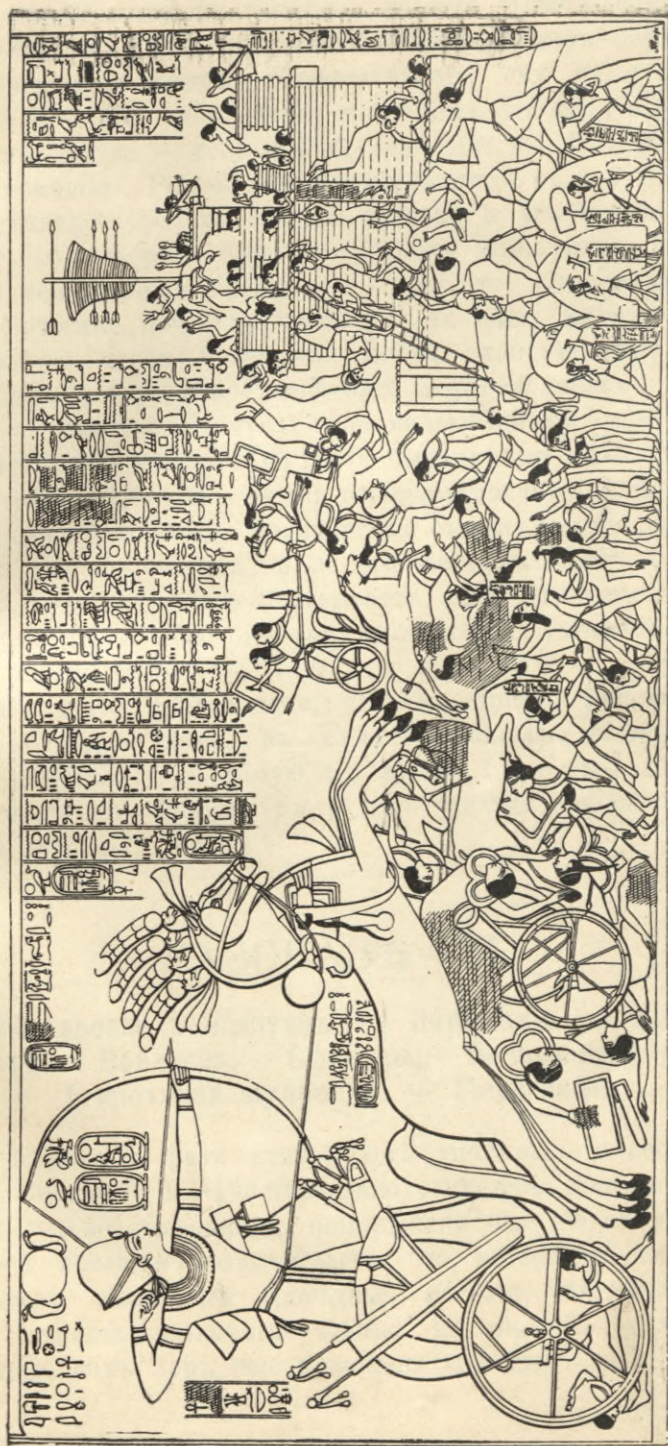

Множество странъ и множество царей признали его своимъ владыкой. Далеко распространилъ онъ предѣлы своего государства: будто бы на сѣверъ за Черное море, за самый Кавказъ (древняя *Колхида*); на югъ завоевалъ Эіопію, а на востокъ дошелъ до самой Индіи. Вездѣ на своемъ пути онъ старался оставить память о себѣ — о своемъ имени и своихъ побѣдахъ. Такъ, между прочимъ, во многихъ мѣстахъ онъ велѣлъ вырѣзать на скалахъ свое изображеніе. Вотъ что рассказывали греки про „Сезостриса Великаго“, слыша устные рассказы и преданія египтянъ объ ихъ величайшемъ фараонѣ.

Но Рамсесъ II Міамунъ и самъ позаботился оставить потомству долгую память о своихъ славныхъ дѣяніяхъ: до насъ дошло множество его статуй, изображеній, надписей, въ которыхъ, то словомъ, то рисункомъ, повѣствуется о его подвигахъ. О Кавказѣ и Индіи въ нихъ не упоминается — это позднѣйшая прикраса преданія—но зато очень много говорится о блестящихъ побѣдахъ въ Эіопіи и Сиріи. На стѣнахъ храмовъ мы видимъ, напримѣръ, его громадныя изображенія (остальные люди представлены совсѣмъ маленькими передъ нимъ); на одномъ изъ такихъ изображеній онъ въ колесницѣ, съ натянутымъ лукомъ преслѣдуетъ бѣгущихъ враговъ, а трупы неприятелей покрываютъ землю; на другомъ— онъ надменно ногою попираетъ голову побѣжденного царя или вождя, который смиренно „бьетъ челомъ“. Надписи соотвѣтствуютъ содержанію рисунковъ, т. е. также высокоумѣрны и полны самовосхваленія. На многихъ постройкахъ Рамсеса высѣчена на камнѣ цѣлая *хвалебная поэма* (сочиненная въ честь его придворнымъ пѣвцомъ, *Пентѣуромъ*). Въ ней повѣствуется о какомъ-то подвигѣ, который царь совершилъ въ битвѣ съ однимъ сирійскимъ народомъ*), но въ такихъ преувеличенныхъ, исполненныхъ лести чертахъ, что намъ за этими искаженіями очень трудно постигнуть правду, какъ будто бы мы читаемъ былинку, а не лѣтопись. Въ поэмѣ самъ молодой царь изображается прежде всего „грознымъ львомъ“, при *одномъ видѣ* котораго *сотни тысячъ* враговъ падаютъ ницъ. Въ битвѣ въ рѣшительную минуту царя покидаютъ объятые ужасомъ всѣ его начальники и воины, и онъ остается одинъ въ виду безчисленныхъ враговъ. „Всѣ они покинули меня“, говоритъ самъ царь. „Я воззвалъ тогда къ Аммону: гдѣ же ты, отецъ мой, Аммонъ? Когда же бываетъ, что отецъ покидаетъ сына? Развѣ я не сооружалъ тебѣ храмы, не наполнилъ ихъ

*) Именно *хетійцами*; жили они на Евфратѣ, а ихъ главный городъ былъ *Каргеминъ*, съ которымъ вы еще встрѣтитесь позже. — См. приложенный рисунокъ.

Битва Рамсеса съ хеттцами.
(Египетский рисунокъ.)

PLATE I
THE GREAT TEMPLE

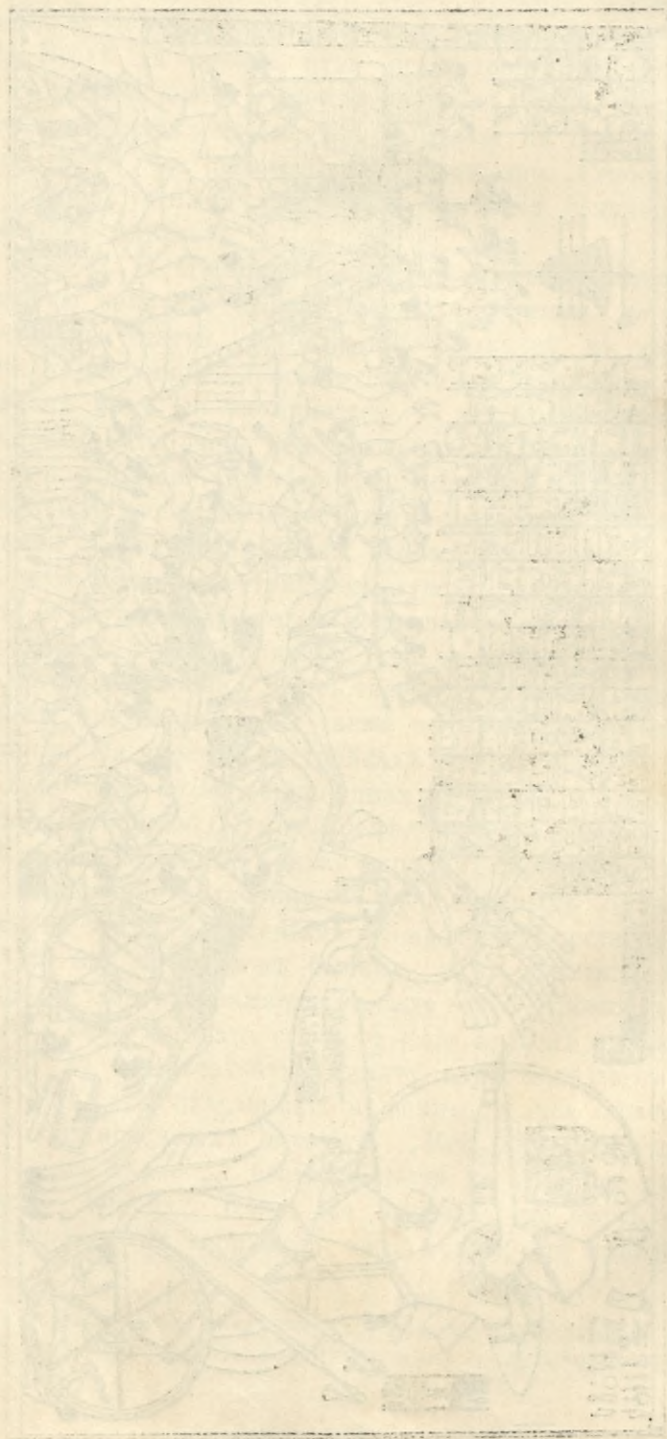

PLATE I

сокровищами и плѣнниками? Теперь, когда я одинъ, покинутый всѣми, неужели не придешь ты ко мнѣ на помощь? Одна твоя помощь дороже милліона воиновъ, десятка тысячъ всадниковъ! Гдѣ бы ты ни былъ, призываю тебя!“ На зовъ фараона немедленно является Аммонъ и протягиваетъ ему руку помощи: „Я здѣсь съ тобою, твой отецъ, я — богъ побѣды, я, который сильнѣе множества, — воля моя да совершится!“ Подкрѣпленный высшею помощью, Рамсесъ *одинъ* устремляется въ бой, приводитъ въ неслыханный трепетъ своихъ враговъ и *многія* ихъ *тысячи* обращаетъ въ позорное бѣгство. „Это не человѣкъ, — переговариваются между собою бѣглецы, — *это богъ*: онъ *одинъ* гонитъ тысячи! Убѣжимъ поскорѣе, чтобы спасти нашу жизнь!“ и т. д. Заканчивается поэма тѣмъ, что послѣ окончательной побѣды Аммонъ привѣтствуетъ побѣдоноснаго фараона словами: „Приди ко мнѣ, о Рамсесъ Міамунъ, мой возлюбленный сынъ!“ Здѣсь вы видите что-то похожее на нашу былину про Илью Муромца, который одинъ разгоняетъ цѣлыя татарскія полчища подъ Кіевомъ. Разница одна: египетская богатырская былина поется про *живое лицо*, для его восхваленія, и по его же приказанію высѣкается на камнѣ. Это достаточно показываетъ, какъ египтяне смотрѣли на своего царя, и какъ онъ самъ готовъ былъ смотрѣть на себя: *какъ на земного бога!*

Преданіе далѣе прибавляетъ, что Сезострисъ, возвратясь изъ своихъ походовъ, дома, въ Египтѣ, нашелъ заговорщиковъ, которые покусились на самую его жизнь: будто бы родной братъ хотѣлъ съжечь его, и лишь съ трудомъ удалось ему спастись изъ горящаго дворца.

РАЗСКАЗЪ VII.

Постройки древнихъ египтянъ. — Пирамиды. — Храмы. — Лабиринтъ. — Обелиски. — Сфинксы. — Положеніе евреевъ. — Египетская мудрость. — Героглифы.

Уже нѣсколько разъ приходилось упоминать о постройкахъ Рамсеса Великаго. И, дѣйствительно, египетскіе фараоны любили не одни только завоеванія; они любили еще *строиться*. Такъ о Рамсесѣ преданіе рассказываетъ, что, возвратясь изъ похода, онъ началъ воздвигать громадныя насыпи, плотины, копать каналы, строить различныя зданія; на многихъ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ до сихъ поръ еще красуется его имя.

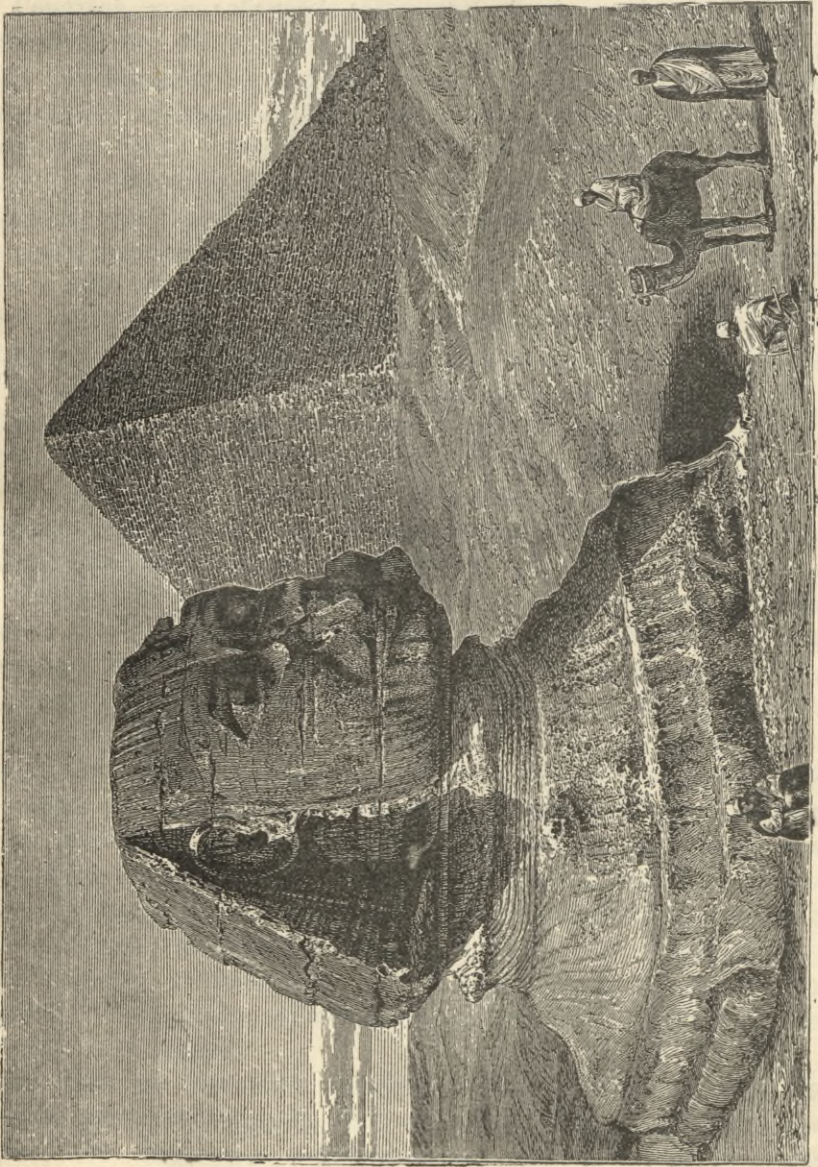
Кромѣ насыпей, каналовъ, озеръ для сохраненія въ запасѣ водъ Нила, фараоны воздвигали громадныя зданія, и эти зданія, эти постройки по истинѣ чудесны. Прежняго египетскаго государства нѣтъ, нѣтъ прежнихъ египетскихъ царей-фараоновъ, почти не осталось потомковъ древнихъ египтянъ, но отъ построекъ фараоновъ сохранились такіе остатки, которые до сихъ поръ приводятъ въ изумленіе своимъ колоссальнымъ величіемъ и составляютъ вѣковѣчные памятники могущества, богатства и искусства древнихъ египтянъ. Какіе же это памятники?

Первое мѣсто между ними занимаютъ искусственныя каменныя горы — пирамиды, сохранившіяся близъ древняго Мемфиса (на такъ называемомъ полѣ Гизехскомъ или полѣ пирамидъ подъ Каиромъ*). За 450 лѣтъ до Р. Хр. Египетъ посѣтилъ извѣстный уже вамъ отецъ исторіи, Геродотъ; онъ осмотрѣлъ пирамиды и оставилъ намъ ихъ описаніе, тѣмъ болѣе интересное, что это описаніе древняго очевидца. Послушаемъ же, что рассказываетъ Геродотъ. Самую высокую изъ пирамидъ (и теперь еще въ ней 480 фут. слишкомъ, т.-е. около 70 сажень высоты, между тѣмъ какъ нашъ московскій храмъ Спасителя имѣетъ 48 саж. высоты, а Иванъ Великій только 38 сажень), говоритъ Геродотъ, построилъ царь Хеопсъ (или Хуфу), и эта постройка стоила громаднхъ издержекъ: 1) надобно было ломать камни въ Аравійскихъ горахъ и обтесывать ихъ, 2) перевозить эти громадныя камни (въ тридцать и болѣе футовъ длиною!) на то мѣсто, гдѣ строились пирамиды. Здѣсь природнымъ фундаментомъ для каждой пирамиды служила скала, которая выравнивалась въ видѣ площади. На эту площадь укладывались камни рядами или слоями, одинъ рядъ на другой, при чемъ ряды кверху становились постепенно все уже (въ самой высокой изъ пирамидъ такихъ рядовъ или слоевъ было 205!). Для подъема громаднхъ камней (до 2½ футовъ боковой высоты) на второй и слѣдующіе ряды употреблялись машины. Такимъ образомъ, годъ за годомъ, постепенно суживаясь отъ основанія къ верху, выросла громадная каменная гора. Бока пирамиды состояли, стало-быть, изъ ступеней, лежавшихъ одна надъ другой; промежутки между этими ступенями заравнивались отполированными гранитными, мраморными и другими плитами, которыя такимъ образомъ составляли совершенно гладкую наружную обкладку или облицовку пирамиды.

Самую большую изъ пирамидъ, говоритъ Геродотъ, строили очень долго. Прежде самой пирамиды надобно было построить еще ка-

* См. прилагаемый рисунокъ.

„Большой Сфинксъ“ и пирамида.

менную плотину или дорогу (въ 3000 фут. длиною), по которой изъ горъ доставлялись камни. Одну эту плотину строили въ продолженіе *десяти лѣтъ* 100.000 человѣкъ, а самую пирамиду строили *тридцать лѣтъ* тоже 100.000 человѣкъ, смѣняясь по третямъ года.

Геродотъ могъ обозрѣть пирамиду только снаружи, — во внутренность его не пустили и не могли пустить, потому что входъ былъ совершенно заложенъ. Путешественники нашего времени счастливыѣ Геродота: они могутъ осматривать и внутренность пирамидъ. Зато, разумѣется, пирамиды и внутри и снаружи не могли сохраниться до нашего времени въ той цѣлости, въ какой когда-то могъ любоваться ими Геродотъ; съ тѣхъ поръ ихъ повредили не столько время, сколько руки человѣка. Слишкомъ за 1000 лѣтъ до нашего времени въ Египетъ вторглись арабы, народъ магометанской вѣры; они нашли доступъ во внутренность пирамидъ и разграбили все, что тамъ находилось. Теперь пирамиды лишены и наружной обкладки, которую жители *Каира* растаскали на свои постройки (она состояла, какъ мы видѣли, изъ разноцвѣтныхъ каменныхъ плитъ), верхняя площадка значительно обвалилась, но и теперь еще онѣ своею громадою производятъ поражающее впечатлѣніе. Теперь, когда обкладки нѣтъ, боковая поверхность пирамиды представляетъ рядъ высокихъ ступеней, на которыя можно взбираться только съ помощью проводниковъ-арабовъ*). Внутри пирамиды идетъ *ходъ* очень узкій и низкій, такъ что въ немъ мѣстами нельзя итти прямо, а приходится пробираться почти ползкомъ; онъ начинается съ 15-й ступени и сначала идетъ *наклонно*, потомъ поднимается *вверхъ* и приводитъ, наконецъ, въ комнату, находящуюся, такъ сказать, въ самомъ *сердцѣ* пирамиды и выложенную гранитными плитами. Подъ главной комнатой находится другая, которую обыкновенно называютъ *комнатой царицы*. Въ верхней комнатѣ находился *саркофагъ съ муміей царя*. Саркофаги или, вѣрнѣе, остатки саркофаговъ сохранились еще и теперь, но мумій въ нихъ уже нѣтъ: ихъ выбросили или сожгли арабы, разграбившіе все, что они нашли во внутренности пирамидъ. Вотъ какая судьба постигла эти величайшія сооруженія древнихъ египтянъ!

Для чего же строились пирамиды? Много было въ свое время сдѣлано разныхъ догадокъ на этотъ счетъ. Теперь извѣстно достоверно, что пирамиды исключительно служили для погребенія царей, которые еще при жизни начинали строить себѣ гробницы

*) Объ этомъ можно прочесть подробно въ уже указанной книгѣ русскаго путешественника Андреевскаго: Египетъ.

и не жалѣли для этой цѣли ни людей, ни издержекъ: такъ заботились они сберечь отъ разрушенія свои муміи, хотя старанія эти, какъ мы видѣли, и не удались. Геродотъ прибавляетъ, что въ его время на самой большой изъ пирамидъ еще была видна надпись, въ которой значилось, между прочимъ, что рабочіе, строившіе пирамиду, съѣли одного лука, рѣдьки и чесноку смѣшанкомъ на два милліона рублей серебромъ на наши деньги. Правда, зато трудъ былъ даровой: фараонъ тратилъ только на прокормленіе рабочихъ, да на машины и инструменты*).

Рядомъ съ высочайшей пирамидой, построенной фараономъ *Хеопсомъ* или *Хуфу*, стоятъ двѣ другія пирамиды, пониже, изъ коихъ одна выстроена *Хефреномъ* (или *Хафра*), другая — *Микериномъ* (или *Менкеромъ***) . Эти пирамиды были построены уже за 3000 лѣтъ до Рождества Христова! Остальныя (всѣхъ пирамидъ считаютъ до сотни) отличаются уже гораздо меньшими размѣрами. Между этими меньшими вниманіе Геродота остановили особенно двѣ, возвышавшіяся надъ водами *Меридова озера*. На каждой изъ этихъ двухъ пирамидъ помѣщалось громадной величины изображеніе царя въ сидячемъ положеніи. Вообще, египтяне любили изображать своихъ боговъ и царей въ огромныхъ размѣрахъ. Такія изображенія называютъ *колоссами*, и нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли до нашего времени. Особенно замѣчательны остатки двухъ такихъ колоссовъ, рядомъ стоящихъ неподалеку отъ древнихъ *Оивъ*, на лѣвой сторонѣ *Нила*. Еще въ древности было много разнообразныхъ толковъ объ одномъ изъ этихъ колоссовъ. Теперь извѣстно, что это изображеніе одного царя (именно *Аменофиса*). Греки назвали эту статую *колоссъ Мемнона****) и сложили объ этомъ Мемнонѣ цѣлый мифъ: Мемнонъ, говорили греки, былъ сынъ солнца, и каждое утро его статуя привѣтствовала восходъ отца его — свѣтила дня. Поводомъ къ происхожденію этого сказанія послужили звуки, которые статуя Мемнона будто бы, дѣйствительно, издавала каждый день при восхожденіи солнца. Эти звуки, ко-

*) Какъ выносливъ и неприхотливъ въ своей пищѣ до сихъ поръ потомокъ древняго египтянина свидѣтельствуютъ многіе путешественники: кусокъ черстваго хлѣба, небольшое количество лука и кореньевъ и до сихъ поръ составляютъ весь его ужинъ послѣ трудового дня.

**) Особенная судьба постигла саркофагъ царя *Микерина*. Онъ былъ найденъ въ 1837 году; его задумали перевезти (безъ муміи, которая осталась въ Египтѣ), въ Англію, но буря застала корабль у береговъ Испаніи, и саркофагъ поконится теперь на днѣ Атлантическаго океана.

***) Названіе Мемнонъ, можетъ-быть, произошло изъ имени фараона *Аменофиса*, (такъ какъ этотъ колоссъ есть его изображеніе), или изъ *Міамуна*, т.-е. любимца Аммона — прозвища многихъ фараоновъ.

Иб-Самбульскій храмъ.
(Колоссальныя изображенія Рамсеса II.)

торыхъ теперь уже не слышать, потому что колоссъ значительно поврежденъ, объясняютъ тѣмъ, что колоссъ былъ сдѣланъ изъ *скважистаго* камня. Ночью, когда воздухъ охладился, камень, изъ котораго состояла статуя, остывалъ и сжимался; утромъ же, когда камень нагревался отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, воздухъ, заключенный въ скважинахъ камня, стремился наружу съ нѣкоторымъ шумомъ, въ которомъ было нѣчто музыкальное.

Колоссы служили, между прочимъ, и для украшенія храмовъ. Такъ какъ египтяне были чрезвычайно набожны, то *храмы* были у нихъ многочисленны и строились въ громадныхъ размѣрахъ: они очень заботились о томъ, чтобы жилища боговъ ихъ были огромныя и величественныя. Храмы были двоякаго рода. Одни строились, какъ у насъ, на поверхности земли; развалины двухъ такихъ *надземныхъ* особенно замѣчательныхъ храмовъ, стоящихъ въ древнихъ *Фивахъ*, сохранились близъ двухъ арабскихъ деревень: *Луксора* и *Карнака*. Другіе храмы были *подземные*, они *высѣкались въ скалахъ*, какъ, на примѣръ, храмъ *Иб-Самбульскій* (его называютъ такъ потому, что его развалины сохранились въ *Нубіи*, близъ арабскаго мѣстечка *Иб-Самбула*)*. У входа этого храма находятся прислоненныя къ скалѣ четыре колоссальныхъ изображенія (въ сидячемъ положеніи) царя *Рамсеса II*, построившаго этотъ храмъ. Высота и всѣ размѣры каждой статуи поразительны: высота всей статуи 74 фута, одна только корона въ 16, борода — въ $6\frac{1}{2}$, ухо — въ 4, носъ — въ $3\frac{1}{2}$, глаза — въ $2\frac{1}{3}$, отъ одного плеча до другого — 29 футовъ! Особенно поразительно то обстоятельство, что при такой громадной величинѣ, египетскіе художники умѣли соблюсти съ чрезвычайною точностью и правильностью всѣ отношенія между отдѣльными частями лица и тѣла и не сдѣлать ихъ безобразными.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ храмовъ египетскихъ былъ *Лабиринтъ*, описанный Геродотомъ. Геродотъ рассказываетъ, что однажды въ Египтѣ царствовали двѣнадцать царей; они жили между собой въ мирѣ и согласіи и въ память этого построили громадный дворецъ. Въ этомъ дворцѣ было двѣнадцать дворовъ, окруженныхъ галереями, и *три тысячи покоевъ*: тысяча пятьсотъ надъ землею и столько же подъ землею. Верхніе, надземные покои Геродотъ видѣлъ и обходилъ самъ, но подземную половину жрецы ни за что не соглашались ему показать, только сказали, что тамъ хранятся муміи царей, построившихъ лабиринтъ, и муміи священныхъ крокодиловъ. Греки стали впоследствии называть лаби-

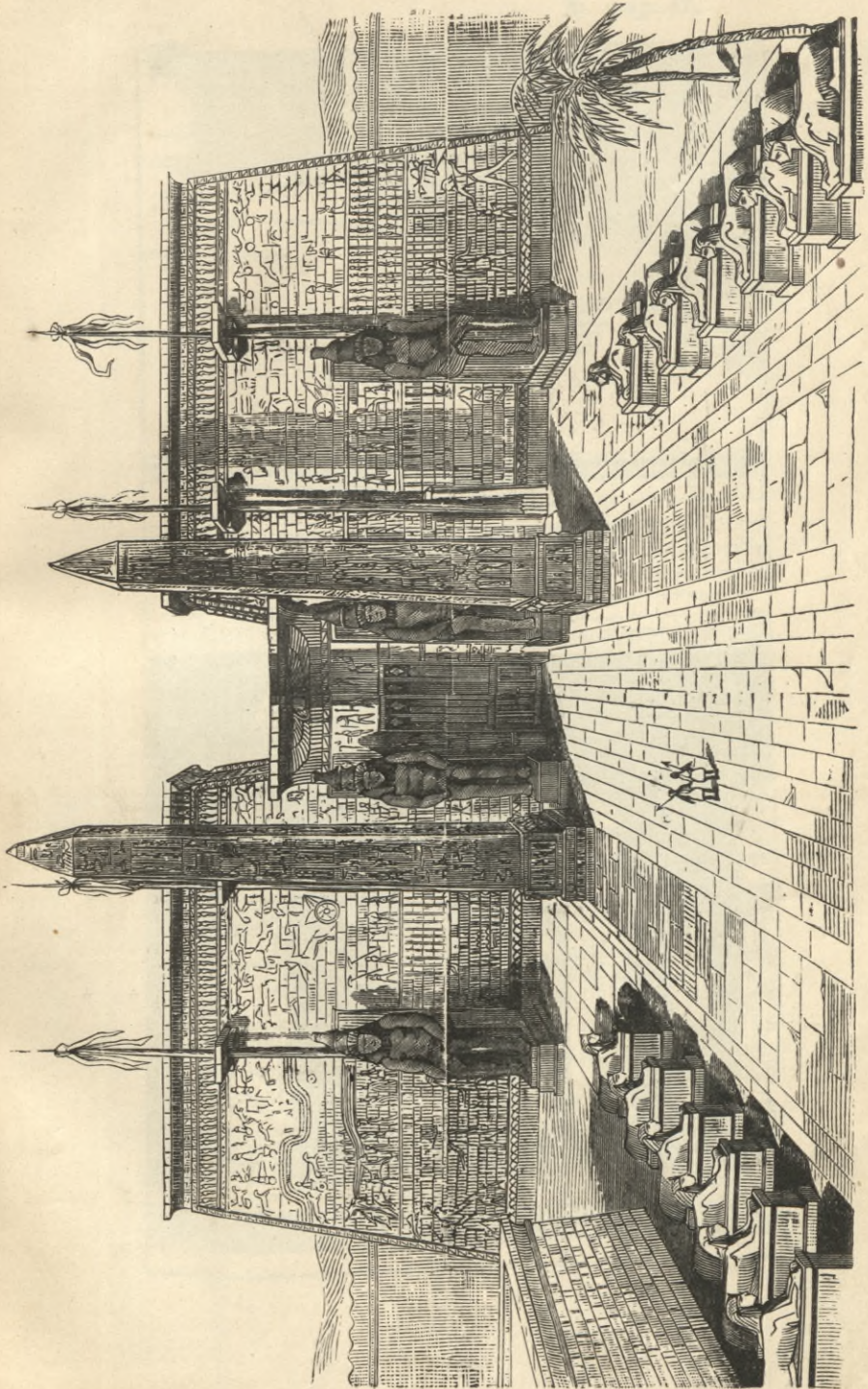
*) См. прилагаемый рисунокъ.

ринтомъ всякое запутанное собраніе множества комнатъ или ходовъ, гдѣ можно заблудиться. Геродотъ говоритъ, что это былъ дворець, но почти нельзя сомнѣваться, что и это былъ тоже *храмъ*, и притомъ *храмъ солнца*. На это указываетъ число дворовъ: двѣнадцать — по числу мѣсяцевъ въ году — у египтянъ число священное, затѣмъ 3000, число комнатъ, — также священное число: это — число лѣтъ, въ которое, думаютъ, совершалось переселеніе и очищеніе души. Самое названіе „лабиринтъ“ по-египетски значить: „храмъ у озера или канала“.

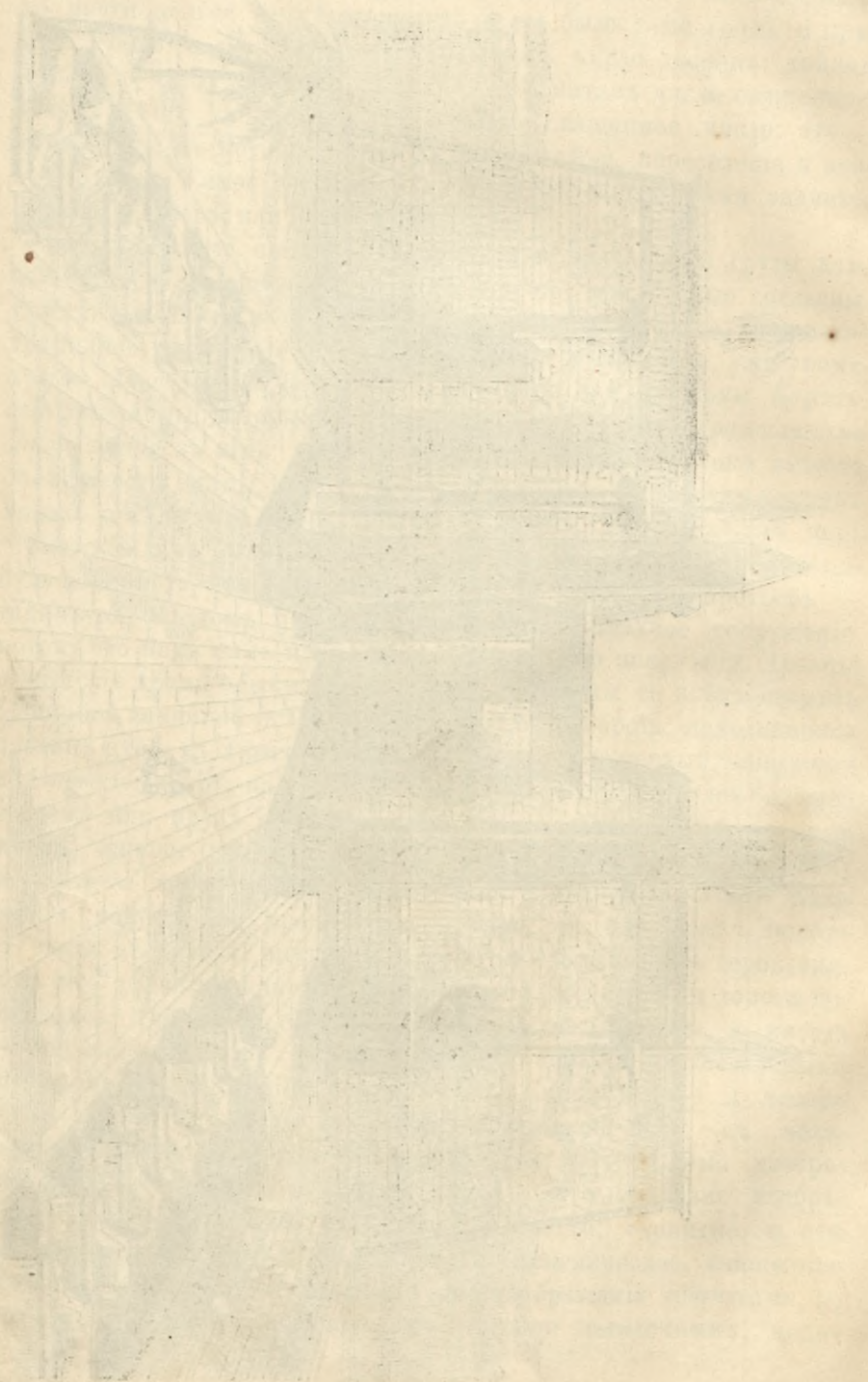
Отъ лабиринта остались въ настоящее время однѣ груды камней, занесенныя пескомъ, да и то еще не всѣ ученые согласны, дѣйствительно ли это именно его развалины. Гораздо лучше сохранились нѣкоторыя другіе храмы, какъ, на примѣръ, уже упомянутые: *Луксорскій* и *Карнакскій*. Особенно замѣчательны *Карнакскія* развалины, которыя считаютъ *самыми громадными развалинами одною зданія въ мірѣ*: дѣйствительно, въ одну сторону онѣ имѣютъ болѣе версты длины, въ другую — съ полверсты. Здѣсь даже не одинъ храмъ, а цѣлыхъ 11, соединенныхъ вмѣстѣ: почти каждый царь египетскій какъ бы считалъ свою священною обязанностью что-нибудь поправить, прибавить и пристроить къ святилищу предковъ — такимъ-то образомъ и составилось такое громадное сооруженіе, потому что надъ нимъ потрудились очень много поколѣній. Древніе египетскіе храмы обыкновенно бывали обнесены со всѣхъ сторонъ обширной каменной стѣной, за которую вели ворота, находившіяся противъ входа въ храмъ. Стѣна эта образовывала первый, *наружный* или *внѣшній* дворъ, на которомъ росли пальмы, и находился большой водоемъ или прудъ съ водою (для *омовенія* или купаній, которыя жрецы, жившіе при храмахъ, должны были совершать по закону *четырежды* въ сутки: два раза *днемъ* и два раза *ночью*). Какъ дорога, ведущая во храмъ, такъ и путь отъ наружныхъ воротъ до входа въ другой, внутренній дворъ не обсаживались деревьями, какъ это дѣлается иногда у насъ; но по обѣ стороны дороги помѣщались, иногда въ одинъ рядъ съ каждой стороны, а иногда въ нѣсколько рядовъ, *цѣлыя сотни* каменныхъ, колоссальныхъ размѣровъ изображеній, которыхъ въ Карнакѣ еще и теперь очень много — до тысячи. Это — лежащіе львы съ чело-вѣческой головою; иногда ихъ замѣняютъ колоссальныя изображенія барановъ. Такъ какъ мы знаемъ, что египтяне изображали своихъ боговъ въ видѣ животныхъ, то, очевидно, и эти изображенія тоже имѣли какое-нибудь символическое, священное значеніе. Древніе греки называли эти изображенія *сфинксами*, и, такъ какъ сфинксы казались имъ чѣмъ-то загадочнымъ, непо-

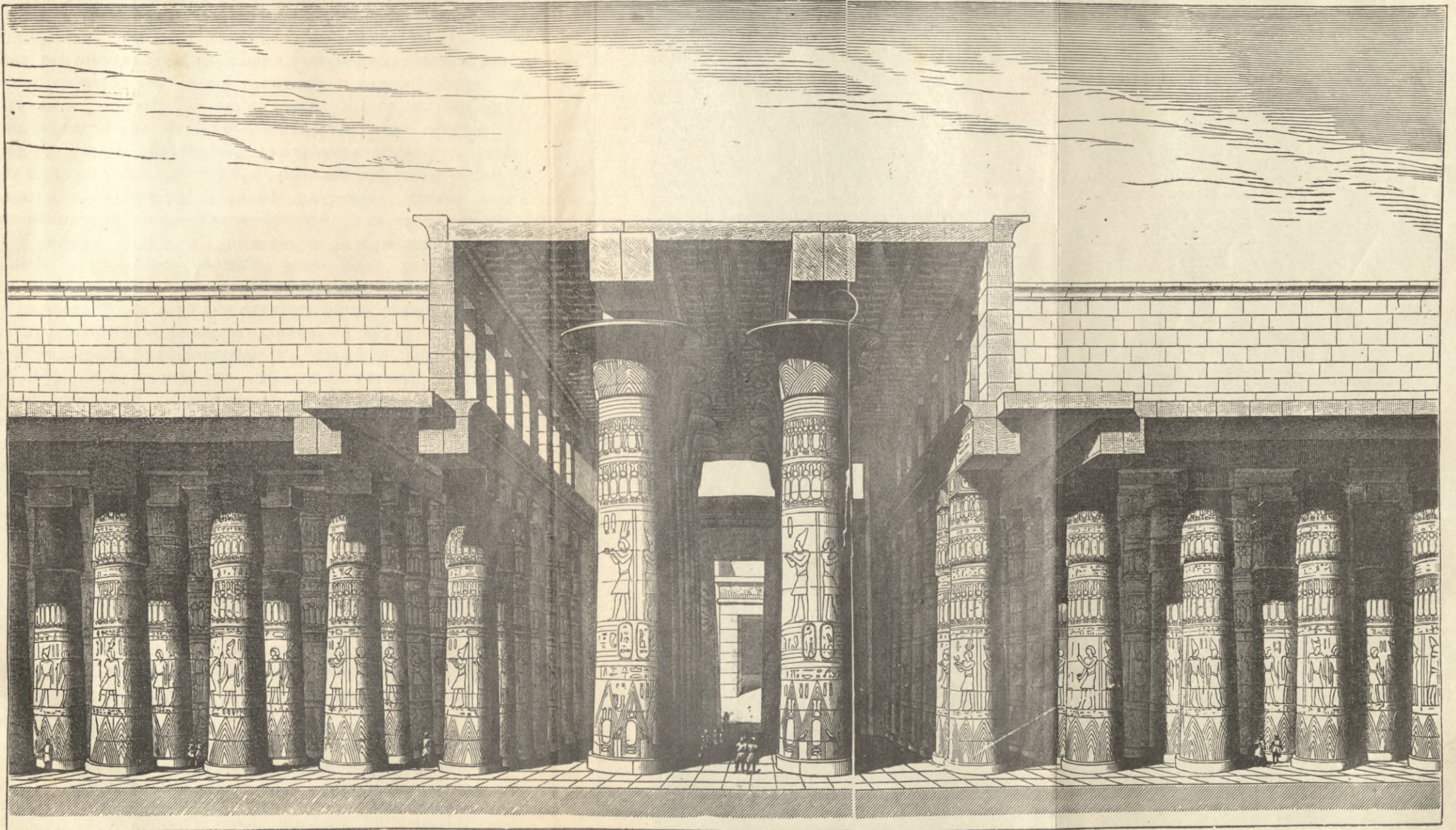
Пилонъ Египетскаго храма.

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

Главный дворъ Карнакскаго храма (Реставрація).

нятнымъ, они стали называть этимъ именемъ все *непонятное, загадочное**).

Аллея изъ сфинксовъ ведетъ ко входу храма или, собственно говоря, только ко входу во второй, *внутренний дворъ* храма. Входъ этотъ составляютъ огромныя ворота, по сторонамъ которыхъ возвышаются двѣ пирамидальныя башни, скошенныя по бокамъ и съ плоской кровлей; эти башни называются *пилоны* (слово греческое, значить „ворота“). Передъ пилономъ, по обѣимъ сторонамъ, ставились обыкновенно *obeliski* — четверугольные столбы, высѣченные изъ цѣлаго камня; они суживаются кверху и заканчиваются заостренной пирамидкой; по большей части сверху донизу они покрыты вырѣзанными на камнѣ рисунками. Самый верхъ египтяне покрывали вызолоченною бронзой. Такъ какъ египетскіе памятники всегда поражали вниманіе и возбуждали удивленіе европейцевъ, и такъ какъ обелиски всего было удобнѣе перевезти, то нѣкоторыя столицы Европы украсили обелисками свои главныя площади**). За воротами слѣдуетъ опять обширный дворъ въ видѣ продолговатаго четверугольника, со всѣхъ сторонъ обведенный галлереей, опирающейся на длинный рядъ *колоннъ*. Колонны эти, какъ и все, что строили египтяне, поражаютъ своей необыкновенной внушительностью и размѣрами. Въ Карнакскомъ главномъ дворѣ***) ихъ считаютъ до 140; нѣкоторыя — вышиною въ 32 аршина, а въ окружности имѣютъ 14 аршинъ, такъ что нѣсколько человекъ едва въ состояніи ихъ обхватить. Вообще, *изъ всѣхъ колоннъ, помѣщенныхъ внутри какого-либо зданія въ мірѣ, карнакскія — самыя высокія и толстыя*. Ко двору, наконецъ, примыкалъ уже самый храмъ (или *святылище*), сравнительно съ вышиною надворной колоннады — болѣе низкій и притомъ мрачный (въ храмахъ не было оконъ), но и самый этотъ полумракъ придавалъ египетскимъ храмамъ что-то таинственное, какое-то особенное, мрачное величіе. Въ самой глубинѣ храма помѣщался идолъ бога или богини, которымъ храмъ былъ посвященъ, или другой какой-нибудь предметъ поклоненія (напримѣръ, священная лодка съ разными символическими изображеніями).

*) Отъ грековъ это выраженіе перешло и къ намъ; желая сказать: „это человекъ непонятный, загадочный“, мы говоримъ: „это какой-то сфинксъ, онъ настоящій сфинксъ“.

**) Слово *obeliskъ* по-гречески значить *шолочка* — такъ шутивно называли греки эти памятники, которые мы бы скорѣе назвали *пилищами*. Въ Александріи стоитъ до сихъ поръ обелискъ, который, по имени одной египетской царицы, зовутъ *илою* Клеопатры.

***) См. прилагаемый рисунокъ.

Въ святилище имѣли доступъ только царь и главные жрецы, а толпа народа оставалась во внутреннемъ дворѣ; иногда же, въ особые дни, святыню съ особеннымъ торжествомъ выносили на показъ непосвященныхъ, которые встрѣчали ее съ величайшимъ благоговѣніемъ. Преимущественно храмы строились царями, которые, восхваляя боговъ, не забывали и о своемъ прославленіи; поэтому стѣны храмовъ обыкновенно покрыты царскими изображениями и описаніями различныхъ царскихъ подвиговъ.

Вотъ главныя сооруженія египтянъ. Многія изъ нихъ своимъ существованіемъ обязаны трудамъ и замысламъ *Рамсеса Міамуна*. До сихъ поръ еще въ огромномъ числѣ встрѣчаются въ Египтѣ надписи, изображенія и статуи побѣдоноснаго владыки и продолжаютъ напоминать о его блестящемъ, славномъ царствованіи. По необыкновенно счастливой случайности до насъ дошли не только изображенія, но даже сохранилась *собственная мумія великаго фараона*. Она покоится теперь въ *Каирѣ*, въ *Булакскомъ* музеѣ, гдѣ хранятся разныя египетскія древности*).

Мы видѣли, какъ велики были египетскія сооруженія и какого огромнаго количества рабочихъ рукъ они должны были требовать. Откуда же брали фараоны этихъ рабочихъ? Геродотъ рассказываетъ, что, кромѣ собственно египетскихъ рабочихъ, для сооруженій употреблялись цѣлые десятки тысячъ плѣнниковъ; такъ, по его словамъ, Рамсесъ Великій всѣхъ своихъ военноплѣнныхъ обратилъ въ рабочихъ, заставилъ ихъ копать землю, насыпать землю, жечь кирпичи. Работы были тяжелыя, плѣнниковъ угнетали, заставляли ихъ работать до совершеннаго изнеможенія. И не однихъ только плѣнныхъ постигала такая участь: употребляли на работы также иноплеменниковъ, жившихъ въ Египтѣ подъ властью египтянъ. Къ числу такихъ иноплеменниковъ принадлежали и евреи. Книга *Исходъ* (въ Библии) свидѣтельствуетъ, что значительная и тяжелая доля въ этихъ постройкахъ досталась евреямъ; изъ этой книги мы знаемъ также и то, какъ тяжело отъ подобныхъ работъ приходилось евреямъ. „Сыны Израилевы, — рассказываетъ въ этой книгѣ, — расплодился и размножился (изъ рода образовался цѣлый народъ, который раздѣлился на племена, или колѣна, по числу сыновей Іакова), и возросли, и усилились чрезвычайно, и наполнялась ими земля египетская. И возсталъ въ Египтѣ новый царь, который не зналъ Іосифа. И сказалъ народу своему: вотъ народъ сыновъ Израилевыхъ

*) Разсказъ о томъ, какъ неожиданно разыскали эту мумію и самый рисунокъ съ нея, можете найти въ дополненіяхъ.

многочисленъ и сильнѣе насъ. Перехитримъ же его, чтобы онъ не размножался; иначе, когда случится война, соединится и онъ съ нашими непріятелями, и вооружится противу насъ, и выйдетъ изъ земли нашей. И поставили надъ нимъ начальниковъ работъ, чтобы изнуряли его тяжкими работами... Но чѣмъ болѣе изнуряли его, тѣмъ болѣе онъ умножался и тѣмъ болѣе возрасталъ, такъ что египтяне опасались сыновъ Израилевыхъ. Потому египтяне съ жестокостію принуждали сыновъ Израилевыхъ къ работамъ и дѣлали жизнь ихъ горькою *отъ тяжелой работы надъ глиною и кирпичами* и отъ всякой работы, къ которой *принуждали ихъ съ жестокостію*⁴. Этотъ фараонъ, о которомъ упоминается въ книгѣ Исходъ, фараонъ „не знавшій Іосифа“, какъ полагаютъ, былъ *Рамсесъ II Міамунъ*, а исходъ изъ Египта совершился при его сынѣ и наслѣдникѣ, фараонѣ *Менефтѣ*, около 1320 года. На одномъ египетскомъ памятникѣ^{Ок. 132} сохранилось изображеніе, представляющее, какъ рабочіе заняты^{до Р.} различными работами по постройкѣ какого-то большого зданія: одни мѣсятъ глину, другіе таскаютъ кирпичи и камни, складываютъ ихъ, заравниваютъ промежутки, а египетскіе надсмотрщики сидятъ тутъ же и, держа въ рукахъ палку, слѣдятъ за работой. По типу лица, по волосамъ и бородѣ (египтяне не носили бороды), нельзя сомнѣваться, что эти рабочіе, занятые такими тяжелыми трудами, — евреи.

Причина, почему египтяне такъ не взлюбили евреевъ и такъ угнетали ихъ работой, указана отчасти въ приведенномъ выше мѣстѣ книги *Исходъ*. Египтяне, какъ народъ, рано успѣвшій создать государство, создать свою образованность, украсить свою землю такими великолѣпными сооруженіями, были народъ гордый: они съ презрѣніемъ смотрѣли на сосѣдніе *кочевые* народы, жившіе въ Аравіи и Палестинѣ, и даже *брезгали* чужестранцами. Въ книгѣ Бытія, въ исторіи Іосифа, говорится, что, когда Іосифъ угощалъ своихъ братьевъ, еще неузнанный ими, „ему подали особо, и имъ особо, и египтянамъ, обѣдавшимъ съ нимъ, — особо, ибо *египтяне не могутъ ѣсть съ евреями, потому что это мерзость для египтянъ*“. Если египтяне вообще брезгали чужестранцами, то евреевъ они особенно презирали, какъ *народъ пастушескій*: изъ степей, гдѣ жили пастушескіе народы, соплеменники евреевъ, вторгся нѣкогда и степной народъ — гиксы. Неудивительно, что, помня это, египтяне *не любили* евреевъ, и, какъ сказано выше, *боялись*, чтобы враги египтянъ, какіе-нибудь новые гиксы, вторгнувшись въ Египетъ, не нашли въ евреяхъ союзниковъ. Геродотъ говоритъ, что тягость работъ вызывала ропотъ и возму-

шенія между осужденными на работу военноплѣнными; роптали и евреи; но эти возмущенія и ропоть только еще болѣе раздражали египтянъ и дѣлали ихъ еще болѣе жестокими. Такъ продолжалось, пока не явился среди евреевъ человѣкъ, который приобрѣлъ нравственную власть надъ своимъ народомъ и воспользовался этой властью для того, чтобы избавить сыновъ Израилевыхъ отъ рабства и вывести ихъ изъ земли египетской. Этотъ великій человѣкъ былъ **Моисей**. Вы знаете, какими обстоятельствами сопровождалось его рожденіе и его дѣтство. Вы знаете также, что онъ былъ воспитанъ при дворѣ фараона: „взяла его дочь фараона и воспитала его у себя, какъ сына, и наученъ былъ Моисей всей мудрости египетской“. Вы знаете, что, несмотря на все это, онъ остался евреемъ въ сердцѣ своемъ, но воспользовался всѣмъ, что могла дать ему современная египетская мудрость.

Въ чемъ же состояла *египетская мудрость*? Египтяне, какъ мы уже не разъ говорили, принадлежали къ числу древнѣйшихъ по образованности народовъ. Въ то время, когда евреи еще не умѣли ни читать, ни писать, египтяне *давно уже имѣли письма, ими самими изобрѣтенныя*. Письмена египетскія не вдругъ приняли свою окончательную форму: они прошли рядъ постепенныхъ измѣненій и усовершенствованій. Сначала египтяне скорѣе *рисовали*, чѣмъ писали. Надобно было, напримѣръ, передать на письмѣ какое-нибудь слово, напримѣръ: царь, левъ, орелъ, солнце, пирамида, — египтяне дѣлали это не посредствомъ буквъ, какъ мы это дѣлаемъ, потому что до буквъ они дошли не вдругъ; сначала они просто рисовали маленькую *фигурку царя* съ вѣнцомъ на головѣ и со скипетромъ въ рукѣ или *фигурку льва, орла, солнца* съ его лучами, *пирамиды*, вообще фигурку того предмета, который было нужно изобразить. Но египтяне должны были очень скоро замѣтить, что такой способъ изображенія весьма недостаточенъ и неудобенъ. Предметы видимые, вещественные — было легко нарисовать, но какъ нарисовать картинку отвлеченнаго понятія? *Льва, фараона, орла, гору, дитя, волны* (волнообразная линія изображала воду или рѣку) можно нарисовать, но какъ нарисовать: *храбрость, могущество, быстроту, добродѣтель?* и т. п. Для этого египтяне придумали сначала такой способъ: они выбирали какую-нибудь фигуру, изображеніе *животнаго, птицы* или какого-нибудь *неодушевленнаго предмета* и придавали ему *условное значеніе, уславливались*, что такая-то фигура означаетъ извѣстное отвлеченное понятіе или извѣстное качество. Фигуры старались, разумѣется, подбирать *подходящія къ той мысли, къ тому понятію*, которыя хотѣли изобразить.

Такъ, напริมѣръ, для того, чтобы изобразить *храбрость*, можно было нарисовать *льва*, потому что левъ — храбрѣйшій изъ звѣрей, или *орла*, опять потому, что орелъ между птицами то же, что левъ — между звѣрями. *Нога въ западнѣ* значила — обманъ; *человѣкъ съ связанными назадъ руками* — плѣнникъ; *горизонтальная линія съ звездочкой подъ нею* — ночь, одна горизонтальная полоса съ загнутыми концами — небесный сводъ, небо; *крокодилъ* — символъ Египта (потому что тамъ много крокодиловъ); *глазъ съ текущими слезами* — плакать; *два ноги* — итти и т. д. Иногда такіе условные знаки выбирались по случайному созвучію словъ, когда одно слово означало и предметъ вещественный и отвлеченный. Напрімѣръ, *пальма* (𓆎) означала и *пальмовое дерево* и *годъ*, потому что пальма и годъ по-египетски обозначаются однимъ словомъ *рѣмнэ*. Фигурка *пальца* (𓆏) означала и *палецъ* и *десять тысячъ*, потому что по-египетски и то и другое выражалось однимъ словомъ *тэбѣ*. Чтобы обозначить множественное число, одинъ и тотъ же предметъ изображали три раза. Такія условныя изображенія, которыя не представляютъ самаго предмета, но только вызываютъ въ умъ известную мысль, известное понятіе, называются *символическими**).

Такимъ образомъ, соединяя рисунки и символическія изображенія, египтяне могли иногда изображать довольно сложныя мысли. Такъ, напр., по словамъ одного древняго греческаго писателя, на входѣ одного египетскаго храма было слѣдующее изображеніе:

Первая фигурка означаетъ ребенка, юношу (на это долженъ указывать палецъ, положенный въ ротъ); вторая — старика, опирающагося на палку; третья — коршуна, а такъ какъ коршунъ высоко паритъ надъ землею, то египтяне съ его изображеніемъ соединяли понятіе о божествѣ; четвертая — рыбу, изображеніе которой символически означало: ненавидѣть; наконецъ, пятая — бегемота (или гишпопотама), который, какъ дикое животное, означалъ понятіе о безстыдствѣ, преступленіи, грѣхѣ. Придавая такое значеніе этимъ пяти значкамъ, египтяне читали ихъ всѣ вмѣстѣ такъ: „Юноши (и) старцы, (помните, что) богъ ненавидитъ преступленіе!“

*) Такое письмо называется *иносказательнымъ*, а первое, когда непосредственно изображается самый предметъ — *предметнымъ*.

Такими символами или символическими знаками были покрыты все египетскія сооружеія: стѣны ихъ храмовъ, пирамиды, обелиски и проч. Такиа письмена греки называли *героглифами* (значить „священныя изваянія“)*). Но если бы египтяне остановились на этомъ, если бы они не пошли далѣе рисунковъ и символовъ, то еще нельзя было бы сказать, что у ихъ были письмена. Никакая память не могла бы запомнить знаки; изображающіе различныя слова, когда для *всякаго* слова былъ бы *особый* знакъ; потому египтяне скоро усовершенствовали свое письмо, придумавъ сначала изображать отдѣльные, сходные по звуку *слоги* въ различныхъ словахъ одинаковымъ образомъ, напр. слогъ *аб*, хотя бы онъ встрѣчался въ различныхъ словахъ, уговорились изображать фигурой *слона*, слогъ *ан* — фигурой *рыбы* и т. д. Отсюда уже не трудно было перейти и къ настоящимъ буквамъ, т.-е. къ изображенію уже *не слоговъ*, а *отдѣльныхъ звуковъ*, изъ которыхъ составляются *слоги*. Для обозначенія звука стало употребляться обыкновенно изображеніе какого-нибудь предмета, названіе котораго начиналось съ того самаго звука, который хотѣли обозначить. Напримѣръ фигурка *ноги* (*патъ*) означала звукъ *п*, *рука* (*амаге*) — *а*, *заяцъ* (*убзе*) — *у*, *змя* (*сеть*) — *с*, *ладонь* (*тотъ*) — *т*, *корзинка съ ручкой* (*котъ*) — *к* и т. д. Такъ составились понемногу правильныя египетскія письмена. Впрочемъ, у египтянъ все-таки никогда не было такого однообразнаго и удобнаго письма, какъ у насъ, потому что 1) изображеній для одной и той же буквы было нѣсколько, такъ какъ, вообще говоря, изображеніе каждаго слова, начинающагося съ этой буквы, могло обозначать эту букву, а такихъ словъ было очень много: поэтому и героглифическихъ знаковъ насчитывается болѣе *тысячи*; 2) несмотря на появленіе *буквъ*, рядомъ съ ними употреблялись очень часто и изображенія *слоговъ*; 3) наконецъ, нѣкоторыя слова и понятія египтяне по старой памяти и привычкѣ продолжали изображать прямо рисунками (напр. ☉ — солнце, — пирамида, — годъ). Кроме того, многіе знаки прибавлялись къ словамъ только для объясненія и обыкновенно не читались, какъ, напр., знакъ ☉ (какъ бы планъ города) прибавлялся обыкновенно къ названію города или страны; передъ названіемъ звѣзды ставилось изображеніе звѣзды; къ собственному имени прибавлялось изображеніе челоуѣка (для имени мужчины — мужская съ бородою, для ребенка — дѣтская фигурка, съ пальцемъ у рта); когда означало

* Геросъ — священный, мифо — высѣваю, вырубая.

годъ, передъ нимъ ставилось ☉— солнце (такъ какъ годъ измѣряютъ по теченію солнца) и т. д.

Такимъ образомъ выходило письмо очень запутанное и сложное, но зато оно необыкновенно какъ *шло къ украшенію зданій*;obelisks, храмы и другія зданія, украшенные расписанными разными красками гіероглифическими изваяніями, и до сихъ поръ представляютъ поразительно красивое зрѣлище. Читались гіероглифы по большей части отъ лѣвой руки къ правой, но иногда и наоборотъ — съ правой къ лѣвой. Читать нужно было отъ той стороны, куда обращены головы животныхъ и птицъ. Первоначально египтяне ограничивались тѣмъ, что своими красивыми письменами покрывали стѣны зданій, но впослѣдствіи они стали пользоваться ими, подобно намъ, и *просто для письма*. Только вмѣсто нашей бумаги, выдѣлываемой изъ тряпокъ, они приготовляли бумагу изъ *папируса*, камышевиднаго растенія, обильно покрывающаго берега Нила*). Египетскія рукописи представляютъ длинные свертки: такъ было и у насъ встарину, когда, вмѣсто нашихъ согнутыхъ и сшиваемыхъ тетрадю листовъ бумаги, употреблялись такъ называемые *столбы* или *свитки*, т.-е. свертки, состоявшіе изъ листовъ, склеенныхъ по своей длинѣ и для удобства свертывавшихся въ трубку. Такихъ свертковъ папируса найдено довольно много въ катакомбахъ. Вмѣсто нашихъ перьевъ употреблялись заостренныя камышевыя палочки, у древнихъ грековъ называвшіяся *стилемъ* и до сихъ поръ еще подъ именемъ „*калама*“ употребляемыя у арабовъ, индусовъ и другихъ восточныхъ народовъ. Какъ у насъ рукописное письмо (*скорось*) отличается отъ печатнаго, такъ было и у древнихъ египтянъ. Когда нужно было писать на папирусѣ, то они употребляли болѣе легкое, болѣе удобное и быстрое письмо (такъ называемое *демотическое*, т.-е. народное, общедоступное)**). Это письмо, главнымъ образомъ, отличалось: 1) упрощенностью своихъ знаковъ; это были уже не настоящіе рисунки, а только намеки на рисунокъ (напр. вмѣсто гіероглифическаго рисунка пальца } въ демотическомъ письмѣ мы встрѣчаемъ простое линей-

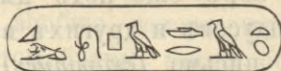
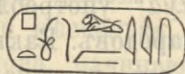
*) Стебель папируса достигаетъ до 15 футовъ высоты. Для приготовления бумаги употреблялась собственно тонкая внутренняя оболочка, заключающаяся подъ наружной корой (дубъ, мочало). Сдирая ее во всю длину стебля, получали длинныя и узкія полоски (вершка въ 2½ ширины), которыя смачивали водой, потомъ накладывали краями одну на другую; края крѣпко слипались отъ дѣйствія заключающагося въ растеніи клейкаго сока; затѣмъ ихъ прессовали и просушивали на солнцѣ. Для полученія болѣе плотной бумаги, на первый слой наклеивался еще другой слой такихъ полосокъ.

**) Такъ оно называется въ отличіе отъ *гіератическаго*, т.-е. священнаго.

ное на чертаніе 1) ; 2) тѣмъ, что, какъ дѣлается и у насъ, для большей простоты письма отдѣльные знаки стали связывать другъ съ другомъ.

Долгое время европейскіе ученые не понимали гіероглифовъ, даже думали, что это просто рисунки безъ всякаго смысла, служившіе для одного украшенія. Только въ 1799 году, когда французы подъ предводительствомъ *Наполеона Бонапарта* предприняли походъ въ Египетъ, была найдена въ городѣ *Розеттѣ* каменная доска съ тремя надписями: одною — гіероглифическою, другою — демотическою и третью — греческою, которая и бросила первый свѣтъ на египетскую письменность. Изъ греческой надписи оказалось, что на доскѣ вырѣзано постановленіе жрецовъ въ честь египетскаго царя *Птолемея*, написанное египетскими письменами и переведенное на греческій языкъ. Сравнивая внимательно оба текста: египетскій и греческій, французскій ученый *Францискъ Шамполионъ младшій*, жившій въ началѣ прошлаго столѣтія, впервые нашель, наконецъ, *ключъ* къ чтенію и объясненію гіероглифовъ. Онъ именно замѣтилъ въ египетскомъ текстѣ, что нѣкоторыя гіероглифическія изображенія окружены какъ бы рамками*) и, сравнивая съ греческимъ переводомъ, сообразилъ, что это должны быть собственные имена, и что слѣдующія, на примѣръ, изображенія должны заключать въ себѣ имена царя и царицы, *Птолемея* и *Клеопатры*.

Разъ сдѣлана была такая остроумная догадка, уже сравнительно нетрудно было вставить буквы: *n, m, o, k, l*, а, сравнивая съ другими собственными именами, провѣрить догадку, исправить ошибки, дополнить списокъ буквъ и, наконецъ, мало-по-малу дойти до полнаго чтенія гіероглифовъ. Изъ того, что было замѣчено выше о запутанности и сложности египетскихъ письменъ, вы сами можете догадаться, что разгадка гіероглифовъ была трудомъ нелегкимъ, поистинѣ *египетскимъ*; но умъ и прилежаніе челоувѣка послѣ долгой и неустанной работы одолѣли всѣ препятствія. Въ настоящее время европейскимъ ученымъ удалось разобрать и понять почти всѣ многочисленныя надписи египтянъ и добыть изъ этихъ надписей множество новыхъ свѣдѣній для исторіи этого замѣчательнаго народа.

*) Эти рамки принято называть французскимъ словомъ *картуши*.

Другое затрудненіе, встрѣтившееся было при разъясненіи гіероглифическихъ надписей, заключалось въ томъ, что мы не знаемъ древне-египетскаго языка. Хотя до сихъ поръ еще сохранились потомки древнихъ египтянъ, такъ называемые *копты* (испорченное слово „египтяне“), но они говорятъ уже не на своемъ родномъ языкѣ, а на языкѣ своихъ побѣдителей — арабовъ. Но здѣсь выручило то обстоятельство, что копты — христіане и, хотя сами они свой древній языкъ уже позабыли, но у нихъ сохранился сдѣланный на него старинный переводъ Священнаго Писанія. Изучая этотъ переводъ, ученые ознакомились съ коптскимъ словаремъ и грамматикою, а такъ какъ коптскій языкъ, хотя и не совершенно таковъ, какъ древне-египетскій, однако очень схожъ съ нимъ (какъ, напр., русскій съ церковно-славянскимъ), то по коптскому языку мало-по-малу изучили и языкъ древне-египетскій. Здѣсь, какъ видите, на помощь исторіи явилась новая и важная *вспомогательная наука*, именно *филологія* или *языковѣдѣніе**).

Итакъ египтяне были *грамотны*. Грамотность же, какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для народа есть *первый шагъ ко всякому образованію*. Только благодаря грамотности, одно поколѣніе можетъ передавать пріобрѣтенныя имъ знанія и свои изобрѣтенія *слѣдующимъ поколѣніямъ: одно поколѣніе какъ бы учится у другого*. Такъ и египтяне, послѣ изобрѣтенія грамоты, уже гораздо легче могли продолжать свое образованіе и во многомъ *сдѣлались мастерами*, достигли высокой степени совершенства. Вслѣдствіе особыхъ географическихъ условій своей страны они прежде всего должны были сдѣлаться знатоками въ *астрономіи*. Нилъ разливается весьма правильно, всегда въ одно и то же время, и начало наводненія совпадаетъ съ временемъ лѣтняго солнцестоянія. Для опредѣленія времени начала, продолжительности и конца наводненія необходимо было слѣдить за измѣненіями положенія солнца на небѣ. Наблюдая солнце, египтяне первые, какъ говоритъ Геродотъ, по измѣненіямъ въ положеніи солнца опредѣлили, что такое *годъ*; первые раздѣлили годъ на двѣнадцать мѣсяцевъ, рассчитавъ, что луна *двѣнадцать разъ въ году измѣняетъ свой видъ*. Наблюдая солнце и луну, они не оставляли безъ вниманія и другія звѣзды, замѣчали, какъ и онѣ тоже мѣняють свое положеніе, и такимъ образомъ пріобрѣли познанія въ *астрономіи* **). Точно также сама

*) Слово „филологія“ происходитъ отъ двухъ греческихъ словъ: *φίλος* — люблю, *λόγος* — слово, что значитъ буквально: „любословіе“ — наука, любящая, изучающая слово человѣческое, т.-е. языкъ.

***) Астрономіей и, между прочимъ, составленіемъ календаря, который указывалъ время наступленія наводненія, столь важнаго въ жизни египтянъ, занимались преимуще-

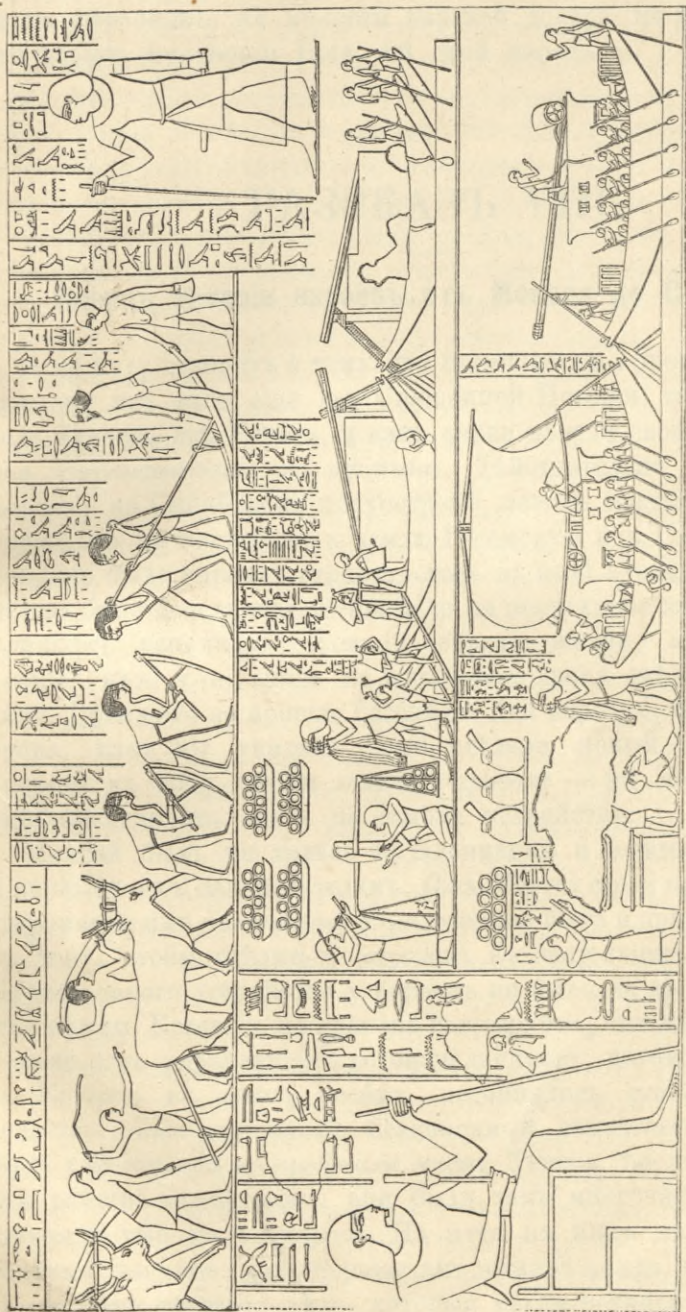

природа страны заставила их сдѣлаться хорошими *землемѣрами*: разливъ Нила очень часто смывалъ межи между участками разныхъ владѣльцевъ; для возстановленія каждый разъ этихъ межей необходимо было умѣть *измѣрять землю*, а измѣреніе земли привело къ *геометріи*. Кромѣ того, нужно было умѣть отмѣчать и измѣрять высоту ежегоднаго подъема воды въ Нилѣ; для этого египтяне придумали особенные *водоизмѣрныя снаряды*. Далѣе, необходимость поднимать воду изъ рѣки, чтобы проводить ее въ мѣста болѣе возвышенныя, необходимость при постройкахъ поднимать очень большія тяжести на весьма значительную высоту выучили египтянъ — *механику*. Равно, вскрывая при бальзамированіи тѣла умершихъ, они имѣли случай пріобрѣсти нѣкоторыя познанія о внутреннемъ устройствѣ человеческого тѣла (*анатомія*), а это повело къ успѣхамъ въ *медицину*. Кромѣ перечисленныхъ наукъ, египтяне рано стали заниматься и *исторіей*, рано стали записывать имена своихъ царей, и нѣсколько такихъ списковъ сохранилось и до нашего времени. У нихъ были и *литературныя произведенія*: повѣсти, рассказы и т. п. Изъ описанія ихъ построекъ мы уже знаемъ, что они достигли высокаго совершенства въ *архитектурѣ* и *скульптурѣ*, а изображенія, которыми покрыты стѣны ихъ храмовъ, дворцовъ, катакомбъ, свидѣтельствуютъ, что они были для своего времени и очень порядочные *живописцы*. Эти картины очень интересны, потому что изображаютъ часто въ очень подробныхъ сценахъ не только царскіе подвиги, но и разныя стороны изъ жизни и быта древняго Египта: земледѣліе, рыбную ловлю, охоту, разныя ремесла, религіозныя обряды, костюмъ, увеселенія и т. д.*). Въмѣстѣ съ образованіемъ должны были явиться *промышленность* и *торговля*. Нѣкоторыя произведенія египетской промышленности (напр. полотно и стеклянныя вещи) славились во всемъ древнемъ мірѣ.

ственно жрецы — вотъ почему, какъ было указано выше, они пользовались отчасти и такимъ уваженіемъ среди народа. Вообще ученый и образованный человекъ, даже просто грамотный, всегда пользовался особымъ почетомъ у египтянъ, напримѣръ, должность писца „скрибы“ считалась одной изъ наиболѣе почетныхъ и доходныхъ должностей: при многочисленныхъ постройкахъ, которыя возводили въ Египтѣ фараоны, безъ грамотныхъ надсмотрщиковъ и всякаго рода счетчиковъ нельзя было обойтись. С. М.

*) См. прилагаемый рисунокъ. Эти картины, вырѣзанныя на камнѣ были покрыты яркими красками, которыя сохранили свой блескъ до нашего времени. Мы видимъ, что египетскіе художники очень наблюдательны, но въ то же время рисуютъ они еще совсѣмъ по-дѣтски: картины ихъ чрезвычайно однообразны, напримѣръ, всѣ фигуры поставлены бокомъ, т.-е. въ профиль (такъ только они и умѣютъ рисовать), предметы, на самомъ дѣлѣ расположенные одинъ за другимъ, изображаются другъ надъ другомъ и т. д. С. М.

Египетская картина.

Губернатор области наблюдает за хозяйствомъ своей провинціи (обработка земли, взвѣшиваніе хлѣба и нагузка его на суда.)

У такого трудолюбиваго народа было чему научиться! Среди этого-то народа воспитался и выросъ Моисей, но, какъ мы уже знаемъ, ни „мудрость“ жрецовъ египетскихъ, ни богатство и блескъ двора фараоновъ, ни милости царской дочери не могли заставить его забыть ни своего Бога, ни свой народъ.

РАЗСКАЗЪ VIII.

Очеркъ исторіи евреевъ отъ Моисея до Соломона.

Я не буду говорить о томъ, что предполагаю хорошо извѣстнымъ каждому изъ васъ еще изъ Священной Исторіи: какъ Моисей вывелъ евреевъ изъ Египта, и какъ евреи начали свое продолжительное *странствованіе по пустынь*. Дѣйствительно, за Чернымъ моремъ, на Синайскомъ полуостровѣ, лежала пустыня, не похожая нисколько на плодородную землю Гесемскую или Госемскую. Долго суждено было евреямъ странствовать въ этой пустынѣ; въ пустынѣ нельзя было поселиться, основаться на постоянное житье, и евреямъ пришлось вспомнить прежній образъ жизни, которымъ жили „отцы“ ихъ, т.-е. снова на нѣкоторое время сдѣлаться кочевниками. Время это не прошло безслѣдно для евреевъ, ибо въ это самое время, какъ мы увидимъ, они сдѣлали новый, важный шагъ впередъ къ тому, чтобы *стать народомъ* — не по одной только многочисленности, но и по самому устройству.

Моисей былъ не только начальникомъ и вождемъ евреевъ, но и первымъ ихъ законодателемъ. *Отъ Моисея евреи получили законы*, устроившіе ихъ *религіозный* и *гражданскій* бытъ и приготовившіе ихъ къ тому, чтобы сдѣлаться *народомъ* въ настоящемъ смыслѣ слова. Прежде такого устройства у евреевъ не было, да въ немъ и не было еще нужды. Когда-то, во времена патриарховъ, они жили отдѣльными родами подъ управленіемъ родоначальниковъ, потомъ, поселившись въ Египтѣ, въ землѣ Госемъ, подчинялись египетскому правительству. *Какъ* отдѣльный, независимый, самостоятельный *народъ*, *евреи еще никогда не пробовали жить*. Теперь, послѣ освобожденія отъ рабства египетскаго, они были такъ многочисленны, что составляли уже *цѣлый народъ*. На пути на нихъ нападаютъ другія кочевыя племена: для обороны имъ нуженъ вождь, военачальникъ. Въ Египтѣ спорныя дѣла, которыя могли возникать между ними, разбирались, вѣроятно, египетскимъ судомъ; теперь, въ пустынѣ

они во всѣхъ спорахъ, во всѣхъ дѣлахъ обращаются къ своему вождю. Трудно было Моисею одному справиться со всѣмъ. „И пришелъ Іоѳоръ“, сказано въ книгѣ Исходъ, „тестъ Моисея, къ Моисею въ пустыню, гдѣ онъ расположился станомъ...“ „На другой день сѣлъ Моисей судить народъ, и стоялъ народъ предъ Моисеемъ съ утра до вечера...“ „И сказалъ тестъ Моисеевъ, Іоѳоръ, къ нему: нехорошо ты это дѣлаешь! Ты измучишь и себя, и народъ сей, который съ тобою, ибо слишкомъ тяжело для тебя одного это дѣло: ты одинъ не можешь исправлять его. Итакъ, послушай словъ моихъ; я дамъ тебѣ совѣтъ... усмотри себѣ изъ народа людей способныхъ, боящихся Бога, людей правдивыхъ, ненавидящихъ корысть и поставь ихъ надъ народомъ *тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками*. Пусть они судятъ народъ во всякое время и о всякомъ важномъ дѣлѣ доносятъ тебѣ, а всѣ малыя дѣла судятъ сами: и будетъ тебѣ легче, и *они понесутъ съ тобою бремя*. И послушалъ Моисей словъ тестя своего и сдѣлалъ все, что онъ говорилъ ему...“ Такъ, стало-быть, Моисей раздѣлилъ весь народъ на участки и надъ каждымъ участкомъ поставилъ особаго начальника, который подчинялся другому, высшему начальнику; надъ этими, въ свою очередь, былъ начальникъ еще выше и такъ далѣе — до самого Моисея, который стоялъ во главѣ всего народа. Такимъ раздѣленіемъ народа и установленіемъ надъ нимъ законныхъ начальниковъ было положено *начало государственнаго устройства еврейскаго народа*. Но недостаточно было дать начальниковъ и судей: надобны были законы, по которымъ эти начальники и судьи могли бы управлять, судить и рѣшать дѣла. Такіе-то законы еврейскій народъ и получилъ чрезъ Моисея.

Въ законодательствѣ Моисеевомъ должно различать двѣ стороны: *законодательство религиозное и гражданское*. Прежде евреи не имѣли опредѣленнаго мѣста для поклоненія Богу, имѣли мало опредѣленныхъ богослужебныхъ обрядовъ: Авраамъ, напримѣръ, иногда молился подъ открытомъ небомъ, подъ открытомъ же небомъ, на камнѣ, приносилъ жертвы (такъ дѣлали потомъ и другіе патриархи: Исаакъ, Іаковъ). Но во время странствованія по пустынѣ у евреевъ уже была общая, *народная* святыня — *Кивотъ Завѣта*. Для храненія этой святыни былъ нуженъ *храмъ*; но народъ кочуетъ, переходитъ съ мѣста на мѣсто; постояннаго храма у такого народа не можетъ быть, и вотъ устраивается *храмъ подвижной* (скинія, т.-е. шатерь), который переносится съ одного мѣста на другое — вслѣдъ за народомъ. Для служенія Богу въ этомъ храмѣ, для принесенія жертвъ назначаются *особые люди изъ одного ко-*

лина Левина. Эти люди по своему происхожденію называются левитами, а по своему званію — *священниками*; во главѣ ихъ стоитъ одно лицо — *первосвященникъ*. Затѣмъ опредѣляется порядокъ богослуженія, устанавливаются праздники, изъ которыхъ, какъ вы знаете, *главный* — *праздникъ пасхи, въ память избавленія отъ египетскаго иа*. Вслѣдъ за религіознымъ законодательствомъ были установлены *законы гражданскіе*, которыми опредѣлялись наказанія за преступленія или запрещались извѣстные противозаконные дѣйствія и поступки.

Теперь у евреевъ уже было сознаніе единства по крови и по вѣрѣ, были *законы*, были *начальники*, былъ и *главный правитель*, который управлялъ ими съ властью государя; было — *правительство*, но *государства въ настоящемъ смыслѣ этого слова еще не было* у евреевъ, потому что у нихъ еще не было *земли, не было отечества*. Гдѣ же основать государство, гдѣ найти землю для государственнаго существованія? Въ пустынь основаться нельзя, о возвращеніи въ Египеть — нечего и думать. Вамъ извѣстно, что евреи направились *къ сѣверу*, въ землю, гдѣ жили нѣкогда отцы ихъ — Авраамъ, Исаакъ и Иаковъ, въ землю, которую евреи знали по преданіямъ отъ предковъ и считали издавна какъ бы своею, обѣщанною или „обѣтованною“ имъ землею. Это была уже извѣстная намъ земля *Ханаанская*, но ввести евреевъ туда было суждено не Моисею; ввелъ ихъ въ эту землю и завоевалъ ее для нихъ другой вождь, преемникъ Моисея — *Иисусъ Навинъ*.

Познакомимся теперь поближе съ этой страной. Вамъ извѣстно изъ географіи, что въ западной части Средней Азіи протекають двѣ великія рѣки: *Тигръ* и *Евфратъ*, впадающія въ Персидскій заливъ. Мѣстность на западъ отъ Евфрата, лежащая между этой рѣкой и Средиземнымъ моремъ, представляетъ возвышенность, извѣстную подъ именемъ *Сиріи*. Восточная часть Сиріи представляетъ возвышенную, но неплодную и пустынную поверхность; такой же характеръ носить и югъ (за исключеніемъ отдѣльных плодородныхъ оазисовъ, каковы, напримѣръ, *Дамаскъ* и *Тадморъ*), переходящій постепенно въ безжизненные пустыни Аравіи. Инымъ характеромъ отличается *западная* часть Сиріи. Здѣсь вдоль морского берега тянутся высокія, съ вершинами, покрытыми снѣгомъ, горы хребта *Ливана*, оставляя между собою и моремъ одну только узкую приморскую полосу. Восточнѣе, параллельно Ливану, тянется другой горный хребетъ — *Антиливанъ*.

Между отрогами Ливана и Антиливана лежитъ долина рѣки *Иордана*, которая течетъ съ сѣвера на югъ и впадаетъ въ *Мертвое*

море среди бесплодной, истинно „мертвой“ пустыни. Почти вся страна, через которую проходит теченіе Иордана, вообще холмистая, имѣетъ почти тропическій климатъ, а въ древности особенно славилась плодородіемъ и обильной растительностью. На склонахъ горъ цвѣли: *мирты, олеандры, гранаты*; ниже росли *маслина* и *виноградная лоза*, а въ самой долинѣ — *финиковая пальма* и *смоковница* (такъ часто упоминаемая и въ евангельской исторіи). Эта-то страна, по своему плодородію какъ бы „текущая млекоомъ и медомъ“, евреями называлась *Кенаанъ* или *Ханаанъ*, а у грековъ — *Палестиной*, по имени наиболѣе извѣстнаго имъ ханаанскаго племени *филистимлянъ* (Пелуштимъ).

Эту-то страну долженъ былъ завоевать и, какъ вамъ извѣстно изъ Священной Исторіи, дѣйствительно завоевалъ *Иисусъ Навинъ*. Когда взяты были главные города *Иерихонъ* и *Сихонъ*, почти вся долина была завоевана евреями, и мѣстные жители, раздѣленные на множество мелкихъ племенъ, или были истреблены, или покорились побѣдителямъ, или, наконецъ, бѣжали за горы Ливанскія, на морское побережье. Поселившись въ новой странѣ, евреи занялись воздѣлываніемъ земли, винограда и т. п., и такимъ образомъ *изъ кочующаго народа превратились въ народъ осѣдлый*; но и на новыхъ мѣстахъ у нихъ долгое время не было правильнаго государственнаго устройства. Послѣ Моисея и Иисуса Навина у нихъ не было общаго вождя; каждое колѣно (ихъ считалось 12) жило и управлялось отдѣльно, и, въ свою очередь, дѣлилось на множество мелкихъ родовъ, повиновавшихся только своимъ родоначальникамъ (этой разрозненности способствовалъ отчасти и географическій характеръ страны, какъ бы *разгороженной* на участки развѣтвляющимися въ разныхъ направленіяхъ отрогами горъ) Вслѣдствіе этого происходили безпрестанныя междоусобныя распри: среди одной изъ такихъ усобицъ почти погибло цѣлое колѣно Веніаминово. Такъ какъ не было никакого общаго, главнаго города, то и самая святыня народная, Кивотъ Завѣта, не имѣла постояннаго пребыванія, а помѣщалась, какъ и во времена странствованія по пустынѣ, въ палаткѣ и перевозилась отъ одного колѣна къ другому. Такое отсутствіе порядка и единства скоро сказалось очень губельно на евреяхъ: сосѣднія полудикія племена *филистимлянъ, амоавитянъ, амалекитянъ* и т. д. стали производить разорительныя вторженія въ страну евреевъ, истреблять и поработать жителей. Среди евреевъ встрѣчались отдѣльные вожди, которые отличались въ борьбѣ съ врагами своимъ мужествомъ и подвигами; ихъ имена, какъ, напримѣръ, имена *Гедсона* и *Самсона*, были славны и среди современниковъ и въ потомствѣ, но отдѣльные

люди ничего не могли сдѣлать. Общая опасность заставляла иногда евреевъ соединяться вмѣстѣ и на время признавать надъ собою главную власть какого-нибудь наиболѣе уважаемаго человѣка. Такой человѣкъ обыкновенно назывался *судіею*, потому что онъ болѣе всего былъ необходимъ, какъ посредникъ или какъ третейскій судья въ междоусобныхъ распряхъ. Такими судьями бывали иногда первосвященники, какъ, напримѣръ, *Илій*. Однако и судьи, уже по временному характеру своего правленія, не могли принести достаточной пользы. Когда филистимляне, вмѣсто прежнихъ мелкихъ набѣговъ, задумали завоевать всю страну, евреи потерпѣли страшное пораженіе. Два сына первосвященника *Иліи* были убиты, самый *Кивоть Завѣта* достался въ руки иноплеменниковъ; почти всѣ колѣна еврейскія должны были подчиниться власти побѣдителей. Послѣ такого ряда страшныхъ несчастій въ народѣ невольно должно было явиться, наконецъ, сознаніе, что для освобожденія отъ рабства иноплеменниковъ необходимо забыть всѣ междоусобныя распри, необходимо сомкнуться въ одно цѣлое противъ врага и для этой цѣли подчиниться власти одного постоянного вождя, т.-е. выбрать себѣ *царя*.

Такое сознаніе дѣйствительно явилось у евреевъ; оставалось только найти человѣка, который бы могъ съ честью исполнить эту трудную обязанность, и онъ нашелся въ лицѣ одного храброго воина изъ колѣна *Вениаминова*, который прославился въ борьбѣ съ филистимлянами. *Саулъ былъ первый царь* народа еврейскаго (около 1000 г. до Р. Х.). Здѣсь, между прочимъ, вы видите наглядный примѣръ того, какъ внѣшняя опасность способствуетъ соединенію родовъ въ народъ и образованію государства.

Саулъ своимъ военнымъ мужествомъ и побѣдами оправдалъ надежды своего народа, но только его преемнику, *Давиду*, благочестивому „царю-псалмопѣвцу“, удалось окончательно объединить подъ своею властью весь народъ и обезопасить его отъ нападеній сосѣдей. *Саулъ* по своему образу жизни и обстановкѣ еще мало отличался отъ простаго воина-вождя; но *Давидъ* уже чувствуетъ себя царемъ, постояннымъ владыкою своего народа и держитъ себя по-царски. Чтобы укрѣпить единство народа, онъ рѣшается одинъ городъ выбрать своею столицею и сдѣлать его главнымъ городомъ всей страны: выборъ падаетъ на *Иерусалимъ*, который дѣйствительно съ того времени становится главнымъ городомъ въ глазахъ народа. Въ центрѣ столицы, на горѣ, выстраивается крѣпость, въ родѣ нашего *Кремля*, — знаменитый *Сіонъ*; самъ царь сооружаетъ для себя въ *Сіонѣ*, какъ наиболѣе безопасномъ мѣстѣ, дворецъ и окружаетъ себя постояннымъ войскомъ тѣлохранителей,

Ок.
1000
до Р.

Отг
985
955

гвардією (*кабиры* — сильные). Далѣе, Іерусалимъ въ глазахъ народа становится не только главнымъ, но и *святымъ* городомъ, потому что Давидъ переноситъ въ него народную святыню — Кивотъ Завѣта. Кивотъ до сихъ поръ еще помѣщался въ палаткѣ; теперь, когда все въ народѣ установилось, сдѣлалось осѣдлымъ, когда и Кивотъ получилъ постоянное мѣсто для пребыванія, необходимо было подумать о построеніи для него и постоянного дома, т. е. *храма*. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы своей жизни Давидъ обратилъ свои мысли къ этому дѣлу. „Я живу въ кедровомъ дворцѣ“, говорилъ онъ пророку Наану, „а Кивотъ Господень — въ палаткѣ“. Однако Давиду, постоянно занятому войнами, не довелось привести въ исполненіе своего благочестиваго желанія: исполнить его было суждено слѣдующему, болѣе мирному, царствованію его сына — Соломона „Премудраго“. Время Соломона есть самое блестящее время въ исторіи еврейской: единство народа доставило Соломону полную побѣду надъ врагами: при немъ не только прекратились набѣги иноплемениковъ, но мечъ еврейскій завоевалъ даже нѣкоторыя сосѣднія страны, какъ, на примѣръ, богатый Дамаскъ и сѣверные берега Чернаго моря. Миръ и тишина царствовали въ землѣ евреевъ, и долго воспоминали слѣдующія поколѣнія, что *во времена Соломона „всякій могъ мирно сидѣть въ виноградникъ своемъ и подъ смоковницею своею“*. При такихъ условіяхъ можно было подумать и о постройкѣ храма. Но здѣсь представлялось другое затрудненіе: храмъ слѣдовало воздвигнуть достойный и святыни и самого народа, такъ сильно поднимавшагося; но откуда же было взять и архитекторовъ и рабочихъ, которые могли бы исполнить эту задачу, такъ какъ сами евреи далеко не отличались въ то время строительнымъ искусствомъ? Если сами евреи не могли въ этомъ отношеніи удовлетворить своимъ потребностямъ, то въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними жилъ другой народъ, отличавшійся давно образованностью и богатствомъ, уже жившій въ городахъ въ то время, когда еще евреи скитались съ своими палатками по пустынѣ. Этотъ народъ были *финикіяне*, къ нимъ-то и обратился Соломонъ съ просьбою о помощи. Обратимся и мы къ этому замѣчательному народу и познакомимся съ нимъ поближе.

Отъ
955 до
925 г.
до Р. X.

РАЗСКАЗЪ IX.

Финикіяне. — Мореплаваніе. — Торговля. — Колоніи.

Говоря о Сиріи, мы остановились на горахъ Ливанскихъ и замѣтили, что эти горы тянутся вдоль берега Средиземнаго моря, оставляя между собою и моремъ только узкую приморскую полосу. Эта узкая полоса земли представляетъ много сходства съ Ханааномъ; такое же плодородіе, особенно по берегамъ небольшихъ рѣкъ, стекающихъ въ море съ покатостей горъ; такая же или даже еще болѣе богатая растительность: на горахъ — великолѣпные, могучіе кедры; въ низменностяхъ — финиковыя пальмы, отъ которыхъ произошло самое названіе страны. Кромѣ этихъ удобствъ, было еще одно, котораго не имѣлъ Ханаанъ — близость моря.

Одно только неудобно было, что земли было слишкомъ мало, чтобы на ней могъ жить и кормиться многочисленный народъ (часть и безъ того узкаго побережья, которая лежала у самаго моря, была покрыта морскимъ пескомъ, и здѣсь земледѣіе было, разумѣется, совершенно невозможно), а между тѣмъ близость моря и хорошій климатъ привлекали населеніе. Такъ какъ земля не могла прокормить всѣхъ жителей, то поневолѣ пришлось обратиться къ морю и въ его волнахъ искать средствъ для существованія. Первымъ предметомъ, который можно было добыть въ морѣ, была естественно рыба. Финикіяне, дѣйствительно, прежде всего принялись за рыбную ловлю и вмѣстѣ съ этимъ выучились дѣлать сначала небольшія лодки, въ которыхъ плавали около берега; потомъ стали строить суда побольше и въ нихъ мало-по-малу отваживаться на болѣе далекія плаванія. Такимъ образомъ, они понемногу освоились, свыклись съ моремъ, изъ рыболововъ сдѣлались моряками, и со временемъ море стало для нихъ второй родиной. Эти первые моряки, разумѣется, не были похожи на моряковъ нашего времени, точно также и суда ихъ не могли равняться съ нашими теперешними кораблями. Суда эти сравнительно съ тѣми, какія строятъ теперь, были, особенно вначалѣ, очень малы и двигались они главнымъ образомъ на веслахъ, посредствомъ грѣбцовъ*). Компаса тогда еще не знали,

*) Впослѣдствіи финикіяне выучились строить для дальнихъ плаваній корабли большихъ и даже очень большихъ размѣровъ, о пятидесяти и шестидесяти веслахъ; весла большихъ кораблей были такъ массивны и тяжелы, что каждое иногда приводилось въ движеніе тремя, четырьмя грѣбцами за разъ. Очень красиво было смотрѣть

а потому даже и при болѣе продолжительныхъ поѣздкахъ приходилось держаться главнымъ образомъ только вдоль береговъ, въ виду земли.

По всей вѣроятности, финикіяне, рѣшившись предпринять болѣе отдаленную поѣздку, поплыли сперва вдоль берега въ сѣверномъ направленіи — къ Малой Азіи и на этомъ пути должны были встрѣтить островъ *Кипръ*. На этой новой землѣ они нашли и новое произведеніе — *мѣдную руду*. Эта первая находка и надежда другихъ такихъ находокъ должны были заманивать и завлекать финикіянь все дальше и дальше. Случай, говоритъ Геродотъ, навелъ, между прочимъ, финикіянь еще въ ихъ собственной странѣ на открытіе *пурпурной краски*. Это была темноватая жидкость, красящая на воздухѣ, заключавшаяся въ раковинѣ одной породы улитокъ, которую находили на морскомъ берегу. Набравъ такихъ раковинъ, ихъ толкли, потомъ вываривали и такимъ образомъ получали *пурпуръ*, въ который окрашивали полотняныя и шерстяныя ткани: для окраски *одного* фунта шерсти требовалось, говорятъ, до *шести* фунтовъ пурпурной жидкости. Когда на собственныхъ берегахъ запасъ этихъ драгоценныхъ раковинъ весь истощился, должно было явиться желаніе поискать ихъ въ другихъ странахъ, за моремъ. За Малой Азіей финикіяне поплыли Архипелагомъ, а мы знаемъ, что это море представляетъ одну особенность: все оно такъ часто усѣяно островами, что съ одного острова можно различать простымъ глазомъ берегъ другого ближайшаго, и такимъ образомъ острова эти составляютъ какъ бы непрерывную цѣпь, которая тянется вплоть до европейскаго материка. Европейскій материкъ былъ въ то время населенъ еще полудикарями и по своему географическому положенію на западъ, гдѣ заходитъ солнце, откуда приходитъ *ночь*, долженъ былъ представляться финикійцамъ страной мрака, царствомъ ночи. Поэтому они назвали эту страну *Эребъ*, т.-е. темная, мрачная (собственно „на закатѣ солнца лежащая“), откуда образовалось и наше *Европа*. Въ Греціи финикіяне нашли не только такія раковины, какихъ искали (напримѣръ, близъ „пурпуроваго острова“ — *Кивѣры*)*, но, вѣроятно, и другія произведенія, которыя оказались имъ пригодными (напримѣръ: звѣриныя шкуры, шерсть и проч.).

Эти удачи должны были разохотить ихъ къ новымъ предпріятіямъ.

на такой корабль, когда онъ несся по водѣ, мѣрными взмахами длинныхъ весель, точно птица крыльями, разсѣвая волны. *Носъ*, т.-е. передняя часть корабля, былъ обыкновенно изогнутый и заканчивался иногда рѣзной, большихъ размѣровъ, фигурой какого-нибудь звѣря.

*) У южныхъ береговъ Греціи.

тіямъ и поддерживать въ нихъ стремленіе плыть все дальше, дѣлать новыя открытія и добывать все новыя диковинки. Скоро у нихъ долженъ былъ оказаться избытокъ этихъ произведеній, больше, чѣмъ было нужно для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Что же было дѣлать съ этимъ излишкомъ? Тогда должна была явиться мысль сбывать лишнее жителямъ другихъ, сосѣднихъ съ Финикіею странъ, которые жили дальше отъ моря и не ѣздили сами ни въ Кипръ, ни въ другія страны, но зато у себя, въ своей странѣ, могли имѣть какія-нибудь другія произведенія, на которыя могли вымѣнивать то, что привозили имъ финикіяне. Такимъ образомъ, должны были возникнуть сперва *обмѣны*, мѣна однихъ предметовъ на другіе, а потомъ и настоящая *торговля*. Далѣе, начавъ разъ торговать, финикіяне должны были замѣтить, что торговать *сырьемъ*, т.-е. необработанными произведеніями, не такъ выгодно, какъ произведеніями обработанными, потому, что за послѣднія даютъ гораздо дороже. Мало-по-малу они выучились обрабатывать сырье, явилась *промышленность*. Вотъ какія ступени проходили финикіяне, прежде чѣмъ сдѣлались мореходцами, изъ мореходцевъ — первыми торговцами, а чрезъ то и *первыми богачами* древняго міра.

Мы видѣли, что финикіяне плавали по берегамъ Малой Азіи, бывали на островахъ Архипелага, ѣздили въ Грецію; но этимъ далеко не ограничивались ихъ поѣздки по морямъ. За Греціей они добрались до острова *Мальты* (*Мелита* древнихъ)*), который имѣлъ для нихъ весьма важное значеніе, какъ перепутье. На немъ было удобно пристать, найти съѣстные припасы, запастись прѣсной водой, вообще отдохнуть, а въ то время это было гораздо важнѣе, чѣмъ теперь. И гребцамъ нуженъ былъ отдыхъ, и корабли были такъ невелики, что нельзя было сразу дѣлать очень большихъ запасовъ воды и пищи, особенно, когда еще требовалось много мѣста для товарнаго груза.

Въ наше время даже самыя отдѣльныя морскія путешествія не представляютъ уже ничего особенно удивительнаго или труднаго. Въ наше время даже путешествія вокругъ свѣта стали не рѣдкость, потому что вездѣ можно встрѣтить города, образованныхъ жителей, возобновить запасы, починить корабль, да и самое плаваніе теперь, конечно, несравненно быстрѣе. Не такъ было въ то отдаленное время, когда финикіяне совершали свои, по тому времени дѣйствительно смѣлыя путешествія. Тогда на путешествіе, которое теперь совершается въ мѣсяць, требовалось три

* Такъ этотъ островъ финикіяне называли въ честь своей богини Мелиты.

года. Компаса, какъ мы уже сказали, не было; въ ясныя ночи можно было узнать путь по звѣздамъ; особенно полезна была финикіянамъ одна звѣзда, которая у насъ называется *полярной* и находится въ созвѣздіи Малой Медвѣдицы; эта звѣзда тѣмъ отличается отъ другихъ, что не измѣняетъ своего положенія на небѣ, и по ней поэтому всегда можно найти сѣверъ; въ древности она такъ и называлась *Финикійскою звѣздою*. Но трудно приходилось въ пасмурную погоду, когда небо покрывали облака; буря могла прибить корабль къ пустынному берегу, который былъ или вовсе необитаемъ (людей тогда на свѣтѣ, конечно, было гораздо меньше, чѣмъ теперь), или, что еще хуже, обитаемъ дикарями, изъ которыхъ многіе были *мододы* (они имѣли ужасный обычай несчастныхъ путешественниковъ, выброшенныхъ бурей на берегъ, приносить въ жертву своимъ богамъ). Изъ этого видно, что въ то время нужно было гораздо болѣе смѣлости, чѣмъ теперь, чтобы пускаться въ отдаленныя плаванія.

За Мальтой финикіяне встрѣчали другой, гораздо болѣе обширный островъ — *Сицилію*, искони отличавшійся своимъ необыкновеннымъ плодородіемъ (въ позднѣйшія времена Сицилія даже называлась *житницей Италіи*). За Сициліей лежали малоизвѣстные тогда острова: *Корсика*, *Сардинія* и группа острововъ *Балеарскихъ*. Проплывъ эти острова и держа путь еще дальше на западъ, финикіяне достигли, наконецъ, до крайнихъ предѣловъ Средиземнаго моря, т.-е. до береговъ Испаніи. Когда они въ первый разъ пристали къ берегамъ Испаніи, то сдѣлали здѣсь открытіе, которое должно было поразить и обрадовать ихъ (особенно въ то время, когда благородные металлы вообще были рѣдки): финикіяне нашли въ Испаніи *множество серебряной руды*. И теперь еще на Пиренейскомъ полуостровѣ добываютъ серебро, но количество, добываемое теперь, не идетъ ни въ какое сравненіе съ прежнимъ богатствомъ, когда чуть не каждая гора, каждый холмъ представляли неисчерпаемые запасы дорогого металла. До какой степени это необычайное богатство поражало древнихъ, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующее существующее въ древности сказаніе: рассказывали, будто бы когда то, въ незапамятныя времена, вся Испанія была покрыта густыми, непроходимыми лѣсами, которые отчего то загорѣлись, и тогда будто бы отъ страшнаго огня залежи металла, находившіяся въ нѣдрахъ земли, растопились и выступили наружу. Сказаніе это, разумѣется, не болѣе, какъ вымыселъ, но оно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велики были нѣкогда минеральныя богатства Испаніи. Было еще и другое преданіе: будто финикіяне, въ первый разъ приставъ къ испан-

скимъ берегамъ, нашли столько серебра, что не знали, что дѣлать съ нимъ. Туземцы, какъ настоящіе дикари, не подозрѣвали цѣны своихъ сокровищъ и за какую-нибудь бездѣлку охотно позволяли иноземцамъ брать серебра сколько угодно. Тогда, продолжая преданіе, финикіяне подѣлали изъ серебра всю посуду, всю утварь корабельную, наконецъ самые якоря и якорныя цѣпи. Возвратясь съ этимъ богатствомъ на родину, они принесли туда вѣсть о новой, открытой ими странѣ и съ этихъ поръ ежегодно стали отправлять въ *Тартесъ* или *Таршишъ* (такъ называлась у финикіянь и евреевъ Испанія) за серебромъ цѣлые караваны караблей, чтобы на это серебро вымѣнивать товары другихъ сосѣднихъ народовъ Азіи (вавилонянь, арабовъ, армянъ), въ страны которыхъ также отправлялись караваны, только ужъ сухимъ путемъ.

Ненадолго однако остановились финикіяне на этомъ открытіи; несмотря на скалы, которыя дѣлають плаваніе вдоль южнаго берега Испаніи довольно опаснымъ, они добрались до узкаго пролива, отдѣляющаго Европу отъ Африки. Здѣсь, гдѣ море вдругъ суживается, ихъ долженъ былъ поразить видъ скаль, которыя заграждаютъ съ обѣихъ сторонъ Гибралтарскій проливъ, точно *громадные столбы*, самой природой поставленные у *воротъ Средиземнаго моря*. Когда за проливомъ предъ ними открылся безбрежный Атлантическій океанъ, тогда въ первое время у нихъ невольно могла явиться мысль, что здѣсь конецъ твердой земли, что затѣмъ уже нѣтъ ничего, кромѣ одного безбрежнаго, безпредѣльнаго моря, воды да неба. Что дѣйствительно таково было первое впечатлѣніе финикіянь, объ этомъ свидѣтельствуетъ финикійское преданіе о томъ, что будто бы эти скалы, лежація по обѣ стороны пролива — *столбы, поставленные финикійскимъ богомъ Мелькартомъ* въ знакъ того, что здѣсь *конецъ твердой земли*. Греки заимствовали это сказаніе у финикіянь, только назвали эти столбы по имени одного изъ своихъ *героевъ-богатырей* „*столбами Геркулеса*“. Столбы эти, впрочемъ, ненадолго остановили предпріимчивость финикіянь. Въ открытый океанъ они, конечно, боялись пускаться, но зато обогнули Испанію и вдоль берега продолжали подвигаться все далѣе и далѣе въ сѣверномъ направленіи. Продолжительность пути не пугала ихъ, хотя даже при попутномъ вѣтрѣ и при помощи парусовъ они успѣвали совершить путь отъ береговъ Финикіи до Гибралтарскаго пролива не менѣе, какъ въ восемьдесятъ дней. На пути они продолжали открывать новыя страны, а въ нихъ новыя товары и новыя богатства. Такъ они открыли *острова Касситеридскіе* (полагають, что это

теперешніе острова Сцилли*), откуда стали вывозить *олово* и *свинцу*; какъ то, такъ и другое, они могли находить еще, между прочимъ, и въ *Альбионъ* (т.-е. бѣлѣющая, бѣлесоватая земля — такъ называли въ древности Англiю, быть можетъ, въ виду бѣлыхъ мѣловыхъ скалъ, образующихъ ея берега, или вслѣдствіе поднимающихся съ моря бѣловатыхъ тумановъ, которые часто ихъ застилаютъ). Говорятъ, плаванія финикiянъ простирались еще дальше, даже будто бы въ Балтійское море, до береговъ сѣверной Пруссiи. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что финикiяне торговали однимъ предметомъ, который добывается почти исключительно на берегахъ Балтійскаго моря, а именно — *янтаремъ*, хотя, конечно, они могли получать его изъ вторыхъ рукъ, отъ какихъ-нибудь другихъ народовъ, а не прямо съ балтійскаго берега. Янтарь (у грековъ онъ назывался, „*электръ*“; отсюда — *электричество*) въ древности цѣнился чрезвычайно дорого, наравнѣ съ золотомъ, и торговали имъ одни финикiяне.

Интересно знать: плавали ли финикiяне въ противоположномъ направленiи отъ Гибралтара, на югъ, вдоль африканскаго берега? Да, извѣстно, что они посѣщали и берега Африки, откуда ими добывалась, на примѣръ, *слоновая кость*. Мало того, Геродотъ рассказываетъ, что за 600 лѣтъ до Р. Х. финикiяне отважились на необыкновенно смѣлое для того времени предпріятіе: они рѣшились, по желанiю египетскаго фараона *Нехао*, *объѣхать всю Ливію*, т.-е. Африку. „Ливіа“, рассказываетъ Геродотъ, „со всѣхъ сторонъ омывается моремъ, кромѣ того мѣста, гдѣ она соединяется съ материкомъ Азiи. Это открылъ впервые Нехао, царь египетскій, который отправилъ изъ Египта нѣсколько кораблей подъ управленiемъ финикiянъ, приказавъ имъ попытаться доплыть (вокругъ Африки) до столбовъ Геркулеса и этимъ путемъ (т.-е. чрезъ проливъ Гибралтарскій и Средиземное море) возвратиться въ Египетъ. Финикiяне выѣхали изъ Египта по Эритрейскому (Черному) морю и затѣмъ вступили въ Южный океанъ. Когда наступила осень, они вышли на берегъ, гдѣ случилось, и, засѣявъ участокъ земли хлѣбомъ, прожили тамъ до тѣхъ поръ, пока посѣянное ими поспѣло къ жатвѣ. Послѣ жатвы они поплыли далѣе; такимъ образомъ прошло цѣлыхъ два года, и только на третій имъ удалось чрезъ Геркулесовы столбы возвратиться домой. По возвращенiи они рассказывали, — я, съ своей стороны (замѣчаетъ Геродотъ), не придаю этому вѣры, хотя найдутся,

*) У юго-западной оконечности Англiи, близъ мыса Ландсендъ, около входа въ каналъ Ламаншъ.

быть можетъ, другіе которые и повѣрятъ, — будто во время своего плаванія вокругъ Ливіи имъ приходилось (въ полдень, обратясь лицомъ назадъ) *имѣть солнце по правую руку*. Такимъ образомъ въ первый разъ узнано было протяженіе Ливіи^а.

Въ этомъ разсказѣ всего интереснѣе то обстоятельство, которому Геродотъ не давалъ вѣры, — показаніе финикіянъ, что сначала, когда они отпавились изъ Египта, солнце у нихъ было съ лѣвой руки, а потомъ перешло на правую. Это-то именно обстоятельство и доказываетъ, что, дѣйствительно, финикіяне, еще за двѣ тысячи лѣтъ до европейскихъ мореплавателей новаго времени, успѣли *обогнуть Африку* (первый европеецъ, обогнувшій Африку, съ запада, уже въ 1498 г. послѣ Р. Х., былъ португалецъ *Васко-де-Гама*)*).

Удивительно ли, что при такой предприимчивости финикіяне далеко раздвинули предѣлы своей торговли и очень разбогатѣли — естественное слѣдствіе обширной и дѣятельной торговли (въ наше время примѣромъ этого можетъ служить Англія). При богатствѣ у нихъ появились многолюдные, богатые города, между которыми особенно замѣчательны были два: *Сидонъ „Великій“***), болѣе древній, и младшій — *Тиръ*, который былъ основанъ позднѣе Сидона, но впослѣдствіи превзошелъ Сидонъ своимъ богатствомъ и значеніемъ. Тиръ былъ основанъ выходцами изъ Сидона, потому и назывался „дочерью Сидона“. Живыя и яркія описанія необыкновеннаго богатства этого города мы встрѣчаемъ, между прочимъ, у еврейскихъ пророковъ. „Тиръ раздавалъ вѣнцы“, говоритъ, напримѣръ, пророкъ Исаія: „купцы его были — князья, торговцы — знаменитости земли“. Особенно возвысилось значеніе Тира съ того времени, когда для большаго удобства торговли и для безопасности отъ враговъ часть его жителей переселилась съ морского берега на большой островъ, лежавшій въ морѣ про-

*) Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ смотрѣть *на востокъ* — мѣсто, гдѣ восходить солнце, то въ нашемъ поясѣ, на *сѣверѣ отъ сѣвернаго тропика*, солнце въ полдень будетъ видимо нами всегда на югѣ, т.-е. съ *правой* руки; если же мы перейдемъ *на югъ отъ южнаго тропика*, то въ полдень солнце (оно, какъ намъ кажется, движется въ теченіе года *между тропиками*, по линіямъ, параллельнымъ экватору) всегда будетъ видимо нами на сѣверѣ, т.-е. съ нашей *лѣвой* руки. Если, наоборотъ, мы будемъ смотрѣть *на западъ*, то и руки перемѣнятся, т.-е. выйдетъ именно такъ, какъ рассказываетъ Геродотъ. Ясно, что, не зная, какъ мы въ настоящее время это знаемъ, что земля есть шаръ, или, *дѣйствительно*, не перейдя за южный тропикъ, финикіяне не могли бы разсказать объ очень простомъ, но такъ изумившемъ Геродота, явленіи.

**) Самое названіе Сидонъ значитъ „*рыбацкій станъ*“ и такимъ образомъ напоминаетъ, откуда пошло первоначально богатство и могущество финикіянъ.

тивъ стараго города. На этомъ островѣ, укрѣпленномъ неприступными стѣнами какъ отъ моря, такъ и отъ непріятельскихъ нападений, и соединенномъ съ берегомъ посредствомъ плотины, былъ выстроенъ городъ, названный *Новымъ Тиромъ*.

Неудивительно, что города финикійскіе были такъ богаты и многолюдны. Земли было мало, а населеніе очень густо и все еще увеличивалось вслѣдствіе постояннаго прилива новыхъ выходцевъ изъ Ханаана и другихъ сосѣднихъ странъ. Зато и много финикіянъ *выселялось* изъ своей маленькой земли въ другія страны. Иногда такія поселенія возникали просто ради торговыхъ цѣлей. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, *не сразу* возникалъ цѣлый городъ; торговые люди сначала строили контору — *факторію* (какія и до сихъ поръ есть у англичанъ и другихъ европейцевъ по берегамъ Африки), склады для товаровъ, дома, гдѣ жили *приказчики*, скупавшіе товаръ у окрестныхъ туземцевъ; со временемъ рядомъ съ домами торговыхъ людей селились другіе люди, на примѣръ ремесленники, работавшіе на нихъ; такимъ образомъ возникали еще дома, усадьбы, разныя зданія, и вотъ мало-по-малу разрастался цѣлый новый городъ. Но иногда бывало и такъ, что разомъ цѣлыя многочисленныя партіи выселенцевъ отправлялись искать *новой родины*, потому что въ старомъ отечествѣ становилось слишкомъ ужъ *тѣсно*; выселенцы выбирали себѣ начальника, брали съ собой изображеніе своего бога Мелькарта, брали жрецовъ, забирали имущество, садились на корабли, приставали къ какому-нибудь берегу и тамъ, выбравъ удобное мѣсто, основывали *новый городъ*. Такихъ городовъ, построенныхъ финикійскими переселенцами, было очень много; ими были покрыты всѣ берега Средиземнаго моря. Въ старину называли такіе города — *колоніями*, т.-е. выселками (слово „колѣнь“ значитъ переселенецъ), а городъ — основатель колоніи, въ которомъ колонисты жили прежде, до переселенія, назывался *метрополіей* (т.-е. мать-городъ)*). Изъ колоній, основанныхъ финикіянами, особенно замѣчательны были *три*: двѣ въ Африкѣ, одна въ теперешнемъ Алжирѣ — *Утика*, и другая рядомъ, на мѣстѣ теперешняго Туниса — *Картагенъ* (по-финикійски: *Картъ-Хадасть*, т.-е. Новгородъ); третья — *Гадесъ* или Гадира (теперь *Кадиксъ*) на южномъ берегу Испаніи. Кромѣ этихъ трехъ колоній, можно отмѣтить еще *Панормъ* въ Сициліи (теперь Палермо)**). Колоніи сначала находились въ подчиненіи у метрополіи;

*) Слово „метрополія“ составилось изъ двухъ греческихъ словъ: „метерь“ — мать и „полисъ“ — городъ.

***) Можно упомянуть еще *Таршишъ* или *Тартесъ* въ Испаніи, п. ч. по его имени въ Ветхомъ Завѣтѣ вся Испанія называется Таршишъ.

со временемъ же, большею частью становились независимыми; но и тогда между ними и родиной сохранилась *нравственная связь*, которую составляла *религія*. Связь эта выражалась въ томъ, между прочимъ, что колонисты ежегодно присылали на родину дары въ святилища боговъ, а иногда въ нѣкоторыя, особенно важные праздники пріѣзжали сами на родину молиться отечественнымъ богамъ.

РАЗСКАЗЪ X.

Изобрѣтенія финикіянь. — Религія. — Нравы. — Государственное устройство.

Слѣдствіемъ развитія мореплаванія и богатства у финикіянь были ихъ успѣхи въ образованности, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя изобрѣтенія, которыми финикіяне прославились въ древнемъ мірѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ изобрѣтеній, дѣйствительно, были сдѣланы финикіянами: мы уже говорили, на примѣръ, объ открытіи пурпуровой краски, которая такъ дорого цѣнилась въ древности. Ткани, окрашенные въ пурпуръ, имѣли право носить только цари и самые богатые и знатные люди (вспомнимъ богача евангельской притчи, который облакался въ *багряницу*, или порфиру, тоже, что пурпуръ, и *виссонъ*, тонкое полотно египетской работы), а у римлянъ даже самые высшіе сановники позволяли себѣ украшать свое платье одной только пурпуровой каймой. Но многія изобрѣтенія были только приписаны финикіянамъ. Такъ, между прочимъ, въ древности были убѣждены, что финикіяне изобрѣли *приготовленіе стекла*. Существовалъ даже рассказъ, по которому оказывалось, что и этимъ изобрѣтеніемъ финикіяне, подобно открытію пурпура, были обязаны случаю. Разъ будто бы, высадившись на какой-то берегъ, финикійскіе купцы развели огонь, чтобы сварить себѣ пищу, и подъ котель, въ которомъ варилось кушанье, подложили два случившіеся тутъ камня. Оказалось, что эти камни были куски *селитры*, и вотъ, растопившись, селитра смѣшалась съ пескомъ и золой, и отъ этой смѣси получился блестящій, прозрачный сплавъ — стекло. Весь этотъ рассказъ, по всей вѣроятности, не болѣе, какъ выдумка грековъ, которые, знакомясь со многими предметами впервые изъ рукъ финикіянь, финикіянамъ же приписывали и самое изобрѣтеніе этихъ предметовъ. Первыми изобрѣтателями стекла слѣдуетъ, по всей вѣроятности, считать египтянь; въ Финикіи производство стекла было, кажется,

только усовершенствовано и получило особенно широкое развитіе; извѣстно, что у нихъ были даже цѣлые города, какъ, на примѣръ, *Сарепта Сидонская*, славившіеся своими стеклянными издѣліями. Замѣтимъ кстати, что въ древности стекло не имѣло того значенія, какое оно имѣетъ въ наше время, когда, благодаря стеклу, наши жилища пользуются тепломъ и свѣтомъ. Въ древности не умѣли выдѣлывать стекло такого большого размѣра и такой прозрачности, какъ умѣютъ теперь. Въ то время изъ стекла выдѣлывались преимущественно сосуды, которые иногда цѣнились такъ, какъ теперь цѣнятся развѣ только самыя дорогія фарфоровыя вещи. Изъ стекла же финикіяне приготовляли и разнаго рода мелкія украшенія: бусы, ожерелья и т. под. И теперь еще, пожалуй, въ Африкѣ есть дикари, которые готовы отдать, что угодно, за какое-нибудь блестящее стеклянное ожерелье, и европейцы пользуются этой страстью дикихъ къ блестящимъ, стекляннымъ игрушкамъ, какъ пользовались ею въ древности финикіяне, съ той только разницей, что въ то время *дикари, съ которыми они имѣли дѣло, жили не въ Африкѣ и не въ Австраліи, а въ Европѣ.*

Значительнаго искусства достигли финикіяне и въ производствѣ металлическихъ издѣлій. Сначала всѣ такія издѣлія приготовлялись изъ бронзы, т.-е. изъ сплава мѣди съ оловомъ. Изъ бронзы выдѣлывались всевозможныя орудія: копья, мечи, ножи, молотки, гвозди. Съ этими издѣліями финикійскіе купцы являлись въ такія страны, гдѣ жители совсѣмъ не умѣли обрабатывать металловъ и потому довольствовались мечами, ножами, сѣкирами, стрѣлами изъ камня или изъ рыбьей кости. Понятно съ какой жадностью кидались дикари на какой-нибудь бронзовый молотокъ или ножъ, и съ какой выгодой для финикіянъ вымѣнивали они у нихъ эти мнимыя драгоценности на дѣйствительно цѣнныя произведенія своей страны. Впослѣдствіи финикіяне выучились обрабатывать и желѣзо, но не оставили бронзы: они продолжали готовить изъ нея посуду, которая чрезвычайно славилась въ тогданемъ мѣрѣ.

Не одними, впрочемъ, только ремесленными изобрѣтеніями прославились финикіяне. Они были купцами: потому имъ нужно было умѣть хорошо *мѣрять и вѣсить* товары. Понятно, что финикіяне должны были рано почувствовать необходимость имѣть определенную мѣру и определенный вѣсъ. По крайней мѣрѣ, греки приписывали финикіянамъ изобрѣтеніе единицъ мѣры и вѣса, опять-таки, можетъ-быть, потому только, что сами впервые отъ финикіянъ выучились вѣшать и мѣрить. Несомнѣнно то, что

финикияне распространили знаніе мѣры и вѣса между всѣми народами, съ которыми они имѣли торговыя сношенія.

Точно также, занимаясь торговлей, финикияне должны были замѣтить, что *мѣнять товаръ на товаръ не всегда удобно*: то продавецъ и покупатель нескоро условятся въ цѣнѣ, потому что одна сторона цѣнить свой товаръ слишкомъ дорого, другая, напротивъ, даетъ за него слишкомъ дешево; то одна сторона и желала бы обмѣнять свой товаръ, но не имѣетъ у себя того, что нужно покупателю, и потому или должна совсѣмъ отказаться отъ сдѣлки, или уступить свой товаръ за безцѣнокъ. Съ какими трудностями была сопряжена исключительно *мнвовая торговля*, это видно изъ того, какъ, по разсказамъ Геродота, производилась мѣна въ сѣверной Африкѣ. Высаживались финикійскіе купцы на какой-нибудь берегъ, разводили тамъ большой костеръ, и столбъ дыма, поднимавшійся отъ костра, давалъ знать туземцамъ о прибытіи заморскихъ купцовъ. Разложивъ у костра свои товары, они уходили на корабли. Тогда приходили туземцы, осматривали выложенные на берегу товары, и, если они имъ нравились, клали тутъ же рядомъ, свои произведенія, предлагаемая въ обмѣнъ, и въ свою очередь также уходили. Послѣ этого финикияне сходили, опять на берегъ, осматривали предметы, оставленные туземцами, и, если были довольны количествомъ и качествомъ этихъ товаровъ, то забирали ихъ, оставляя въ обмѣнъ свои. Если же то, что они находили на берегу, имъ казалось недостаточнымъ, они уходили опять, не взявъ ничего изъ предложеннаго туземцами, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не были удовлетворены обѣ стороны. Отчего же обѣ стороны не сходились вмѣстѣ и не договаривались, какъ это теперь дѣлается при всякой торговлѣ? Оттого, что народы, съ которыми финикиянамъ приходилось имѣть дѣло, были грубы и дики; вслѣдствіе этой грубости и дикости нравовъ не могло быть взаимнаго довѣрія, могли легко возникать споры, а споры переходили въ кровавую драку и могли кончаться очень дурно. Вотъ почему предпочитался способъ такой *нмвой мѣны*, какъ болѣе безопасный.

Понятно однако сколько неудобствъ представлялъ этотъ способъ, сколько при этомъ приходилось тратить даромъ времени. Финикияне мало-по-малу дошли до мысли, что хорошо было бы придумать что-нибудь такое, *что имѣло бы для всякаго и всегда одинаковую цѣнность, и на что можно было бы мѣнять всякій товаръ безъ исключенія*. Говорятъ, будто бы финикияне первые догадались, что всего пригоднѣе для этой цѣли *драгоценныя металлы*: 1) потому что они очень дороги, и на нихъ, стало-быть,

можно вымѣнять большее количество товара; 2) они не подвержены порчѣ; 3) цѣнность ихъ не измѣняется или, по крайней мѣрѣ, мало измѣняется; 4) ихъ гораздо легче спрятать и всегда имѣть при себѣ, чѣмъ товаръ. Безъ сомнѣнія, гораздо удобнѣе отправиться за покупками, имѣя при себѣ нѣсколько *фунтовъ* золота или серебра, чѣмъ на ту же цѣну нѣсколько *пудовъ* какого-нибудь товара. Сначала золото и серебро употребляли для мѣны въ видѣ большихъ кусковъ или слитковъ, а, когда было нужно, отъ слитка или куска *рубили* такое количество по вѣсу, сколько было нужно, чтобы заплатить за товаръ. Такъ дѣлалось, по крайней мѣрѣ, въ старину у насъ на Руси: у насъ употреблялись четверугольные слитки, которые назывались „*гривнами*“; когда было нужно, отъ нихъ *отрубали* кусочки, и вотъ эти-ти кусочки первоначально, собственно, и назывались — „*рублями*“. Такъ, вѣроятно, сначала дѣлали и финикіяне, но потомъ додумались, что вмѣсто того, чтобы каждый разъ все рубить да отвѣшивать, гораздо удобнѣе и вѣрнѣе имѣть заранѣе заготовленные кусочки золота и серебра *опредѣленнаго вѣса и опредѣленной цѣны* (сперва, вѣроятно, четверугольные, потомъ круглой формы). Чтобы избѣжать поддѣлки, тѣ, кто занимался приготовленіемъ такихъ кусочковъ (обыкновенно это право принадлежало государю или городу), выставляли на нихъ свое клеймо, цѣну, какое-нибудь изображеніе. Такіе кусочки и были то, что мы называемъ теперь *монетой* или *денгами*. Появившись впервые у финикіянь, употребленіе денегъ потомъ отъ нихъ перешло и къ другимъ народамъ. Понятно, насколько должна была переимѣниться, сдѣлаться удобнѣе и легче торговля съ введеніемъ монеты.

Было еще одно очень важное изобрѣтеніе, честь котораго греки приписывали также финикіянамъ. Это — *изобрѣтеніе азбуки*. Мы знаемъ, что въ этомъ случаѣ греки еще менѣе правы, чѣмъ относительно изобрѣтенія стекла: первыми изобрѣтателями азбуки были египтяне; несмотря на это и финикіянамъ греки не совсѣмъ даромъ приписывали эту честь. Во-первыхъ, если и не они первые изобрѣли азбуку, то они, по крайней мѣрѣ, познакомили съ азбукой различные народы, съ которыми находились въ торговыхъ сношеніяхъ, въ томъ числѣ и самихъ грековъ. Во-вторыхъ, финикійская азбука была гораздо совершеннѣе египетской, потому что это была уже *настоящая азбука*, состоявшая изъ однѣхъ только буквъ, уже совершенно свободная отъ примѣси изображеній; въ ихъ азбукѣ для cadaго звука былъ одинъ опредѣленный знакъ или *буква*. Буквы въ то же время служили и для обозначенія *чиселъ* (какъ въ языкѣ церковно-славян-

скомь). Эту азбуку отъ финикіянь заимствовали греки^{*}), а азбуки всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ: нѣмцевъ, французовъ и т. д., въ томъ числѣ и наша церковно-славянская и русская азбука, суть передѣлки или видоизмѣненія греческой или финикійской азбуки. Такимъ образомъ, всѣ европейскіе народы оказываются учениками финикіянь.

Что же слѣдуетъ изъ всего сказаннаго? Мы видѣли, что финикіяне отправлялись въ свои далекія плаванія съ цѣлями исключительно корыстными, исключительно для торговли и наживы, но вмѣстѣ съ своими товарами и мануфактурными произведеніями они развозили по свѣту и сѣмена образованности. Слѣдовательно, финикіяне были не просто только купцы; они были и учителями, просвѣтителями тѣхъ менѣе образованныхъ или даже и вовсе дикихъ народовъ, съ которыми имъ приходилось вести торгъ. Однимъ они сообщали употребленіе огня (въ то время были дикари, стоявшіе на такой низкой степени развитія, что не умѣли даже добывать огонь), другихъ знакомили съ вѣсомъ и мѣрой, третьихъ учили употребленію металлическихъ орудій, азбукъ и разнымъ удобствамъ жизни. Вотъ почему финикіяне имѣютъ право на наше уваженіе, какъ распространители просвѣщенія въ такое время, когда берега Средиземнаго моря и вообще Европа были населены дикарями, которые иногда стояли на такой низкой степени развитія, на какой теперь находятся развѣ только дикіе обитатели Австраліи или внутренней Африки.

Но были и темныя стороны въ характерѣ финикійскаго народа. Понятно, что купцы финикійскіе могли предпринимать свои отдаленныя, опасныя плаванія не иначе, какъ только вооруженные; но не всегда пользовались они своимъ оружіемъ исключительно для одной законной самозащиты. Нерѣдко случалось, что они сами нападали на береговыхъ жителей съ нечестною цѣлью — грабежа и захвата. Они занимались не одной только мирной, правильной торговлей, но, развѣзжая по морямъ, при случаѣ бывали и пиратами, т.-е. морскими разбойниками. Въ связи съ этимъ находится и другая темная сторона въ исторіи финикіянь, а именно — торговля невольниками. Не одно золото и серебро, не одни произведенія природы вывозились финикіянами изъ странъ, куда они заѣзжали: они торговали и живымъ товаромъ, т.-е. людьми. Иногда они захватывали людей силою въ схваткахъ съ прибрежными

^{*}) Память ообъ этомъ заимствованіи сохранилась, между прочимъ, въ названіяхъ двухъ первыхъ буквъ греческой азбуки: *альфа* и *бета*, откуда произошло слово „*алфавитъ*“. Эти слова финикійскія: соплеменные финикіянамъ арабы до сихъ поръ первую букву своей азбуки называютъ — *эмфъ*, а евреи — *алефъ*.

жителями, чаще обмѣнивали ихъ на свои товары; иногда же прибѣгали для этого къ хитрости и безчестному обману. Вотъ что, на примѣръ, бывало иногда, по рассказамъ одного греческаго писателя: приставаль гдѣ-нибудь къ берегу Греціи финикійскій корабль, нагруженный хитрыми заморскими товарами; товары эти ловко раскладывались на палубѣ, какъ приманка для туземцевъ; разносился слухъ о заморскихъ *гостяхъ*; собиралось много народа, особенно женщинъ, иногда и съ дѣтьми — полюбоваться диковинками, которыхъ навезли иноземцы. Иноземные гости привѣтливо зазывали на корабль, показывая и расхваливая товары, и, между тѣмъ какъ любопытные толпились на палубѣ, ничего не подозревая, корабль незамѣтно отчаливаль отъ берега и увозилъ неосторожныя жертвы любопытства для того, чтобы потомъ продать ихъ гдѣ-нибудь въ неволю. Для наживы, для того, чтобы удовлетворить своей алчности и ненасытному корыстолюбію, финикіяне не отступали ни передъ насиліемъ, ни передъ обманомъ. У древнихъ грековъ слово „финикіецъ“ сдѣлалось нарицательнымъ, браннымъ именемъ; назвать кого-нибудь „финикійцемъ“ значило то же самое, что назвать „обманщикомъ, плутомъ“. И финикіяне, дѣйствительно, не стыдились прибѣгать къ обману. Такъ, на примѣръ, они старались нарочно распускать ложные слухи о странахъ, въ которыя они заѣзжали; рассказывали объ этихъ странахъ разные ужасы для того, чтобы у какого-нибудь другого народа не явилось желаніе пробраться туда и сдѣлаться ихъ торговыми соперниками или — *конкурентами*.

Другою темною чертою въ характерѣ финикіянь была жестокость. Рѣзкія черты этой жестокости мы находимъ и въ *религіи финикіянь*. Финикійская религія отчасти была похожа на религію египтянь, но отличалась отъ этой послѣдней именно своимъ жестокимъ, безчеловѣчнымъ характеромъ. Финикіяне были также *политеисты*, т.-е. обоготворяли различныя силы природы. Верховный, главный богъ ихъ назывался *Ваалъ* (Бэль). Это былъ богъ неба и солнца. Ему поклонялись на высотахъ горъ и приносили въ жертву животныхъ. О томъ, какъ происходили эти жертвоприношенія, вы уже имѣете понятія изъ исторіи пророка Иліи. Припомните, какъ жрецы Вааловы скакали вокругъ жертвенника, приводили себя въ изступленное состояніе, кололи себя въ кровь ножами и неистовыми криками призывали своего бога.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что солнце различно дѣйствуетъ на природу и на человѣка, особенно на югѣ, въ странахъ жаркихъ. Съ одной стороны, солнце — благодѣтель человѣка, оно даетъ природѣ свѣтъ, тепло, жизнь; съ другой стороны, въ знойную

пору года то же самое солнце все сожигаетъ, палитъ, иссушаетъ, *разрушаетъ* жизнь. Особенно сильно, какъ мы сказали, это двойное и совершенно противоположное дѣйствіе солнца чувствуется на югѣ. Вотъ почему и *богъ солнца* представлялся финикіянамъ *съ двухъ сторонъ*, такъ сказать, *раздвоился* въ ихъ пониманіи. *Ваалъ* былъ олицетвореніемъ благотворнаго вліянія солнца на природу, а его разрушительныя дѣйствія: иссушающій зной, томящая жажда и другія страданія, которыя вызываетъ этотъ зной,—все это „олицетворялось“ въ другомъ божествѣ, которое называлось *Молохъ* (т.-е. солнце-царь). Молоха, какъ бога злобнаго, жестокаго, старались умилостивить жертвами, и, какъ страшенъ былъ самый богъ, такъ страшны были и эти жертвоприношенія: *ему приносили въ жертву живыхъ людей*. Молохъ изображался въ видѣ *или быка, или чловька съ бычьей головой*. Въ одномъ изъ финикійскихъ городовъ былъ идолъ Молоха, сдѣланный изъ мѣди, съ согнутыми у груди руками. Этотъ идолъ *раскалялся докрасна* положенными внутрь его дровами, потомъ обреченнаго на жертву хватали и бросали живого въ раскаленные объятія идола, изъ которыхъ онъ скатывался въ открытую грудь Молоха, и тамъ сжигался заживо подобно тому, какъ знойное солнце все сожигаетъ своими палящими лучами. Раздирающіе крики несчастныхъ жертвъ не были слышны, потому что покрывались неистовыми воплями жрецовъ и оглушительными звуками флейтъ, тимпановъ и литавръ, которые раздавались вокругъ.

Человѣческія жертвы бывали въ употребленіи и у другихъ языческихъ народовъ, но у другихъ народовъ эта ужасная участь большею частью выпадала на долю рабовъ или плѣнниковъ. У финикіянь было не такъ: имъ казалось, что для того, чтобы удовлетворить Молоха, ему надобно пожертвовать самымъ дорогимъ, самымъ лучшимъ... На жертву обрекались самые красивые, цвѣтущіе юноши и дѣвушки, даже изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ семействъ. Бывало, что и *цари* финикійскіе приносили въ жертву собственныхъ *первенцовъ*. Особенно употребительны и многочисленны бывали такія жертвоприношенія *во времена общественныхъ бѣдствій* (напр. въ случаѣ засухи, неудачъ на войнѣ, повальныхъ болѣзней и т. п.) или передъ выступленіемъ въ походъ противъ непріятелей. Извѣстенъ случай, когда въ честь Молоха погибло до 3000 человѣческихъ жертвъ. Мало того, случалось, что во время войны, при особенно затруднительныхъ обстоятельствахъ, *сами цари* или вожди финикійскіе обрекали себя на жертву за спасеніе народа, чтобы склонить на милость, какъ они полагали, прогнѣваннаго бога.

Кромѣ Ваала и Молоха, былъ еще третій богъ: — *Мелькартъ*. Этотъ послѣдній точно также представлялъ собою солнце или, вѣрнѣе, еще третью сторону, которую человекъ замѣчаетъ въ солнцѣ. Солнце — вѣрный путникъ: человекъ видитъ, что оно движется по небосклону и какъ бы ежедневно *обходитъ вселенную* отъ края до края, отъ востока до запада. Потому солнце финикіяне считали покровителемъ своихъ собственныхъ странствованій по бѣлому свѣту и въ этомъ смыслѣ поклонялись ему, какъ особому, *третьему богу*, котораго, какъ сказано, называли Мелькартомъ. Мелькартъ особенно почитался въ Тирѣ*), и, отправляясь въ путь, финикіяне всегда брали съ собою на корабль изображеніе Мелькарта. Были у финикіянь и женскія божества, изъ которыхъ болѣе всѣхъ уважалась богиня *Астартъ* — *царица неба и луны* (главный храмъ ея былъ въ Сидонѣ). Астартѣ приписывали *воинственный характеръ*, потому и самое *богослуженіе* ея носило характеръ воинственный. Ей служили не жрецы, а *жрицы*, которыя одѣвались въ шлемы, панцири и, въ полномъ вооруженіи, совершали вокругъ идола своей богини шумныя, воинственныя пляски, звонко ударяя мечами въ свои щиты. Можно думать, что эти воинственныя жрицы подали поводъ къ происхожденію существовавшаго у грековъ сказанія о томъ, что гдѣ-то далеко въ восточныхъ странахъ жилъ народъ *амазонокъ*, — народъ, состоявшій исключительно будто бы изъ однѣхъ женщинъ (*женщинъ-воиновъ*), отличавшихся необыкновенной силой и отчаянной неустрашимостью въ битвахъ)**).

* Самое имя *Мелькартъ* значитъ „царь города“ (мелекъ — царь, картъ — городъ Греки, какъ уже сказано, сравнивали его съ своимъ богатыремъ и называли „Тирскій Геркулесъ“).

** Итакъ, у финикіянь были три главные божества: Вааль, Молохъ и Мелькартъ. Но эти боги не были главными богами для *всей* страны. Каждый городъ въ Финикіи и имѣлъ своего собственнаго Ваала или Молоха, и главнымъ изъ этихъ многочисленныхъ Вааловъ считался богъ того города, который первенствовалъ въ данное время въ странѣ. Своихъ главныхъ боговъ финикіяне заимствовали у другого народа. Вообще, въ ихъ религіи было мало своего. Занимаясь торговлей, посѣщая чужіе края и сталкиваясь постоянно съ самыми различными народами, финикіяне заимствовали у этихъ чужеземцевъ и боговъ. Первоначально у финикіянь, какъ и большинства первобытныхъ народовъ, было самое грубое представленіе о божествѣ — они поклонялись горамъ, рѣкамъ, лѣсамъ, камнямъ и, вообще, окружающей природѣ. Такое грубое многобожіе, непосредственное поклоненіе самимъ предметамъ или явленіямъ въ природѣ, называется *фетишизмомъ*. Потомъ финикіяне стали одухотворять эти предметы и поклоняться уже высшимъ существамъ, которыя какъ бы завѣдывали или проявлялись въ извѣстныхъ явленіяхъ природы. Такъ создали они множество отдѣльныхъ боговъ, которые одинъ вораля собою силы и явленія природы, къ этимъ богамъ прибавлялись новые боги, заимствованные изъ чужой религіи. Несмотря однако на

Изъ разсказаннаго видно, что въ характерѣ финикіянь было много *темныхъ чертъ*. Эти черты отразились не только въ религии, но и на другихъ сторонахъ ихъ жизни и быта. Мы видѣли, что служеніе одной корысти, постоянная мысль о своемъ обогащеніи дѣлали финикіянь безсердечными, эгоистическими, неразборчивыми на средства для достиженія цѣли. Богатство сдѣлало ихъ, кромѣ того, гордыми, тщеславными, поселило въ нихъ любовь къ роскоши и наслажденіямъ. Вотъ, на примѣръ, что говорить пророкъ Іезекииль о городѣ Тирѣ: „твоимъ разумомъ ты приобрѣлъ себѣ богатства и въ сокровищницы твои собралъ золота и серебра; посредствомъ торговли твоей ты умножилъ богатство твое, и умъ твой возгордился богатствомъ твоимъ. Отъ обширной торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды... Отъ красоты твоей возгордилось сердце твое, отъ тщеславія твоего ты погубилъ мудрость твою“...

Вслѣдствіе привычки къ роскошной жизни и къ наслажденіямъ явилась *изнѣженность*. Дошло до того, что финикіяне, эти смѣлые, неутомимые, предприимчивые мореплаватели, которыхъ прежде не могла испугать никакая опасность, которые никогда не останавливались ни передъ какою трудностью — не хотѣли даже служить въ войскѣ и подвергаться опасностямъ войны. Эти богачи *за деньги нанимали* себѣ войско изъ иноземцевъ и наемникамъ предоставляли сражаться за Финикію.

Финикія никогда не составляла одного государства. Въ каждомъ большомъ городѣ былъ свой отдѣльный царь и при немъ *сенатъ* (т.-е. совѣтъ старшинъ, дума), состоявшій изъ самыхъ знатныхъ гражданъ, а знатными въ такой странѣ, какъ Финикія, считались, разумѣется, люди изъ самыхъ богатыхъ и притомъ старинныхъ,

образованность, которой достигли финикіяне, религія ихъ осталась въ первоначальной грубой формѣ и не достигла такого развитія, какъ, на примѣръ, у египтянь. Съ богами финикіяне заключали какъ бы сдѣлку: боги даютъ людямъ помощь и за это получаютъ определенное вознагражденіе. О своихъ богахъ они не складывали сказаній, какъ это дѣлали другіе народы (миѣъ объ Озирисѣ у египтянь), ихъ многочисленныя боги были очень похожи другъ на друга, даже главныя божества Ваала и Молоха нерѣдко нельзя было различить. Вааль, олицетворявшій благотворное влияние солнца, на природу, и жестокой богъ Молохъ, олицетворявшій разрушительныя дѣйствія солнца, сливались между собой, и Вааль часто являлся въ одно и то же время богомъ жизни и смерти, богомъ грознымъ, все созидющимъ и все разрушающимъ. Всѣ боги у финикіянь были богами грозными, которыхъ надо было не любить, а бояться и умоливать жестокими жертвами, которыя соотвѣтствовали бы характеру самихъ боговъ, — жертвами человѣческими. Легко объяснить, почему у финикіянь была такая неразработанная религія — финикіяне были по преимуществу людьми торговыми, помыслы которыхъ были исключительно направлены на житейскія блага. С. М.

т.-е. издавна, изстари богатыхъ родовъ. Царь и сенатъ, составленный изъ богатѣйшихъ торговцевъ города, управляли городомъ и прилегающею къ этому городу извѣстною частью страны, и безъ сената царь не могъ сдѣлать ничего. Изъ этого видно, что образъ правленія въ Финикии былъ *смѣшанный*: съ одной стороны — власть царя, но рядомъ и наравнѣ съ нею еще власть нѣсколькихъ лицъ. Когда государствомъ править одно лицо — государь (какъ бы онъ ни назывался: царь, король, князь и т. д.), такой образъ правленія называется *монархическимъ*; если же верховная власть въ государствѣ находится въ рукахъ не одного, а нѣсколькихъ лицъ, и притомъ не вслѣдствіе особенныхъ заслугъ и достоинствъ этихъ лицъ, а достается имъ только вслѣдствіе ихъ богатства или знатности (какъ то именно и было въ Финикии), такой образъ правленія называется *олигархическимъ*. Въ Финикии, стало-быть, управление было наполовину монархическое и наполовину олигархическое*). Иногда только (напримѣръ, для обороны отъ внѣшняго врага) нѣсколько городовъ соединялись между собою и составляли союзъ**).

*) *Монархія* значить единовластіе, единоначаліе; *монаръ* — единый властитель, (отъ греческихъ словъ *μόνος* — одинъ и *αράω* — правлю, господствую, начальствую). *Олигархія* — правленіе или власть нѣсколькихъ, *немногаѣ* (отъ греческаго слова *ολίγοι* — немногіе). Замѣтимъ здѣсь, что въ древности на Востокѣ власть монархическая являлась съ характеромъ *деспотіи* (отъ греческаго слова *δеспότης* — владыка). Какая же разница между *монархическимъ* и *деспотическимъ* образомъ правленія? Монархъ — единодержавный государь, управляющій законно, т.-е. на основаніи законовъ, изданныхъ имъ самимъ или его предшественниками. Онъ можетъ отмѣнить совѣмъ или измѣнить тотъ или другой законъ; но, пока какой-нибудь законъ не отмѣненъ, съ этимъ закономъ самъ государь сообразуется въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ. *Деспотъ*, напротивъ, не взираетъ ни на какіе законы: онъ въ каждомъ случаѣ слѣдуетъ только внушеніямъ своего собственнаго произвола, а иногда просто прихоти. Такой образъ правленія существуетъ въ настоящее время въ государствахъ Азии и отличается большею частью жестокостію. Въ Китаѣ, напримѣръ, если кто-нибудь, хотя бы то былъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ государства, совершить проступокъ, государь не судить его по законамъ, а посылаетъ виновному шелковый шнурокъ или ножикъ, бритву — знакъ, что тотъ долженъ умереть. Названія монархія, олигархія, деспотія — принадлежатъ *Аристотелю*, ученому греку, который жилъ болѣе, чѣмъ за триста лѣтъ до Р. Х. Онъ первый объяснилъ разницу между различными формами правленія и придалъ имъ особые названія, которыя употребляются и до сихъ поръ.

***) Такимъ образомъ, обыкновенно каждый городъ въ Финикии пользовался полною независимостію и самостоятельностью и лишь время отъ времени среди нихъ возвышался одинъ какой-нибудь городъ и захватывалъ власть надъ остальными. Сначала такое первенство принадлежало Сидону, потомъ Тиру (городъ основанъ, по свидѣтельству Геродота, почти за 3000 лѣтъ до Р. Х.) и, наконецъ, Араду. Подъ вліяніемъ общей опасности финикійскіе города, какъ было сказано, заключали между собой

Въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завета встрѣчаются не разъ имена нѣкоторыхъ царей Тира и Сидона, потому что съ ними бывали въ сношеніяхъ цари еврейскіе. Вы, вѣроятно, помните имя одного изъ царей тирскихъ, *Хирама*, потому что онъ былъ современникомъ Давида и Соломона*). Къ нему-то обратился Соломонъ съ просьбой о присылкѣ строительныхъ матеріаловъ и искусныхъ строителей, когда задумалъ построить въ Иерусалимѣ храмъ Господу, и, какъ вы знаете, царь Хирамъ не отказалъ сосѣду. Съ горъ Ливанскихъ были доставлены въ Палестину кедры и кипарисы (моремъ, черезъ гавань *Ionnio*, теперь *Яффа*, гдѣ высаживаются богомольцы, отправляющіеся на поклоненіе гробу Господню); изъ Финикіи же были привезены запасы камня и металловъ, нужные для постройки, оттуда же прибыли опытные архитекторы и искусные художники (каменщики, рѣзчики по дереву, литейщики), которые выстроили и богато украсили храмъ, составившій славу Соломонова царствованія. Конечно, финикіяне оказывали эти услуги своему сосѣду не даромъ; какъ расчетливые купцы, они позаботились извлечь отличный барышъ для себя: въ обмѣнъ они получили отъ Соломона множество хлѣба, масла и вина, т.-е. тѣхъ произведеній, которыми была богата Палестина и, наоборотъ, бѣдна многолюдная, но скудная землею Финикія. Но не въ этомъ заключалась главная выгода, которую доставила финикіянамъ ихъ дружба съ евреями: при помощи евреевъ имъ удалось открыть новые пути для своей торговли на востокъ. Благодаря тому, что Соломонъ подчинилъ своей власти сѣверные берега Чермнаго моря, финикіяне получили возможность подъ охраною отряда изъ еврейскаго войска про-

союзъ, и всѣ дѣла тогда уже рѣшались союзными собраніями царей и знати. Въ отдѣльныхъ финикійскихъ городахъ всегда однако происходили неурядицы. Всю власть въ управленіи захватили купцы, о которыхъ пророкъ Исаія говорилъ: „купцы — князья, торговцы — знаменитости земли“ (Финикіи); эта купеческая знать сопротивлялась царю и притѣсняла остальное населеніе; царь, желая возвысить свою власть, вступалъ въ борьбу съ могущественной знатью, опираясь на низшіе классы населенія, которое охотно ихъ въ этомъ поддерживало, а знать, въ свою очередь, заключала союзъ между собой для совмѣстной борьбы съ царемъ и остальнымъ населеніемъ. Вслѣдствіе того, что небольшая сама по себѣ страна была раздѣлена на множество отдѣльныхъ почти независимыхъ государствъ и упомянутыхъ междоусобныхъ смуть въ этихъ государствахъ, Финикія не представляла собою могущественнаго государства и большей частью должна была подчиняться болѣе сильнымъ своимъ сосѣдямъ. Такъ находилась она въ подчиненіи у знакомыхъ уже намъ египтянъ, затѣмъ, какъ увидимъ ниже, у ассиро-вавилонянъ и персовъ. С. М.

*) Хирамъ царствовалъ лѣтъ за 1000 до Р. Х., въ то время, между прочимъ, когда Финикія никому не была подчинена. Время ея независимости продолжалось всего лѣтъ триста. С. М.

браться къ этимъ берегамъ, выстроить здѣсь корабли и отсюда пуститься на новыя открытія. На этотъ разъ ихъ манила молва о странѣ, наполненной несмѣтными богатствами, именно — *Индіи*. На пути они воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы завязать торговыя сношенія съ арабами, главнымъ образомъ съ однимъ племенемъ, которое жило въ городѣ *Сѣба* (въ теперешнемъ Іеменѣ) и потому называлось *сабѣи* или *савей* (вспомните изъ Священной Исторіи разсказъ о *царицѣ савской*, которая приходила въ Іерусалимъ подивиться мудрости Соломона). Аравія въ древности такъ же, какъ и теперь, славилась обиліемъ *душистыхъ смолъ*, которыя шли на приготовленіе оѳиміама, благовонныхъ мазей и т. д. (Какъ дорого цѣнились въ то время ароматы, можно видѣть изъ того, что была такая мазь, одинъ фунтъ которой, говорятъ, продавался, примѣрно, за 60 рублей на наши деньги, тогда какъ въ то же время *взрослаго раба* можно было купить за 40 рублей). Счастливо добрались финикіяне и до богатой Индіи или *Офирѣ*, какъ они ее называли, и, дѣйствительно, нашли здѣсь такъ много золота, *жемчугу*, драгоценныхъ камней, *слоновой кости*, *обезьянъ* и другихъ диковинъ разнаго рода, что могли разбѣжаться даже привычные глаза наглядѣвшагося всякихъ рѣдкостей финикійскаго купца...

Подробности о постройкѣ и освященіи храма Соломонова на горѣ *Моріа* въ Іерусалимѣ я предполагаю извѣстными вамъ изъ уроковъ Священной Исторіи и перейду теперь къ исторіи евреевъ послѣ Соломона.

РАЗСКАЗЪ XI.

Раздѣленіе народа еврейскаго на два царства. — Исторія Ассиріи и Вавилона.

Построеніе храма еще болѣе возвысило Соломона въ глазахъ его подданныхъ и увеличило блескъ его царствованія. Все, что онъ сдѣлалъ для евреевъ, доставило ему прозваніе *мудраго*, которое сохранилось за нимъ и въ потомствѣ. Но, несмотря на всю мудрость Соломона и господствовавшія при немъ тишину и спокойствіе, такъ увеличившія благосостояніе народа, его правленіе, особенно въ послѣдніе годы, имѣло и свои темныя стороны. Вслѣдствіе сношеній съ роскошною и богатою Финикією, роскошь и изысканность стали распространяться и между евреями

и замѣнять ихъ прежною простою и здоровую жизнь. Царскій дворъ Соломона роскошью и великолѣшіемъ рѣзко отличался отъ двора Саула и Давида: на его содержаніе тратилось очень много, и потому подати увеличились непомерно, что вызывало неудовольствіе со стороны народа. Но этого мало, сношенія съ сосѣдними языческими народами имѣли вліяніе и на религіозную жизнь евреевъ: рядомъ съ служеніемъ Іеговѣ, при дворѣ, въ угоду иноплеменнымъ женамъ Соломона, стало появляться служеніе чужимъ языческимъ богамъ.

При жизни мудраго царя порядокъ еще держался, но послѣ его смерти все измѣнилось. Недовольные потребовали уменьшенія тягостей и налоговъ, и, когда неразумные совѣтники *Ровоама*, сына Соломона, дали имъ извѣстный угрожающій отвѣтъ: „васъ прежде били бичами, а мы васъ будемъ бить скорпіонами“, произошло *распаденіе* такъ недавно еще основаннаго царства. Десять колѣнъ избрали своимъ царемъ *Іеровоама* и образовали царство *Израильское*, и только два колѣна (Гудино и Веніаминово) съ городомъ Іерусалимомъ, образовавъ царство *Іудейское*, остались за домомъ Давида. Это распаденіе было пагубно для евреевъ: блестящія времена могущества и славы прошли для нихъ безвозвратно. Сила государства ослабла; подчиненныя страны освободились; полудикіе степные сосѣди возобновили свои вторженія, а постоянныя междоусобныя войны между царями іудейскими и израильскими еще болѣе истощали народъ. А между тѣмъ, какъ разъ въ это время для еврейскаго народа междоусобныя войны и разъединеніе были особенно пагубны, такъ какъ онъ долженъ былъ употребить всѣ свои силы на защиту отечества и своей независимости: всей Сиріи съ VIII вѣка стали грозить страшные и непобѣдимые въ то время завоеватели — *ассиріане*.

Говоря объ Авраамѣ, мы уже упоминали о *Месопотаміи*, этой обширной низменности, которая лежитъ между рѣками *Тигромъ* и *Евфратомъ*, на востокъ отъ Сирійской пустыни. Начинаясь на Армянской возвышенности, близко одна отъ другой, эти двѣ рѣки въ своемъ среднемъ теченіи расходятся довольно далеко, но ниже, къ морю, опять сближаются и, наконецъ, впадаютъ въ Персидскій заливъ (въ древности были два отдѣльных устья; теперь Тигръ и Евфратъ до впаденія въ море сливаются въ одну рѣку — *Шатъ-эль-Арабъ*)*).

Свой путь отъ истока до моря обѣ рѣки совершаютъ при условіяхъ неодинаковыхъ: теченіе Евфрата тихо и спокойно, потому

*) „Арабская рѣка“.

что пролегает большею частью через равнину; напротивъ, течение Тигра болѣе быстро и бурно*), потому что путь его лежитъ чрезъ мѣстность болѣе неровную, гористую. Вслѣдствіе болѣе возвышеннаго положенія и болѣе горнаго характера и самый климатъ страны, лежащей по верхнему и среднему теченію Тигра, менѣе жаркій, горный. Страна эта (Сѣверная Месопотамія) въ древности называлась *Ассиріею*.

Страна же по среднему и нижнему теченію Евфрата, отчасти и Тигра, называлась въ древности *Халдеею* или по главному городу *Вавилоніею***). Климатъ въ этой послѣдней странѣ очень жаркій; дождя тамъ почти никогда не бываетъ, и Вавилонія была бы совершенно такой же знойной и бесплодной пустыней, какъ сосѣдняя пустыня Сирійская или Аравійская — не будь рѣки Евфрата съ ея обильными водами и ежегоднымъ разливомъ. Если Геродотъ правъ, называя Египеть, „даромъ Нила“, то съ такимъ же точно правомъ и Вавилонію можно было бы назвать *даромъ Евфрата*, потому что, по отзыву того же Геродота, благодаря Евфрату, Вавилонія своимъ плодородіемъ превосходила даже плодородіе Египта.

„Жатва въ Вавилоніи“, говоритъ Геродотъ „въ двѣсти, а въ годы особенно урожайные и въ триста кратъ вознаграждаютъ трудъ земледѣльца. Листья пшеницы и ячмень достигаютъ въ Вавилоніи четырехъ пальцевъ ширины, а о томъ, до какой высоты достигаетъ стебель *проса*, объ этомъ я лучше не буду и говорить, ибо все равно: кто самъ не побывалъ въ Вавилоніи и не удостоившись собственными глазами, тотъ не повѣритъ. Зато деревьевъ въ Вавилоніи очень мало: нѣтъ тамъ ни смоквы, ни виноградной лозы, ни масляны. Одна финиковая пальма растетъ тамъ въ изобиліи; ея плоды жители употребляютъ въ пищу и, кромѣ того, приготавливаютъ изъ нихъ вино и какой-то сладкій отваръ, въ родѣ меда“.

Слѣдствія такого необыкновеннаго плодородія были тѣ же самыя, какъ и въ Египтѣ. Плодоносная почва привлекала многочисленное населеніе. Уже въ самой глубокой древности сюда, по теченію рѣки Евфрата, стали спускаться съ Армянской возвышенности жившіе тамъ семиты. Сначала, поселившіеся здѣсь жители, подобно тому, какъ евреи во времена патріарховъ, вѣроятно, занимались *скотоводствомъ* (какъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ) и *звѣриной ловлей* (какъ Исавъ; такъ, между прочимъ, и въ книгѣ Бытія о первомъ

*) Самое названіе Тигръ значитъ „стрѣла“, потому что онъ течетъ такъ быстро, какъ быстро летитъ стрѣла. Евфратъ — просто: „рѣка, потокъ“.

**) Въ Свящ. Писаніи Вавилонія называется землею *Сеннааръ* — это старинное названіе страны.

царѣ вавилонскомъ, *Нимродъ*, сказано, что онъ былъ великій охотникъ, т.-е. звѣроловъ, охотникъ). Но земля была такъ плодородна, трудъ земледѣльца на этой землѣ вознаграждался такъ щедро, что поселившіеся на ней должны были, подобно египтянамъ, очень рано приняться за земледѣліе. Подобно египтянамъ же очень рано догадались они *помогать своей кормилицѣ-рѣкѣ*, чтобы, какъ можно лучше, воспользоваться ея дарами. Такъ дѣлается и теперь въ Азіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя лежатъ о бокъ съ бесплодными, песчатыми степями, но гдѣ въ то же время есть какая-нибудь большая рѣка, дающая жизнь землѣ вездѣ, куда только можетъ достигнуть ея влага. Для примѣра укажемъ на мѣстности около Аральскаго моря (Ташкентъ, Хива, Бухара и проч.), гдѣ текутъ двѣ большія рѣки: *Сырѣ-Дарья* и *Аму-Дарья*. Вездѣ, куда доходятъ ихъ волны, тамъ земля воздѣлана и плодородна: тамъ прекрасныя поля, деревья, сады; напротивъ, куда вода не доходитъ, тамъ сожженная солнцемъ, занесенная пескомъ, бесплодная пустыня. Съ этой-то пустыней и ея песками жители ведутъ постоянную борьбу, напрягая всѣ усилія, чтобы отвоевать у пустыни лишній клочекъ для земледѣлія, а для этого есть только одно средство — рыть канавы и каналы (тамъ ихъ называютъ *арыки*), дѣлать водокачки для подъема воды и по этимъ каналамъ и канavamъ проводить ее, какъ можно дальше, вглубь страны. То же самое дѣлалось и въ древней Вавилоніи, и притомъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ: „по всѣмъ направленіямъ“, рассказываетъ Геродотъ, „земля вавилонская, подобно землѣ египетской, изрѣзана каналами, многочисленность которыхъ возбуждаетъ удивленіе путешественниковъ“.

Искусственное орошеніе сдѣлало почву еще болѣе плодородной и удобной для земледѣлія; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегдашнее слѣдствіе земледѣлія, установилась осѣдлая жизнь, население размножилось чрезвычайно быстро. Это видно изъ того, что въ самой глубокой древности, быть можетъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Х., здѣсь появились большіе города. Самымъ главнымъ изъ нихъ со временемъ сталъ *Вавилонъ* на Евфратѣ. О началѣ и древнѣйшемъ періодѣ исторіи Вавилона до насъ дошли только отрывочныя извѣстія или преданія, которыя еще не составляютъ настоящей исторіи. Мы знаемъ только, что Вавилонъ, благодаря своему выгодному географическому положенію (въ мѣстности, гдѣ сходятся и перекрещиваются торговыя пути, на примѣръ — отъ Индіи къ Средиземному морю и отъ Каспійскаго моря къ Персидскому заливу) очень рано сдѣлался весьма богатымъ и торговымъ городомъ. Его богатство манило завоевателей, и вотъ

почему вавилоняне рѣдко пользовались независимостью, большую же часть должны были повиноваться своимъ ближнимъ сосѣдямъ, ассиріянамъ. Ассиріяне, хотя и принадлежали къ одному племени съ вавилонянами, но, какъ народъ горный, были воинственнѣе, суровѣе и энергичнѣе избалованныхъ богатствомъ природы жителей роскошной Евфратской долины*). Во времена Геродота о началѣ исторіи Ассиріи существовали одни только баснославныя сказанія. Первымъ царемъ ея называли *Нина*, великаго и непобѣдимаго завоевателя. Про него рассказывали, что онъ основалъ большой городъ на рѣкѣ Тигрѣ, названный по его имени *Ниневіею*, и завоевалъ окрестныя страны: сперва покорилъ Вавилонію, а потомъ пошелъ походомъ на *Мидію*, страну, лежавшую на югъ отъ Каспійскаго моря. Вездѣ ему сопутствовала побѣда, только подъ стѣнами одного города счастье какъ будто измѣнило Нину. Это былъ городъ *Бактра*, лежавшій около истоковъ рѣки *Оксуса* (теперь Аму-Дарья). Давно уже продолжалась осада, но городъ, окруженный крѣпкими стѣнами, снабженный припасами, не сдавался. Нинѣ думалъ уже отступить, какъ вдругъ помощь явилась оттуда, откуда, казалось бы, ея всего менѣе можно было ожидать, — *отъ одной женщины*. Въ станѣ Нина находилась — рассказываетъ преданіе — жена одного изъ его полководцевъ, необыкновенная красавица и, главное, великая умница. Она замѣтила, что осажденные заботятся главнымъ образомъ о защитѣ той стороны своего города, съ которой гора была болѣе поката, а на другую, противоположную сторону, гдѣ гора была такъ крута, что казалась совершенно неприступной, почти вовсе не обращаютъ вниманія, рассчитывая на ея неприступность по самому положенію. Она высмотрѣла всходъ на эту крутизну, выпросила у царя отрядъ войска и, переодѣвшись въ мужское военное платье, осторожно

(*) Первоначально, въ древнѣйшую эпоху (болѣе, чѣмъ за 3000 лѣтъ до Р. Х.), преобладаніе въ Месопотаміи принадлежало Вавилоніи. Находясь въ подчиненіи у мирнаго народа, страна въ это время много терпѣла отъ набѣговъ сосѣдей — воинственныхъ кочевыхъ племенъ, жившихъ въ горахъ на востокъ отъ Тигра. Лѣтъ за 1200 до Р. Х. дѣло измѣнилось. Въ этотъ періодъ постепенно усиливается Ассирія, вступаетъ въ борьбу съ Вавилономъ и захватываетъ первенство въ странѣ, хотя сама Халдея (Вавилонія) сохранила еще свою самостоятельность. Позже ассирійскіе цари совершенно подчинили своей власти Вавилонію. Съ этой поры приходится уже говорить объ исторіи Ассиро-Вавилоніи, такъ какъ побѣдителей отъ побѣжденныхъ нельзя совершенно отдѣлать. Государственное устройство въ Ассиріи было почти такое же, какъ и въ Халдеѣ, а вѣрованія свои ассирійцы прямо заимствовали съ юга, ихъ религія — простой сколокъ съ религіи вавилонской. Въ Вавилоніи развивается мирный порядокъ жизни, воинственная же Ассирія беретъ на себя охрану безопасности населенія отъ окрестныхъ разбойничьихъ племенъ. С. М.

провела его на гору, перебралась через стѣну, которая въ этомъ мѣстѣ не имѣла защитниковъ, — и отворила ворота ассирійскому войску. Нинъ пришелъ въ такой восторгъ, что женился на этой необыкновенной женщинѣ, а въ послѣдствіи, умирая, назначилъ ее своей преемницей. Эту женщину звали *Семирамидой*. По словамъ одного древняго историка, это была „знаменитѣйшая изъ всѣхъ женщинъ древняго міра“. Преданіе говорило, что по смерти мужа Семирамида управляла съ энергіею и силой мужчины. Она продолжала завоеванія мужа и прославила ассирійское оружіе новыми, смѣлыми предпріятіями. Рассказывали, что она предпринимала походы въ отдаленную, богатую *Индію*, куда, какъ мы говорили, нѣкогда стремился и Сезострисъ Великій, стремились и купцы финикійскіе. Преданіе рассказываетъ далѣе, что, подобно египетскимъ фараонамъ, Семирамида не только вела войны и предпринимала отдаленные походы и завоеванія, но любила и строить: подобно царямъ египетскимъ она старалась увѣковѣчить въ потомствѣ память о себѣ и о своемъ царствованіи посредствомъ великолѣпныхъ сооружений. Семирамида, говоритъ преданіе, избрала своею столицею не Ниневию, а *Вавилонъ* и украсила его будто бы такими громадными и великолѣпными зданіями, которыя сдѣлали изъ Вавилона — *чудо свѣта*.

Кѣмъ бы ни были воздвигнуты зданія, постройку которыхъ преданіе приписываетъ своей любимицѣ, но дѣйствительно, по единогласному отзыву Геродота и другихъ греческихъ путешественниковъ, а также еврейскихъ пророковъ, Вавилонъ былъ громаднѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ городомъ древняго міра: „*красою Халдеи*“, какъ про него выражается пророкъ Исаія.

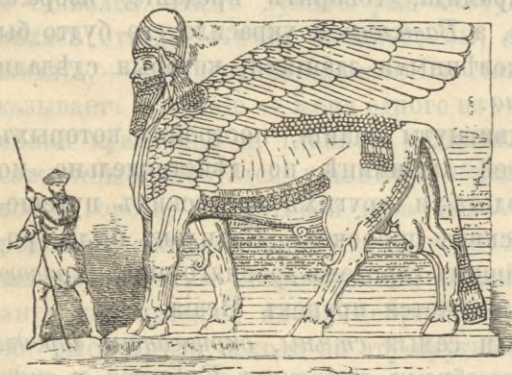
Первое чудо Вавилона были самыя стѣны, окружавшія городъ. Городъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ *Евфрата* въ видѣ довольно правильнаго *четвероугольника* и со всѣхъ сторонъ окруженъ неприступными стѣнами, на которыхъ красовались *двадцать пятьдесятъ* высокыхъ башенъ. Высота стѣнъ равнялась 80 футамъ, а ширина ихъ была такъ велика, что на нихъ были выстроены помѣщенія, гдѣ во время осады города жили цѣлыя отряды войскъ, защищавшіе городъ, а по срединѣ стѣны могли пройти свободно шесть лошадей рядомъ. Въ длину каждая сторона *четвероугольника* имѣла *двадцать верстъ**). Но матеріаль, изъ котораго были выстроены какъ стѣны, такъ и всѣ другія зданія Вавилона, не былъ такъ *крѣпокъ*, какъ камень, изъ котораго египтяне строили свои пирамиды и храмы. Въ Вавилоніи не было подъ руками горъ,

*) Слѣдовательно, Вавилонъ занималъ громадное пространство въ 8 *квадр. миль*.

негдѣ было ломать камень. Зато въ странѣ ихъ было очень много *глины*; изъ этой глины вавилоняне очень давно выучились обжигать *кирпичи* и для большей прочности къ глинѣ примѣшивали нарубленную мелко солому или тростникъ, а вмѣсто известки употребляли асфальтъ или горную смолу. Постройки вавилонскія оказались, однако, именно поэтому далеко не такъ прочны, какъ постройки египетскія; онѣ не уцѣлѣли до нашего времени такъ хорошо, какъ уцѣлѣли пирамиды, сфинксы и проч. Внутрь города вели нѣсколько продѣланныхъ въ стѣнахъ воротъ, запиравшихся массивными, сдѣланными изъ мѣди дверями. Городъ былъ прорѣзанъ улицами, которыя однимъ концомъ выходили къ Евфрату и на ночь также запирались мѣдными воротами. Для безопасности отъ наводненій вдоль обоихъ береговъ рѣки были устроены *высокія набережныя*, а для сообщенія между обѣими сторонами города — черезъ Евфратъ были перекинуты мосты.

Что касается до зданій внутри самаго города, то одно изъ нихъ еще издалека бросалось въ глаза путешественнику, когда онъ подъѣзжалъ къ Вавилону. Это былъ *храмъ бога Бэла**.

Религія вавилонянъ была очень похожа на хорошо уже извѣстную намъ религію финикіянъ**). Вавилоняне поклонялись почти тѣмъ же богамъ. Главнымъ богомъ у нихъ былъ, какъ и у финикіянъ, богъ солнца — *Бэлъ* (въ Ниневіи его чаще звали

Ассуръ, вѣроятно, по имени земли Ассирійской, которой былъ онъ главнымъ покровителемъ); главная богиня была богиня луны, *Иштарта* (иначе *Истартъ*). Было у нихъ множество и другихъ боговъ и духовъ, какъ добрыхъ покровителей, такъ и злыхъ. Изображали ихъ въ разныхъ странныхъ и причудливыхъ видахъ, обыкновенно съ *крыльями*, иногда съ *орлиною головою*, иногда въ видѣ

*) Отъ храма произошло и самое имя города. Названіе „Вавилонъ“ произошло отъ словъ „Бабъ-Илу“, что по-халдейски значить — „ворота божьи, чертогъ божій“. Сравни (на стр. 44-й) происхожденіе названія Египта отъ Га-ка-пта, что тоже значить „чертогъ божій“.

**) Финикіяне заимствовали своихъ главныхъ боговъ изъ религіи вавилонянъ.

полурыбы-получеловѣка; очень часто встрѣчается изображеніе бога въ видѣ быка или льва съ *человѣческой головою**).

Такъ какъ вавилоняне были одного происхожденія съ евреями (т.-е. семиты, какъ и тѣ), то у нихъ сохранилось довольно

Ассирійское божество.

*) Ассиро-вавилонская религія составила изъ двухъ религій — изъ вѣрованій первобытныхъ жителей Месопотаміи и позднѣйшихъ пришельцевъ. Въ незапамятныя времена жилъ въ Месопотаміи какой-то народъ, который называлъ себя *аккадійцами* или *суммерами* (шумиро-аккадьяне). Этотъ народъ принадлежалъ по языку къ народомъ, такъ называемымъ туранскимъ (желтой расы), т.-е. близкимъ къ монголамъ и китайцамъ. Еще за 4000 лѣтъ до Р. Х. страну заняли завоеватели семитическаго

много сказаній, похожихъ на то, о чемъ повѣствуетъ намъ Библия, напр., о созданіи міра, о раѣ, о грѣхопадєніи, о *потопѣ*, о столпотвореніи и т. д.; но имена у нихъ большею частью переименованы, и многое разсказано въ измѣненномъ и искаженномъ видѣ. Что особенно замѣчательно въ религіи вавилонской, такъ это *поклоненіе звѣздамъ*. Это зависѣло, вѣроятно, отъ того, что въ Месопотаміи воздухъ ночью бываетъ необыкновенно прозраченъ, и потому безоблачное ночное небо, усѣянное мириадами яркихъ звѣздъ, необыкновенно прекрасно: оно невольно приковываетъ къ себѣ взоры человѣка и поражаетъ его.

Дѣйствительно, жрецы вавилонскіе — *маги*, волхвы прилежно занимались по ночамъ наблюденіемъ всего, что происходитъ на небѣ, т.-е. движенія звѣздъ, и отъ наблюденія перешли мало-помалу къ *поклоненію звѣздамъ*. Они наблюдали не такъ, какъ въ наше время наблюдаетъ ученый астрономъ. Въ ихъ глазахъ звѣзды представлялись божественными, одушевленными существами. Они ду-

племени, къ которому и принадлежали вавилоняне и ассирияне. Постепенно новые пришельцы смѣшались со старыми жителями въ долинахъ Тигра и Евфрата. Въ религіи древнѣйшаго населенія Халдеи наиболѣе замѣчательна была вѣра въ демоновъ или всякаго рода духовъ, которыми наполнена будто вселенная; этихъ духовъ было чрезвычайно много: 300 жило на землѣ и 600 на небѣ; эти многочисленные демоны — источникъ болѣзней, несчастій и вообще всякаго зла на землѣ; отъ ихъ вреднаго вліянія можно освободиться только заклинаніями и различными талисманами, т.-е. волшебными предметами, которые люди надѣваютъ на себя. Во главѣ этихъ демоновъ стоятъ три божества, изъ которыхъ одно управляетъ небомъ, другое землею, третье преисподней. Вся религія суммеро-аккадійцевъ главнымъ образомъ сводилась къ заклинаніямъ, заговорамъ, колдовству и всякаго рода волшебнымъ дѣйствіямъ — къ шаманству. Новые пришельцы, семиты, поклонялись солнцу и вообще свѣтиламъ небеснымъ; они восприняли суевѣрія аккадійцевъ и дополнили ихъ своими вѣрованіями — богопочитаніемъ 5 извѣстныхъ имъ планетъ. Такимъ образомъ, за 2000 лѣтъ до Р. Х. обѣ религіи слились и образовали одну. Главныхъ боговъ, живущихъ на небѣ, сотворившихъ міръ и правящихъ имъ, въ ассиро-вавилонской религіи было 12. Во главѣ этихъ боговъ стоялъ богъ неба *Ану*, богъ солнца *Бэлъ* и богъ земли и океана *Эа*. Бэлъ — грозный богъ, котораго надо умолять кровавыми жертвами; Эа въ противоположность Бѣлу божество благодѣтельное: онъ даетъ людямъ средства противъ болѣзней, заклинанія противъ духовъ и т. д. Кромѣ того, каждый городъ имѣлъ своего особаго бога-покровителя. Каждый изъ этихъ боговъ имѣетъ жену; изъ богинь наиболѣе чтилась жена Бѣла, богиня Истаръ — богиня войны и земного плодородія. Своимъ богамъ ассиро-вавилоняне служили преимущественно изъ желанія благъ въ этой жизни, изъ стремленія избѣгать наказанія на этомъ свѣтѣ. Они не думали постоянно о загробной жизни, какъ египтяне, а просили боговъ объ успѣхахъ въ жизни земной. Хотя они и мало заботились о загробной жизни, но вѣра въ эту загробную жизнь, подобно другимъ народамъ, у нихъ существовала: они понимали ее, какъ продолженіе жизни земной — душа вмѣстѣ съ тѣломъ по окончаніи земной жизни продолжаетъ существовать подъ землею — въ преисподней.

мали, что всѣ движенія звѣздъ, всѣ перемѣны въ ихъ положеніи на небесномъ сводѣ совершаются не даромъ, что эти движенія и перемѣны имѣютъ таинственное вліяніе на землю и ея жителей, что звѣзды управляютъ судьбою людей (отсюда и у насъ сохранилось выраженіе: „родиться подъ счастливой или подъ несчастной звѣздой“). Поэтому маги думали, что въ звѣздахъ можно читать волю боговъ и по звѣздамъ гадать о будущемъ (гаданіе по звѣздамъ называется *астрологіей*, т.-е. звѣздочетствомъ, а сами гадатели называются *астрологами*, т.-е. звѣздочетами). Цари постоянно держали при себѣ такихъ *мудрецовъ*, которые наблюдали положеніе звѣздъ, затменія солнца и луны, доносили подробно обо всемъ своимъ владыкамъ, а тѣ, въ свою очередь, согласно этимъ донесеніямъ располагали свои предпріятія, походы и т. д. При рожденіи у царя или знатнаго человѣка сына, отецъ, конечно, желалъ знать его будущую судьбу; тогда жрецы-астрологи наблюдали расположеніе главныхъ звѣздъ (особенно *планетъ*) при рожденіи ребенка, соединяли чертами отдѣльныя звѣзды и по полученной фигурѣ предсказывали, что ожидаетъ новорожденнаго (такой чертежъ обыкновенно называется греческимъ словомъ — *гороскопъ*). Въ этомъ они, разумѣется, заблуждались; это было — *суевѣріе*; но тѣмъ не менѣе наблюденія ихъ не пропали совершенно даромъ и для науки. Постоянно наблюдая, пристально слѣдя за всѣмъ, что происходитъ на небѣ, они собрали довольно много и настоящихъ, вѣрныхъ свѣдѣній въ *астрономіи*, какъ мы увидимъ позже.

Верховному богу — *Бэлу*, т.-е. богу солнца, какъ я уже сказалъ, былъ построенъ *великолѣпный храмъ*, окруженный тройной каменной оградой. Какъ самое солнце ходитъ по небу высоко надъ землею, такъ и храмъ, построенный въ честь его, его земное жилище (въ которое, по вѣрованіямъ вавилонянъ, богъ сходилъ на время), долженъ быть отличаться *необыкновенной высотой*. Храмъ Бэла имѣлъ, говорили древніе путешественники, до *600 футовъ* высоты, т.-е. превосходилъ, стало-быть, высочайшую изъ пирамидъ. Построить такое громадное зданіе не изъ камня, какъ строили египтяне, а изъ кирпича, было, разумѣется, нелегко, и это показываетъ, что вавилоняне умѣли строить. Вся эта громада состояла изъ *семи ярусовъ* (восьмой служилъ какъ бы огромной подставкою для всего зданія*), т.-е. какъ бы изъ семи, нагроможденныхъ одинъ на другой храмовъ, которые всѣ соеди-

*) Число *семь* было не случайное; оно соотвѣтствовало *семи свѣтиламъ*: солнцу, лунѣ и *пяти тогда* извѣстнымъ планетамъ (Меркурій, Марсъ, Венера, Юпитеръ и Сатурнъ).

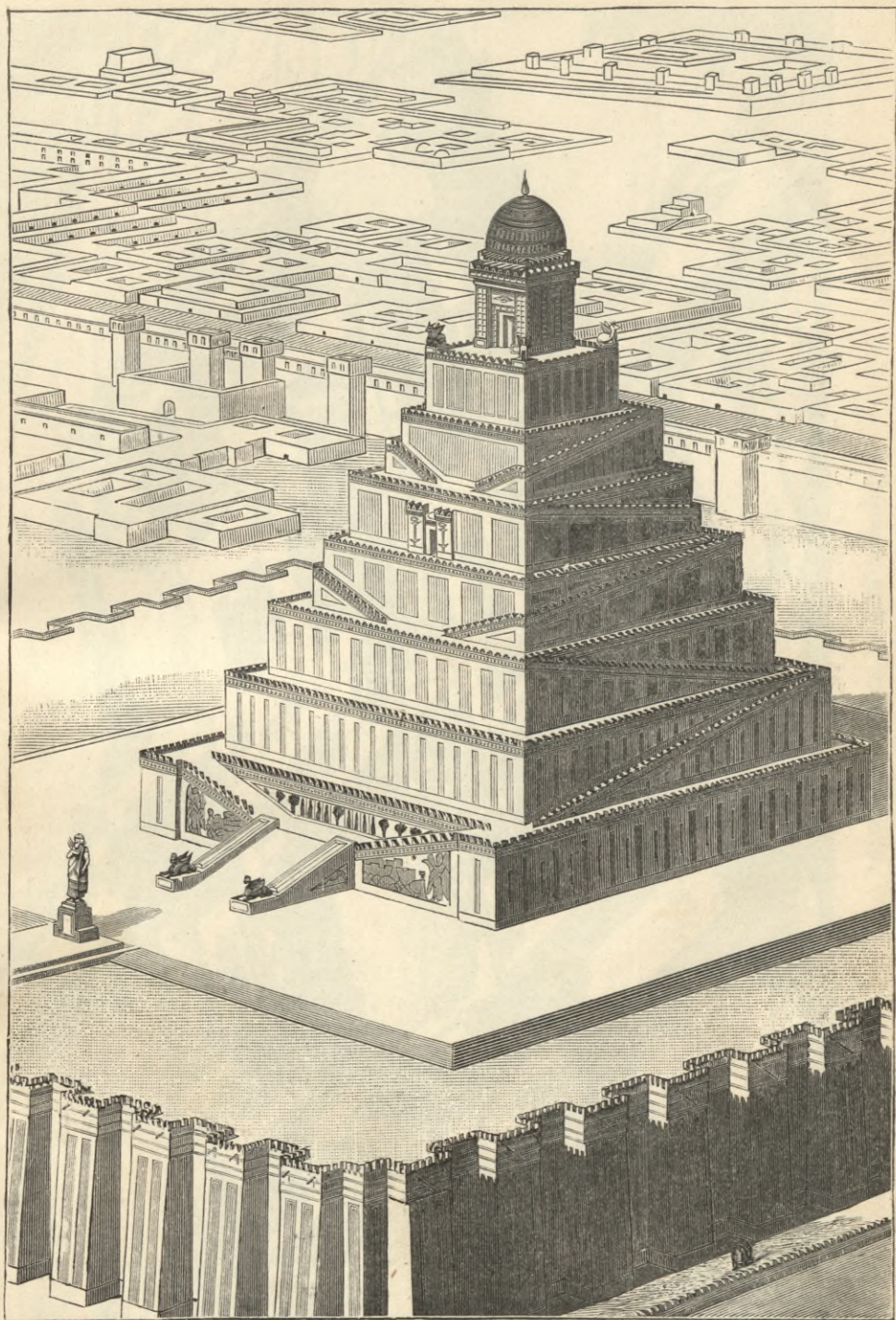
нялись между собою посредствомъ наружной лѣстницы, поднимавшейся винтомъ отъ земли до самой вершины храма. Внутреннее убранство храма отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ; въ нижнемъ ярусѣ находилось золотое изображеніе Бала (онъ представлялся сидящимъ на золотомъ престолѣ съ золотымъ же подножіемъ въ ногахъ), а предъ нимъ — три алтаря или жертвенника, также изъ чистаго золота; на среднемъ, большемъ, приносились жертвы (въ жертву приносились обыкновенно животныя; человѣческія жертвы были въ употребленіи и у вавилонянъ, но далеко не въ такой степени, какъ въ Финикіи), а съ двухъ боковыхъ, поменьше, поднимались облака *ошмама* (для этого сжигались цѣлыя массы драгоцѣнныхъ куреній, которыя вавилоняне получали изъ Индіи и Аравіи; въ главный праздникъ бога такихъ благовонныхъ веществъ сжигалось до тысячи фунтовъ). Но главное святилище находилось на самой большой высотѣ, ближе къ небу, по которому движется солнце, — въ самомъ верхнемъ, *седьмомъ* ярусѣ. Здѣсь былъ *чертогъ Бала*, въ который не было доступа никому, кромѣ жрецовъ; здѣсь стояли золотой столъ и золотое ложе; сюда-то, по сказаніямъ жрецовъ, Балъ нисходилъ иногда ночью — для временнаго отдохновенія*).

Не менѣе великъ и знаменитъ былъ *другой* храмъ Вавилона, храмъ *семи свѣтилъ*. Теперь отъ этого великолѣпнаго зданія (какъ и отъ всего Вавилона) остались только груды кирпичей, обломковъ и мусора, занесенныхъ пескомъ и землею, но и теперь еще ихъ такъ много, что онѣ образуютъ цѣлый холмъ или небольшую гору *въ 200 футовъ* высотой; у мѣстныхъ жителей холмъ этотъ до сихъ поръ слыветъ подъ названіемъ *Бирсъ-Нимрѣдъ* (Нимвродова башня).

Третье замѣчательное зданіе древняго Вавилона былъ *царскій дворецъ*. Онъ былъ, подобно храму Бала, окруженъ тройной стѣной и такъ великъ, что казался какъ бы цѣлымъ маленькимъ городомъ среди большого города. Отъ вавилонскаго дворца до насъ также дошли только груды мусора, но мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о его постройкѣ и украшеніямъ по развалинамъ другихъ дворцовъ, а особенно же дворца ассирійскаго царя *Саргона*, уцѣлѣвшимъ до сихъ поръ близъ деревни *Хорсабадъ* на лѣвомъ берегу Тигра (противъ города *Мосула*), близъ *прежней*

*) Прилагаемый рисунокъ показываетъ, *какимъ долженъ былъ быть или могъ бы быть* храмъ Бала въ *прежнее время*, когда онъ не представлялъ печальныхъ развалинъ, какъ теперь. Такая *попытка возстановить*, прежній видъ зданія (на основаніи, конечно, того что найдено при раскопкахъ, и того, что даютъ рассказы древнихъ очевидцевъ) называется у насъ обыкновенно *реставраціей*.

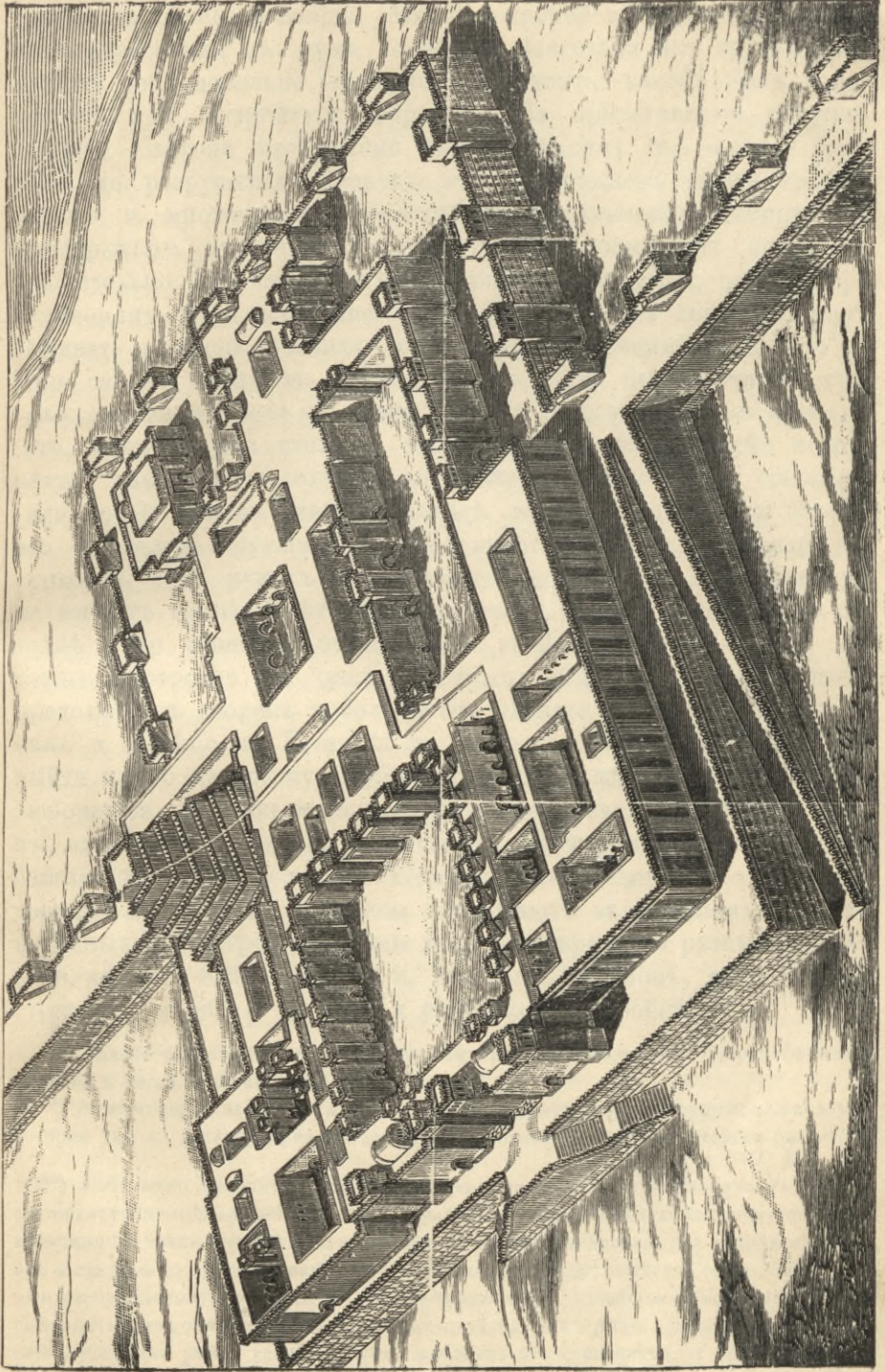

Храмъ Бѣла (ресгаврація).

Хоршодскій дворець (реставрація).

Architectural Institute of America

Ниневіи. Въ Хорсабадѣ также есть холмъ, образовавшійся изъ развалинъ царскаго дворца. Многіе европейскіе археологи производили раскопки въ этомъ холмѣ, и, благодаря ихъ трудамъ, мы можемъ себѣ довольно наглядно представить, каковъ былъ вавилонскій или ассирійскій дворецъ*). На прилагаемомъ рисункѣ жилище Саргона изображено такимъ, какимъ оно должно было быть до разрушенія. Дворецъ этотъ поражаетъ своею громадностью и множествомъ великолѣпно украшенныхъ комнатъ и непокрытыхъ внутреннихъ дворовъ. Выстроенъ онъ почти исключительно изъ громадныхъ глиняныхъ кирпичей, по примѣру вавилонянъ, хотя ассиріяне могли бы изъ близъ лежащихъ горъ добывать и камень (очевидно, они подражали своимъ сосѣдямъ)**). При самомъ входѣ во дворецъ стоятъ, какъ бы на стражѣ его, колоссальныя изваянія крылатыхъ быковъ съ человѣческими головами (это, какъ я уже сказалъ, изображенія боговъ); далѣе встрѣчается также колоссальное изображеніе мифическаго богатыря (или бога): онъ въ длинной одеждѣ, волосы на головѣ и бородѣ его тщательно завиты (это особенность всѣхъ ассирійскихъ рисунковъ), а въ рукахъ онъ держитъ задушеннаго льва. Комнаты не имѣютъ оконъ (свѣтъ проникаетъ въ двери и отверстія въ потолокъ): это зависитъ отчасти отъ свойства матеріала, изъ котораго выстроено все зданіе, а отчасти сдѣлано для того, чтобы предохранить дворецъ побольше отъ лѣтняго зноя; крыши плоскія, какъ и вообще на Востокѣ: въ вечернюю прохладу цари могли выйти прямо на крышу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться на открывающійся видъ. На рисункѣ вы видите, какъ въ одной части дворца возвышается площадками пирамидальная башня; эта башня есть необходимая принадлежность ассирійскаго дворца: съ высоты ея жрецы наблюдаютъ за теченіемъ свѣтилъ небесныхъ. Внутреннія стѣны дворца изукрашены разными изображеніями изъ жизни боговъ и, главнымъ образомъ, самого царя-строителя дворца, — о чемъ я еще скажу подробнѣе***).

*) Началь раскопки и главнымъ образомъ работавшій надъ ними сперва французъ *Боттэ*, а послѣ него англичанинъ *Лейардъ*.

**) Военственные ассиріяне вообще заимствовали всю свою культуру изъ Вавилоніи, которая уже съ давнихъ временъ достигла сравнительно высокой степени развитія.
С. М.

***) Любопытно сравнить рисунокъ ассиро-вавилонскихъ художниковъ съ египетскими картинами. Мы знаемъ (см. прим. стр. 66), что египетскій художникъ стремился по возможности точно воспроизвести природу: изображая человѣка, онъ старался, чтобы всѣ части тѣла соответствовали дѣйствительности, старался отмѣтить черты, свойственныя изображаемому лицу и т. д. Ассиро-вавилонскіе художники никогда не достигли умѣнья египтянъ отмѣтить въ лицѣ такія индивидуальныя отличія и особенности. Египетскій художникъ умѣлъ указать отличія иноземца отъ египтянина, у ассиро-вавилон-

Такъ какъ характеръ архитектуры у вавилонянъ и у ассирійянъ былъ одинъ и тотъ же, то по остаткамъ ассирійскихъ памятниковъ можно судить и о вавилонскихъ постройкахъ. Колоссальные размѣры сохранившихся остатковъ удостовѣряютъ, что постройки вавилонянъ дѣйствительно были громадны, и что въ разсказахъ Геродота объ ихъ размѣрахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго.

Преданія, какъ мы видѣли, приписали всю славу украшенія Вавилона какой-то царицѣ Семирамидѣ, жившей въ незапамятныя времена. Множество чудесныхъ сказаній существовало о ея жизни и смерти; ея имя не забыто мѣстными жителями даже и до сихъ поръ. Одни сказанія говорятъ, напр., что она вступила на престоль не по волѣ Нина, а отняла царство у своего собственнаго сына *Ниниаса*, что она и одѣвалась не по-женски, а всегда ходила одѣтая мужчиной (это, вѣроятно, надобно понимать въ томъ смыслѣ, что характеромъ и силой духа она не уступала никому мужчинѣ), и что погибла она отъ руки этого самаго *Ниниаса*. Другія преданія идутъ еще далѣе и самую смерть Семирамиды обставляютъ чудесными подробностями: Семирамида будто бы была не простая женщина, а дочь богини и совсѣмъ не умерла, а превратилась въ голубку, улетѣла на небо и сама сдѣлалась богиней. Ясно, что всѣ эти сказанія — *мифическія*, а не *историческія*, что и самая личность Семирамиды принадлежитъ къ области мифа, но для насъ эти сказанія интересны потому, что въ нихъ отразился воинственный, завоевательный характеръ первыхъ временъ ассирійской исторіи, когда даже будто бы среди женщинъ появлялись воинственныя героини.

скаго художника и плѣнные и побѣдители совершенно одинаковы. Изображеніе богачаря и простого воина почти не отличается въ ассиро-вавилонской скульптурѣ: у всѣхъ нихъ густая, расположенная завитками прическа и борода, низкій лобъ, густыя дугообразныя брови, большіе глаза, горбатый, закругленный на концѣ носъ, мясистыя губы и т. д. Это, такъ сказать, все одинъ типъ: божество отличается отъ царя только болѣе высокой фигурой, а царь отъ воина болѣе длинной бородой; не умѣли ассиро-вавилонскіе художники и соблюдать пропорціи въ изображеніи человѣческой фигуры: отдѣльныя части тѣла всегда значительно превышали у нихъ дѣйствительность: мускулы, на примѣръ, изображались всегда чрезвычайно большими, не соотвѣтствующими размѣрамъ рукъ, и т. д. Зато ассиро-вавилонскіе художники достигли значительнаго совершенства въ изображеніи животныхъ, которыя очень часто появлялись въ ихъ рисункахъ. Особенность ассиро-вавилонской скульптуры заключалось въ томъ, что художники, изображая какое-нибудь событіе, на примѣръ, подвигъ царя или вообще военную сцену, любили изображать и обстановку дѣйствія: они рисуютъ окружающую природу, изображаютъ холмы, рѣки и деревья. Дѣлаютъ это они, правда, чрезвычайно наивно: изображая, на примѣръ, рѣку, они рисуютъ и рыбъ, которыя въ ней плаваютъ (см. рисунокъ, помѣщенный въ дополненіи). С. М.

РАЗСКАЗЪ XII.

Продолженіе исторіи Ассирійскаго царства. — Тиглатъ-Пилесаръ. — Салманасаръ. — Саргонъ. — Сарданапаль и паденіе Ассиріи.

Приписавъ такъ много славы и величія женщинѣ — Семирамидѣ, позднѣйшія преданія какъ будто не хотятъ оставить ничего великаго и славнаго на долю ея преемниковъ: за великой царицей, говоритъ преданіе, послѣдовалъ рядъ государей, вовсе не похожихъ на Семирамиду — слабыхъ, невоинственныхъ, совершенно ничтожныхъ. Такъ рассказывали въ древности, уже послѣ паденія Ассирійскаго царства, на основаніи различныхъ слуховъ и народныхъ преданій.

Теперь, когда европейскимъ ученымъ удалось прочесть и разобрать разныя подлинныя ассирійскія и вавилонскія надписи (подробнѣе объ этомъ послѣ), открытыя въ развалинахъ ихъ зданій, намъ гораздо болѣе стало извѣстно о прежнихъ временахъ исторіи этихъ двухъ народовъ. Намъ извѣстно теперь много именъ царей, жившихъ и совершавшихъ воинскіе подвиги за двѣ, а быть можетъ и болѣе, тысячи лѣтъ до Р. Х. Во всякомъ случаѣ, преданіе не ошиблось, представивъ въ лицахъ Нина и Семирамиды великихъ завоевателей: *всѣ цари ассирійскіе были дѣйствительно завоеватели*; въ громкихъ, славныхъ военныхъ подвигахъ полагаютъ они всю свою честь и величіе и наводятъ страхъ и трепетъ на всѣ сосѣднія страны. Они живутъ обыкновенно въ великомъ городѣ *Ниневіи*, которая величиной уступала развѣ только Вавилону (вспомните изъ Священной Исторіи рассказъ о пророкѣ Іонѣ, о томъ, какъ онъ былъ посланъ Богомъ въ Ниневію: „*Ниневія же была городъ великій у Бога — на три дня ходьбы*“, въ которомъ было однихъ младенцевъ, „не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, больше ста двадцати тысячъ чело-вѣкъ“). Отсюда управляютъ они своимъ обширнымъ царствомъ черезъ своихъ намѣтниковъ, которые жили въ Вавилоніи, въ Мидіи и другихъ, подвластныхъ Ассиріи странахъ и собирали съ нихъ дань. Къ началу восьмого вѣка ассирійскія завоеванія направляются постоянно въ одну сторону — на западъ. Очевидно, ихъ царей манило туда море: видно, примѣръ финикійнъ научилъ народы, какъ важно обладаніе моремъ. Къ морю тянетъ ассиріянъ, разумѣется, на бѣду всѣмъ лежащимъ по пути государствамъ,

которыя слишкомъ мелки и слишкомъ слабы, чтобы противиться такой грозной военной силѣ, какою тогда была сила ассиріянъ, ибо въ тѣ времена ассиріяне въ военномъ дѣлѣ не имѣли себѣ равныхъ. Вотъ какими чертами изображаетъ грозное воинство ассиріянъ пророкъ Исаія, грозя евреямъ, что за грѣхи ихъ Богъ наведетъ завоевателей издалека, съ береговъ Тигра: „И возгорится гнѣвъ Господа на народъ Его (т.-е. народъ израильскій)“, говоритъ пророкъ, „и дастъ Онъ знакъ народу, живущему на краю земли, и вотъ онъ прійдетъ легко и скоро“... Каковъ же будетъ этотъ народъ? Этотъ народъ состоитъ изъ людей, которые „не знаютъ ни усталости, ни изнеможенія; ни одинъ изъ нихъ не задремлетъ и не заснетъ; ни у кого изъ нихъ не оторвется ремень сапога; ихъ стрѣлы заострены, луки ихъ натянуты; копыта коней ихъ подобны кремню, ихъ колеса — какъ вихрь. Ревъ ихъ — какъ ревъ львиный; никто не отниметъ у нихъ добычи ихъ“... „горе и тьма“ сопутствуютъ имъ. Такими страшными казались ассиріяне для своихъ сосѣдей!

Это-то грозное войско идетъ на Сирію, а Сирія въ тѣ времена была раздѣлена на нѣсколько мелкихъ государствъ: царство Дамасское, Израильское, Іудейское и т. д., и между ними шли постоянныя ссоры и вражда. Эта постоянная рознь не допускала ихъ соединиться вмѣстѣ даже въ виду общей опасности, чтобы соединенными силами попытаться противостоять общему врагу, и еще болѣе облегчила побѣду ассиріянъ. Случилось такъ, что царь израильскій и царь дамасскій заключили союзъ противъ царя іудейскаго Ахаза и „держали его въ осадѣ“ въ его столицѣ — Іерусалимѣ. Тогда послалъ Ахазъ пословъ къ *Тиглатъ-Пилесарю*, царю ассирійскому, сказать: *рабъ твой и сынъ твой я; прійди и защити меня отъ руки царя сирійскаго, возставшаго на меня.* „И взялъ Ахазъ серебро и золото, какое нашлось въ домѣ Господнемъ (т.-е. въ храмѣ) и сокровищницахъ дома царскаго, и послалъ царю ассирійскому въ даръ“ — такъ сказано въ IV кн. Царствъ. Грозныя силы ассирійскаго царя не замедлили явиться на этотъ призывъ: Дамаскъ былъ взятъ и разрушенъ, царь дамасскій умерщвленъ, его подданные уведены въ неволю и поселены въ далекой Мидіи, а царь израильскій сдѣлался данникомъ Ассиріи.

Не менѣе грозенъ былъ одинъ изъ преемниковъ Тиглатъ-Пилесара — *Салманасаръ*. Скоро привелось испытать его тяжелую руку царству Израильскому. Израильтяне очень нетерпѣливо перенесли свою зависимость отъ ассиріянъ. Салманасаръ узналъ, что *Осія*, царь израильскій, ведетъ тайные переговоры съ Египтомъ: какъ бы съ помощью египтянъ освободиться отъ ассиріянъ. Войско

Салманасара явилось тогда немедленно подъ стѣнами Самаріи и облегло городъ. Цѣлыхъ три года мужественно оборонялась Самарія и, наконецъ, не устояла. Городъ былъ взятъ и разрушенъ въ 721-мъ г. до Р. Хр., земля израильская опустошена, жители Самаріи, по тогдашнему обычаю ассирійцъ, переселены въ Мидію, а самъ Осія заключенъ въ оковы и умеръ въ тюрьмѣ. Во время продолжительной осады Самаріи умеръ самъ Салманасаръ, и его

Саргонъ и его визиръ. (По изображенію въ Хорсабадскомъ дворцѣ.)

замѣнилъ царь *Саргонъ*, одинъ изъ величайшихъ ассирійскихъ завоевателей. Онъ завоевалъ Финикію вплоть до предѣловъ Египта (не поддался только *Новый Тиръ* на своемъ неприступномъ островѣ, а флота у ассирійцъ не было) и многія другія страны. Вся его жизнь была какъ бы однимъ непрерывнымъ рядомъ военныхъ походовъ безъ усталы и отдыха. Вы вспоминаете, что это тотъ самый царь, который выстроилъ недалеко отъ Ниневіи дворецъ,

извѣстный теперь подъ именемъ *Хорсабадскаго**). Самъ онъ его назвалъ, какъ видно изъ сохранившейся надъ воротами надписи, *Дуръ-Саркинъ*, т.-е. Саргоновъ домъ. Во многихъ комнатахъ своего „дома“ Саргонъ приказалъ изобразить и описать свои войны; это, можно сказать, цѣлая каменная летопись: въ ней чрезвычайно подробно и обстоятельно переданы всѣ его походы и подвиги за 15 лѣтъ его царствованія, и притомъ почти съ такимъ же хвастливымъ самовосхваленіемъ, какое мы видѣли у египетскаго фараона Рамсеса Міамуна. Мы встрѣчаемся здѣсь и съ его собственнымъ портретомъ.

Конечно, въ надписяхъ своихъ царь съ гордостью и самодовольствомъ рассказываетъ только о томъ, какъ „ему помогъ *Ассуръ*“, т.-е. о своемъ торжествѣ, о своихъ побѣдахъ, и скромно умалчиваетъ о своихъ неудачахъ. Что такія неудачи однакоже бывали, несмотря на всю воинственность ассиріянъ, показываетъ исторія Саргонова преемника *Сангерива* (иначе *Сеннахеримъ*), о которомъ упоминается въ Библии. Царь іудейскій *Езекія*, опасаясь, чтобы его не постигла участь царя израильскаго, искалъ себѣ опоры въ какомъ-нибудь сильномъ союзникѣ и нашелъ такого союзника опять въ фараонѣ египетскомъ. Ассиріане владѣли всей Сирією; они такъ близко подошли къ самимъ границамъ Египта, что египтяне должны были опасаться и за себя. Понятно, почему фараонъ охотно протянулъ руку помощи царю іудейскому. Узнавъ объ этомъ Сангеривъ, снарядилъ многочисленное войско и повелъ его самъ противъ Іудеи и Египта, но на этотъ разъ ассиріане потерпѣли рѣшительную неудачу. Уже вѣстники Сангерива явились подъ стѣнами Іерусалима и говорили осажденнымъ такія гордые рѣчи: „На что надѣетесь вы? Вѣрно, обольщаетъ васъ царь вашъ, говоря: Господь Богъ нашъ спасетъ насъ отъ руки царя ассирійскаго. Не вѣрьте ему: если не въ силахъ былъ ни одинъ богъ ни одного народа и царства спасти народъ свой отъ руки моей и отъ руки отцовъ моихъ, то и вашъ Богъ не спасетъ васъ отъ руки моей“... „И помолился царь Езекія и Исаія пророкъ, и возопили къ небу. И послалъ Господь ангела смерти, и онъ истребилъ въ войскѣ ассирійскомъ 125.000 человекъ, и возвратился Сангеривъ со стыдомъ въ землю свою“. Такъ повѣствуется въ *книжѣ Царствъ*.

Неудаченъ былъ и походъ на Египетъ. У египтянъ по этому поводу сложилось баснословное сказаніе, что фараонъ египетскій**),

*) См. прилагаемый рисунокъ дворца.

**) Его имя было, по Геродоту, — *Севосъ*.

страшась неудачи (онъ происходилъ изъ сословія жрецовъ и былъ не любимъ воинами, которые поэтому не хотѣли итти съ нимъ въ походъ противъ ассиріянъ), молился въ храмѣ бога *Пта* и послѣ долгой молитвы заснулъ въ храмѣ; во снѣ ему явился богъ *Пта* и обнадежилъ его обѣщаніемъ, что въ минуту опасности пришлетъ ему *помощниковъ*. *Пта* сдержалъ слово: помощники явились и притомъ въ самомъ неожиданномъ видѣ: ночью въ ассирійскомъ станѣ появилось безчисленное множество мышей, которыя въ то время, когда ассиріане спали, перегрызли всѣ тетивы у ихъ луковъ, всѣ ременные рукоятки у ихъ щитовъ, и ассиріанамъ осталось только поспѣшно отступить.

Преемники Сангероба отплатили за эти неудачи: имъ удалось даже, если вѣрить ихъ побѣднымъ надписямъ, ворваться въ *Египетъ*, разорить Мемфисъ и *Оивы*, заставить гордыхъ фараоновъ платить имъ дань*). Царство Ассирійское простиралось теперь отъ моря *Каспійскаго* и *Персидскаго* до *Средиземнаго*, отъ пустынь *Аравіи* и, можетъ-быть, отъ *Нильскихъ катарактовъ* до *Арарата*, но это великое царство оказалось *очень непрочнымъ* и пало *необычайно быстро*.

Какъ объяснить себѣ такое быстрое разрушеніе царства, которое казалось такимъ грознымъ и могущественнымъ? Царство это было основано на *одной силѣ меча и силою меча только и держалось*. Надменно и жестоко обращались ассиріане съ покоренными странами и народами. Не знали они ни жалости, ни пощады: какъ мы видѣли, населеніе завоеванной страны частью истреблялось, частью уводилось въ тяжелую неволю. Цари ассирійскіе смотрѣли на себя, какъ на земныхъ боговъ, и считали все позволненнымъ и справедливымъ по отношенію къ тому народу, который осмѣливался сопротивляться имъ. О томъ, какъ безчеловѣчно ассиріане злоупотребляли своей силой, свидѣтельствуютъ ихъ же собственныя *изображенія и надписи, добытыя изъ развалинъ ихъ дворцовъ*. Эти изображенія очень напоминаютъ намъ изображенія египетскихъ фараоновъ-завоевателей (вспомните *Рамсеса Міамуна*), только въ еще болѣе рѣзкомъ и грубомъ видѣ. Въ этихъ рисункахъ мы чаще всего встрѣчаемся съ картинами битвъ, осадъ крѣпостей, расправы съ плѣнниками (самой жестокой), иногда со сценами охоты, особенно на львовъ**). Большею частью все смотреть очень грозно и воинственно. Нѣкоторыя изображенія необыкновенно наглядно представляютъ вамъ отвратительною жесто-

*) При царѣ Асаргадонѣ.

**) Прочтите въ дополненіяхъ подробное описаніе снимковъ съ такихъ ассирійскихъ картинъ, находящихся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.

кость ассиріянъ и горькую участь тѣхъ несчастныхъ, которыхъ они побѣдили. Такъ, напримѣръ, мы видимъ царя ассирійскаго въ минуту торжества побѣды: гордо сидитъ онъ на своемъ престолѣ, поставивъ одну ногу на голову распростертаго предъ нимъ въ прахѣ побѣжденнаго царя; предъ нимъ проходятъ вереницы плѣнныхъ со связанными назадъ руками или передъ нимъ вырастаютъ цѣлыя груды отрубленныхъ головъ. Вы знаете уже судьбу ослѣпленнаго царя Осіи... На одной ассирійской картинѣ можно видѣть, какъ *царь собственноручно* короткимъ кошемъ *выкалываетъ глаза* колѣнопреклоненнымъ передъ нимъ плѣнникамъ; чтобы плѣнники не шевелились при этомъ варварскомъ истязаніи, *черезъ нижнюю губу* *каждаго изъ нихъ продѣто кольцо* съ цѣпочкою, которую царь крѣпко держитъ въ рукахъ! Такое обращеніе съ побѣжденными цари ассирійскіе не только не считали предосудительнымъ, но еще *хвастались* имъ подобно тому, какъ какой-нибудь краснокожій индѣецъ или дикарь хвалится числомъ скальповъ, которые онъ содралъ съ головъ убитыхъ непрітелей. Вотъ какъ, напримѣръ, въ одной надписи *одинъ изъ царей ассирійскихъ самъ рассказываетъ о своихъ подвигахъ* (дѣло идетъ о главномъ городѣ одной возставшей и потомъ усмирненной области): „я повелѣлъ перебить жителей такъ, чтобы въ живыхъ оставался только одинъ изъ двухъ; повелѣлъ поставить стѣну передъ главными воротами города; потомъ велѣлъ содрать кожу съ главныхъ предводителей возмущенія и ихъ кожей обить ту стѣну, другіе посажены на колъ; ихъ отрубленными головами и трупами я велѣлъ убрать стѣну въ видѣ вѣнковъ и гирляндъ...“

Такая жестокость должна была навсегда поселить въ угнетенныхъ чувство глубокаго озлобленія. Побѣжденные покорялись одной только силѣ и терпѣли, пока на сторонѣ побѣдителей была эта сила. Между тѣмъ эта сила со временемъ слабѣла. Причина такого ослабленія заключалась прежде всего *въ самыхъ побѣдахъ и завоеваніяхъ*. Побѣды и завоеванія давали богатую добычу; съ богатствомъ являлась роскошь, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялся самый характеръ завоевателей (мы уже видѣли примѣръ этого на финикіянахъ): въ нихъ утрачивалась прежняя суровая энергія и воинственность, которыя составляли ихъ силу. Между тѣмъ покоренные народы ждали только случая, и, когда этотъ случай представлялся (напримѣръ, въ видѣ виѣшней неудачи), во всѣхъ концахъ государства начинались возстанія. Въ такомъ случаѣ нельзя было ожидать, чтобы возставшіе удовольствовались однимъ только возвращеніемъ своей независимости: на душѣ у нихъ должно было накопѣть слишкомъ много ненависти и желанія отплатить своимъ

притѣснителямъ. Борьба между ассиріянами и покоренными ими народами, которые поднялись противъ нихъ, чтобы сбросить ихъ ярмо, должна была кончиться совершеннымъ разрушеніемъ Ассирійскаго царства и Ниневіи.

Была еще и *другая причина*, которая могла ускорить паденіе Ассиріи. Въ Ассиріи *все зависѣло отъ личности царя*... Но стоитъ только посмотрѣть любую страничку изъ *каменной лѣтописи* ассирійской, чтобы убѣдиться, что для того, чтобы быть царемъ Ассиріи, нужно было обладать необычайной энергіею и выносливостью; царь каждый годъ долженъ былъ *безъ всякой усталости* ходить походами изъ одного угла громаднаго государства въ другой: то отразить нападеніе, то подавить возстаніе. И стоило, напри- мѣръ, только царю уйти въ Мидію, какъ сейчасъ же подымалось возстаніе въ отдаленной Сиріи или Вавилонѣ и наоборотъ. Не всякій царь, конечно, могъ все это вынести безъ утомленія, безъ упадка силъ и бодрости. Но горе ему было, если онъ, наконецъ, утомлялся, если ослаблялась его предприимчивость! На Востокѣ, въ Азіи, не понимали и не понимаютъ почти до сихъ поръ истинной славы государя: быть добрымъ и мудрымъ мирнымъ правителемъ, заботиться о благѣ и процвѣтаніи своего народа. Тамъ цари — или великіе и грозные, страхъ на всѣхъ наводящіе завоеватели, или, наоборотъ, они слабы и изнѣжены, проводятъ жизнь въ наслажденіяхъ и забавахъ, пирахъ и бездѣльи, недостойныхъ мужчины... Такимъ именно царемъ рисуется намъ преданіе послѣдняго владыку Ассиріи.

Отъ послѣднихъ царей до насъ не дошло никакихъ *каменныхъ лѣтописей* (и понятно почему, — нечѣмъ было хвалиться). *Позднѣйшія* только *сказанія* рассказываютъ намъ о паденіи Ниневіи. Послѣднимъ царемъ они называютъ *Сарданпала*, который былъ будто бы такъ слабъ и изнѣженъ, что все время свое проводилъ въ гаремѣ, даже одѣвался въ женское платье, румянился и занимался женскими рукодѣльями. Конечно, все это очень преувеличено (вы знаете, что это отличительная черта всѣхъ преданій — преувеличивать), но главная мысль, какъ видите, вѣрная. Преданіе въ началѣ ассирійской исторіи ставитъ *мужественную* женщину, *Семирамиду*, а въ концѣ ея, когда воинственность ассиріянъ угасла, *обавившагося* мужчину, *Сарданпала* (его имя вошло въ пословицу).

Покоренные народы, которые, какъ мы видѣли, никогда охотно не переносили тяжелаго и позорнаго ига, немедленно возстали. Намѣстникъ Вавилона *Набопаласаръ* отложился отъ Ассиріи, объявивъ себя независимымъ царемъ Вавилона, и заключилъ союзъ съ *Киаксаромъ*, царемъ Мидіи, дѣйствовать заодно. Они собрали

войско и двинулись на Ниневію. Въ минуту крайней опасности Сарданапаль какъ будто ожилъ, говоритъ преданіе, и ободрился: онъ вывелъ свое войско навстрѣчу мятежникамъ, но былъ разбитъ, отступилъ и заперся въ Ниневіи. Стѣны Ниневіи казались несокрушимыми; въ съѣстныхъ припасахъ тоже не могло быть недостатка: городъ былъ такъ огроменъ, что въ немъ были большія незастроенныя пространства — цѣлыя обширныя поля, которыя во время осады засѣвались и доставляли пищу жителямъ. Къ тому же, прибавляетъ преданіе, было будто бы предсказано, что Ниневія не будетъ взята, пока сама рѣка Тигръ не пойдетъ войною противъ осажденнаго города. Разумѣется, это казалось несбыточнымъ, а потому Сарданапаль думалъ: городъ не будетъ взятъ никогда. И въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ два года простояли подъ Ниневіей Набопаласаръ и Киаксаръ, а не могли взять города. Но на третій годъ случилось наводненіе: внезапно вода въ Тигрѣ поднялась такъ высоко и такъ бурно и стремительно наперла на стѣны города, что, несмотря на ихъ необычайную толщину и крѣпость, въ одномъ мѣстѣ часть стѣны не устояла и была размыта. Сарданапаль увидѣлъ въ этомъ событіи исполненіе зловѣщаго предсказанія и потерялъ всякую надежду на спасеніе, но рѣшился однако не отдаваться въ руки своихъ возмущившихся подданныхъ и погибнуть не отъ ихъ руки. Онъ приказалъ на одномъ изъ обширныхъ внутреннихъ дворовъ своего дворца нагромоздить огромный костеръ, а на верху костра выстроить обширный чертогъ. Этотъ чертогъ онъ велѣлъ роскошно убрать самыми дорогими пурпуровыми тканями и устлать богатѣйшими коврами. Потомъ туда снесены были всѣ лучшія драгоценности царской сокровищницы: груды золотой и серебряной посуды, драгоценныхъ украшеній и т. п. Когда все это было исполнено, Сарданапаль вошелъ туда самъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его любимыя жены. Затѣмъ онъ велѣлъ зажечь костеръ *и сгорѣлъ* на немъ вмѣстѣ со всеми своими богатствами. Такъ великъ былъ будто бы городъ Ниневія, что только на второй или третій день узнали жители, что означало то густое облако дыма, которое поднималось надъ царскимъ дворцомъ; сначала они думали, что это курятся жертвы, которыя государь ихъ, желая попытаться умилостивить боговъ въ минуту крайней опасности, заблагоразсудилъ, можетъ-быть, принести богамъ въ особенно большомъ числѣ. Такъ погибъ, говоритъ сказаніе, послѣдній царь ассирійскій. Можно думать, что рассказъ о томъ, что послѣдній царь Ассиріи сжегъ себя, не вымышленъ: онъ могъ *принести себя въ жертву* за спасеніе своего народа, какъ это было, напр., въ минуту крайней бѣды въ обычай у финикянъ.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что въ 606 году до Р. Х. Въ 606 г. Ниневія была разрушена и погибла именно отъ огня, отъ огромнаго пожара. Это подтверждаютъ и всѣ раскопки: во всѣхъ холмахъ или земляныхъ насыпяхъ, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ образовались надъ развалинами великаго города, оказались груды обугленнаго дерева, обожженнаго алебастра, колоссальныя каменные статуи, растрескавшіяся отъ дѣйствія пламени и т. д. Въ одно время со столицей погибла и значительная часть народа ассирійскаго: побѣдители не знали пощады, какъ нѣкогда, во времена своей силы, не знали жалости и сами ассиріянне. Народъ ассирійскій палъ и послѣ этого погрома никогда уже не могъ оправиться; до сихъ поръ еще мѣстность по теченію Тигра, гдѣ жили нѣкогда ассиріянне, представляется бѣдной, голой и малонаселенной. Забыто было даже мѣсто могущественной Ниневіи: только лѣтъ 50 тому назадъ европейскимъ ученымъ удалось разыскать его.

Великая ассирійская монархія пала, но на ея развалинахъ выросли два новыя государства, которыя подѣлили между собою наслѣдство ассирійское. Сверхъ взяли себѣ мидяне, югъ достался вавилонянамъ. Изъ этихъ двухъ новыхъ царствъ въ первое время наиболѣе возвысилось царство Вавилонское, особенно при энергическомъ и воинственномъ сынѣ Набопаласара — Навуходоносоръ, котораго вы, конечно, помните и изъ Священной Исторіи. Когда въ Сирію пришла вѣсть о паденіи Ниневіи, народы Сиріи, конечно, обрадовались. Свободно вздохнули тогда и іудеи, но не надолго. У нихъ явился новый опасный врагъ. Явился онъ на этотъ разъ изъ страны, о которой мы уже давно ничего не говорили, а именно изъ Египта.

РАЗСКАЗЪ XIII.

Саисскій періодъ египетской исторіи. — Псаметихъ. — Нехао. Ново-Вавилонское царство. — Навуходоносоръ. — Плѣнь іудеевъ. — Постройки Навуходоносора. — Наука вавилонская.

Мы остановились въ исторіи Египта на фараонѣ Менесѣ, при которомъ совершился исходъ евреевъ изъ Египта. Послѣ фараона Менесѣ идетъ рядъ царей уже не такихъ, какъ Рамсесъ II Міамунъ. Только одинъ изъ его преемниковъ, Рамсесъ III, своими подвигами, походами и постройками напомнилъ на нѣкоторое

время славу древняго Египта. Въ Египтѣ начинаются внутренніи смуты, междоусобія и перемѣны. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ Сеннахеримъ предпринималъ свой походъ противъ Сиріи, фараонъ, по словамъ Геродота, противъ вѣкового обычая былъ даже не изъ сословія воиновъ, какъ всѣ прежніе фараоны, а изъ сословія жрецовъ. Вы помните, что его имя было *Сеосъ*, и что воины даже отказались идти подъ его начальствомъ въ походъ противъ ассиріянъ.

Кончилось тѣмъ, что Египетъ *распался на двѣнадцать частей* подъ управленіемъ двѣнадцати царей*). Это было, вѣроятно, послѣ побѣдоноснаго нашествія ассиріянъ (о немъ сказано на стр. 109-й).

Въ 670 г. Эти двѣнадцать царей, говоритъ сказаніе, долго ссорились и враждовали между собою, но, наконецъ, увидѣли, что такимъ образомъ государство погибнетъ и сдѣлается жертвой внѣшнихъ враговъ: тогда они помирились и рѣшили жить дружно (въ память этого примиренія и былъ будто бы построенъ *лабиринтъ*). Но миръ не былъ проченъ; Египетъ успокоился только тогда, когда, наконецъ, одному изъ двѣнадцати, *Псаметику*, царю города *Сауса*, въ нижнемъ Египтѣ, удалось одолѣть остальныхъ царей и снова соединить весь Египетъ подъ своею властью.

Преданія египетскія, сохраненныя Геродотомъ, рассказываютъ объ этомъ такимъ образомъ. Однажды будто бы всѣ двѣнадцать царей собрались въ одинъ храмъ въ городѣ Мемфисѣ, чтобы вмѣстѣ помолиться и принести жертвы богамъ. При жертвоприношеніи по египетскому обычаю слѣдовало совершить возліяніе (т.-е. вылить въ честь бога нѣсколько вина на его жертвенникъ). Для этой цѣли были приготовлены золотыя вазы, по одной на каждого изъ царей. Но по недосмотру главнаго жреца золотыхъ вазъ оказалось только одиннадцать. Тогда царь Сауса снялъ съ головы свой мѣдный шлемъ и изъ него совершилъ возліяніе. Сначала остальные цари не обратили вниманія на это обстоятельство, но потомъ они припомнили одно зловѣщее предсказаніе: „Тотъ, кто совершитъ богамъ возліяніе не изъ золотой, а изъ мѣдной чаши, тотъ будетъ властителемъ и царемъ всего Египта“. Тогда одиннадцать царей испугались и рѣшили изгнать Псаметику навѣки въ самую отдаленную часть Египта — къ морю, въ болотистую мѣстность Дельты. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ поселился Псаметихъ, находился высѣченный въ скаль храмъ одной египетской богини. Жрецы этого храма умѣли предсказы-

*) Этотъ періодъ въ исторіи Египта называется временемъ *додекарии* т.-е. господства двѣнадцати: по-гречески 12 будетъ значить „дѣдка“, а слово „архео“ означаетъ властвовать.

вать будущее; къ нимъ-то обратился Псаметихъ съ вопросомъ: когда же переменится его несчастная доля? Жрецы отвѣчали: „Жди, когда выйдутъ изъ моря желѣзные люди; они помогутъ тебѣ“. Псаметихъ недоумѣвалъ, какъ исполнится это непонятное предсказаніе. Но вотъ однажды его, дѣйствительно, извѣстили, что въ землю египетскую приплыли по морю какіе-то невѣдомые люди, если не „желѣзные“, то, по крайней мѣрѣ, закованные въ желѣзо и мѣдь: люди эти были греки, промышлявшіе морскимъ разбоемъ на Средиземномъ морѣ; буря занесла ихъ въ Египетъ. Псаметихъ, познакомившись съ ними, сообразилъ, что эти смѣлые, хорошо вооруженные, искусные въ военномъ дѣлѣ иноземцы могутъ быть ему полезны. Онъ уговорилъ ихъ поступить къ нему на службу, съ ихъ помощью побѣдилъ одиннадцать царей и сдѣлался единымъ господиномъ всего Египта.

Это было за 660 лѣтъ до Р. Х. Такъ рассказываетъ преданіе, рассказанное намъ Геродотомъ. Если вдуматься хорошенько въ это преданіе, то мы найдемъ въ немъ немалую долю правды. Псаметихъ былъ царемъ Саиса; Саисъ лежалъ у Средиземнаго моря; по этому морю плавали въ то время уже не одни только финикіяне, но и другіе народы. Между ними были и греки, у финикянъ же, какъ надобно думать, выучившіеся мореплаванію и торговлѣ. По своему приморскому положенію Саисъ сдѣлался торговымъ городомъ, куда стали пріѣзжать иноземные купцы, закупать у египтянъ хлѣбъ, полотно (виссонъ) и т. п. и сбывать имъ свои товары. Сюда приставали и греки: одни — для торговли, другіе — для морскихъ разбоевъ по берегамъ. Началось мало-по-малу знакомство, а вслѣдствіе этого знакомства и сближеніе, и въ Саисѣ понемногу появилась всякая-то новая жизнь, непохожая на то, какъ жили египтяне прежде. Прежде они гнушались всякими иностранцами, но, познакомившись съ греками, убѣдились мало-по-малу, что эти иноземцы могутъ быть полезны, что у нихъ даже можно многому выучиться... Сношенія становились все болѣе близкими; иностранцы стали оставаться жить въ Египтѣ, потомъ стали поступать на службу въ войска царскія. Торговля и новое наемное войско сдѣлали царя саисскаго богаче и сильнѣе всѣхъ остальныхъ и помогли ему подчинить себѣ весь Египетъ. Вотъ, какъ надобно понимать этотъ рассказъ о „желѣзныхъ людяхъ, которые вышли изъ моря“.

Исторія Саиса нѣсколько напоминаетъ намъ исторію нашего *Петербурга* и того, кто его построилъ — *Петра Великаго*. Прежде, до Петра Великаго, русскіе также чуждались иностранцевъ, жили особнякомъ; Петръ Великій „прорубилъ изъ Россіи окно въ Европу“.

Это окно была именно новая, основанная Петромъ на Невѣ столица, куда стали приѣзжать корабли изъ всѣхъ странъ европейскихкихъ, а на этихъ корабляхъ приѣзжали иностранные купцы, ремесленники, иностранные военные люди, которые обучили русскихъ воевать такъ, какъ воевали тогда другіе европейскіе народы. Многіе русскіе люди были недовольны нововведеніями Петра; они видѣли въ нихъ измѣну родной старинѣ и роптали на великаго государя, пока не убѣдились всѣ, что то, что онъ дѣлалъ, было необходимо.

Такъ было и съ Псаметихомъ. Псаметихъ былъ очень расположенъ къ грекамъ: онъ довѣрялъ имъ, изъ грековъ составилъ онъ свою гвардію (т.-е. отрядъ царскихъ тѣлохранителей). Онъ первый открылъ греческимъ торговцамъ свободный доступъ въ Египетъ и позволилъ грекамъ селиться въ Египтѣ. Для этого онъ отвелъ городъ *Навкрѣтисъ* (самое названіе *греческое* и значить „царица кораблей“)*). Этотъ городъ сдѣлался совсѣмъ какъ бы *греческимъ городомъ* или *греческой колоніей*: сюда приѣзжали греческіе купцы, художники и ремесленники; идя по улицамъ Навкрѣтиса и слыша со всѣхъ сторонъ греческую рѣчь, можно было забыть, что находишься въ Египтѣ... Все это были вещи невиданныя и неслыханныя прежде въ Египтѣ; разумѣется, было много недовольныхъ этими *новшествами*. Особенно воины были недовольны тѣмъ предпочтеніемъ, какое фараонъ оказывалъ наемнымъ иностраннымъ войскамъ. Значительная часть воиновъ — до 250.000 человекъ, даже совсѣмъ выселилась изъ родины, переселилась въ *Эфиопію* (т.-е. Нубію) и тамъ основала (или по крайней мѣрѣ усилила) новое царство — *Мероэ***).

Сынъ Псаметиха — *Нехао* (за 600 л. до Р. X.) продолжалъ дѣйствовать по примѣру своего отца. Онъ замѣчательнѣе особенно тѣмъ, что еще *болѣе своего отца* обратилъ вниманіе на море и на развитіе морской торговли Египта. Мы знаемъ, что онъ находился въ сношеніяхъ съ финикійцами, что по его порученію финикійскіе моряки предприняли смѣлое плаваніе для того, чтобы открыть морской путь вокругъ Африки. Онъ задумалъ прорыть каналъ для соединенія черезъ Ниль двухъ морей: Средиземнаго съ Чернымъ или Краснымъ, т.-е. сдѣлать то самое, что окончательно осуществилось уже только въ наше время, всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ — прорытіемъ канала черезъ Суэзскій перешеекъ (это великое дѣло совершилъ французскій инженеръ *Лессепсъ*).

*) То же, что „Нѣмецкая слобода“ въ Москвѣ.

***) Недалеко отъ впаденія Бахрѣ-эль-Азрека въ Ниль.

Занимаясь такъ много моремъ, Нехао не могъ не обратить вниманія на страны, прилегавшія къ морю на сѣверъ отъ Египта. Мы знаемъ, что эти страны были покорены ассиріянами, и, пока ассиріяне были сильны, никто не могъ покуситься на ихъ владѣнія. Но именно въ царствованіе Нехао рѣшалась уже участь Ассиріи: Пиневію осаждали вавилоняне и мидяне. Время казалось самымъ удобнымъ для плановъ Нехао. Финикіяне довольно охотно передались подъ власть египтянъ (они были давно знакомы финикіянамъ и притомъ были гораздо человѣчнѣе и мягче, чѣмъ ассиріяне). Изъ Финикіи Нехао пошелъ дальше — на маленькое царство Іудейское. Іудейскій царь *Іосія* былъ побѣжденъ и погибъ въ битвѣ при *Мегиддо**). Войска египетскія заняли Іерусалимъ, Дамаскъ и двинулись дальше къ Евфрату. Напряженно ожидали всѣ мелкіе народы Сиріи, въ томъ числѣ и евреи, чѣмъ кончится дѣло на берегахъ Евфрата. Но вотъ прошло очень немного времени, и опять показались войска и колесницы египетскія, но на этотъ разъ побѣжденные, разстроенныя и бѣгущія. При *Кархемьшѣ* войска Нехао встрѣтилъ *Навуходоносоръ*, молодой, Въ 604 г. воинственный сынъ Набопаласара, и нанесъ египтянамъ рѣшительное пораженіе въ 604 г. Такъ рушились широкіе замыслы фараона Нехао овладѣть сирійскимъ поморьемъ, чтобы захватить въ свои руки всю морскую торговлю между Азіей, Европой и Африкой и, кромѣ того, навсегда обезопасить Египетъ съ сѣвера отъ вторженія всякихъ семитическихъ народовъ.

Евреи опять ликовали, но и на этотъ разъ радость ихъ была непродолжительна; тяжелая участь выпала на долю этого маленькаго государства, стоявшаго одиноко среди могущественныхъ сосѣдей! По пятамъ отступавшихъ египтянъ подъ стѣнами Іерусалима явился Навуходоносоръ. О сопротивленіи, разумѣется, нечего было и думать; царь іудейскій, сынъ Іосіа, долженъ былъ признать себя „подручникомъ“ Навуходосора и обязался платить дань. За Іудеей покорилась и Финикія; только *Новый Тиръ* на своемъ островѣ опять не сдавался очень долго, въ продолженіе, говорятъ, цѣлыхъ тринадцати лѣтъ, и, наконецъ, сдался только на договорѣ, почему и не былъ разрушенъ.

Власть вавилонянъ была ничѣмъ не лучше власти ассирійской и, конечно, не могла быть по душѣ іудеямъ; ихъ не покидала мысль о свободѣ, и къ этой мысли примѣшивалась другая, что и ихъ сосѣди, египтяне, также ненавидятъ вавилонянъ и также ждуть случая отмстить вавилонянамъ за свое пораженіе, а по-

*) На сѣверъ отъ Іерусалима.

тому, вѣрно, не откажутся помочь евреямъ... Фараонъ, внукъ Нехао, дѣйствительно обѣщаль помочь, и царь іерусалимскій *Седекія* отважился опять отложиться. Напрасно предостерегалъ его пророкъ *Іеремія*, напрасно онъ его уговаривалъ съ покорностію переносить тяжкую долю, которую послалъ Богъ евреямъ, не наводитъ на себя и на народъ свой еще болѣе ужасныхъ бѣдствій. Разъ *Іеремія* даже явился передъ народомъ іерусалимскимъ, надѣвъ на шею *жельзное ярмо* въ знакъ того, еще болѣе тяжкаго и жестокаго ярма, которое ожидаетъ іудеевъ, если они не смирятся. „Не слушайте“, говорилъ пророкъ царю и жителямъ *Іерусалима*, „тѣхъ, которые говорятъ вамъ: не будете служить царю вавилонскому (т.-е. которые обѣщаютъ вамъ свободу); зачѣмъ, царь, хочешь ты погубить народъ свой и самъ погибнуть?... Если ты не покоришься, то городъ будетъ преданъ въ руки халдеевъ; они сожгутъ его огнемъ, и ты самъ не избѣжишь рукъ ихъ“.

Въ 586 г. Событія скоро оправдали слова пророка. Началась осада, продолжавшаяся цѣлыхъ *девять мѣсяцевъ*, потому что евреи защищались отчаянно, но въ городѣ начался *голодъ*, а вслѣдствіе голода — зараза. Вавилоняне ворвались въ городъ (въ 586 г.) и предались ужасающимъ неистовствамъ: они разрушили городскія стѣны, сожгли *Соломоновъ храмъ*, разграбили изъ него всѣ священные драгоценности. Разумѣется, погибло и множество жителей: побѣдители не щадили ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей — о камни разбивали они еврейскихъ младенцевъ. Царь *Седекія* съ частію войска попытался было ночью бѣжать изъ города черезъ проломъ, сдѣланный въ стѣнѣ, но „войско халдейское погналось за царемъ и настигло *Седекію*... и все войско его разбѣжалось отъ него... И взяли царя *Седекію* и привели къ царю вавилонскому, и онъ произвелъ *судъ надъ нимъ*... *И закололъ царь вавилонскій сыновей его передъ глазами его* и всѣхъ князей (т.-е. вельможъ, знатныхъ людей) его..., *а Седекію выкололъ глаза и велмъз оковать его мѣдными оковами*; и отвелъ его въ *Вавилонъ*, и посадилъ его въ *темницу* подъ стражу до дня смерти его“ (такъ разсказывается въ книгѣ пророка *Іеремія*). Большая часть жителей, уцѣлѣвшихъ отъ меча, была *отведена въ плѣнъ*, т.-е. выслена на берега *Евфрата*.

Сохранилась до насъ и пѣснь пророка *Іереміи*, въ которой сильными и трогательными чертами изображены и горе переселенцевъ въ неволѣ на чужой сторонѣ, и тоска ихъ по утраченной родинѣ, и накипѣвшія у нихъ въ душѣ чувства глубокой ненависти къ жестокимъ притѣснителямъ:

Въ дни плѣна, полные печали,
На вавилонскихъ берегахъ,
Среди враговъ мы возсѣдали
Въ молчаньи горькомъ и слезахъ.

Тамъ вопрошали насъ тираны,
Почто мы плачемъ и грустимъ :
„Возьмите гусли и тимпаны
И пойте вашъ Ерусалимъ“.

Нѣтъ! Свято намъ воспоминанье
О славной родинѣ своей;
Мы не дадимъ на посмѣянье
Высокихъ пѣсень прошлыхъ дней!

Твои, Сионъ! онѣ прекрасны!
Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ странъ!
Порвитесь, струны сладкогласны,
Разбейся, звонкій мой тимпанъ!

Окамѣннй, языкъ лукавый,
Когда забуду грусть мою
И пѣснь отечественной славы
Ея губителямъ спою.

А Ты, среди огней и грома
Намъ даровавший Свой законъ,
Напомяни сынамъ Эдема
День, опозорившій Сионъ,

Когда они въ веселье дикомъ,
Убийства шумные виномъ,
Насъ оглушали грознымъ кликомъ :
„Все истребимъ, всѣхъ поженемъ!“

Блаженъ, кто смѣлоу десницей
Оковы плѣна сокрушить,
Кто плачь Израйля сторицей
На притѣснителяхъ отмститъ!

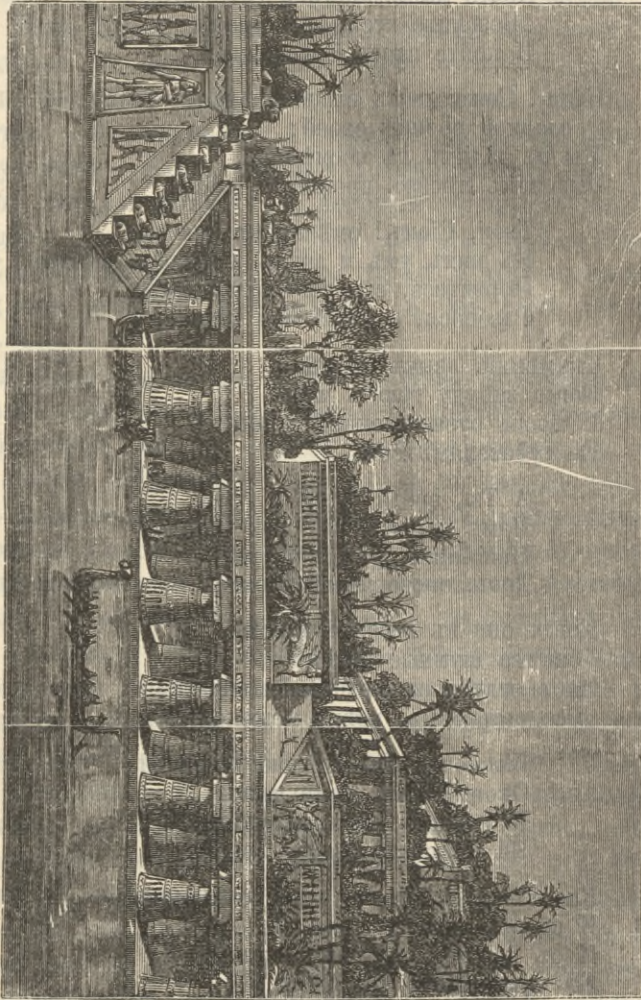
Кто въ домъ тирана мечъ и пламень,
И смерть ужасную внесетъ
И съ ярымъ хохотомъ о камень
Его младенцевъ разобьетъ!*)

Вмѣстѣ съ памятью о своихъ завоеванiяхъ Навуходоносоръ оставилъ о себѣ память, подобно многимъ древнимъ царямъ Востока, и какъ о великомъ строителѣ. Я уже сказалъ, что Новуходоносоромъ были построены или, по крайней мѣрѣ, перестроены и возобновлены въ болѣ громаднхъ размѣрахъ многiя изъ тѣхъ

*) Переложение нашего поэта *Язкова*.

старинныхъ сооруженій, которыя впоследствии приписывались Семирамидѣ и которымъ такъ удивлялся Геродотъ*). Я уже говорилъ подробно объ этихъ сооружеіяхъ; теперь скажу только, что при Навуходоносорѣ Вавилонъ украсился, говорятъ, еще одной

Висячіе сады.
(Реставрація).

громадной постройкой совершенно особаго, никогда небывалаго прежде вида — *висячими садами*. Навуходоносоръ былъ женатъ

*) Вавилонскіе цари имѣли обычай при постройкѣ или перестройкѣ зданій подкладывать при закладкѣ ихъ подъ фундаментъ *глиняные цилиндры* съ надписью, кто и когда строилъ или перестраивалъ (у насъ существуетъ почти тотъ же обычай: только у насъ вкладываютъ мѣдныя дощечки съ надписью). При раскопкахъ въ развалинахъ Вавилона *чаще всего находятъ цилиндры съ именемъ Навуходоносора*.

на *Никотрись*; она была родомъ изъ гористой Мидіи и, живя въ Вавилонѣ, скучала по тѣнистымъ горамъ родины. Для нея-то и выстроилъ Навуходоносоръ эти диковинные сады, которые, собственно говоря, неправильно называютъ „висячими“: это были *искусственныя каменные горы, засаженныя деревьями*. Онѣ поднимались на очень значительную высоту*) въ видѣ каменныхъ террасъ, которыя лежали на громадныхъ каменныхъ же (т.-е. кирпичныхъ) столбахъ. Каменная поверхность террасъ покрывалась свинцомъ (чтобы вода не размывала кирпича); на свинецъ насыпался глубокой слой земли, а въ эту землю были посажены всякаго рода деревья. Въ серединѣ былъ устроенъ глубокой водоемъ, вода для котораго была проведена изъ Евфрата и посредствомъ машинъ поднималась на высоту; изъ этого бассейна она потомъ ниспадала каскадами и расходилась во всѣ концы парка.

Украшая такимъ образомъ Вавилонъ, Навуходоносоръ обращалъ вниманіе и на *полезныя* сооруженія. При немъ былъ выкопанъ (недалеко отъ Вавилона, на сѣверъ) каналъ *Наръ-Малха* (т.-е. царскій) для соединенія Тигра съ Евфратомъ. Здѣсь же, неподалеку было выкопано большое искусственное озеро для принятія водъ изъ Евфрата. Для защиты сѣверной границы отъ мидянъ Навуходоносоръ (какъ видно, онъ не очень-то довѣрялъ прежнимъ союзникамъ и боялся опасности съ ихъ стороны) выстроилъ *отъ Тигра до Евфрата каменную*, такъ называемую *Мидійскую стѣну*.

Уже прежде *Вавилонъ* считался самымъ великолѣпнымъ, богатымъ и многолюднымъ городомъ древняго міра. Со временъ *Навуходоносора* онъ сталъ дѣйствительно, какъ бы „царемъ-городомъ“, чудомъ свѣта того времени. Богатство жителей и ихъ любовь къ роскоши вызвали въ немъ большую и изящную *промышленность*. Появились фабрики, которыя вырабатывали всевозможные *предметы роскоши*: драгоцѣнныя ткани, дорогіе ковры, благовонія, всякаго рода украшенія изъ дорогихъ металловъ и т. д. Вавилонъ, однимъ словомъ, сдѣлался въ древнемъ мірѣ чѣмъ-то въ родѣ того, что теперь *Парижъ*: его моды и обычаи были предметомъ подражанія для всѣхъ сосѣднихъ странъ, начиная съ Ассиріи и кончая отдаленною Европою, куда обычаи и моды вавилонскіе заносили извѣстные намъ смѣлые моряки финикійскіе: многіе отголоски вавилонской старины чувствуются и до сихъ поръ у насъ (какъ сейчасъ увидимъ), хотя мы и относимся къ нимъ теперь безсознательно.

Не только своимъ „умѣньемъ жить“ привлекалъ къ себѣ Вави-

*) На 200 футовъ.

лонъ и заставлялъ у себя учиться, но и своею наукою, своею образованностью. Самый образованный классъ въ немъ, какъ и въ Египтѣ, составляли жрецы (маги); давно не стало Вавилона, а долго, очень долго еще большую славою пользовались его „мудрецы“ и „ученые“, которыхъ запросто называли халдеями. Первая наука всякаго народа заключается въ грамотности, — и вавилоняне давно были съ нею знакомы. Письмена вавилонскія совсѣмъ особенныя: ихъ называютъ *клинообразными* (иначе *клинопись*) или *воздеобразными*, по формѣ тѣхъ значковъ, которые они употребляли какъ буквы. Сначала вавилоняне или тѣ, которые научили ихъ писать*), совершенно такъ же, какъ и египтяне, просто рисовали или изображали предметы, потомъ со временемъ замѣнили рисунки условными знаками предметовъ (символическое письмо), а затѣмъ, наконецъ, стали обозначать значками *каждый отдельный слогъ* слова. Такъ какъ вавилоняне значки свои прежде всего стали выдѣлывать на полусырой глинѣ своихъ кирпичей, то всего удобнѣе имъ показалось отпечатывать ихъ въ видѣ *мазковъ* или *клинушковъ*: отсюда-то и пошла фигура письменъ, которыми стала писать чуть ли не вся Азія**).

Много нашлось за послѣднее время этихъ письменъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ стали производить раскопки, но разгадать ихъ было еще труднѣе, чѣмъ египетскіе іероглифы. Очень долго они составляли полную загадку, надъ которою напрасно ломали голову очень многіе ученые Европы. Первый толчекъ къ ихъ разгадкѣ далъ простой нѣмецкій учитель гимназіи *Гротенфендъ*, который разобралъ по остроумному соображенію нѣсколько именъ, написанныхъ по-персидски, но письменами, заимствованными у вавилонянъ, (персы дѣлали *клинья* подлиннѣе, въ видѣ *воздей*, почему и письмо ихъ называется *воздеобразнымъ*). Разобрать вавилонское письмо было особенно трудно потому, что вавилоняне *не дошли до буквъ*, а ограничились либо *слоговымъ* письмомъ (гдѣ каждый слогъ обозначается своимъ особымъ знакомъ), либо даже для многихъ словъ стариннымъ *символическимъ* обозначеніемъ. Для того, чтобы показать, каково было *слоговое* письмо, довольно

*) Нѣкоторые ученые думаютъ, что азбука вавилонская изобрѣтена не самими вавилонянами, а извѣстнымъ уже намъ народомъ, который жилъ на югѣ Месопотаміи *до нихъ* — аккадійцами. Когда въ Месопотамію пришли завоеватели-семиты, то у первоначальныхъ жителей въ долинахъ Тигра и Евфрата уже зародилась культура — *письменность* здѣсь, вѣроятно, существовали съ *незапамятныхъ временъ*, какъ и въ Египтѣ. Семиты усвоили себѣ все, что было до нихъ сдѣлано аккадійцами: *переняли* у нихъ, между прочимъ, и азбуку.

С. М.

**) Рисункъ клинописи помѣщенъ въ концѣ книги.

будеть вамъ привести хоть *одинъ примѣръ*. Возьмемъ для этого примѣра, положимъ, звукъ *p* и обозначимъ его особымъ знакомъ, т.-е. буквою; если буква *p* встрѣтится съ другою гласною, то мы должны по-вавилонски обозначить соединенный звукъ этотъ *новымъ* какимъ-нибудь знакомъ; слѣдовательно и выйдетъ, что такія простыя для насъ сочетанія, какъ *pa, pe, pi, po, pu, py, pz, py*, или *ap, ep, ip, op, up, yp*, и т. д. мы, если бы писали на вавилонскій ладъ, должны бы были изображать *каждое* *особымъ* *значкомъ*. Уже отсюда видно, какія, почти невозможныя, трудности представляло чтеніе ассирійско-вавилонскихъ надписей. Однако терпѣніе, трудъ и добрая воля человѣка превозмогли все — въ настоящее время знатоки разбираютъ *клинообразныя* надписи почти такъ же легко, какъ читаютъ и египетскіе *иероглифы* *).

Изъ *наукъ* Вавилоніи первая была, какъ я уже нѣсколько разъ говорилъ, *астрономія*, которая вышла изъ ихъ *астрологіи*, т.-е. звѣздочетства. „Халдеи“, какъ называли маговъ, пытались не только наблюдать звѣзды, но и брались предугадывать *событія* и *погоду* по своимъ наблюденіямъ за много лѣтъ впередъ. (Припомните нашъ пресловутый *Брюсовъ календарь* съ его предсказаніями, въ которыхъ многіе готовы до сихъ поръ охотно вѣрить). „Халдеи“ думали, что въ 12 лѣтъ *все на землѣ повторяется*, и потому брались предсказывать будущее**). Все это возбуждало особое любопытство, заставляло все болѣе и болѣе наблюдать, работать, учиться, а отсюда явилась и наука.

Астрономія пріучала къ расчету, къ *цифрамъ* ***), а слѣдова-

*) Особенно большую услугу наукъ въ этомъ отношеніи оказалъ англичанинъ *Робинсонъ*, котораго поэтому мы можемъ назвать *Шамполіономъ Вавилоніи и Ассиріи* (припомните Египетъ).

***) Жрецы халдейскіе гадали не только по звѣздамъ и составляли *ароскопы*, но *толковали* также *сны*; въ прежнее время думали, что сны являются какъ внушенія боговъ: это старинное суевѣріе и до сихъ поръ сохранилось у насъ — толкованія сновъ встрѣчаются въ разныхъ *сонникахъ* и друг. такихъ книжкахъ. Жрецы-халдеи знали также разныя *заклинанія* противъ злыхъ духовъ. У насъ, въ народѣ, сохранились до сихъ поръ *заговоры* противъ болѣзней и т. д.; въ нѣкоторыхъ изъ такихъ заговоровъ употребляются иной разъ совершенно безмысленныя для насъ слова: во многихъ случаяхъ это исковерканныя *халдейскія заклинанія*, черезъ много вѣковъ дошедшія и до нашего времени.

***) Ассирійскіе астрономы умѣли вычислять весьма точно солнечныя и лунныя затменія; умѣли отличать планеты отъ звѣздъ, знали о существованіи солнечныхъ пятенъ и т. д. Всѣ эти наблюденія въ теченіе тысячелѣтій записывались и такимъ образомъ переходили къ потомству. Можно предполагать, что маги додумались и до открытія зрительной трубы: по крайней мѣрѣ они знакомы были съ такими небесными свѣтилами, которыя недоступны невооруженному глазу; это подтверждается и тѣмъ, что при раскопкахъ найдена лупа — увеличительное стекло. С. М.

тельно и къ наукѣ цифръ—*математикъ*. Многія цифры, которыя употребляли вавилоняне, а слѣдовательно и *счетъ* ихъ, перешли къ другимъ народамъ, затѣмъ и къ намъ. Такъ, напр., мы до сихъ поръ по вавилонскому обычаю на *семь* дней раздѣляемъ свою недѣлю*); 60 было число священное у вавилонянъ — и мы до сихъ поръ считаемъ 60 минутъ и 60 секундъ. Все это финикияне передали намъ, когда сами научились этому у вавилонянъ. *Мѣра* и *вѣсъ* перешли въ Европу отъ нихъ же (*талантъ* и *мина*). *Механикъ* научились они, какъ и египтяне, потому что имъ приходилось рыть каналы, а затѣмъ и строить высокія зданія. Цари вавилонскіе и ассирійскіе въ *каменныхъ лѣтописяхъ* записывали свои подвиги и вели счетъ годамъ: отсюда явились зачатки *исторіи* и *хронологіи*, потому что эти записи и до сихъ поръ помогаютъ намъ разбираться иной разъ въ путаницѣ годовъ стараго времени. Наконецъ, можно сказать, что отъ ассиріянъ и вавилонянъ сохранились *цѣлыя бібліотеки* до нашего времени: въ развалинахъ ниневійскихъ дворцовъ разыскались *книги***), написанныя только не на листкахъ бумаги, какъ наши, а на *каменныхъ плиткахъ*: въ нихъ-то именно и прочли разныя религіозныя сказанія о потопѣ, первыхъ людяхъ и т. д.

Такимъ образомъ, вавилоняне во многихъ отношеніяхъ***) были образцомъ для другихъ народовъ и *учителями* всѣхъ своихъ сосѣдей, которые въ свою очередь передавали ихъ науку дальше. Но сами они испортились отъ богатства, изнѣжились до послѣдней степени. Скоро имя „Вавилонъ“ стало поговоркою, а самъ городъ прослылъ за образецъ безнравственности, испорченности, всякаго разгула и мотовства. Царство, столицею котораго былъ *такой* городъ, не могло долго устоять, тѣмъ болѣе, что вавилоняне *такъ же жестоко* обращались съ подчиненными народами, какъ и ассиріяне. Изъ книги пророка Даниила, изъ разсказа о „трехъ юношахъ, сожженныхъ въ печи огненной“, вы можете видѣть,

*) Вавилоняне, припомните, поклонялись свѣтиламъ и считали ихъ *семь*. По-латыни и по-французски *дни* недѣли до сихъ поръ называются именами планетъ, имъ посвященныхъ.

**) Среди этихъ книгъ между прочимъ, найдено обширное сочиненіе въ 72 тома подъ заглавіемъ „Наблюденія Бала“ — здѣсь записаны различныя астрономическія наблюденія; найдено также во время раскопокъ множество книгъ съ описаніемъ существовавшихъ въ то время животныхъ, растений и минераловъ; найдены таблицы, на которыхъ изложены правила грамматики, словари и т. д. Все это значительно облегчаетъ знакомство съ ассиро-вавилонской культурой и служить подспорьемъ для прочтенія мудреныхъ клинообразныхъ надписей.

С. М

***) Мы уже знаемъ, какого совершенства достигли вавилоняне въ области искусства — въ архитектурѣ и скульптурѣ.

какъ вавилоняне иной разъ преслѣдовали чужеземцевъ даже за ихъ вѣру. Вы видѣли изъ пѣсни Іереміи, какія чувства питали къ нимъ евреи, а слѣдовательно и другіе поработенные народы. Такое царство не могло просуществовать долго и, дѣйствительно, оно пало очень скоро. Послѣднимъ великимъ царемъ Вавилона былъ самый основатель его могущества — *Навуходоносоръ*. Его преемники были совершенно ничтожны. Тѣмъ съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ ждали евреи, а съ ними и другіе народы, что подымется *мститель*, который „воздастъ“ „притѣснителямъ“, и, наконецъ, дождались его. Послѣдними преемниками Навуходоносора (очень, впрочемъ, къ нему близкими) были *Набонедъ* и его сынъ *Валтасаръ**).

При нихъ-то и явился тотъ *мститель*, котораго призывали евреи и которому суждено было сокрушить Вавилонское царство. Это былъ *Киръ*, царь персовъ, къ исторіи которыхъ мы и должны теперь перейти.

РАЗСКАЗЪ XIV.

Арійское племя. — Бактрияне. — Религія Зороастра.

Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ новымъ племенемъ. До сихъ поръ намъ приходилось говорить о народахъ или африканскаго (египтяне)**), или семитическаго племени. Народъ, о которомъ намъ теперь приходится говорить, ближе намъ, потому что онъ одного съ нами племени, — племени, къ которому принадлежать всѣ европейскіе образованные народы и которое называется арійскимъ.

Какъ семиты сначала, въ глубокой древности, составляли одно племя (отъ котораго произошли потомъ: евреи, финикіяне, арабы, вавилоняне, ассиріяне) и когда-то, въ незапамятной древности, жили, вѣроятно, всѣ вмѣстѣ на Армянской горной возвышенности,

*) Кто хочетъ подробнѣе прочесть про Ассирію и Вавилонъ, тотъ можетъ взять книжку *Астафьева*: „Древности вавилонско-ассирійскія“. С.-Петербургъ 1882 г. Если онъ знаетъ по-нѣмецки, пусть еще лучше прочтетъ *Кайленъ*’а: „Assyrien und Babylonien“. Freiburg 1882.

**) Египтяне, какъ думаютъ многіе ученые, происходили отъ двухъ народовъ различныхъ племенъ — африканскаго и семитическаго, которыя впоследствии слились между собой. Первобытные жители Нильской долины принадлежали къ народу африканскаго племени, этотъ народъ былъ покоренъ семитами, пришедшими въ незапамятные времена изъ Азіи въ Африку черезъ Суэцскій перешеекъ. С. М.

такъ точно и *арійцы* или „*аріи*“ никогда составляли тоже одно племя и жили, какъ думаютъ, въ мѣстности у верховьевъ рѣки *Аму-Дарьи* (въ древности *Оксузъ*), въ странѣ, которая въ преданіяхъ *аріевъ* называется *Ариена-Веджо* (т.-е. страна или жилище *аріевъ*). На сѣверъ отъ этой мѣстности лежатъ степи, и вотъ можно полагать, что напоръ степныхъ кочевниковъ заставилъ *аріевъ* искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія и разойтись врознь. Разошлись они не вдругъ, а въ разное время и такимъ образомъ *раздѣлились на три вѣтви*.

Одна направилась на югъ, перешла высокія горы, дошла до рѣки *Инда*, перешла за *Индъ* и заняла полуостровъ, лежащій между *Индомъ* и *Гангомъ*, т.-е. *Индустанъ*. *Аріицы* встрѣтили здѣсь прежнее туземное населеніе съ кожей темнаго цвѣта, покорили его и стали впоследствии называться *индусами*.

Другая вѣтвь пошла къ западу и поселилась между *Индійскимъ* океаномъ и *Каспійскимъ* моремъ, въ странѣ, которая теперь называется *Ираномъ* или *Эраномъ* (испорчено изъ „*Ариана*“, т.-е. земли *аріевъ*).

Третья вѣтвь *арійцевъ* направилась на сѣверъ и сѣверо-западъ — въ *Европу*. Они перешли черезъ *Кавказъ* и южную *Россію*, или, быть можетъ, отчасти и черезъ *Малую Азію*, и мало-по-малу заселили *Европу*. Отъ этой-то, третьей вѣтви произошли народы, теперь населяющіе *Европу*: *греки*, *римляне* (предки теперешнихъ *итальянцевъ*), *кельты* (предки теперешнихъ *французовъ*), *германцы*, *литовцы* и, наконецъ, наши собственные предки — *славяне**).

Мы займемся пока исторіей только одной второй вѣтви, — той, которая поселилась въ *Иранъ*. Жителей *Ирана* называютъ *иранянами* или *зендами*, а языкъ, которымъ они говорили, — *зендскимъ*. Разсмотримъ географическій характеръ страны, гдѣ они поселились. Внутренность *Ирана* имѣетъ большею частію характеръ пустыни, которая напоминаетъ собою внутренность *Аравіи*, и только мѣстами эту пустыню прерываютъ довольно большіе оазисы; на сѣверныхъ границахъ *Ирана* опять пустыня — *Туранская равнина*. Зато на окраинахъ — совершенная противоположность: эти окраины представляютъ прекрасныя, цвѣтуція долины и всѣ условія, необходимыя для осѣдлой жизни. По этимъ-то долинамъ и расселились *ираняне*. Съ теченіемъ времени они образовали нѣсколько народовъ, между которыми въ древней исторіи выдвинулись особенно три: *бактрыяне*, *мидяне* и *персы*.

Бактра**) считалась древнѣйшимъ городомъ, построеннымъ *арій-*

*) Объ этомъ прочтите еще въ дополненіяхъ.

**) Теперь называется *Балхъ* (въ сѣверномъ *Афганистанѣ*).

цами (припомните рассказ о Нинѣ и Семирамидѣ подъ Бактрою). Но, кромѣ древности, *Бактра имѣла для иранянъ еще священное значеніе*, и въ иранскихъ преданіяхъ о Бактрѣ не говорится иначе, какъ о „святомъ“ городѣ, потому что изъ этого города ираняне получили *свою вѣру*. Сначала ираняне поклонялись не одному богу, а многимъ, т.-е. различнымъ силамъ природы, какъ и всѣ язычники. Они поклонялись *солнцу (Митра), огню (Ати)*; у нихъ были боги вѣтровъ (*Вѣю* — наше „вѣять“), грозы и т. д. Но со временемъ, и вотъ именно среди бактрянъ, явился знаменитый пророкъ, какъ они его называли, и преобразовалъ религію бактрянъ. Этотъ знаменитый пророкъ назывался *Заратуштра* или (какъ его называли греки) *Зороастръ*. Въ чемъ же заключалась сущность религіи Зороастра? Она во многомъ не похожа на другія религіи, съ которыми мы уже знакомы: прежде всего — она *выше и чище* этихъ другихъ языческихъ религій, въ ней гораздо болѣе *вѣрныхъ нравственныхъ понятій**.

Во-первыхъ, религія Зороастра, хотя и допускала существованіе многихъ боговъ, но выше всѣхъ ставила *одного верховнаго бога*, который сотворилъ міръ. Этотъ богъ назывался *Ормуздъ (Агура-Мазда)*, т.-е. *господь премудрый*. Уже самое это прозвище — „премудрый“, придаваемое верховному богу, выражаетъ мысль о *духовномъ, нравственномъ* качествѣ и показываетъ, что религія Зороастра была выше другихъ, извѣстныхъ намъ языческихъ религій Востока.

---

*) Пророкъ Зороастръ, которому *преданіе* приписывало преобразование религіи иранянъ, жилъ, какъ рассказывали греки, за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. X. Всѣ существующія о немъ сказанія, конечно, носятъ легендарный, *мифическій* характеръ, а не историческій. Возможно, что основою для этихъ преданій о Зороастрѣ послужила какая-нибудь, дѣйствительно существовавшая нѣкогда личность, но все же нельзя забывать, что измѣненія въ религіи народовъ Ирана произошли не сразу, а постепенно въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Съ развитіемъ культуры происходили соответственные перемѣны и въ религіи; отъ самаго грубаго пониманія божества, отъ политеизма, т.-е. многобожія иране мало-по-малу перешли къ болѣе выекому представленію о немъ: ихъ религія приобрѣла характеръ монотеизма, т.-е. единобожія. Существовавшій въ древнѣйшія времена грубый натурализмъ, т.-е. поклоненіе силамъ и явленіямъ природы и обожествленіе умершихъ, поклоненіе предкамъ, какъ богамъ, замѣнился той, болѣе совершенной религіей, которую, по преданіямъ, будто бы открылъ иранянамъ пророкъ Зороастръ. Мы не можемъ прослѣдить тѣхъ ступеней развитія, которыя проходила религія иранянъ, и знаемъ ее такой, какой она является намъ уже въ историческія времена, когда съ появленіемъ письменности въ священныя книги жрецами были записаны сохранившіяся религіозныя преданія. Религія Зороастра приняла болѣе или менѣе опредѣленную, законченную форму у *персовъ* въ VI в. до Р. X.; она составила изъ вѣковыхъ народныхъ вѣрованій, изъ религіозныхъ ученій, заимствованныхъ персами у другихъ народовъ (напримѣръ, у Ассиро-Вавилонін), и новаго ученія, открытаго, быть можетъ, Зороастромъ и развитого впоследствіи жрецами. С. М.

Ормузду ираняне поклонялись, какъ творцу всего, *что есть въ мірѣ добраго и полезнаго*; но они замѣчали, что въ мірѣ *не одно доброе*: есть добро и зло, какъ есть *свѣтъ и тьма*. Жителямъ Ирана именно эта противоположность должна была особенно рѣзко бросаться въ глаза; ихъ она должна была особенно сильно поражать, потому что въ географическомъ положеніи и въ самыхъ природныхъ условіяхъ Ирана и внутри страны, и на границахъ, какъ замѣчено выше, представляются рядомъ самыя рѣзкія противоположности: сожженная солнцемъ, песчаная, безплодная и безводная пустыня — какъ бы злой врагъ человѣка, и плодородная, населенная земля — его кормилица и благодѣтельница. Мы знаемъ, что египтяне тоже чувствовали эту противоположность и олицетворяли ее въ Озирисѣ и Тифонѣ. Такъ точно и у иранянъ явилась мысль, что не все въ мірѣ сотворено добрымъ богомъ. Все злое, все дурное, все вредное есть твореніе другого бога. Этого злого бога они называли *Ариманъ (Анро-Майнъйу)*, т.-е. *блуждѣй, поражающѣй духъ*. Такое вѣрованіе, что въ мірѣ господствуютъ *два начала* — доброе и злое, *двѣ силы* — добрая и злая, называется, какъ помните, *дуализмъ*, а религія, которая проповѣдуетъ существованіе двухъ такихъ началъ, называется *дуалистической религіей*. Я сказалъ, что понятіе о такой двойственности было и въ религіи египтянъ (добрый Озирисъ и злой Тифонъ), но не такъ рѣзко и ясно, какъ въ религіи иранянъ.

По мнѣнію иранянъ, добро и зло, Ормуздъ и Ариманъ, *находились въ вѣчной, постоянной борьбѣ* между собою. Въ этой борьбѣ Ормузду помогаютъ и служатъ множество окружающихъ его добрыхъ духовъ (*Амшаспанды*); въ свою очередь, и Ариманъ окруженъ — злыми духами, которые называются у Зороастра *дэвы* или *дивы**). Злые духи употребляютъ всѣ усилія, чтобы испортить, разстроить все доброе, созданное Ормуздомъ, а добрые духи стараются не допустить до этого дэвовъ, защититъ, сохранить и усилить доброе, однимъ словомъ — всячески противодействуютъ злу. Отсюда *въ цѣломъ мірѣ*, и въ природѣ и въ людяхъ, происходитъ *непрерывная борьба*. Все, что есть въ мірѣ, создано или добрымъ, или злымъ богомъ: всѣ полезныя человѣку животныя и растенія — созданіе Ормузда; напротивъ, вредныхъ животныхъ, ядовитыхъ гадовъ, прожорливыхъ муравьевъ, червей, которые вредятъ растительности, вредныя или сорныя растенія, наконецъ, всѣхъ хищныхъ звѣрей, — все это создалъ Ариманъ. Плодородная земля,

*) Прежде слово это обозначало — просто богъ (отсюда латинское *deus* и наши слова: *диво*, *дикий* и т. д.); только со времени Зороастра ираняне этимъ именемъ стали называть однихъ злыхъ боговъ.

покрытая полезными деревьями, населенная, обработанная трудами человѣка, это — царство Ормузда, а пустыня, знойная, бесплодная, какъ бы враждебная человѣку, принадлежитъ Ариману. Всѣ добрые, благочестивые люди и народы (т.-е. сами ираняне) — дѣти Ормузда, а жители туранскихъ степей, дикіе и грубые хищники, не имѣющіе осѣдлости, не знающіе земледѣлія, вѣчно бродящіе, это — дѣти Аримана.

Каждый отдѣльный человѣкъ всячески обязанъ стараться о томъ, чтобы остаться сыномъ Ормузда и не сдѣлаться сыномъ Аримана. Что же долженъ для этого дѣлать человѣкъ? Онъ долженъ стараться *помогать доброму богу* или, другими словами, всячески способствовать *побѣдѣ добра надъ зломъ*, а для этого человѣкъ долженъ прежде всего стараться въ своей жизни, во всемъ своемъ поведеніи соблюдать *чистоту*, чтобы быть достойнымъ вѣчно оставаться сыномъ добраго, свѣтлаго бога. Чистота бываетъ двухъ родовъ: *чистота духовная* и *чистота тѣлесная* или *вещественная*. Выше всего — соблюденіе чистоты духовной, т.-е. стараніе избѣгать всего, что можетъ *замарать, загрязнить* человѣка въ нравственномъ отношеніи, а *самое изъ грязнаго грязное*, по мнѣнію древнихъ иранянь, — *ложь*. *Кто способенъ лгать, отъ того можно ожидать какихъ угодно дурныхъ дѣлъ*, какихъ угодно преступленій. Кто солгалъ, тотъ тѣмъ самъ становится какъ бы добычей злого бога и отрекается, отступаетъ отъ добраго. Потому поклонники добраго бога прежде всего должны оберегать себя отъ лжи. За духовной чистотой слѣдуетъ забота о чистотѣ тѣлесной. Всѣ предметы, какіе только есть въ мірѣ, или чисты, или нечисты. Человѣкъ долженъ избѣгать прикосновенія ко всему нечистому, ибо нечистое принадлежитъ Ариману; потому прикосновеніе къ нечистому дѣлаетъ самого человѣка нечистымъ, а черезъ то отдаетъ его во власть Ариману и его дэвовъ. Всего болѣе нечистымъ представлялось иранянамъ *все разлагающее* или *гниющее*: гніеніе — признакъ смерти, а смерть — царство Аримана, между тѣмъ какъ царство Ормузда — жизнь.

Такой взглядъ выразился и *въ похоронныхъ обрядахъ* иранянь. Вообще, надобно замѣтить, что знать похоронные обряды какого-либо древняго народа очень интересно, потому что въ этихъ обрядахъ сказываются религиозныя понятія народа. Египтяне, какъ мы знаемъ, всячески заботились о сохраненіи тѣлъ своихъ покойниковъ и для этого бальзамировали ихъ. Совершенно напротивъ — ираняне о томъ только и хлопотали, *чтобы трунъ, какъ можно скорѣе, разрушился*. Умирающій уже считался нечистымъ; еще болѣе — умершій. Родственники умершаго на девяносто шаговъ не

смѣли приблизиться къ покойнику. Особые носильщики вдвоемъ выносили мертвыя тѣла и клали ихъ на особыхъ возвышеніяхъ, нарочно для того устроенныхъ: это были круглыя кирпичныя башенки, которыя назывались „*дакмы*“. Здѣсь трупъ оставался подъ открытымъ небомъ, пока хищныя птицы не истребляли тѣла, и отъ него оставались однѣ голыя кости. Разлагающійся трупъ не долженъ былъ прикасаться къ землѣ, чтобы не осквернить ея (земля считалась чистой). Когда, наконецъ, оставались однѣ кости, ихъ закрывали землею вмѣстѣ съ кирпичами, на которыхъ онѣ лежали. Самые носильщики должны были, послѣ прикосновенія къ мертвому тѣлу, подвергаться цѣлому ряду очистительныхъ обрядовъ, которые состояли изъ молитвъ, заклинаній и омовеній*). *Омовенія* вообще зендская религія предписывала совершать очень часто; иначе и быть не могло: вся эта религія проникнута одной заботой — отдалить отъ человѣка все нечистое. Особенно строго религія Зороастра предписывала заботиться о томъ, чтобы нечистое не смѣшалось съ чистымъ. Зарыть въ землю гніющій трупъ, бросить въ воду что-нибудь нечистое, по понятіямъ иранянъ, значило — совершить тяжкій грѣхъ. Самымъ же чистымъ считался *огонь* (Агни). Потому не только запрещалось бросать въ огонь что-нибудь нечистое, но даже нельзя было, безъ особой молитвы, задуть огонь или зажечь свѣтильникъ отъ огня на своемъ домашнемъ очагѣ. До сихъ поръ еще въ Азіи, въ сѣверныхъ частяхъ Ирана, живутъ остатки *огнепоклонниковъ* (гевровъ)**). До сихъ поръ въ случаѣ пожара они не смѣютъ заливать огонь, а растаскиваютъ горящія бревна или осторожно засыпаютъ ихъ сырой землей.

Кромѣ того, что ираняне почитали священными *огонь и воду*, у нихъ были еще и *священныя животныя*, какъ у египтянъ. Только у нихъ это почитаніе нѣкоторыхъ животныхъ священными вытекало совсѣмъ изъ иныхъ понятій, чѣмъ у египтянъ. Египтяне, какъ мы знаемъ, самыхъ боговъ изображали въ видѣ животныхъ и

*) Похоронные обряды иранцевъ могутъ служить хорошимъ примѣромъ того, какъ съ теченіемъ времени въ религіи происходятъ перемѣны, существенно измѣняющія первобытныя вѣрованія народа. Погребеніе умершихъ считалось прежде у иранянъ смертнымъ грѣхомъ — въ Бактріи мертвыхъ выбрасывали въ пустыню. Постепенно, однако, среди нихъ вводятся и погребальные обряды: во времена Геродота погребеніе умершихъ уже становится обычаемъ у персовъ, хотя эти обряды далеко еще не установились и въ различныхъ мѣстахъ не одинаковы: въ однихъ мѣстахъ трупы сожигаютъ, въ другихъ — хоронятъ, въ третьихъ — даже бальзамируютъ. С. М.

***) Нѣкоторое время гевры жили и у насъ около *Басу*, гдѣ такъ много нефтяныхъ источниковъ и, слѣдов., такъ легко поддерживать огонь. Теперь они всѣ вымерли, и остался только ихъ пустой монастырь.

вѣрили, что душа Озириса переселяется въ быка. Ираняне не только не допускали *никакихъ изображеній боговъ**), — они думали даже, что божеству не слѣдуетъ поклоняться въ храмахъ, такъ какъ вся земля и небо — одинъ великій храмъ Ормузда. Потому и понятія о священныхъ животныхъ у нихъ были совсѣмъ другія, чѣмъ у египтянъ. Имъ казались *священными* лишь тѣ животныя, которыя помогаютъ человѣку въ борьбѣ со зломъ, въ борьбѣ со злыми *дэвами*. Такими считались преимущественно три: *пѣтухъ, собака и лошадь*. *Лошадь* была посвящена *богу солнца—Митръ*, потому что солнце движется, какъ бы совершаетъ ежедневную *поязку* по небесному своду. Но какимъ образомъ удостоились такой чести скромныя домашнія животныя: *пѣтухъ и собака*? Ираняне думали, что все темное, мрачное подвластно злобному Ариману и его подчиненнымъ злымъ духамъ, и, наоборотъ — все свѣтлое, ясное составляетъ область Ормузда. Поэтому день, свѣтлая часть сутокъ, казалось имъ, принадлежитъ Ормузду и его свѣтлымъ, добрымъ духамъ; напротивъ, ночь принадлежитъ Ариману и его злымъ, мрачнымъ дэвамъ. Самый страшный, мрачный и злобный изъ этихъ духовъ, *Друджъ-Нэчу*, носится по землѣ, именно въ полночь, въ образѣ страшнаго привидѣнія и всячески старается вредить человѣку**). Ночью, когда человѣкъ спитъ, онъ не можетъ самъ защитить себя ни отъ злыхъ людей, ни отъ злыхъ духовъ, но за него не спятъ и какъ бы бодрствуютъ надъ нимъ два домашнихъ животныхъ: *пѣтухъ и собака*. Раздающійся среди ночи крикъ пѣтуха прогоняетъ страшнаго Друджъ-Нэчу отъ жилища человѣка. (При этомъ нельзя не вспомнить, что и у насъ до сихъ поръ сохранилось суевѣрїе, будто привидѣнія могутъ являться на землѣ только „до пѣтуховъ“, а при первомъ крикѣ пѣтуха исчезаютъ.) Точно такое же свойство приписывалось и *лаю собаки*. Лай собаки также прогоняетъ Друджъ-Нэчу, не говоря уже о множествѣ другихъ важныхъ услугъ, которыя собака оказываетъ человѣку: собака сторожитъ ночью его жилище отъ злыхъ людей; собака сопровождаетъ человѣка на охоту; она помогаетъ ему въ борьбѣ съ хищными звѣрями пустыни, этими созданіями злого Аримана. Если пѣтухъ и собака — друзья человѣка, данные ему Ормуздомъ, то, съ другой стороны, всѣ вред-

*) Лишь позднѣе они, подражая вавилонянамъ, стали *изображать* Ормузда.

***) Существующее, какъ у насъ, такъ и у всѣхъ европейскихъ народовъ, повѣрье о томъ, что привидѣнія являютъ именно въ полночь, что поэтому полночь самое страшное время сутокъ, есть уцѣлѣвшій до нашихъ дней остатокъ вѣрованій, нѣкогда общихъ всѣмъ арійскимъ народамъ и вынесенныхъ ими во времена незапамятныхъ изъ ихъ общей родины на Востокъ.

ныя животныя, которыя губяты трудъ земледѣльца, вредяты растеніямъ (какъ, на примѣръ, ядовитыя змѣи, бичъ полей — саранча, гусеницы, черви, мыши, крысы и пр.), — всѣ они служатъ чело-вѣконенавистному Ариману, который сотворилъ ихъ на зло Ормузду и людямъ. Потому чело-вѣкъ обязанъ всячески бороться, истреблять ихъ. Этимъ онъ не только приноситъ пользу себѣ, но и совершаетъ угодное, праведное дѣло предъ очами Ормузда. По той же самой причинѣ, воздѣлать хотя небольшой клочокъ земли, посадить и вырастить хотя нѣсколько деревьевъ — значить сдѣлать дѣло не только полезное для себя и для другихъ, но и особенно святое, угодное Ормузду; это значить — послужить распространенію его царства на землѣ*).

Изъ всего, что я разказалъ, видно, насколько религія Зороастра была выше другихъ языческихъ религій, насколько она *должна была дѣлать лучшимъ, облагораживать чело-вѣка*: она учила чело-вѣка служить Ормузду полезнымъ трудомъ, полезной дѣятельностью и чистой жизнью**).

Были у иранянь и священныя книги, въ которыхъ было напи-сано все ученіе Зороастра; эти книги назывались *Зендъ-Авеста*. Были у нихъ и жрецы, которыхъ они очень уважали; жрецы эти

*) Заслуживаютъ вниманія и вѣрованія иранянь въ загробную жизнь. По ученію Зороастра каждый долженъ стремиться къ праведной жизни на землѣ, потому что отъ этого зависить и судьба чело-вѣка по смерти: наградою за добродѣтельную жизнь было безсмертіе. Послѣ смерти *тѣла*, душа является на высшій [судъ боговъ; здѣсь соответственно земной жизни чело-вѣка, постановляется приговоръ. Послѣ приговора душа умершаго должна была пройти по мосту черезъ пропасть, нечестивая душа падала въ пропасть, попадала въ адъ и становилась рабыней Аримана, душа же праведника, который въ теченіе своей земной жизни являлся вѣрнымъ пособникомъ свѣтлаго бога въ борьбѣ со зломъ, благополучно переправлялась черезъ мостъ на небо, въ мѣстопребываніе Ормузда, и получала тамъ вѣчное блаженство: праведники дѣлались божественными духами („*Ферверами*“, какъ ихъ называли персы), помощниками Ормузда и покровителями людей (см. выноску стр. 127 о культѣ предковъ). С. М.

**) Итакъ, сущность религіи Зороастра состояла въ предписаніи строгихъ нравственныхъ законовъ, поэтому, понятно, обрядовая сторона отступала у иранцевъ на второй планъ и не получила такого развитія, какъ мы это видѣли у другихъ древнихъ народовъ Востока: на примѣръ, персы не строили храмовъ въ честь своихъ боговъ, не воздвигали имъ статуй и т. д., ихъ религіозный культъ, т.-е. богослуженіе, отличался вообще чрезвычайной простотой. Религія Зороастра впослѣдствіи сдѣлалась сложнымъ ученіемъ о нравственныхъ обязанностяхъ чело-вѣка, ученіе это во многомъ, конечно, было непонятно простому народу и было доступно только людямъ образованнымъ и жрецамъ, но основная мысль этой религіи, мысль о постоянной борьбѣ въ жизни добраго и злого начала глубоко проникла въ духъ народа и имѣла огромное ваіяніе на его бытъ: она побуждала чело-вѣка къ служенію свѣтлому и доброму богу. С. М.

назывались *маги*, т.-е. *могущіе**). „Могущими“ въ глазахъ иранянь они казались потому, что почитались особенно близкими къ Ормузду; объ нихъ думали, что они лучше другихъ, простыхъ людей знаютъ волю Ормузда, знаютъ, какъ угодить ему, знаютъ молитвы и гимны, которые ему особенно пріятны; имъ извѣстны заклинанія, которыми можно прогонять дэвовъ и уничтожать ихъ зловредное вліаніе на человѣка. Такихъ молитвъ было очень много и различнаго содержанія. Однѣ были *хвалебныя*, въ которыхъ прославлялась мудрость Ормузда; другія — *просительныя*; третьи — *заклинательныя*, охранявшія человѣка отъ всего нечистаго**). Маги не составляли особаго сословія, какъ жрецы у египтянь; магомъ могъ сдѣлаться всякій: для этого надобно было отличиться чистотою жизни и изучить Зендъ-Авесту, молитвы и священные гимны. Маги носили длинное, бѣлое платье, высокія шапки и длинные посохи, чтобы опираться на нихъ и въ то же время истреблять при всякомъ случаѣ какого-нибудь гада или вредное насѣкомое: какъ люди, посвятившіе себя исключительно на служеніе Ормузду, они должны были постоянно, во всякое время служить ему, а мы уже знаемъ, что истребить гадину или вредное животное считалось дѣломъ особенно угоднымъ Ормузду (вспомните, и у насъ существующее народное суевѣріе, будто бы тому, кто раздавить *паука*, прощаютъ *сорокъ грѣховъ*). Какъ люди, особенно близкіе къ богамъ, маги умѣли, между прочимъ, *угадывать* ихъ волю по разнымъ примѣтамъ, напримѣръ, по топоту и ржанію коней, какъ священныхъ животныхъ, или по сновидѣніямъ, въ истолкованіи которыхъ маги считались особенно искусными, такъ же, какъ и вавилонскіе жрецы.

РАЗСКАЗЪ XV.

Мидяне. — Дейонъ. — Киръ и начало Персидскаго царства.

Послѣ бактрянъ возвысился другой иранскій народъ — *мидяне*. Мы знаемъ уже, что мидяне были когда-то (еще при Нинѣ, говоритъ сказаніе) покорены ассиріянами; потомъ, въ теченіе долгаго времени

*) Отсюда произошло и названіе вавилонскихъ жрецовъ *маги*. Отъ этого слова происходятъ наши: *магія*, *магикъ*, *магическій*, потому что магамъ приписывали сверхъестественныя, чудесныя силы.

**) Вспомните, что сказано было прежде про вавилонянъ.

они оставались подъ властью ассирійскихъ царей*) и освободились только при *Сангерибъ*, послѣ его неудачнаго похода, который положилъ начало разстройству ассирійской монархіи. Позднѣе мы встрѣтили мидянъ уже, какъ независимый народъ, въ союзѣ съ вавилонянами подъ стѣнами Ниневіи — при Сарданапалѣ. Но въ первое время послѣ освобожденія отъ ассиріянъ, мидяне не составляли еще правильнаго государства, а жили отдѣльными колѣнами, какъ жили евреи до царей. Прошло нѣкоторое время, и мидяне соединились подъ властью одного государя и составили Мидійское царство. Мы знаемъ, что у евреевъ такое соединеніе произошло вслѣдствіе необходимости защититься отъ нападеній внѣшнихъ непріятелей. У мидянъ это случилось нѣсколько иначе. Послушаемъ, какъ рассказываетъ объ этомъ Геродотъ по извѣстнымъ ему преданіямъ.

Жилъ, говоритъ онъ, одинъ мидянинъ, по имени *Дейокъ*; онъ былъ человѣкъ необыкновенно умный, и вотъ въ душѣ его зародилось честолюбивое желаніе сдѣлаться царемъ всѣхъ мидянъ. Онъ достигъ своей цѣли, и вотъ какимъ способомъ. Такъ какъ мидяне жили въ это время отдѣльными разсѣянными поселками, не признавая надъ собою единой верховной власти, то не было у нихъ и общихъ законовъ, и въ странѣ ихъ господствовала страшная неурядица. Понимая это, Дейокъ, по своему уму всегда бывшій на особенномъ виду въ своемъ селеніи, сталъ особенно усердно заниматься разбирательствомъ всякихъ споровъ и ссоръ, возникавшихъ между его односельчанами. Онъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ такъ много разсудительности и безпристрастія, что люди его селенія постоянно стали выбирать его судьей во всѣхъ своихъ несогласіяхъ. Этимъ путемъ онъ пріобрѣлъ мало-по-малу такое довѣріе и вошелъ въ такую славу, что сдѣлался извѣстенъ и между жителями всѣхъ окрестныхъ селеній, которымъ тоже приходилось много терпѣть отъ неимѣнія твердыхъ законовъ и отъ несправедливости и пристрастія судей. Наслышавшись о Дейокѣ, и они тоже стали обращаться къ нему, прося его быть судьей въ ихъ дѣлахъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла и расходилась слава Дейока, и тѣмъ чаще стали стекаться къ нему отовсюду просители, искавшіе суда. Тогда, чувствуя, что онъ сталъ необходимъ, Дейокъ вдругъ объявилъ, что не можетъ жертвовать своимъ временемъ для чужихъ дѣлъ, въ ущербъ своимъ собственнымъ. Такимъ образомъ не стало праведнаго судьи въ землѣ мидійской: тогда еще болѣе прежняго усилились безо-

*) Помните, ассиріяне послѣ покоренія царства израильскаго выселили часть израильскаго народа въ *Мидію*. Находясь въ зависимости отъ Ассири-Вавилоніи, мидяне подпали вліянію ея высокой культуры: заимствовали клинообразное письмо, архитектуру и т. д.

рядки, разбои и смуты. Видя такую бѣду, мидяне собрались, наконецъ, вмѣстѣ изъ всѣхъ селеній и стали совѣщаться, какъ имъ быть. На этомъ „вѣчѣ“ было много тайныхъ пріятелей Дейока. И вотъ, особенно эти-то самые доброжелатели Дейока и стали говорить: „если дальше пойдетъ такъ, какъ теперь, то въ странѣ нашей скоро нельзя будетъ совѣмъ жить; надобно *выбрать царя*, чтобы онъ управлялъ странюю и народомъ, а мы бы могли спокойно заниматься каждый своимъ дѣломъ; не то пропадемъ мы всѣ отъ такого безначалія и безсудія“. Вѣче убѣдилось такими доводами и рѣшило выбрать царя.

Оставалось рѣшить, кого поставить царемъ. Какъ только поднялся вопросъ объ избраніи царя, оказалось, что и на умѣ, и на языкѣ у всѣхъ было одно имя — Дейока. Такимъ образомъ Дейокъ былъ поставленъ царемъ. Сдѣлавшись царемъ, онъ потребовалъ, чтобы ему построили дворецъ и дали тѣлохранителей, какъ подобаешь царскому сану. Мидяне исполнили его волю. Утвердившись на царствѣ, Дейокъ потребовалъ, чтобы мидяне построили новый городъ, обширнѣе мелкихъ городковъ и селеній, въ которыхъ они жили до того времени, который былъ бы *главнымъ городомъ* или *столицей* цѣлаго царства. Мидяне исполнили и эту волю своего государя, и такимъ образомъ построенъ былъ городъ *Экбатана**). Городъ этотъ былъ построенъ по особенному плану на высокой горѣ, въ видѣ, какъ бы *семи колецъ* или *концентрически расположенныхъ* террасъ, одна выше другой, а на самой вершинѣ горы стоялъ дворецъ и зданіе для храненія царскихъ сокровищъ. Каждая изъ семи террасъ была обведена особой стѣной, и каждая изъ семи стѣнъ выкрашена *въ разный цвѣтъ*. Первая была бѣлая, слѣдующая — черная, третья — алаго цвѣта, четвертая — синяго, пятая — оранжевая: всѣ онѣ были притомъ расписаны разными узорами, а шестая и седьмая были расписаны серебромъ и золотомъ. Удивительно красивый видъ представлялъ этотъ городъ издали, когда онъ горѣлъ на лучахъ солнца и переливался разными цвѣтами. Поселившись въ этой семистѣнной твердынѣ, Дейокъ совершенно перемѣнилъ свой прежній образъ жизни. Чтобы внушить уваженіе къ своему царскому достоинству тѣмъ, кто прежде были равня ему, и пріучить ихъ относиться къ нему, какъ подданные должны относиться къ своему государю, онъ сдѣлался недоступенъ, окружилъ себя царской пышностью, многочисленными придворными и ввелъ особенный *церемональ* (или *этикетъ*). Теперь всѣ дѣла и жалобы доходили

*) Теперь Гамаданъ.

до него уже только *на письмѣ* черезъ окружавшихъ его придворныхъ сановниковъ; черезъ нихъ же сообщались народу его рѣшенія. Такъ рассказываетъ Геродотъ съ голоса преданій, слышанныхъ имъ во время его путешествій по Востоку, о *переходѣ* мидійскаго народа отъ простого, родового быта къ *государственному, монархическому* строю народной жизни.

По смерти Дейока, на престолѣ утвердился его родъ: царемъ мидійскимъ сдѣлался сынъ его Фраортъ. Внукъ Дейока былъ уже извѣстный намъ *Кіаксаръ* или *Ціаксаръ**), побѣдитель ассириянъ, а сынъ этого Кіаксара — *Астиагъ* былъ уже послѣднимъ царемъ Миди: такъ недолго, стало быть, просуществовало царство Мидійское. Но оно пало при другихъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе другихъ причинъ, чѣмъ Вавилонъ и Ассирія. Существованіе Мидійскаго царства прекратилось не отъ иноземнаго завоеванія, а отъ того, что другой, иранскій же народъ, близкій и родственнѣй мидянамъ и сначала имъ подчиненный, освободился изъ-подъ власти мидянъ, въ свою очередь подчинилъ ихъ себѣ и сдѣлался основателемъ новой громадной монархіи. Это былъ *народъ персидскій*, жившій въ Фарсистанѣ по берегу Персидскаго залива до пролива Ормуздова. Какъ сказано, персы были во всемъ очень близки къ мидянамъ: говорили однимъ съ ними языкомъ, исповѣдовали одну религію, только были энергичнѣе, бодрѣе и мужественнѣе ихъ**).

О томъ, какимъ образомъ господство изъ рукъ мидянъ перешло къ персамъ, и изъ подвластныхъ персы сдѣлались господами, объ этомъ, какъ и о всякомъ важномъ историческомъ событіи, въ древности ходило нѣсколько различныхъ сказаній. Изъ нихъ мы возьмемъ одно, которое передано Геродотомъ.

*) Сынъ Фраорта.

***) Возвышенію Миди содѣйствовало нашествіе въ это время на сѣверъ Ирана кочевыхъ племенъ, населявшихъ южную Россію — скивовъ. Въ VII в. между скивами началось броженіе, и часть ихъ, вытѣсняемая съ мѣста своего кочеванія другими племенами, обрушились на Малую Азію и Иранъ. Этимъ нашествіемъ дикихъ кочевниковъ значительно было ослаблено могущественное государство ассирійское; со-всѣмъ другое дѣйствіе имѣло оно на жителей Ирана. Столкновеніе со скивами заставило мидянъ сплотиться и дѣйствовать за одно. Возгорѣвшаяся долгая и упорная борьба кончилась тѣмъ, что мидяне освободились отъ ига скивовъ. Преданіе рассказываетъ, что царю мидійскому Кіаксару удалось хитростью захватить и перебить скивскихъ вождей, послѣ чего ему не трудно было справиться и съ остальными. Давъ отпоръ скивамъ, мидяне, выдвинувшіеся своей борьбой съ кочевниками, уже не захотѣли подчиняться ассирійскимъ царямъ и, какъ вы помните, они въ союзѣ съ вавилонянами разгромили ослабѣвшее ассирійское царство. Съ этихъ поръ мидяне сдѣлались господами въ Иранѣ и главенствовали надъ иранскими народами лѣтъ шестьдесятъ, послѣ чего должны были уступить первенство болѣе воинственнымъ своимъ соплеменникамъ — персамъ.

У мидійскаго царя *Астіага*, рассказываетъ Геродотъ, была дочь, по имени *Мандана*. Объ этой самой дочери царю разъ при- видѣлся вѣщій сонъ: снилось ему, что изъ усть его дочери льется потокъ воды, который мало-по-малу заливаетъ не только всю его столицу, но и цѣлую Азію. Для объясненія страннаго сновидѣнія были признаны маги, какъ мы уже знаемъ, гадатели сновъ, и они дали этому сну такое толкованіе, которое совершенно смутило и испугало Астіага. „Государь“, сказали маги, „это значить, что отъ твоей дочери родится сынъ, который свергнетъ тебя съ пре- стола и потомъ будетъ владыкой всей Азіи“. Чтобы не сбылось это предсказаніе, Астіагъ рѣшился выдать свою дочь не за ми- дянина, а за одного знатнаго перса, т.-е. за челоуѣка не изъ господствующаго племени, а изъ племени подчиненнаго и потому неопаснаго, ибо персъ, хотя бы и знатнаго рода, въ глазахъ Астіага, былъ гораздо ниже мидійца. Мужа Манданы звали *Кам- бизомъ*. Но въ первый же годъ послѣ замужества дочери Астіагу приснился новый, не менѣе странный сонъ. Приснилось ему, что онъ опять видитъ свою дочь, и что изъ чрева ея вырастаетъ вино- градная лоза, которая стала расти, расти и разрослась, наконецъ, такъ широко, что своей тѣнью окинула цѣлую Азію. И вотъ новый сонъ маги объяснили въ томъ же точно смыслѣ, какъ и первый. Астіагъ еще болѣе испугался, а, какъ нарочно въ это самое время, у Манданы дѣйствительно *родился сынъ*. Тогда Астіагъ призвалъ къ себѣ самага довѣреннаго изъ своихъ приближенныхъ, по имени *Гарпагъ*, и велѣлъ ему взять новорожденнаго ребенка, отнести къ себѣ въ домъ и тамъ умертвить его, а потомъ схоронить, какъ онъ самъ знаетъ. Гарпагъ не могъ ослушаться. Онъ взялъ ребенка и отнесъ къ себѣ въ домъ, но у самого у него не поднялись, видно, руки на бѣдное дитя. Онъ послалъ за однимъ изъ царскихъ пастуховъ, называвшимся Митридатомъ. Когда послѣдній явился на зовъ, Гарпагъ объявилъ ему отъ имени царя: „возьми этого ребенка, отнеси его въ горы, въ какое-нибудь самое пустынное мѣсто, гдѣ бы онъ всего скорѣе могъ погибнуть отъ дикихъ звѣ- рей, и оставь его тамъ. Но, смотри, горе тебѣ, если ты осмѣ- лишься не исполнить царской воли: тебя ждетъ ужасная смерть“.

Случилось такъ, что въ то именно время, когда Митридатъ ходилъ къ Гарпагу, въ его отсутствіе у жены родился дитя, но такое больное и слабое, что умерло почти тотчасъ послѣ ро- жденія. Жена Митридата очень тревожилась насчетъ мужа и, когда онъ вернулся домой, первымъ ея словомъ былъ вопросъ о томъ, за- чѣмъ такъ поспѣшно вытребовалъ его Гарпагъ. Митридатъ раз- сказалъ ей, въ чемъ было дѣло, и показалъ ребенка; какъ только

увидѣла жена Митридата, что это былъ за прелестный, здоровый ребенокъ, она залилась слезами, припала къ колѣнямъ мужа и умоляла его ни подъ какимъ видомъ не губить младенца. Мужъ, помня угрозы Гарпага, долго не сдавался, но, наконецъ, убѣжденный ея мольбами, уступилъ и согласился подмѣнить царскаго внука стоимъ умершимъ сыномъ: такимъ образомъ, и царь, и Гарпагъ были обмануты. Митридатова ребенка погребли, а царскій внукъ остался въ живыхъ, былъ нареченъ *Киромъ* и воспитанъ въ домѣ царскаго пастуха, какъ его родной сынъ.

Когда Киръ исполнилось десять лѣтъ, то, благодаря одному странному случаю, открылось его настоящее происхожденіе. Однажды онъ игралъ на улицѣ съ дѣтьми одного съ нимъ возраста, и случилось такъ, что другіе дѣти выбрали его царемъ надъ собою, какъ часто дѣти дѣлаютъ въ своихъ играхъ. Тогда маленькій Киръ, точно настоящій царь, назначилъ всѣмъ остальнымъ разныя придворныя званія и опредѣлилъ каждому какую-нибудь должность: одного приставилъ смотрѣть за постройкой царскаго дворца, другихъ пожаловалъ въ тѣлохранители, третьяго опредѣлилъ въ гонцы — развозить царскія приказанія, четвертаго отличилъ званіемъ *царскаго ока* т.-е. перваго царскаго совѣтника; однимъ словомъ, всякій долженъ былъ нести какую-нибудь службу, всякій — исполнять какую-нибудь обязанность. Между игравшими находился одинъ мальчикъ, сынъ очень знатнаго мидійца; этотъ мальчикъ по гордости не хотѣлъ исполнять приказаній маленькаго царя. Тогда Киръ, не думая долго, отдалъ своимъ „тѣлохранителямъ“ приказъ схватить ослушника и строго наказать его розгами. Когда наказаніе было исполнено, наказанный побѣжалъ въ городъ къ отцу съ горькими жалобами на то, что сдѣлалъ съ нимъ сынъ пастуха; отецъ же его поспѣшилъ принести самому царю жалобу на обиду сыну.

Астиагъ потребовалъ къ себѣ и самого пастуха, и его дерзкаго мальчика. Когда царь спросилъ маленькаго Кира: „какъ осмѣлился ты поступить такъ съ сыномъ знатнаго вельможи? онъ отвѣчалъ, не смущаясь нисколько: „Государь! я поступилъ съ нимъ, какъ онъ того заслужилъ. Товарищи въ игрѣ выбрали меня своимъ царемъ потому, конечно, что считали меня того достойнымъ. Вѣдь и онъ самъ принималъ участіе въ этомъ выборѣ. Но другіе исполняли все, что я, какъ царь, приказывалъ имъ, только онъ одинъ не хотѣлъ слушаться и ни во что почиталъ мои приказанія; за это онъ и получилъ должное. Если я этимъ заслужилъ наказаніе, я готовъ его вытерпѣть“.

Астиагъ былъ пораженъ умомъ и находчивостью ребенка, но

еще болѣе чертами его лица, въ которыхъ ему бросилось въ глаза поразительное сходство съ чертами его дочери. Къ тому же и возрастъ мальчика какъ разъ подходилъ къ лѣтамъ царскаго внука, если бы только этотъ послѣдній былъ живъ. Въ душу царя запало сильное подозрѣнiе. Отпустивъ поскорѣе оскорбленнаго отца съ его сыномъ и обѣщавъ имъ наказать обидчика, Астиагъ допросилъ сперва пастуха, который тотчасъ сознался, испугавшись пытки, затѣмъ Гарпага — и узналъ всю истину. Пастуха Астиагъ оставилъ безъ вниманiя, но страшно прогнѣвался на Гарпага и рѣшился его жестоко наказывать.

Скрывъ на время свой гнѣвъ, онъ ласково приказалъ Гарпагу привести во дворецъ его родного сына, какъ будто бы для того, чтобы побыть съ Киромъ, а самого Гарпага пригласилъ на тотъ же вечеръ на пиръ, сказавъ, что намѣренъ принести благодарственныя жертвы богамъ за чудесное сохраненiе внука. Но, какъ скоро мальчикъ прибылъ въ царскiй дворецъ, Астиагъ велѣлъ схватить его, умертвить, потомъ разрѣзать на части и однѣ части изжарить, а другiя сварить. Когда настала часъ пиршества, явился и Гарпагъ; собрались и остальные гости, и всѣ сѣли за жертвенный пиръ. Астиагу и другимъ гостямъ подавали разныя мяса, а Гарпагу не подавалось ничего, кромѣ мяса его сына. Только руки, ноги, да голова были положены отдѣльно, въ закрытой корзинѣ. Когда Гарпагъ, повидимому, насытился, Астиагъ обратился къ нему съ вопросомъ: по вкусу ли ему пришлось угощенiе? Едва Гарпагъ успѣлъ выразить свою благодарность, какъ слуги, которымъ заранѣе былъ отданъ приказъ, что имъ дѣлать, поднесли ему корзину (тамъ лежали руки, ноги и голова несчастнаго мальчика), предлагая Гарпагу открыть ее и взять, что ему будетъ угодно. Гарпагъ открылъ корзину и съ ужасомъ узналъ голову своего единственнаго сына. Несмотря на это, онъ сумѣлъ сдержать свои чувства и сохранилъ полное самообладанiе. На вопросъ Астиага, догадался ли онъ теперь, какую дичину онъ ѣлъ, онъ отвѣчалъ, что все, что ни сдѣлаетъ государь, все — благо. Давъ такой отвѣтъ, Гарпагъ собралъ все, что осталось отъ его сына, и унесъ съ собою въ домъ свой, чтобы схоронить по обычаю.

Отплативъ такъ звѣрски Гарпагу, Астиагъ сталъ размышлять, что ему дѣлать съ Киромъ. Не зная, на что рѣшиться, онъ опять призвалъ маговъ, которые прежде истолковали ему его сны, и рассказалъ имъ, какимъ образомъ уцѣлѣлъ тотъ мальчикъ, о которомъ онъ когда-то совѣщался съ ними. На этотъ разъ маги дали отвѣтъ, что предсказанiе уже исполнилось, что мальчикъ уже царствовалъ надъ своими сверстниками, потому опасность миновала.

Такой отвѣтъ полюбился Астіагу. Онъ велѣлъ позвать Кира и сказалъ ему: „Дитя! было время, что я желалъ тебѣ зла; но твое счастье спасло тебя отъ гибели. Теперь отправляйся спокойно въ Персію. Я дамъ тебѣ провожатыхъ. Тамъ, въ Персіи, ты найдешь своего настоящаго отца и настоящую мать“. Съ этими словами Астіагъ отпустилъ внука.

Когда Киръ возмужалъ и сдѣлался самымъ храбрымъ и самымъ любимымъ среди персидскаго народа. Гарпагъ завязалъ съ нимъ тайныя сношенія, сталъ посылать ему подарки и всячески старался снискать его расположеніе, дѣлая все это, разумѣется, тайкомъ отъ царя. Гарпагъ не забылъ царскаго угощенія и выжидалъ только случая отмстить Астіагу, но, очень хорошо понимая, что самъ онъ, одинъ, не въ силахъ ничего сдѣлать, задумалъ сдѣлать Кира орудіемъ своей мести. Для этого онъ, во-первыхъ, подговорилъ многихъ знатныхъ мидянъ пристать къ Киру и лишить Астіага царской власти. Когда все было подготовлено, онъ разсудилъ, что пришло время открыть свою тайную мысль самому Киру. Для этого онъ придумалъ вотъ какое замысловатое средство: онъ взялъ зайца, разрѣзалъ у него животъ и вложилъ туда письмо, въ которомъ написалъ все, что ему нужно было передать Киру. Зашивъ животъ зайцу, онъ отдалъ его самому преданному изъ своихъ слугъ, а въ руки ему далъ сѣть (какъ будто охотнику, поймавшему зайца) и въ такомъ видѣ отправилъ его въ Персію, приказавъ на словахъ не отдавать подарка никому, кромѣ самого Кира, и сказать, чтобѣ тотъ своими руками взрѣзалъ зайца, и притомъ наединѣ, такъ, чтобы при этомъ никого не было.

Киръ поступилъ, какъ ему было сказано, и во внутренности зайца нашелъ письмо такого содержанія: „Сынъ Камбизовъ! Видимо, тебя хранять сами боги; иначе, какъ уцѣлѣлъ бы ты среди столькихъ опасностей? Теперь приспѣло для тебя время отплатить Астіагу. Вѣдь онъ все равно, что твой убійца: онъ готовилъ тебѣ смерть, и только богамъ на небѣ, да мнѣ на землѣ обязанъ ты тѣмъ, что остался въ живыхъ. Если ты послушаешь моего совѣта, вся страна, надъ которой царствуетъ Астіагъ, будетъ твоею. Умѣй только склонить персовъ отложиться и иди съ ними войной на мидянъ. Все равно, я ли буду назначенъ начальникомъ войска, которое будетъ послано противъ тебя, другой ли кто изъ знатныхъ мидянъ, все будетъ по твоему желанію: они перейдутъ на твою сторону. У меня все готово — не медли и ты“. Киръ исполнилъ совѣтъ Гарпага.

Давно уже персы тяготились своимъ подчиненіемъ мидянамъ; потому теперь, когда у нихъ нашелся такой предводитель, какъ

Кирь, они охотно рѣшились свергнуть власть мидійскаго царя. Когда Астиагу стало извѣстно, что затѣваетъ Кирь, онъ послалъ гонца звать его къ себѣ. Но Кирь приказалъ посланному отвѣчать Астиагу, что царь и безъ того увидитъ его очень скоро, — скорѣе, чѣмъ ему самому это будетъ приятно. Тогда Астиагъ призвалъ къ оружію всѣхъ мидянъ и (какъ будто сами боги омрачили его разумъ) главнымъ начальникомъ надъ войсками назначилъ Гарпага. Потому не удивительно, что, когда завязалась первая битва, мидяне были разбиты. Тоже самое повторилось и въ другомъ сраженіи, въ которомъ командовалъ самъ Астиагъ. Онъ попалъ въ плѣнъ къ побѣдителю. Когда къ плѣннику пришелъ Гарпагъ полюбоваться его горемъ и сталъ издѣваться надъ его бѣдою, Астиагъ, говоря, отвѣчалъ ему: „Глупецъ! неужели не понимаешь ты того, что изъ желанія отомстить мнѣ ты погубилъ весь мидійскій народъ, ничѣмъ предъ тобой невиновный, что изъ-за личной обиды ты сдѣлалъ мидянъ изъ господъ рабами персовъ?“ Такимъ образомъ Астиагъ лишился царства, и мидяне подчинились персамъ. Впрочемъ, Кирь держалъ дѣда своего при себѣ и ничѣмъ не обижалъ его до самой его смерти.

Разумѣется, въ этомъ разсказѣ, который Геродотъ составилъ на основаніи народныхъ преданій, слышанныхъ имъ во время путешествій по Востоку, есть очень большая примѣсь вымышленнаго. Единственные достовѣрные выводы, которые можно сдѣлать изъ его разсказа, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) персы вышли изъ подчиненнаго положенія и перешли въ господствующее, а 2) переворотъ этотъ совершился легко, ибо для мидянъ было не трудно подчиниться персамъ, какъ народу одного съ ними племени и одной вѣры. Итакъ въ передней Азіи выросло новое государство, новая монархія съ сильнымъ и воинственнымъ населеніемъ и съ энергичнымъ государемъ во главѣ. Такое государство грозило опасностью всѣмъ сосѣднимъ государствамъ: уже извѣстнымъ намъ Вавилону и Египту и пока еще неизвѣстной Лидіи. Первая страна, которая испытала на себѣ силу персидскаго народа, и была именно *Лидія*.

РАЗСКАЗЪ XVI.

Лидія. — Крезъ и Солонъ. — Завоеваніе Лидіи персами.

Лидійское царство лежало въ передней части Малой Азіи и съ одной стороны, на западъ, простиралось почти до Средиземнаго моря, съ другой — на востокъ, до рѣки *Галиса*. Лидійцы принадлежали, вѣроятно, къ *семитическому* племени*); ихъ религія была похожа на религію финикіянь и вавилонянь. По образованію они также почти не уступали ни финикіянамъ, ни вавилонянамъ. Они имѣли хорошее войско (особенно славилась ихъ конница; свое военное искусство они показали въ войнахъ съ мидянами при *Кіаксарѣ* и *Астиагѣ*). Въ 550 году, когда въ Мидіи произошла извѣстный намъ переворотъ, царемъ Лидіи былъ *Крезъ*.

Крезъ былъ пятый потомокъ нѣкоего *Гигеса*, который сдѣлался царемъ, хотя и не былъ царскаго происхожденія. Онъ коварнымъ образомъ умертвилъ своего царя *Кандавла* (заколовъ его ночью, спрятавшись въ царской спальнѣ), потомъ женился на царицѣ и сдѣлался родоначальникомъ новой *династіи*. Тогда же, говоритъ преданіе, было предсказано, что боги рѣшили покарать преступленіе это не на самомъ *Гигесѣ*, а на *пятомъ* колѣнѣ его потомства, и вотъ именно *Крезъ* былъ его *пятый* потомокъ, и на его-то долю выпала предопредѣленная кара.

Крезъ былъ государь необыкновенно богатый, такъ что и до сихъ поръ имя его употребляется какъ нарицательное: человекъ, о которомъ хотятъ сказать, что онъ очень богатъ, называютъ „*Крезомъ*“. *Крезъ* очень цѣнилъ свое богатство и любилъ имъ похвастаться предъ пріѣзжими иноземцами, которые посѣщали его столицу, городъ *Сарды*. Тщеславію *Креза* очень льстило, когда заѣзжіе гости, осматривая его сокровища, вслухъ называли его *счастливецомъ* и завидовали ему. Нашелся однако одинъ иноземный гость, который заставилъ *Креза* задуматься. Этотъ гость былъ грекъ, по имени *Солонъ* — мудрецъ, т. е. человекъ, славившійся своимъ необыкновеннымъ умомъ и вѣрными сужденіями о вещахъ и о людяхъ. Имя *Солона* было извѣстно въ Лидіи, потому что, живя такъ близко къ Средиземному морю, лидійцы

*) Нѣкоторые ученые, впрочемъ, думаютъ, что лидійцы были *арійскаго* происхожденія и только, живя среди семитовъ, многое у нихъ переняли.

давно имѣли сношенія съ греками. Потому, когда Солонъ, путешествуя по разнымъ странамъ и побывавъ, между прочимъ, и въ Египтѣ, пріѣхаль въ Сарды, онъ былъ ласково принятъ во дворецъ Креза. На третій или на четвертый день пребывания въ Сардахъ, Солонъ по обыкновенію повели смотрѣть сокровищницы царскія и хранившіяся тамъ несчетныя богатства. Къ удивленію Креза мудрецъ все молчалъ и ко всему, что ему показывали, относился какъ-то равнодушно, не превозносилъ, какъ дѣлали другіе, великаго счастья лидійскаго царя. Крезъ не выдержалъ, наконецъ, и рѣшилъ самъ напроситься на похвалу. „Аѳинскій гость“, сказалъ онъ, „до насъ дошла молва о твоей мудрости и твоихъ далекихъ странствіяхъ. Потому мнѣ пришло желаніе спросить тебя: кто изъ всѣхъ людей, которыхъ тебѣ пришлось такъ много видѣть на свѣтѣ, по-твоему самый счастливый?“ Дѣлая этотъ вопросъ, Крезъ не сомнѣвался, что самый счастливый изъ смертныхъ — онъ самъ. Но Солонъ, подумавъ немного, совершенно неожиданно для Креза отвѣчалъ: *аѳинянинъ Теллъ**). Удивился Крезъ и спросилъ: почему такъ? — „Потому, во-первыхъ“, отвѣчалъ Солонъ, „что этотъ Теллъ жилъ въ такое время, *когда его отечество процвѣтало*, было славно и счастливо; во-вторыхъ, потому, что онъ имѣлъ прекрасныхъ сыновей, дѣлавшихъ честь своему отцу, и дожилъ до столь же достойныхъ внуковъ. Наконецъ, послѣ такой жизни ему суждено было завидное счастье умереть прекрасною смертью — на полѣ битвы, сражаясь за родину, и притомъ послѣ побѣды, одержанной надъ врагами. Аѳиняне похоронили его на общественный счетъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, и память его до сихъ поръ чтится въ Аѳинахъ“.

Крезъ былъ озадаченъ, но спросилъ опять: „Кому же, по-твоему, принадлежитъ второе мѣсто послѣ Телла?“ полагая, навѣрное, что, по крайней мѣрѣ, второе мѣсто въ спискѣ счастливцевъ Солонъ отвѣдетъ уже непременно ему, и опять ошибся. „*Клеобису и Битону*“, — отвѣчалъ Солонъ и, на вопросъ: кто такіе Клеобисъ и Битонъ? — рассказалъ слѣдующее: „Это были двое юношей изъ Аргоса**), сильные и ловкіе во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ; за свою силу и ловкость оба они получили разныя награды на общественныхъ играхъ (это были игры, которыя время отъ времени устраивались въ нѣкоторыхъ городахъ древней Греціи, на которыя собиралось множество народа со всѣхъ концовъ Греціи; на этихъ

*) Аѳины — городъ древней Греціи, находившійся на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ теперешнія Аѳины, столица греческаго королевства.

**) Аргосъ — городъ въ южной Греціи.

играхъ греческіе юноши, при многочисленномъ стеченіи народа, состязались въ гимнастическихъ упражненіяхъ, показывали свою силу и ловкость и, особенно отличавшіеся, получали почетную награду — обыкновенно вѣнокъ изъ оливковыхъ или лавровыхъ вѣтвей). Вотъ какъ однажды поступили Клеобисъ и Битонъ. Ихъ мать была жрицей Геры (одной греческой богини); разъ, когда въ Аргосѣ былъ въ честь этой богини праздникъ, матери Клеобиса и Битона, какъ жрицѣ, нужно было въ назначенное время отправиться въ храмъ; но быковъ, которые должны были везти колесницу, не оказалось: они не возвратились во-время съ пастбища, а между тѣмъ медлить долѣе было нельзя. Тогда сыновья сами впряглись въ ярмо и повезли колесницу на себѣ. Такъ они провезли ее сорокъ пять стадій*) и въ урочное время прибыли къ храму. Здѣсь народъ, собравшійся на праздникъ, окружилъ колесницу: мужчины дивились силѣ юношей, а женщины громко завидовали счастью матери, которой боги даровали такихъ сыновей. Счастливая мать, радостная, растроганная, и поступкомъ сыновей, и похвалами имъ, которыя громко раздавались вокругъ нея, пала передъ изображеніемъ богини съ горячей мольбой — ниспослать ей дѣтямъ, которыя такъ почтили и утѣшили свою мать, лучшую долю, какая только можетъ достаться на землѣ въ удѣлъ человѣка. Послѣ того была принесена обычная жертва; юноши тоже приняли участіе въ жертвенномъ пирѣ, а послѣ утомленные прилегли отдохнуть и тутъ же въ самомъ храмѣ заснули. Оказалось однако, что это былъ не просто сонъ: среди сна боги послали имъ блаженную кончину и такимъ образомъ исполнили молитву матери, — какъ будто послѣ прекраснаго поступка, который совершили юноши, имъ болѣе не зачѣмъ было оставаться на землѣ. Аргосскіе граждане велѣли извѣять статуи обоихъ изъ мрамора и на память будущимъ временамъ о томъ, какіе это были прекрасные юноши и какіе почтительные сыновья, поставить эти двѣ статуи въ *Дельфахъ* въ храмъ бога *Аполлона***).

Крезъ не понялъ того, что хотѣлъ сказать Солонъ; онъ съ досадою спросилъ его: „гость аѣинскій, а мое счастье неужели ты ни во что не ставишь, что не сравниаешь меня даже съ тѣми простыми смертными, о которыхъ ты говорилъ?“ — „О государь“, отвѣтилъ мудрецъ, „ты спрашиваешь меня о человѣческомъ счастьи! Много видѣлъ и много испыталъ я на своемъ вѣку. Выслушай же

*) Стадія — 600 футовъ; слѣдовательно 45 стадій *восемь верстъ*.

**) Одинъ изъ знаменитѣйшихъ храмовъ древней Греціи; при этомъ храмѣ былъ и знаменитый *оракулъ*, т.-е. *прорицалище*, о которомъ скоро мы будемъ еще имѣть случай говорить. Дельфы лежатъ въ средней Греціи.

внимательно, что я тебѣ скажу. Обыкновеннымъ предѣломъ человѣческой жизни можно считать семьдесятъ лѣтъ. Это составляетъ болѣе 25.000 дней, и ни одинъ изъ этихъ дней не бываетъ совершенно похожъ на другой; каждый приноситъ какую-нибудь перемену. Я вижу, что ты теперь богатъ, что ты повелѣваешь надъ многочисленнымъ народомъ, но родился ли ты счастливымъ, это можно будетъ сказать только тогда, когда ты и окончишь свой вѣкъ также счастливо. Есть и богатые, которые несчастны; а многіе счастливы и самымъ умѣреннымъ достаткомъ; но ни про кого, пока онъ живъ, нельзя сказать, что онъ счастливый человѣкъ. Во всякой вещи слѣдуетъ ждать конца: иной разъ счастье на время улыбнется человѣку, а между тѣмъ впереди боги готовятъ ему конечную гибель "... „Не угодилъ Солонъ Крезу“, замѣчаетъ Геродотъ, „такими рѣчами; царь отпустилъ его, составивъ себѣ весьма невысокое мнѣніе объ его мудрости, которую ему такъ нахвалили: страннымъ показался ему этотъ человѣкъ, который, не умѣя цѣнить счастья въ настоящемъ, велитъ дожидаться конца“.

Въ этомъ разговорѣ между лидійскимъ царемъ и греческимъ мудрецомъ очень интересно сличить два противоположные взгляда на одинъ и тотъ же предметъ, два совершенно несхожія понятія о человѣческомъ счастьи: взглядъ азіата и взглядъ европейца. Въ глазахъ азіата все счастье — въ матеріальномъ наслажденіи настоящей минуты, въ богатствѣ, вообще — во внѣшнемъ, наружномъ блескѣ; напротивъ, европеецъ Солонъ выше матеріальныхъ наслажденій, выше богатства и наружнаго блеска ставитъ внутреннія, духовныя блага: радость о счастья и славѣ отечества, сознание исполненнаго нравственнаго долга, безусловно и съ честью прожитую жизнь и, наконецъ, доброе имя по смерти. Для азіата наружность, видимое выше всего; тогда какъ европеецъ не судитъ по одной внѣшности: его сужденіе дальновиднѣе, серіознѣе и глубже.

Между тѣмъ немного времени прошло послѣ отъѣзда Солона, и Крезу пришлось вспомнить о немъ, пришлось убѣдиться, что греческій мудрецъ былъ правъ. У Креза было два сына; изъ нихъ одинъ родился нѣмымъ, и относительно его было предсказано, что онъ вымолвить первое слово въ самую горькую минуту въ жизни своего отца. Другой сынъ, *Атисъ*, и красотой, и отвагой, и ловкостью былъ первымъ между всѣми своими сверстниками, но о немъ зловѣщій сонъ открылъ Крезу, что онъ погибнетъ *отъ желѣзнаго копья*. Испуганный Крезъ велѣлъ вынести изъ покоевъ сына всякое оружіе и не отпускалъ его отъ себя ни на шагъ. Лишенный участія въ свойственныхъ юношѣ военныхъ играхъ и упражненіяхъ,

молодой человекъ очень тяготился этимъ. Разъ онъ такъ неотступно просилъ отца отпустить его на охоту за кабаномъ, что Крезъ не устоялъ на этотъ разъ и согласился, успокоенный убѣжденіями сына: „вѣдь я прошусь у тебя не на войну съ людьми, а на кабана; подумай: какія же руки и какое копье у дикаго звѣря?!“

Отпуская сына противъ воли и не безъ страха, Крезъ поручилъ его одному иноземцу, *Адрасту*, на котораго онъ особенно надѣялся, потому что этотъ человекъ (изгнанникъ изъ своей родины) былъ облагодѣтельствованъ имъ. И вотъ именно тотъ самый человекъ, который обѣщалъ царю беречь молодого царевича пуце глаза и который дѣйствительно готовъ былъ десять разъ пожертвовать собственной жизнью за сына своего благодѣтеля, этотъ самый человекъ на охотѣ нечаянно поранилъ царевича на смерть копьемъ, неудачно брошеннымъ въ звѣря. Можно вообразить все отчаяніе Креза! Онъ не хотѣлъ, впрочемъ, вымещать своего несчастія на невольномъ убійцѣ, который и не думалъ укрываться или оправдываться, а, напротивъ, самъ же просилъ смерти, какъ милости. „Нѣтъ, ты не виновенъ“, отвѣчалъ Крезъ: „такъ видно рѣшили безсмертные боги!“ Тогда *Адраста* самъ лишилъ себя жизни тотчасъ по окончаніи погребальнаго обряда, тутъ же, на могилѣ царевича.

Велико было горе, которое пережилъ Крезъ, потерявъ любимаго сына, но впереди судьба готовила ему другое тяжелое испытаніе. Прошло два года, и вотъ вдругъ по сосѣдству съ Лидіей совершился неожиданный переворотъ: пало царство Астіага, и вмѣсто него возвысилось новое, Персидское царство. Вдругъ возросшее могущество персовъ и еще болѣе воинственный характеръ персидскаго народа и его юнаго государя сильно встревожили Креза. Онъ сталъ думать: не лучше ли на первыхъ же порахъ, пока еще не поздно, остановить возникающее могущество Кира? Но прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, онъ захотѣлъ узнать волю боговъ и для этого обратился къ *оракуламъ*. Такъ назывались храмы, въ которыхъ жрецы особеннымъ образомъ узнавали волю боговъ и передавали ее людямъ. Особенно знаменитъ былъ въ то время *оракулъ Аполлона Дельфійскаго*, о которомъ уже было сказано. Къ этому оракулу Крезъ питалъ особую вѣру; къ нему-то онъ и отправилъ довѣренныхъ людей съ богатѣйшими дарами спросить бога: воевать ли ему противъ персовъ? Говорятъ, онъ получилъ два отвѣта. *Первый отвѣтъ*: „О Крезъ! если ты перейдешь рѣку Галисъ, ты разрушишь великое царство“; *второй отвѣтъ* показался еще успокоительнѣе: „Когда на мидійскомъ престолѣ

воцарится муль, тогда бѣги, о! спѣшно бѣги и не стыдись явиться трусомъ“. Крезъ обрадовался особенно второму отвѣту: „какъ же можеть“, думаль онъ, „случиться, чтобы муль сѣлъ на мидійскомъ престолѣ?“ И вотъ, ободренный, съ полной надеждой на успѣхъ, онъ выступилъ въ походъ противъ Кира.

Первая встрѣча лидійскаго войска съ персами не дала рѣшительнаго результата. Крезъ приписаль это тому, что у него было слишкомъ мало войска. Потому онъ отступилъ къ Сардамъ съ намѣреніемъ переждать зиму и потомъ оцять выступить въ походъ противъ Кира съ бѣльшими силами. Для этого онъ послаль во имя общей для всѣхъ опасности звать на помощь своихъ союзниковъ: *фараона египетскаго* и *царя вавилонскаго*, разсчитывая вмѣстѣ съ ними съ наступленіемъ весны начать новый походъ. Но Киръ не даль ему времени привести въ исполненіе это намѣреніе. Энергичный и рѣшительный онъ предупредилъ Креза и самъ вступилъ въ предѣлы Лидійскаго царства. Крезъ смутился, видя свой планъ неожиданно разстроенымъ, но все-таки вывелъ лидійцевъ въ сраженіе и даль новую битву. Особенно надѣялся онъ на свою превосходную *конницу* (лидійцы, какъ уже было сказано, были отличные наѣздники и сражались, сидя на коняхъ, длинными копьями), между тѣмъ какъ у персовъ конница была гораздо слабѣе и далеко не такъ многочисленна. Киръ понималь это и, говорятъ, *по совѣту Гарпана* придумаль слѣдующее: при войскѣ персовъ было множество верблюдовъ, навьюченныхъ провіантомъ и разною кладью для войска; Киръ велѣлъ снять съ верблюдовъ всѣ выюки и посадить на нихъ людей, вооруженныхъ какъ всадники; онъ поставилъ ихъ впереди остальнаго войска, прямо противъ лидійской конницы, далѣе за верблюдами велѣлъ выстроиться пѣшему войску и, наконецъ, уже сзади пѣхоты помѣстить всю конницу, какая была у него. Когда войско было построено такимъ образомъ, онъ предъ началомъ сраженія отдалъ приказъ не давать пощады никому изъ лидійцевъ, *только не убивать самого Креза*, хотя бы даже, когда его будутъ брать, онъ сталъ защищаться. Верблюдовъ Киръ выставилъ вперёдъ, противъ лидійской конницы, потому что лошадь боится верблюдовъ и не переноситъ ни верблюжьяго вида, ни запаха. Это соображеніе на самомъ дѣлѣ оправдалось. Когда оба войска сошлись на бой, лошади лидійской конницы, лишь только почувяли верблюдовъ и увидали ихъ, испугались и бросились назадъ, такъ что лидійская конница пришла въ безпорядокъ. Лидійцы однако не смутились, спѣшились и дрались очень храбро, но чрезъ нѣсколько времени, когда съ обѣихъ сторонъ пало очень много убитыхъ и раненыхъ,

были обращены въ бѣгство, втѣснены обратно въ городъ, — и тогда началась осада.

Надѣясь, что хорошо укрѣпленный городъ можетъ держаться очень долго, Крезъ тотчасъ отправилъ къ своимъ союзникамъ новыхъ гонцовъ — торопить ихъ, чтобы они, какъ можно скорѣе, спѣшили на помощь. Но было уже поздно: на четырнадцатый день городъ Сарды былъ взятъ, благодаря случайности, которая почти буквально напоминаетъ взятіе Бактры Семирамидой*). При этомъ, рассказываетъ Геродотъ, вотъ что случилось съ самимъ Крезомъ. Когда городъ былъ взятъ, одинъ изъ персовъ въ свалкѣ наткнулся на Креза и уже занесъ руку, чтобы убить его, не зная что это — самъ Крезъ. Царь, подавленный горемъ, даже не пробовалъ защищаться, до того горе сдѣлало его равнодушнымъ къ жизни и смерти. Но тутъ случился уже извѣстный намъ его нѣмой сынъ; увидѣвъ опасность, которая угрожала отцу, онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе крикнуть, и страхъ за жизнь отца такъ потрясъ весь его организмъ, что вдругъ къ нему возвратилась способность говорить, и онъ вскрикнулъ: „человѣкъ! не убивай Креза!“ Это были первыя слова, которыя онъ произнесъ съ тѣхъ поръ, какъ родился, и съ этого времени заговорилъ.

Лидійское царство перестало существовать около 550 г. до Р. Х. О томъ, что дальше произошло съ Крезомъ, Геродотъ передаетъ слѣдующее: Киръ будто бы рѣшилъ казнить Креза и осудилъ его на сожженіе. Уже былъ приготовленъ большой костеръ, и на него введенъ былъ самъ Крезъ въ оковахъ и съ нимъ четырнадцать знатнѣйшихъ лидійскихъ юношей. Тогда-то вспомнились Крезу слова Солона о томъ, что никого нельзя назвать счастливымъ прежде смерти; теперь эти слова представились ему, какъ вѣщее предостереженіе, которое сами боги хотѣли дать ему устами греческаго мудреца. Когда все это пришло ему на мысль, онъ не удержался и, прервавъ глубокое молчаніе, которое хранилъ до

*) На четырнадцатый день осады Киръ послалъ по всему своему войску объявить большую награду тому, кто первый взойдетъ на стѣну. Послѣ того онъ сдѣлалъ приступъ, но приступъ былъ отбитъ. Тогда начальникъ одного персидскаго отряда рѣшился попытать счастья въ одномъ мѣстѣ, гдѣ осажденные не поставили никакой стражи, потому что въ этомъ мѣстѣ городъ считался неприступнымъ: такъ высоко и круто-казалось это мѣсто, выходящее къ рѣкѣ. Но одинъ персъ наканунѣ подглядѣлъ, какъ въ этомъ самомъ мѣстѣ одинъ лидійскій солдатъ уронилъ со стѣны свой шлемъ и, чтобы достать его, по едва замѣтной тропинкѣ спустился внизъ, поднялъ шлемъ и потомъ той же тропинкой пробрался снова въ городъ. Тогда персидскій начальникъ сдѣлалъ то же самое, что нѣкогда сдѣлала Семирамида подъ Бактрой: съ своимъ отрядомъ онъ пробрался по скалѣ въ городъ, врасплохъ напалъ на гарнизонъ, никакъ не ожидавшій нападенія съ этой стороны, — и городъ былъ взятъ.

тѣхъ норъ, громко и съ болѣзненнымъ воплемъ воскликнулъ:
О Солонъ! Солонъ! Солонъ!

Это обратило на себя вниманіе Кира, и онъ велѣлъ переводчикамъ узнать, кого это зоветъ Крезъ. Сначала Крезъ долго не хотѣлъ отвѣчать, но, наконецъ, проговорилъ: „это имя одного человѣка, бесѣдовать съ которымъ почаще было бы не лишнее для всѣхъ сильныхъ земли!“ На новые вопросы онъ разсказалъ, наконецъ, все о своемъ свиданіи съ греческимъ мудрецомъ и прибавилъ, что онъ видитъ теперь, какъ оправдались на немъ глубокомысленныя слова мудреца-грека. Между тѣмъ, пока все это происходило, костеръ былъ зажженъ и уже разгорался съ краевъ. Тогда Киръ, выслушавъ отъ переводчиковъ разсказанное Крезомъ, смягчился: онъ размыслилъ, что вѣдь и самъ онъ такой же смертный человѣкъ, какъ его плѣнникъ; что этотъ несчастный, котораго онъ хочетъ погубить жестокой смертью, такой же, подобный ему человѣкъ, еще такъ недавно бывший могущественнымъ и счастливымъ государемъ, какъ и онъ самъ; онъ вспомнилъ о томъ, какъ невѣрно все на землѣ; вспомнилъ, что и его самого боги могутъ покарать за жестокость къ несчастному, и перемѣнилъ намѣреніе: онъ далъ приказаніе немедленно погасить огонь. Но, прибавляетъ преданіе, пламя между тѣмъ разгорѣлось такъ сильно, что съ нимъ уже, какъ ни старались, не могли справиться. Тогда Крезъ взмолился будто бы Аполлону Дельфійскому, и вотъ богъ, въ котораго онъ такъ вѣрилъ, храму котораго посылалъ такіе богатые дары, услышалъ его въ эти страшныя для него минуты. До того времени погода была совершенно ясная, на небѣ ни облачка. Но тутъ вдругъ въ одно мгновеніе поднялся вихрь; небо покрылось черными тучами; разразилась гроза со страшнымъ ливнемъ, который погасилъ пламя, и Крезъ былъ спасенъ.

Когда его свели съ костра и подвели къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Киръ, этотъ послѣдній спросилъ его: „что заставило тебя итти на меня войной?“ Крезъ отвѣтилъ, что онъ понимаетъ, насколько миръ лучше войны („ибо“, прибавилъ онъ, „во время мира дѣти хоронятъ отцовъ, а въ военное время, наоборотъ, отцамъ приходится хоронитъ дѣтей“), но такъ, видно, было угодно богамъ! Далѣе, разсказываетъ Геродотъ, когда съ ногъ Креза были сняты желѣзныя оковы, онъ попросилъ Кира, чтобы онъ позволилъ ему отослать эти цѣпи въ Дельфы и спросить Аполлона: всегда ли у него въ обычаѣ такъ жестоко обманывать своихъ усердныхъ почитателей? Киръ далъ позволеніе; тогда Крезъ послалъ въ Грецію нѣсколько лидійцевъ, приказавъ имъ положить его цѣпи на порогъ храма и спросить у оракула: зачѣмъ, обнадеживъ ихъ

государя своими предсказаніями, онъ побудилъ его начать войну, которая доставила ему вотъ какіе *трофеи**)? Оракуль отвѣчалъ: „Сами боги не въ силахъ измѣнить того, что разъ осуждено ими; Крезъ понесъ на себѣ predeterminedную кару за преступленіе своего предка, который, отдавшись коварной женщиной, предательски поднялъ руку на своего государя и преступно завладѣлъ царствомъ. Что же касается предсказанія, то въ этомъ случаѣ Крезъ напрасно обвиняетъ боговъ. Не сказано ли было ему, что, если онъ начнетъ войну съ персами, то разрушить великое царство? Напрасно не пожелалъ онъ узнать, какое царство разумѣлось въ отвѣтѣ. Точно также, кто виноватъ въ томъ, что онъ не понималъ сказаннаго о муль? *Мулъ этотъ* не кто иной, какъ *Киръ*, потому что онъ родился отъ перса и мидянки, какъ мулъ родится отъ лошади и осла“.

О дальнѣйшей судьбѣ Креза мы знаемъ только, что онъ пользовался довѣріемъ Кира во все время его жизни. Онъ пережилъ Кира, который такъ уважалъ его и такъ вѣрилъ ему, что, умирая, даже назначилъ его опекуномъ своего сына. Въ свою очередь, Крезъ не былъ неблагодарнымъ и вполне стоилъ такого довѣрія. Онъ никогда не обманывалъ Кира, никогда не измѣнялъ ему, напротивъ, старался быть ему при всякомъ случаѣ полезнымъ. Геродотъ рассказываетъ, будто бы на первыхъ же порахъ, послѣ взятія города Сарды Крезу представился случай подать Киру умный и честный совѣтъ. По снятіи съ него оковъ, онъ сидѣлъ рядомъ съ персидскимъ царемъ, молча, погруженный въ глубокую, грустную думу. Въ это время, случайно взглянувъ вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что персы грабятъ городъ Сарды. Обратясь къ Киру, онъ сказалъ: „Государь, прикажешь ли высказать мою мысль или велишь мнѣ молчать?“ Киръ приказалъ ему смѣло говорить все, что онъ хочетъ. Тогда Крезъ спросилъ: „надъ чѣмъ это такъ усердно трудятся твои воины?“ — „Развѣ не видишь, что они грабятъ твой городъ?“ отвѣчалъ Киръ, „и расхищаютъ твои сокровища?“ — „Ты ошибаешься, государь! не мой городъ и не мои сокровища грабятъ они; у меня теперь нѣтъ ничего; и городъ — и все, что въ немъ, — твое; не мою, а твою же собственность грабятъ твои воины!“ возразилъ на это Крезъ. Киру пришлось по сердцу эти слова; онъ приказалъ поставить у всѣхъ воротъ стражей и прекратить грабежъ.

Нельзя ручаться, что всѣ эти рассказы о Кирѣ, которые мы находимъ у Геродота и которые онъ почерпнулъ изъ преданій,

*) *Трофеи* — непріятельскія знамена, оружіе и другая военная добыча, отнятыя у побѣжденнаго непріятеля; въ настоящемъ случаѣ разумѣлись — оковы.

до его времени сохранившихся у персовъ, достовѣрны во всѣхъ подробностяхъ: очевидно, въ сказаніяхъ о Крезѣ мы опять имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ поэтическихъ преданій, но для насъ важно то, что *большинство этихъ разсказовъ сходится въ одномъ*: всѣ они изображаютъ Кира совсѣмъ не тѣми чертами, какія мы привыкли видѣть у другихъ восточныхъ государей-завоевателей, ассирійскихъ и вавилонскихъ. Изъ этихъ разсказовъ видно, что Киръ не былъ похожъ на ассирійскихъ и вавилонскихъ царей. Онъ не разрушалъ для своей потѣхи завоеванныхъ городовъ, не выкалывалъ глаза побѣжденнымъ государямъ, не уводилъ въ рабство десятковъ тысячъ людей, какъ это дѣлали прежде завоеватели вавилонскіе и ассирійскіе. Словомъ, во всѣхъ поступкахъ Кира мы видимъ что-то новое...

Когда Сарды были взяты, Киру покорились и *греческіе города (колоніи)*, которые лежали по берегу Малой Азіи и прежде платили дань лидійскому царю.

РАЗСКАЗЪ XVII.

Паденіе Вавилонскаго царства. — Возвращеніе изъ плѣна. — Обновленіе храма Іерусалимскаго. — Походъ на скиѳовъ и смерть Кира.

Послѣ Лидіи очередь дошла до Вавилона. Владыкою вавилонскимъ въ это время былъ уже упомянутый нами *Набонедъ* и его сынъ *Валтасаръ*. Набонедъ не успѣлъ или не сумѣлъ вовремя подать помощи лидійцамъ и тѣмъ, быть можетъ, отклонить гибель отъ своего собственнаго царства. Покончивъ съ Лидіей, Киръ пошелъ на Вавилонъ и разбилъ вавилонскія войска въ открытомъ полѣ. Набонедъ погибъ въ бою, а Валтасаръ убѣжалъ въ свой городъ и, надѣясь на его несокрушимыя твердыни, высокія стѣны, неприступныя башни и мѣдныя ворота, считалъ себя совершенно безопаснымъ. Дѣйствительно, такой городъ, какъ Вавилонъ, взять было не легко, и, казалось, Киру придется простоять подъ его стѣнами такъ же долго, какъ нѣкогда Набопаласаръ и Кіаксаръ стояли подъ Ниневіей. Но за Кира была изнѣженность и безпечность вавилонянъ. Припомните, что разсказывается въ книгѣ пророка Даніила о томъ, какъ Вавилонъ былъ взятъ ночью, въ то время, когда Валтасаръ въ своемъ дворцѣ пировалъ съ придворными.

Киръ понималъ, что твердыни Вавилона дѣйствительно неприступны; что, съ другой стороны, городъ нельзя принудить

къ сдачѣ и голодомъ (вспомните огромные пустыри — поля, лежавшія въ городѣ, которыя снабжали жителей хлѣбомъ во время осады). Поэтому онъ рѣшился пустить въ дѣло военную хитрость. На сѣверѣ около Вавилона находилось большое искусственное озеро или болото для отвода воды изъ Евфрата во время полноводія. Киръ велѣлъ войску прокопать каналъ отъ рѣки до самаго этого озера и ночью спустил туда воду Евфрата. Когда въ руслѣ почти совсѣмъ не осталось воды, войска персидскія спустились въ осушенное русло рѣки, прошли подъ мѣдными воротами и проникли въ городъ. Это было бы еще ничего: вы помните вѣдь, что, кромѣ воротъ въ стѣнахъ, были устроены крѣпкія, тоже мѣдныя, ворота на концѣ каждой изъ улицъ, упиравшихся въ рѣку. Будь эти ворота заперты, какъ слѣдуетъ, будь при нихъ часовые, которые могли бы поднять тревогу, Киръ съ своимъ войскомъ не только не успѣлъ бы проникнуть въ улицы, но даже могъ бы очутиться въ очень опасномъ положеніи — въ руслѣ рѣки, какъ въ западнѣ. Вавилоняне могли напасть на персидскія войска сверху, съ высоты обѣихъ набережныхъ и истребить персовъ. Но такъ велика была безпечность вавилонянъ, занятыхъ своими удовольствіями, что ни уличныя ворота не были заперты, ни часовыхъ по набережнымъ не было разставлено. Персы безпрепятственно ворвались въ городъ; начался бой въ самыхъ улицахъ, и, прежде чѣмъ успѣли узнать о томъ Валтасаръ и пировавшіе съ нимъ во дворцѣ, Вавилонъ былъ взятъ. Пробылъ послѣдній часъ царства Вавилонскаго, нѣкогда столь гордаго и страшнаго всѣмъ окрестнымъ странамъ. *Богъ исчислилъ дни царства Валтасарова и положилъ ему конецъ, взвѣсилъ его на вѣсахъ Своего правосудія, оно было найдено очень легкимъ и отдано персамъ* — такъ сказано о концѣ Вавилонскаго царства въ книгѣ пророка Даніила въ рассказѣ о бывшемъ Валтасару таинственномъ видѣніи. Послѣ паденія Вавилона, персамъ вмѣстѣ съ другими владѣніями вавилонянъ покорились финикійскіе города и вся Сирія безъ всякаго сопротивленія.

Вавилонъ былъ взятъ, но не былъ разрушенъ: напротивъ, Киръ сдѣлалъ его своей столицей. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступило время отрады и для томившихся „въ плѣну на рѣкахъ Вавилонскихъ“ евреевъ: сбылись ихъ ожиданія, оправдались предсказанія пророковъ. Киръ *внялъ ихъ плачу и отеръ ихъ слезы*. Онъ поступилъ съ евреями очень милостиво, а они встрѣтили его съ восторгомъ, какъ желаннаго избавителя. *Въ первый годъ Кира, царя персидскаго, рассказываетъ въ первой книгѣ Ездры, возбудилъ Господь духъ Кира, и онъ повелѣлъ объявить по всему цар-*

ству своему, словесно и письменно, всѣмъ находившимся въ царствѣ его евреямъ, что всякій изъ нихъ, кто пожелаетъ, можетъ *возвратиться въ Иерусалимъ*. Много оказалось желающихъ возвратиться на родину. Тѣ же, которые оставались въ Персіи, помогали переселяющимся, чѣмъ кто могъ: серебромъ, золотомъ, инымъ имуществомъ, скотомъ и другими вещами, *сверхъ всякаго добродѣтельнаго даянія для храма*, ибо какъ тѣхъ, которые возвращались, такъ и остающихся на чужбинѣ равно одушевляла надежда *возстановить* изъ развалинъ свою народную святыню, т.-е. разрушенный храмъ Соломоновъ. Киръ, повидимому, зналъ объ этомъ желаніи евреевъ и сочувствовалъ исполненію онаго. Онъ не ограничился даннымъ евреямъ позволеніемъ возвратиться на родину; онъ велѣлъ отдать сверхъ того всю драгоценную, золотую и серебряную утварь, которую „Навуходоносоръ взялъ изъ Иерусалима и положилъ въ домъ бога своего (Бэла)“⁴. И вотъ, подъ предводительствомъ *Зоровавеля*, на коняхъ, верблюдахъ, ослахъ и мулахъ потянулся въ Палестину огромный караванъ переселенцевъ, въ которомъ было *около 50.000 человекъ*. Когда переселенцы прибыли въ Иерусалимъ, сперва на мѣстѣ прежняго храма былъ поставленъ временный жертвенникъ Господу, а во второй мѣсяцъ слѣдующаго, второго по возвращеніи года на томъ же мѣстѣ была торжественная закладка новаго храма, *при постройкѣ котораго опять не обошлось безъ помощи финикійянъ*.

Времена Давида и Соломона никогда уже не вернулись для евреевъ; они не возвратили своей независимости. Палестина составила часть Сирійской области, и евреи продолжали жить, какъ одинъ изъ многихъ народовъ, которые входили въ составъ огромной Персидской монархіи. Но персы по крайней мѣрѣ не притѣсняли ихъ, не мѣшали имъ поклоняться и служить Господу по-своему на горѣ Сіонской, не вмѣшивались въ религіозныя дѣла евреевъ и въ ихъ внутреннюю жизнь*).

Теперь возвратимся опять къ исторіи Кира. На сѣверъ отъ Ирана, какъ мы уже говорили, жили степные народы — дикіе кочевники. У народовъ этихъ было много названій, но всего чаще ихъ называли однимъ именемъ — *скиѣы*. Подобно всѣмъ степнымъ народамъ, скиѣы нападали и дѣлали набѣги на сосѣд-

---

*) Храмъ былъ возстановленъ, хотя и не въ такомъ великолѣпнн, какъ храмъ Соломона. Но самый городъ Иерусалимъ не имѣлъ ни стѣнъ, ни воротъ; стѣны его представляли груду развалинъ. Уже гораздо позднѣе, при персидскомъ царѣ Артаксерксѣ, возведены были вновь стѣны іерусалимскія. Это было дѣломъ одного еврейскаго патріота *Несміи*, и рассказъ объ этомъ также находится въ одной изъ книгъ Ветхаго Завѣта, которая носитъ названіе *Книга Несміи*.

нія, болѣе образованныя страны, и особенно на иранянь. Вотъ почему и въ древней эпической поэзіи Ирана разсказывается очень много о борьбѣ иранскихъ героевъ-богатырей съ жителями степей — туранцами, и самый главный изъ этихъ героевъ, *Рустемъ*, совершаетъ наиболѣе славные изъ своихъ подвиговъ именно въ борьбѣ съ туранцами*). Однажды при Кіаксарѣ скиѣы вторглись въ Мидію и стали хозяйничать въ ней, развѣзжали по странѣ, собирая дань, грабя и насильничая. Скиѣы прошли по всей передней Азіи, доходили даже до стѣнъ Іерусалима, всюду распространяя ужасъ и опустошенія**). Около тридцати лѣтъ, по словамъ Геродота, господствовали они въ Мидіи, и только хитростью, перепоивъ главнѣйшихъ вождей и войско скиѣовъ, удалось будто бы Кіаксару уничтожить ихъ. Противъ ихъ набѣговъ на крайней, сѣверной границѣ персидскихъ владѣній (въ Согдіанѣ) было выстроено нѣсколько крѣпостей, но и это не удержало скиѣовъ, не помѣшало имъ при первой возможности напасть на Персію.

При Кирѣ скиѣы, и особенно одно изъ племенъ — *массаеты*, жившіе за *Яксартомъ* (теперь Сыръ-Дарья), стали опять тревожить иранянь и производить набѣги на пограничныя области Ирана. Киръ былъ всегда готовъ къ отпору; онъ рѣшился перейти Яксартъ и усмирить хищниковъ въ ихъ собственной странѣ. (Этого требовали отъ него и безопасность государства, и религиозный долгъ, какъ поклонника Ормузда. Вѣдь мы знаемъ, что, по ученію Зороастра, борьба съ дикими обитателями Турана, этого царства Аримана, была однимъ изъ наиболѣе угодныхъ дѣлъ передъ очами Ормузда.)

Какъ рожденіе и первые годы жизни Кира украшены поэтическими вымыслами и преданіями, такъ точно и о смерти его на Востокѣ ходили чудесныя, поэтическія легенды, которыя Геродотъ слышалъ во время своихъ путешествій по Востоку и потомъ записалъ въ свою исторію. Геродотъ разсказываетъ, будто бы Киръ перешелъ черезъ рѣку Яксартъ, прошелъ еще далѣе на одинъ день пути, потомъ остановился и употребилъ слѣдующую хитрость, присовѣтанную будто бы Крезомъ. Самъ Киръ съ своимъ лучшимъ войскомъ отошелъ назадъ на нѣкоторое разстояніе, а на томъ мѣстѣ, до котораго онъ дошелъ прежде, оставилъ только одинъ немногочисленный и слабый отрядъ и тутъ же приказалъ приготовить все, что нужно для большого пира: зарѣзать множество барановъ и выставить, какъ можно больше вина и

*) См. въ сочиненіяхъ Жуковского разсказъ о *Рустемѣ* и *Зорабѣ*.

**) Многіе ученые думаютъ, что *они* именно нанесли *первый ударъ*, который сокрушилъ могущество Ассиріи. См. примѣчанія на стр. 136. С. М.

всякихъ яствъ. Хитрость будто бы удалась. Передовые отряды массагетовъ подошли, безъ труда разсѣяли оставленный Киромъ ничтожный отрядъ, а потомъ, какъ настоящіе дикари, жадно накиннулись на ѣду, особенно на вино, перепились и тутъ же ихъ одолѣлъ глубокой сонъ. Этого только и ждали персы; они напали на сонныхъ, множество перебили, большую же часть взяли въ плѣнъ и въ числѣ другихъ плѣнниковъ захватили и сына царицы *Томирисы*, который, впрочемъ, не пережилъ своего позора. Когда, очнувшись, онъ увидѣлъ себя связаннымъ и узналъ о несчастіи, постигшемъ его самого и войско, которое было ему довѣрено матерью, то сталъ умолять Кира, чтобы его освободили отъ оковъ. Едва только съ него сняли цѣпи, и онъ получилъ свободу дѣйствовать руками, онъ закололъ себя самъ.

Тогда *Томириса*, мстя за сына, подняла весь свой народъ и напала на Кира. Битва, говоритъ Геродотъ, была самая отчаянная и упорная, но, наконецъ, массагеты одолѣли: большая часть персовъ пала въ сраженіи, и самъ Киръ былъ убитъ стрѣлою. Томириса наполнила мѣхъ человѣческой кровью и стала искать между тѣлами убитыхъ трупъ Кира. Когда трупъ былъ отысканъ, Томириса велѣла отрубить голову и, окунувъ ее въ мѣхъ, наполненный человѣческой кровью, издѣвалась надъ убитымъ врагомъ, приговаривая: „вотъ я досыта напоила тебя, ненасытнаго, кровью“.

Такъ рассказываетъ Геродотъ по преданіямъ, которыя онъ слышалъ, вѣроятно, отъ маговъ. Но преданія эти не имѣютъ достовѣрности: маги (между ними было очень много людей мидійскаго происхожденія) не любили Кира, а потому, можетъ-быть, и передали Геродоту такіе рассказы, которые бросаютъ на великаго государя не совсѣмъ хорошую тѣнь. Уже самъ Геродотъ прибавляетъ, что о смерти Кира ходило *много разныхъ рассказовъ*, изъ которыхъ онъ выбралъ тотъ, который показался ему наиболѣе вѣроятнымъ. Уже одно то, что о смерти Кира существовало такъ много рассказовъ, показываетъ, какъ многое въ этихъ рассказахъ присочинено позднѣе народной фантазіей. Можно думать, что достовѣрнаго въ нихъ только слѣдующее: подъ конецъ своего царствованія и жизни Киръ ходилъ походомъ на массагетовъ; походъ черезъ голыя, знойныя степи, гдѣ нѣтъ ни воды, ни растительности, былъ очень труденъ и не удался; значительная часть Кирова войска погибла среди песковъ въ борьбѣ со зноемъ и жаждой; въ первый разъ въ жизни Киръ увидѣлъ себя побѣжденнымъ, если не людьми, то природой, долженъ былъ отступить и вскорѣ затѣмъ умеръ; все остальное, вѣроятно, вымышлено послѣ.

Достовернѣе извѣстіе, что Киръ былъ погребенъ въ *Пасаргадѣ**) — могила его находилась въ глубинѣ прекраснаго, тѣнистаго сада, въ которомъ протекали ручьи, распространявшіе въ воздухъ пріятную прохладу. Въ глубинѣ этого сада на возвышеніи изъ семи ступеней стоялъ сложенный (въ видѣ прямоугольника) изъ большихъ каменныхъ плитъ погребальный покой (остатки зданія, похожаго на это описаніе, еще сохранилось среди развалинъ древняго Персеполя, и до сихъ поръ окрестные жители называютъ ихъ „могилою Кира“). Здѣсь, на погребальномъ ложѣ съ золотыми подставками, устланномъ дорогами вавилонскими коврами и

Кирова гробница въ Персеполѣ.

пурпурными тканями, стоялъ будто бы золотой гробъ, и въ этомъ гробѣ покоились кости царя. Вокругъ была разставлена посуда, а по сторонамъ развѣшены оружіе и платье, которыя Киръ употреблялъ при жизни. Снаружи на этомъ зданіи была надпись: „Здѣсь покоюсь я, Киръ, царь изъ рода *Ахеменидовъ*“ (такъ назывался царскій родъ, къ которому принадлежали Киръ и его преемники) — надпись, какъ видите, *очень скромная*, если сравнить ее съ пышными надписями, въ которыхъ нѣкогда прославляли себя и свои подвиги египетскіе или вавилонскіе и ассирійскіе завоеватели!

*) *Пасаргады* — царскій персидскій дворецъ близъ *Персеполя*, столицы персовъ. Быть можетъ, Пасаргады и Персеполь одно и то же, одно — по-персидски, другое — по-гречески.

РАЗСКАЗЪ XVIII.

Царствованіе Камбиза. — Походъ въ Египеть. — Амазись и Поликратъ. — Псаменить и порабощеніе Египта.

Киръ оставилъ по себѣ добрую память: въ персидскихъ сказаніяхъ его называютъ *отцомъ народа*. Его поминали добромъ не только персы, но и побѣжденные народы, и мы знаемъ, что Киръ вполне заслужилъ такую добрую память. Мы видѣли, что онъ не тѣшился разрушеніемъ завоеванныхъ городовъ, не опустошалъ покоренныхъ странъ; мы видѣли, какъ человѣчно онъ обошелся съ Крезомъ, какъ дозволилъ евреямъ переселиться на родину и обновить Иерусалимскій храмъ. На всѣхъ его поступкахъ лежитъ общій характеръ — мягкости и человѣчности, какихъ мы не встрѣчали у прежнихъ завоевателей семитическаго племени.

Къ сожалѣнію, *совсѣмъ другое* приходится сказать о сынѣ и преемникѣ Кира — *Камбизѣ*. Камбизъ былъ гордъ, самовластенъ и жестокъ, не лучше какого-нибудь Салманасара и другихъ деспотовъ древняго Востока. Камбизъ такимъ образомъ былъ вообще не похожъ на отца, и это отчасти понятно. Киръ былъ воинственный, привыкшій къ простотѣ царь такого же, какъ и онъ самъ, простого, воинственнаго и неиспорченнаго народа. Между тѣмъ Камбизъ былъ уже владыка всей передней Азіи. На Камбизѣ уже сказалось вліяніе сосѣднихъ народовъ: вавилонянъ и ассиріянъ. (Надо замѣтить, что вообще персы очень легко поддавались вліянію всего чужого и новаго; Геродотъ говоритъ, что не зналъ другого народа, который бы такъ любилъ и умѣлъ перенимать все чужое, какъ персы). Такъ какъ вавилоняне были образованнѣе персовъ, то они должны были оказать на своихъ завоевателей сильное вліяніе своими нравами, обычаями, всѣмъ своимъ образомъ жизни. Такъ и было на самомъ дѣлѣ*). Камбизъ

*) Мы видимъ это вліяніе на Камбизѣ, который дѣйствительно напоминаетъ собою вавилонскихъ и ассирійскихъ государей. Нельзя, конечно, вѣрить всему, что рассказываетъ о Камбизѣ Геродотъ, не потому, впрочемъ, чтобы Геродотъ не былъ правдивъ и рѣшился съ умысломъ искажать истину. Дѣло въ томъ, что многое, что Геродотъ рассказываетъ о Камбизѣ, онъ слышалъ, когда путешествовалъ по Египту, отъ жрецовъ, а жрецы египетскіе ненавидѣли Камбиза, и какъ поработителя ихъ родины, и какъ почитателя иной вѣры, представлявшей притомъ такую рѣзкую *противоположность* съ вѣрованіями египтянъ, а потому могли преувеличить то, что въ немъ было дѣйствительно дурного. Но, если вѣрить хотя части того, что мы находимъ о Камбизѣ у Геродота, то и этого уже вполне достаточно, чтобы составить себѣ самое невыгодное понятіе о сынѣ и преемникѣ Кира.

быль государь въ высшей степени своенравный, который не признавалъ на свѣтѣ ничего, кромѣ своего собственнаго произвола. Произволь этотъ очень часто переходилъ въ крайнюю жестокость, и тогда никто не могъ считать себя безопаснымъ, даже самые приближенные къ нему люди, его любимцы, первые вельможи его двора. Едва ли не первымъ въ числѣ такихъ любимцевъ и довѣренныхъ лицъ былъ нѣкто *Прексаспъ*, но и ему пришлось испытать на себѣ страшный нравъ своего господина. Однажды за пиромъ Камбизъ спросилъ Прексаспа: „скажи мнѣ правду, что говорятъ обо мнѣ въ народѣ?“ Прексаспъ имѣлъ неосторожность отвѣтить: „Государь, народъ вообще прославляетъ тебя, твой умъ и твою доблесть; одинъ только недостатокъ находятъ въ тебѣ люди, что ты недостаточно умѣренъ въ употребленіи вина“. Камбизъ вспыхнулъ гнѣвомъ и въ эту самую минуту, случайно взглянувъ въ окно на дворъ, замѣтилъ тамъ Прексаспова малолѣтняго сына, который игралъ съ другими дѣтьми на царскомъ дворѣ. Онъ схватилъ всегда лежавшій подлѣ него лукъ и стрѣлу и выстрѣлилъ въ ребенка; къ несчастью, выстрѣлъ былъ очень удаченъ: стрѣла пронзила ребенка въ самое сердце. „Хорошъ ли выстрѣлъ? и могутъ ли такъ стрѣлять люди, неумѣренно преданные вину?“ съ злой усмѣшкой спросилъ онъ потомъ, обращаясь къ Прексаспу. „Сами боги“, проговорилъ несчастный отецъ, дрожа отъ ужаса, „не могли бы сдѣлать болѣе мѣткаго выстрѣла!“

Во время одной изъ такихъ вспышекъ Камбизъ не пощадилъ даже старика Креза за то только, что онъ осмѣлился было дать ему добрый совѣтъ — сдерживать порывы своего раздраженія. Камбизъ велѣлъ схватить старика и казнить его. Но служители, которымъ было поручено исполнить приказаніе, знали нравъ своего государя, столько же бѣшенный, сколько и непостоянный. Они придумали спрятать Креза, полагая, что царь, когда пройдетъ припадокъ раздраженія, самъ пожалѣетъ о Крезѣ; тогда, такъ они рассчитывали, они приведутъ Креза и будутъ награждены за свою догадливость; если же пройдетъ немного времени, и царь не обнаружитъ сожалѣнія, тогда еще будетъ время исполнить царскую волю. Скоро потомъ Камбизъ дѣйствительно выразилъ сожалѣніе о смерти Креза; тогда служители открыли ему, какъ они поступили — и что же? „Я радъ“, сказалъ Камбизъ, „что Крезъ остался въ живыхъ, но вы, за то, что осмѣлились не исполнить моего повелѣнія, должны умереть“, — и отдалъ приказъ казнить ихъ.

Камбизъ не пощадилъ, наконецъ, и родного брата. Во время похода, предпринятаго имъ противъ Египта, въ Сузѣ оставался

его братъ *Смердисъ**) Однажды ночью, во время похода Камбизу приснился тревожный сонъ: будто бы прискакалъ гонецъ изъ Персіи съ вѣстью, что Смердисъ сидитъ на царскомъ престолѣ, и голова его досягаетъ небесъ. Этотъ сонъ возбудилъ подозрительность Камбиза, и онъ послалъ въ Сузу Прексаспа съ порученіемъ умертвить тайно Смердиса. Таковъ былъ Камбизъ съ своими собственными подданными; посмотримъ теперь, каковъ онъ былъ съ побѣжденными.

Камбизъ рѣшился продолжать завоеванія своего отца. Оставалась еще одна страна, не тронутая Киромъ — *Египетъ*. Дошла очередь и до Египта. Когда произошелъ разрывъ между Египтомъ и Персіей, фараономъ Египта былъ *Амазисъ*. Амазисъ не былъ царскаго происхожденія: онъ былъ простой воинъ и сдѣлался царемъ уже впоследствии. Случилось это при внукѣ Нехао — фараонѣ *Апріи*. *Апрій* не былъ любимъ ни народомъ, ни войскомъ: вообще, преемники Псаметиха не пользовались расположеніемъ своего народа именно за слишкомъ большое предпочтеніе, которое они оказывали иностранцамъ — грекамъ. Это оскорбляло многихъ, особенно войско. Разъ, во время похода на *Кирену*** в египетскомъ войскѣ произошло возстаніе (греческія наемныя войска въ этомъ походѣ не участвовали, такъ какъ *Апрій* не хотѣлъ заставить ихъ сражаться противъ единоплеменныхъ имъ жителей Киренаики). Войско провозгласило царемъ одного изъ полководцевъ — *Амазиса*, который былъ очень любимъ въ войскѣ, потому, между прочимъ, что до этого времени былъ извѣстенъ своей нелюбовью къ грекамъ. Несмотря на свою греческую гвардію, *Апрій* былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и погибъ.

Когда Амазисъ вступилъ на престолъ, то тѣ изъ египтянъ, которые были привязаны къ старинѣ (а такихъ было большинство), обрадовались: они ожидали, что при Амазисѣ возстановится старина, что все пойдетъ постарому, и ненавистные иностранцы будутъ выгнаны; но думавшіе такъ ошиблись. Амазисъ былъ слишкомъ уменъ; онъ понималъ, что выгнать грековъ было бы вредно для государства: греки были искусны и въ военномъ дѣлѣ, и въ торговлѣ. Амазисъ не выгналъ грековъ; онъ старался только не унижать египтянъ передъ греками, оказывалъ уваженіе египетскимъ жрецамъ, но удержалъ наемную греческую гвардію и жилъ

*) По-персидски *Бартъя*.

**) Греческая колонія въ Ливіи (въ теперешней области *Баржа*, составляющей часть *Триполи*), сначала платившая дань Египту, но потомъ отказавшаяся платить.

въ дружескихъ отношеніяхъ со многими греческими государями, владѣнія которыхъ лежали въ сосѣдствѣ съ Египтомъ*).

Геродотъ рассказываетъ, что поводомъ къ войнѣ персовъ съ египтянами послужило будто бы то обстоятельство, что Камбизъ вздумалъ посвататься за дочь Амазиса, а Амазисъ, зная ужасный характеръ персидскаго царя, пожалѣлъ выдать за него свою собственную дочь и въ то же время, опасаясь раздражить могущественнаго персидскаго царя отказомъ, подъ именемъ своей дочери отправилъ въ Персію осиротѣвшую дочь своего предшественника — фараона Априя, отличавшуюся необыкновенной красотой. Но обманъ открылся: Камбизъ счелъ себя смертельно оскорбленнымъ и поклялся отмстить за оскорбленіе. Уже персидское войско готово было выступить въ походъ на Египетъ, но Амазисъ, къ своему счастью, нѣсколько мѣсяцевъ не дожидъ до начала войны. Ему наследовалъ послѣдній независимый царь Египта — *Псаменитъ*. Камбизъ поднялъ на Египетъ всѣ силы своего громаднаго государства (войско его было набрано изъ всѣхъ подвластныхъ ему

*) Такъ, напримѣръ, рассказываютъ, что онъ былъ особенно друженъ съ царемъ острова Самоса — *Поликратомъ*. Островъ Самосъ не великъ, но граждане самосскіе въ то время очень дѣятельно занимались морской торговлей и потому были богаты. Говорятъ, что Поликратъ сначала отличался необыкновеннымъ счастьемъ: все ему удавалось, такъ что и онъ, подобно Крезу, считалъ себя счастливымъ, особеннымъ „любимцемъ счастья“. Говорятъ, будто бы Амазисъ, другъ его, предостерегалъ его: ему казалось, что такое постоянное счастье не можетъ быть прочнымъ; онъ опасался, что за это счастье боги въ будущемъ готовятъ Поликрату какія-нибудь болѣе ужасныя бѣдствія, потому что „полнаго счастья, безъ примѣси горя, человѣку не суждено на землѣ“. Говорятъ, будто бы разъ даже Амазисъ посовѣтовалъ Поликрату нарочно, какъ бы искусственно, самому создать себѣ неприятность — пожертвовать добровольно чѣмъ-нибудь, что ему особенно дорого. Поликратъ послушался и бросилъ въ море драгоцѣнный перстень, которымъ онъ почему-то дорожилъ болѣе всѣхъ другихъ своихъ сокровищъ. Но боги, какъ видно, не приняли жертвы: черезъ пять или шесть дней царскій поваръ нашелъ перстень, разрѣзая большую рыбу, которая была поймана однимъ рыбакомъ и принесена въ подарокъ царю (прочти объ этомъ въ переведенной Жуковскимъ балладѣ *Шиллера* „Поликратовъ перстень“). Когда Амазисъ узналъ о случившемся, онъ съ ужасомъ увидѣлъ въ этомъ обстоятельстве знаменіе, что боги рѣшили погубить его друга и что, видно, человѣкъ не въ силахъ предотвратить того, что разъ рѣшено богами. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ Поликрата постигла ужасная участь. Персидскій наместникъ сосѣдняго съ Самосомъ малоазійскаго берега, съ одной стороны, завидывалъ богатству Поликрата, съ другой — опасался, что Поликратъ слишкомъ усилится на Эгейскомъ морѣ, и тогда его могущество можетъ угрожать опасностью владѣніямъ Персія, лежавшимъ по малоазійскому берегу. Потому онъ рѣшился погубить Поликрата обманомъ; онъ послалъ подъ благовиднымъ предлогомъ звать самосскаго царя къ себѣ. Поликратъ принялъ приглашеніе, но едва вышелъ на берегъ, какъ былъ предательски схваченъ персами, умерщвленъ, и мертвое тѣло его повѣшено на крестѣ. Самосъ долженъ былъ подчиниться персамъ. Та же участь ожидала и Египетъ.

народовъ) и выступилъ въ походъ. Такъ какъ путь между Азією и Египтомъ (Дельтою) лежалъ черезъ пустыню, то Камбизъ обезопасилъ себя договоромъ съ кочевыми жителями сѣверной Аравіи. Псаменитъ двинулся навстрѣчу съ египетскимъ войскомъ и греческими наемниками. Въ 525-мъ году произошла битва при *Пелузіумѣ* (въ землѣ Госемской), несчастная для египтянъ, хотя они сражались очень храбро. Много лѣтъ спустя, Геродотъ осматривалъ мѣстность, гдѣ произошла эта битва, и гдѣ еще въ то время, когда тамъ былъ Геродотъ, лежало много непогребенныхъ костей какъ персовъ, такъ и египтянъ, павшихъ въ битвѣ. Проводники Геродота обратили его вниманіе на одно любопытное обстоятельство: черепа персовъ были такъ рыхлы и некрѣпки, что разбивались даже отъ самаго легкаго удара (маленькимъ камешкомъ), между тѣмъ какъ черепа египтянъ отличались замѣчательной твердостью (ихъ было трудно разбить даже довольно большимъ камнемъ). Эта разница, какъ объяснили Геродоту провожавшіе его египтяне, происходила отъ того, что у египтянъ было въ обычаѣ брить головы съ самаго ранняго дѣтства, вслѣдствіе чего будто бы черепа ихъ твердѣли отъ дѣйствія воздуха; отъ этого же, говорятъ, происходило и то обстоятельство, что у египтянъ до самаго поздняго возраста хорошо сохранялись волосы на головѣ. Напротивъ, у персовъ черепа были слабы, потому что они съ дѣтства держали голову въ теплѣ и носили на головахъ шапки. Можетъ быть, въ этомъ объясненіи и была доля правды; но была, вѣроятно, и другая причина: египтяне принадлежали къ африканской расѣ, которая отличается особою крѣпостью череповъ (какъ, напримѣръ, теперешніе негры).

При Пелузіумѣ египтяне были разбиты; затѣмъ былъ взятъ *Мемфисъ*, и самъ Псаменитъ со всѣмъ семействомъ попалъ въ руки жестокаго побѣдителя. Ужасныя вещи рассказывали египетскія преданія о неистовствахъ, произведенныхъ Камбизомъ въ Египтѣ; конечно, въ этихъ разсказахъ много было преувеличено народной ненавистью, но многое, вѣроятно, и правда. Говорятъ, напримѣръ, что Камбизъ захотѣлъ надругаться надъ несчастьемъ побѣжденныхъ. Для этого онъ велѣлъ царевнѣ, дочерей Псаменита, вмѣстѣ съ дочерьми другихъ знатнѣйшихъ египтянъ одѣтъ въ рабскія рубища и заставилъ ихъ носить воду на глазахъ царя-отца. Псаменитъ видѣлъ и молчалъ, ни словомъ, ни движеніемъ не обнаруживая того, что происходило въ его душѣ, между тѣмъ какъ другіе плѣнные египтяне, окружавшіе его, громко рыдали, глядя на такое поруганіе. Также молчалъ онъ и тогда, когда провели мимо него его собственнаго первенца-сына, осужденнаго на смерть

вмѣстѣ съ другими знатнѣйшими египетскими юношами. Но вотъ, къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ плѣнный египетскій царь, подошелъ нищій, одѣтый въ лохмотья, и сталъ просить милостыню у персидскихъ солдатъ, которые стерегли плѣнника. Тогда Псаменитъ вдругъ громко зарыдалъ, называя нищаго по имени, и сталъ биться головой о землю: въ этомъ нищемъ онъ узналъ одного изъ своихъ приближенныхъ и самыхъ преданныхъ друзей. Персы, представленные нарочно наблюдать, что будетъ дѣлать Псаменитъ, успѣли донести Камбизу о такомъ странномъ поведеніи египетскаго царя. Камбизъ удивился и послалъ допросить Псаменита: неужели чужой человѣкъ для него дороже родныхъ дѣтей? Псаменитъ отвѣчалъ: „Мое личное горе и горе моей семьи такъ велики, что нѣтъ такихъ слезъ, чтобы ихъ оплакать, но у меня нашлись еще слезы, чтобы оплакать друга въ постигшемъ его несчастіи; и какъ же не плакать о человѣкѣ, который, проживъ бѣольшую часть своего вѣка въ довольствѣ и счастіи, вдругъ, на порогѣ старости — сталъ нищимъ!“ Когда эти слова были переданы Камбизу, онъ согласился, что египтянинъ былъ правъ. Крезъ, который участвовалъ въ походѣ и находился тутъ же, въ свитѣ персидскаго царя, залился горькими слезами, вспомнивъ свою собственную судьбу; прослезились и всѣ персы, окружавшіе своего государя. На этотъ разъ тронулся и самъ Камбизъ; онъ послалъ приказъ отмѣнить казнь царскаго сына, но уже было поздно: царевичъ былъ первый изрубленъ въ куски. Та же участь постигла скоро и самого Псаменита: воспользовавшись отсутствіемъ Камбиза изъ Египта (во время похода въ Эѳіопію), онъ завелъ тайныя сношенія съ своими приверженцами въ надеждѣ произвести въ Египтѣ возстаніе и выгнать персовъ. Персы узнали объ этомъ, и Псаменитъ былъ умерщвленъ. Такъ погибъ *послѣдній фараонъ египетскій, и кончилось самостоятельное существованіе Египетскаго царства, продолжавшееся такъ много лѣтъ!*

РАЗСКАЗЪ XIX.

Походъ Камбиза въ Эѳіопію. — Его смерть. — Самозванецъ. — Воцареніе Дарія-Гистаспа. — Усмирненіе возстанія въ Вавилоніи.

Камбизъ не удовольствовался покореніемъ Египта; онъ хотѣлъ повѣрнѣе упрочить за персами обладаніе этой богатой страной, а для этого ему казалось необходимымъ завоевать еще другія, пограничныя съ ней страны: на югѣ — *Эѳіопію* (теперь Нубія), на

западъ — большой и населенный оазисъ *Аммона* (теперь оазисъ *Сивага*) въ Ливійской пустынѣ.

Для овладѣнія этимъ оазисомъ Камбизъ отдѣлилъ отрядъ въ 50.000 человекъ, а самъ съ главными силами двинулся въ походъ вверхъ по теченію Нила на югъ. Не успѣло персидское войско пройти и пятой части предположеннаго пути, какъ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Всѣ запасы вышли, а достать новыхъ среди страны невоздѣланной, негостепримной, населенной неграми, было очень трудно: кормились кое-какъ зеленью и плодами, какіе попадались на пути. Между тѣмъ Камбизъ не хотѣлъ слышать объ отступленіи: онъ не привыкъ отказываться отъ того, что разъ было задумано имъ. Персидское войско продолжало идти впередъ и вступило въ предѣлы песчаной пустыни, гдѣ уже не было никакой растительности, даже травы. Съѣдены были всѣ лошади, всѣ вьючныя животныя, находившіяся при обозѣ... По словамъ Геродота, дошло до того, что въ нѣкоторыхъ частяхъ войска солдаты стали по жребію убивать десятого изъ своихъ рядовъ и утолять нестерпимый голодь человѣческимъ мясомъ. Тогда, наконецъ, Камбизъ рѣшился отступить и съ значительной убылью въ войскѣ возвратился въ Фивы. На пути его ожидало извѣстіе о новой неудачѣ. Отрядъ, отправленный въ Ливійскую пустыню, благополучно добрался до перваго большого оазиса, который лежалъ на западъ отъ границы Египта (теперь оазисъ *Эль-Карнэ*), но на дальнѣйшемъ пути къ оазису Аммона онъ былъ будто бы застигнутъ песчанымъ вихремъ и погибъ весь, занесенный пескомъ.

Такъ, лѣтъ восемьдесятъ спустя, рассказывали Геродоту въ Египтѣ, но едва ли можно повѣрить этому разсказу буквально. Наврядъ ли могло такимъ образомъ погибнуть цѣлое войско въ 50.000 человекъ. На самомъ дѣлѣ погибла, вѣроятно, только нѣкоторая часть отряда, который заблудился въ пустынѣ, благодаря, какъ можно догадываться, египетскимъ проводникамъ. Они, надобно думать, съ умысломъ завели персовъ въ непроходимые пески на жертву смерти отъ голода, зноя и жажды. Такимъ образомъ погибли, быть можетъ, нѣсколько тысячъ, а остальные должны были возвратиться, не достигнувъ цѣли похода. Очень можетъ быть, что къ довершенію бѣды подоспѣлъ и страшный бичъ пустыни — хамсинъ*).

*) Въ не очень давнее время въ Сахарской пустынѣ около того именно мѣста, гдѣ, по указаніямъ Геродота, совершилась гибель персидскаго войска, были открыты нѣсколько десятковъ холмовъ съ грудями человѣческихъ костей, и у нѣкоторыхъ ученыхъ явилась мысль, что эти кости подтверждаютъ именно разсказъ Геродота, что это — остатки погибшаго здѣсь Камбизова войска. Едва ли можно согласиться съ этой догадкой; вѣроятно, это — слѣды несчастья, случившагося когда-нибудь гораздо поздиѣе.

Какъ бы то ни было, предпріятіе противъ оазиса Аммона также не удалось. Можно представить себѣ, въ какомъ раздраженномъ состояніи духа долженъ былъ находиться Камбизъ, когда онъ изъ Оивъ отправился далѣе въ Мемфисъ, а между тѣмъ въ Мемфисѣ онъ нашелъ весь городъ въ праздничномъ видѣ: все населеніе ликовало и веселилось, какъ будто радовалось тяжкому безвременью, постигшему персовъ. Страшно разгнѣвался Камбизъ и приказалъ узнать о причинѣ веселья. Ему доложили, что египетскій народъ радуется потому, что въ Египтѣ проявился новый богъ — Аписъ. Камбизъ пожелалъ видѣть новаго бога. Когда жрецы привели священнаго быка и сказали, что это-то и есть новый богъ, Камбизъ выхватилъ мечъ и направилъ ударъ въ животъ быка, но промахнулся и ранилъ его въ бедро. Тогда онъ презрительно засмѣялся и сказалъ жрецамъ: „У однихъ только египтянъ бываютъ боги, которые боятся желѣза! надо мною хотѣли, вѣрно, насмѣяться, но эта шутка не обойдется вамъ даромъ!“ Жрецы были наказаны ударами бича, затѣмъ отдано приказаніе, подъ страхомъ смерти, прекратить празднованіе во всемъ Египтѣ, а бѣдный Аписъ, раненый на смерть, пролежавъ нѣсколько дней больной въ своемъ храмѣ, издохъ, и жрецы схоронили его тайкомъ по обрядамъ своей религіи.

Пока все это происходило въ Египтѣ, къ Камбизу вдругъ пришла вѣсть, что въ его собственномъ государствѣ, въ Персіи, неблагополучно. Тамъ его продолжительнымъ отсутствіемъ воспользовались *маги*, чтобы произвести въ государствѣ переворотъ. Между магами было очень много мидянъ, а мидяне не забыли, что такъ еще недавно они были сами господами персовъ. Они неохотно переносили господство персовъ, особенно при такомъ государѣ, какъ Камбизъ; но персы были слишкомъ сильны и слишкомъ воинственны, чтобы противъ нихъ можно было предпринять что-нибудь открытой силой. Потому маги рѣшились достигнуть цѣли *обманомъ*: они задумали посадить на престолъ кого-нибудь *изъ своихъ*, чтобы черезъ него управлять государствомъ, и воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что о насильственной смерти царевича *Смердиса* было извѣстно лишь очень немногимъ; а между магами случайно нашелся человекъ и станомъ, и лицомъ похожій на Смердиса*); только, за какой-то преступокъ, у него еще при

Дѣйствительно, песчаное море Сахары, какъ я уже сказалъ, говоря о Египтѣ, бывало могилой цѣлыхъ каравановъ: не далѣе, какъ въ началѣ прошлаго столѣтія, лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, погибъ такимъ образомъ на пути изъ Дарфура въ Египетъ караванъ, въ которомъ было двѣ тысячи человекъ.

*) Его звали: *Гаумата*.

Киръ были отрѣзаны уши. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, легко было скрыть подъ высокою шапкой, которую, какъ вы знаете, постоянно носили персы. Этотъ-то магъ выдалъ себя за Смердису; поэтому въ исторіи его и называютъ *Лже-Смердисомъ*. Къ нему пристали прежде всего маги, а въ народъ распустили слухъ, что Камбизъ не возвратится, что онъ погибъ въ Египтѣ. Получивъ извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ, Камбизъ съ войскомъ послѣшно выступилъ въ обратный путь, въ Персію, но во время похода съ нимъ случилось несчастіе. Разъ, торопясь сѣсть на коня, онъ неосторожнымъ движеніемъ обнажилъ свой мечъ и ранилъ себя въ *бедро* (египетскіе жрецы увѣряли потомъ, что это Аписъ покаралъ персидскаго государя). Рана оказалась смертельной. Чувствуя приближеніе смерти, Камбизъ приказалъ позвать къ своему одру главныхъ вельможъ и открылъ имъ, что по его собственному приказанію братъ его, Смердисъ, погибъ отъ руки Прекаспа. Затѣмъ онъ заклиналъ ихъ употребить всѣ средства, чтобы наказать самозванца и вырвать у него незаконно захваченную власть. Вскорѣ потомъ Камбизъ умеръ, процарствовавъ всего семь лѣтъ и пять мѣсяцевъ и *не оставивъ послѣ себя прямого наслѣдника*.

Персы усомнились въ искренности предсмертнаго признанія своего государя; они приписали его слова нерасположенію, которое, какъ всѣмъ было извѣстно, онъ всегда питалъ къ младшему брату. Они подумали, что Камбизъ хотѣлъ намѣренно оклеветать брата, сдѣлать его самозванцемъ въ глазахъ персовъ и такимъ образомъ вооружить противъ него весь персидскій народъ. Они еще болѣе увѣрились въ этомъ предположеніи, когда послѣ смерти Камбиза Прекаспъ отрекся отъ всего и объявилъ, что ему ничего не извѣстно о смерти Смердису (онъ побоялся признаться въ томъ, что у него поднялась рука на кровь Кира, котораго такъ любилъ народъ). Тогда персы рѣшили, что не самозванецъ владѣетъ престоломъ, а настоящій Смердисъ, сынъ Кировъ, и вся Персія признала его законнымъ наслѣдникомъ престола.

Но не прошло и полугода, какъ у многихъ стало возникать подозрѣніе, и прежде всего у семи знатнѣйшихъ по рожденію вельможъ или князей Персидскаго царства. Они стали замѣчать въ поведеніи новаго царя что-то странное, что онъ, напримѣръ, никогда не покидаетъ дворца, избѣгаетъ показываться народу, какъ будто чего-то боится или что-то скрываетъ... Изъ этихъ семи самыми знатными были двое: *Отанъ* и *Дарій-Гистаспъ*, оба изъ царскаго рода *Ахеменидовъ*. Имъ-то и удалось на седьмой мѣсяцъ открыть обманъ, и вотъ какимъ именно образомъ. Мнимый Смердисъ былъ женатъ на дочери Отана. Отанъ уговорилъ дочь тайно подсмотрѣть, есть ли

уши у ея мужа, и дочь исполнила желаніе отца. Когда такимъ образомъ не осталось болѣе никакого сомнѣнія, Отанъ созвалъ шесть другихъ князей, открылъ имъ тайну, и было рѣшено дѣйствовать немедленно, чтобы захватить врасплохъ самозванца и его пособниковъ. Совершенно неожиданно имъ помогъ въ этомъ случаѣ Прекаспъ, которому лучше всѣхъ, конечно, была извѣстна истина. Случилось такъ, что въ это самое время маги, замѣчая, что и въ народѣ начинается колебаніе и сомнѣніе, упросили Прекаспа подтвердить свое прежнее показаніе еще разъ предъ всѣмъ народомъ. Прекаспъ согласился, повидимому, быть еще разъ лжесвидѣтелемъ и съ этой цѣлью взошелъ на высокую башню, внизу которой собралось множество народа. Но, къ ужасу жрецовъ, на этотъ разъ онъ объявилъ совсѣмъ не то, что они надѣялись услышать, а открылъ въ самомъ дѣлѣ *всю правду*, т.-е. что истинный сынъ Кира давно погибъ отъ руки его по приказанію царя Камбиза, а на престолѣ сидитъ магъ, самозванецъ. Затѣмъ, чтобы не достаться живымъ въ руки маговъ, онъ бросился съ башни внизъ головою и, убившись до смерти, искупилъ такимъ образомъ свою первую ложь. Тогда заговорщики: Отанъ, Гистаспъ и остальные, отправились въ царскій дворецъ. Стража пропустила ихъ, такъ какъ по своему происхожденію они пользовались правомъ во всякое время входить во дворецъ. Одинъ изъ заговорщиковъ, *Гобрій*, проникъ во внутренніе покои, гдѣ находился ложный царь, и напалъ на него съ мечомъ въ рукахъ. Самозванецъ защищался съ мужествомъ отчаянія. Во время борьбы на помощь Гобрію подоспѣлъ Дарій-Гистаспъ; но въ комнатѣ было темно, и Дарій не зналъ, что ему дѣлать — опасался въ темнотѣ какъ-нибудь невзначай вмѣсто Смердиса ранить своего сообщника. Тогда Гобрій закричалъ: „Не бойся, лучше вмѣстѣ съ нимъ убей и меня“. По счастью, ударъ, направленный наудачу, достался Смердису. Заговорщики отрубили самозванцу голову и съ этой головой вышли изъ дворца къ народу объявить о случившемся. Народъ бросился въ дома маговъ, и множество ихъ погибло въ тотъ день.

Такимъ образомъ, попытка маговъ обманомъ захватить власть въ свои руки окончилась неудачей. Теперь является вопросъ: кому же быть царемъ? Мы знаемъ, что самозванецъ былъ свергнутъ семью главными изъ персидскихъ князей. Всѣ семеро были царскаго рода; всѣ семеро имѣли одинаковое право на царскій престолъ. Рѣшено было испытать волю боговъ. Вы помните, что у персовъ, между прочимъ, особенно почитался *Митра*, богъ солнца, которому изъ животныхъ была посвящена лошадь. Рѣшили, что всѣ семеро вмѣстѣ въ назначенный день, рано передъ зарей выѣдутъ вер-

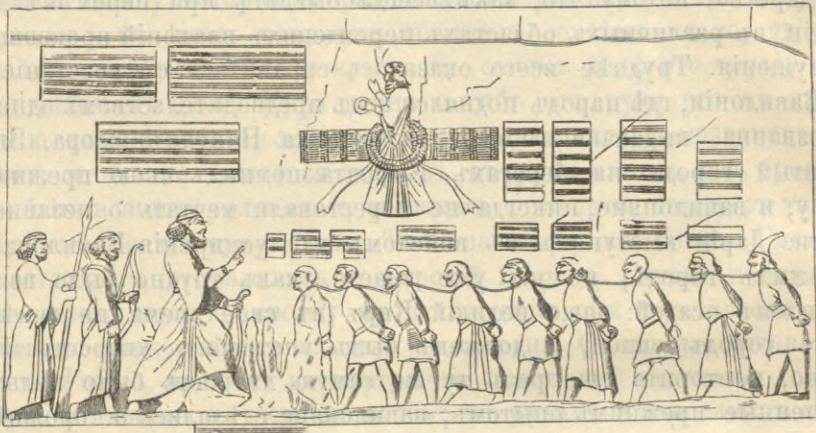

хомъ въ условленное мѣсто за городъ и тамъ будутъ дожидаться солнечнаго восхода: чей конь заржетъ первый при восходѣ солнца, какъ будто привѣтствуя появленіе лучезарнаго бога, тому и быть царемъ. Случилось, что первый заржалъ конь Дарія, и вотъ онъ былъ объявленъ царемъ подъ именемъ *Дарія-Гистаспа*. Такъ рассказываетъ Геродотъ. Но мы знаемъ, что Дарій былъ самый близкій родичъ покойнаго Камбиза и происходилъ изъ той же семьи *Ахеменидовъ*, къ которымъ принадлежалъ и самъ *Киръ*, а потому и выбранъ былъ на престолъ.

Когда Дарій-Гистаспъ вступилъ на престолъ, ему прежде всего пришлось употребить не мало времени и усилій, чтобы успокоить государство, потому что, какъ всегда бываетъ при перемѣнѣ династїи, въ различныхъ областяхъ персидскихъ владѣній произошли возмущенія. Труднѣе всего оказалось справиться съ возстаніемъ въ Вавилонїи, гдѣ народъ поднялся подъ предводительствомъ одного самозванца, выдававшего себя за потомка Навуходносора. Знаменитый городъ на берегахъ Евфрата помнилъ свою прежнюю славу, и вавилоняне никогда не переставали мечтать о независимости. Дарій выступилъ съ войскомъ для усмиренія Вавилона и обложилъ городъ, но вы уже знаете, какъ трудно было взять Вавилонъ осадой: даже великій Киръ въ свое время не сумѣлъ взять городъ силой, а долженъ былъ употребить хитрость. Конечно, повторить еще разъ ту же самую хитрость было нельзя: наученные прежнимъ опытомъ, вавилоняне сдѣлались осторожнѣе. Оставалось изобрѣсти что-нибудь новое, и вотъ на этотъ разъ изобрѣтателемъ явился нѣкто *Зофиръ*, знатный персидскій вельможа, одинъ изъ тѣхъ семи, которые участвовали въ низверженїи Лже-Смердаса. Этотъ Зофиръ однажды, во время осады, явился къ Дарію въ ужасномъ видѣ: у него были обрѣзаны носъ и уши, борода выщипана, спина и все тѣло въ кровяныхъ рубцахъ отъ ударовъ бича. Дарій не вѣрилъ своимъ глазамъ: „Какой злодѣй“, воскликнулъ онъ, „осмѣлился изуродовать такъ одного изъ первыхъ вельможъ моего государства?“ Зофиръ отвѣчалъ, что онъ самъ это сдѣлалъ надъ собою: „я передамъ вавилонянамъ“, сказалъ онъ, „и скажу имъ, что это ты, государь, поступилъ со мной такъ жестоко и несправедливо; видъ мой такъ убѣдитъ ихъ въ истинѣ моихъ словъ, что они довѣрятъ мнѣ начальство надъ какимъ-нибудь отрядомъ своего войска“. На этомъ расчетѣ былъ построенъ весь дальнѣйшій планъ Зофира. Онъ условился съ Даріемъ, что въ десятый день послѣ его перехода къ непріятелю персы выставятъ противъ извѣстнаго мѣста городской стѣны небольшой и слабо-вооруженный отрядъ въ тысячу человекъ; отрядъ этотъ будетъ

разбить Зопиромъ. Черезъ семь дней тоже самое случится съ другимъ отрядомъ, побольше — въ двѣ тысячи, и, наконецъ, еще черезъ двадцать дней съ третьимъ — уже въ четыре тысячи человекъ. Послѣ этихъ трехъ опытовъ, разсчитываль Зопиръ, вавилоняне окончательно убѣдятся какъ въ его ненависти къ персамъ, такъ и въ его военныхъ способностяхъ и отдадутъ ему ключи отъ городскихъ воротъ, а онъ ночью отворитъ эти ворота персамъ. Все случилось такъ именно, какъ разсчитываль Зопиръ, и Вавилонъ еще разъ былъ взятъ хитростью. Послѣ того уже гораздо легче были подавлены возстанія въ другихъ частяхъ государства, и вездѣ восстановлена тишина*).

Багистанское изваяніе. (На вверху, въ серединѣ — изображеніе божества.)

Персидская монархія устояла; она оказалась прочнѣе другихъ, предшествовавшихъ ей великихъ монархій: ассирійской и вавилонской. Но примѣръ этихъ возстаній долженъ былъ внушить Дарію-Гистаспу осторожность и заставить его почувствовать, что необходимо дать государству болѣе прочное, болѣе правильное внутреннее устройство, чтобы въ будущемъ подобныя потрясенія

* Царь Дарій, по примѣру другихъ царей, своихъ предшественниковъ, приказалъ увѣковѣчить свою побѣду надъ врагами въ видѣ вѣчнаго памятника. До сихъ поръ въ Персіи есть скала (близъ мѣстности, которая теперь зовется *Багистанъ*), на камнѣ которой художники Дарія изобразили его подвиги въ громадныхъ фигурахъ и надписяхъ. На первомъ мѣстѣ фигура царя, попирающаго врага — это *Дарій*; къ нему ведутъ вереницу плѣнниковъ съ связанными руками, и надъ первымъ изъ нихъ надпись: „Я Гаумата; я малъ (главное преступленіе у персовъ), что я Бартъль, сынъ Кира“; такія же надписи слѣдуютъ надъ головами остальныхъ плѣнниковъ, которые оказываются всѣ предводителями мятежниковъ противъ персидскаго владыки. Всѣ надписи эти сдѣланы *воздеобразнымъ письмомъ*; съ нихъ произвели вѣрные снимки, они-то и послужили для европейскихъ ученыхъ главнымъ пособіемъ, когда начали разбирать ассирійскую *клинопись*.

сдѣлались невозможны. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что Персидская монархія составилаь изъ многихъ частей разныхъ племень, разныхъ вѣръ и нравовъ. О новыхъ завоеваніяхъ было нечего думать. Царство Дарія было громадно и безъ того: вы знаете, что въ составъ его входила вся передняя Азія отъ Средиземнаго моря и Кавказа до горъ Индокитайскихъ и, кромѣ того, лучшая часть Африки — Египетъ. Прежнія великія монархіи, Ассирійская и Вавилонская, были также громадны, но мы видѣли, какъ быстро онѣ рушились; потому, между прочимъ, что государи ихъ умѣли только дѣлать завоеванія, но не заботились болѣе правильно и прочно устроить *внутреннее управленіе* своего государства. Дать Персіи такое болѣе правильное устройство — вотъ та задача, которую поставилъ себѣ Дарій-Гистаспъ. Посмотримъ теперь, какъ онъ выполнилъ ее: познакоимся съ управленіемъ и порядками, которые установилъ Дарій и которые продолжались въ Персіи и послѣ него, при его преемникахъ.

РАЗСКАЗЪ XX.

Внутреннее устройство Персидской монархіи. — Царь персидскій и его дворъ. — Пути сообщенія. — Сатрапы. — Налогы. — Войско.

Верховнымъ повелителемъ Персіи былъ *царь*, и такъ какъ Персидское государство составилось изъ многихъ, прежде самостоятельныхъ царствъ, то персидскій царь, не совѣмъ безъ основанія, величалъ себя *царемъ царей**). Какъ же жиль этотъ *царь царей*? Какова была царственная обстановка, его окружавшая?

Я сказалъ еще прежде, что теперь было уже не то, что въ старину: царь Персіи уже не былъ тѣмъ простымъ воиномъ или вождемъ, проводившимъ жизнь въ походахъ, какимъ когда-то былъ Киръ въ началѣ своего царствованія. Теперь, когда персы господствовали во всей передней Азіи, когда въ царскую казну стекалась дань со столькихъ подвластныхъ народовъ и царствъ, древняя простота персидскаго быта измѣнилась какъ при царскомъ дворѣ, такъ и въ народѣ, по крайней мѣрѣ, между знатными и богатыми. Персы, какъ я уже сказалъ, были очень падки на подражаніе чужому и всего болѣе переняли у вавилонянъ, такъ какъ

*) *Шахъ-и-шахъ* — такъ величаетъ себя до сихъ царь персидскій. На старинномъ персидскомъ языкѣ это звучало: *кшааття-кшатіянамъ*.

вавилоняне были самый образованный изъ всѣхъ азіатскихъ народовъ, которые входили въ составъ Персидской монархіи. Отъ нихъ персы заимствовали не только науку и клинообразныя письмена, но у нихъ же переняли и обычаи, и одежду, и страсть къ роскоши. Оттуда же, изъ Вавилона, перешла въ Персію и обстановка царскаго двора, т.-е. придворный *этикетъ* или *церемоніаль*, и чѣмъ далѣе, тѣмъ потомки Кира своимъ блескомъ и пышностью все болѣе напоминали прежнихъ восточныхъ владыкъ — царей Ассиріи и Вавилона*).

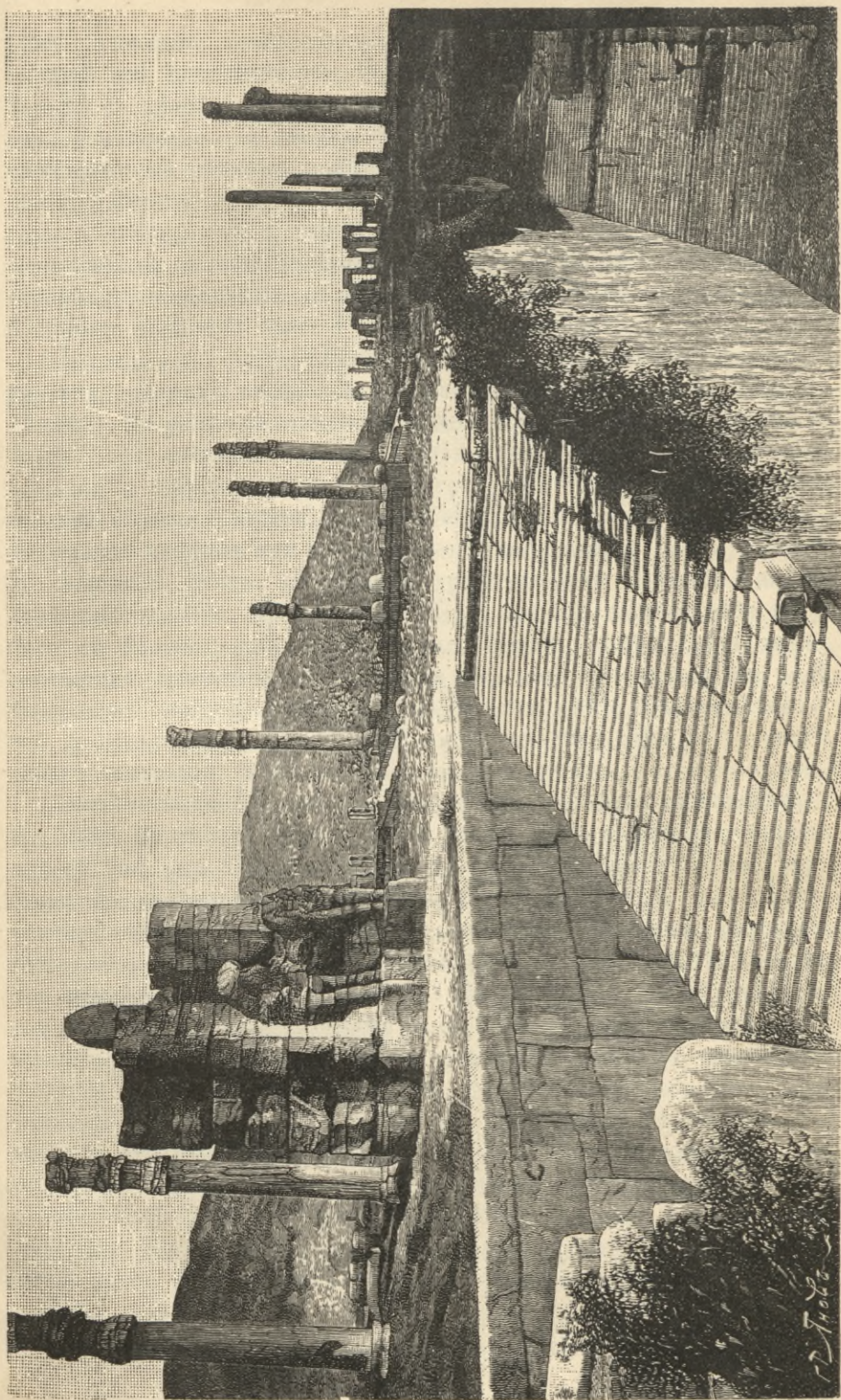
У персидскаго царя было *четыре столицы*: 1) на сѣверѣ *Эбатана* — лѣтняя резиденція, въ средней Мидіи, гдѣ можно было найти прохладу во время лѣтняго зноя; 2) другая — зимняя резиденція, въ *Вавилонѣ*, гдѣ не было никогда зимы; 3) *Персеполи* или Пасаргады — на югѣ, и, наконецъ, 4) *Суза***), считавшаяся главной столицей, потому что по своему географическому положенію находилась наиболѣе въ центрѣ государства. Въ каждомъ изъ четырехъ городовъ царь проживалъ обыкновенно только извѣстное время года въ одномъ изъ великолѣпныхъ дворцовъ, выстроенныхъ для его пребыванія.

Дарій изъ своихъ дворцовъ всего болѣе любилъ построенные имъ самимъ въ Сузѣ и въ Персеполи. Отъ персепольскаго дворца и теперь еще сохранились развалины, судя по которымъ, нельзя сомнѣваться, что и архитектурный стиль своихъ построекъ персы переняли также у ассирійанъ и вавилонянъ: это стиль ассирійско-вавилонскій. Такъ, напримѣръ, какъ въ развалинахъ Ниневіи, такъ и въ развалинахъ Персеполя на сохранившихся стѣнахъ дворца видны изображенія, содержаніе которыхъ составляютъ разныя сцены изъ царской жизни. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, царь изображенъ сидящимъ на престолѣ, а передъ нимъ стоятъ люди, которые, судя по одеждѣ и различному складу лицъ, принадлежатъ не къ одной народности. Это представители двадцати провинцій или областей Персидскаго государства, и каждый изъ нихъ приноситъ царю въ дань какія-нибудь произведенія своей страны. На другомъ изображеніи царь поражаетъ мечомъ какое-то чудовище, въ кото-

*) Персидскій владыка, окруженный многочисленными придворными и особыми телохранителями — гвардіей, сдѣлался совершенно недоступнымъ для своихъ подданныхъ. Тому, кто безъ позволенія осмѣливался только показаться на глаза царю, грозила смертная казнь; чтобы добиться свиданія, необходимо было заранѣе подать письменную просьбу. С. М.

**) Суза на р. *Хоастъ*, притокъ Тигра, была когда-то столицей стариннаго и славнаго *Еламскаго* царства. Царство это, было время, враждовало и соперничало даже съ Вавилономъ и Ассирією.

Развалины Персепольского дворца.

Г. Дубов

ромъ; очевидно, олицетворена злая сила Аримана: царь, какъ первый изъ поклонниковъ Ормузда, долженъ вести постоянную борьбу со зломъ, долженъ стараться истребить, уничтожить все дурное и вредное въ своемъ государствѣ. Рядомъ съ такими изображеніями на стѣнахъ помѣщаются, опять такъ же, какъ въ Ниневіи, длинныя надписи изъ гвоздеобразныхъ письменъ: онѣ гласятъ о могуществѣ и славѣ царя, которымъ построенъ дворецъ. Встрѣчаются и подобныя ниневійскимъ рельефныя изображенія странныхъ животныхъ, съ человѣчьею головой, но съ туловищемъ и ногами льва или быка и орлиными крыльями.

Судя какъ по развалинамъ, такъ и по рассказамъ Геродота и другихъ древнихъ писателей, эти дворцы были громадны и великолѣпны*). Не менѣе великолѣпно было и все остальное, что окружало особу царя, начиная съ его платья. Онъ носилъ обыкновенно длинное и широкое платье изъ пурпурной ткани съ затканными въ ней бѣлыми узорами, поверхъ котораго во время выѣздовъ накидывался кафтанъ изъ самой драгоценной матеріи (парчи): станъ его обвивалъ поясъ, сверкавшій драгоценными камнями; на головѣ обыкновенно красовалась митра, высокая шапка цвѣта голубого съ бѣлымъ; при бедрѣ — драгоценная золотая сабля, также осыпанная драгоценными камнями; на ногахъ — что-то въ родѣ башмаковъ или туфель желтаго (шафраннаго) цвѣта. Рассказываютъ, что у одного персидскаго царя была парадная одежда, на наши деньги стоившая около *пятнадцати милліоновъ рублей серебромъ!*

Соотвѣтственной роскошью отличалась и одежда придворныхъ, вельможъ царскихъ. Первое мѣсто между ними занимали тѣ шесть князей, которые нѣкогда принимали участіе въ возведеніи на престолъ Дарія-Гистаспа. Знатнѣйшіе вельможи носили особыя почетныя названія; ихъ, на примѣръ, величали титулами: царскихъ *доброхотовъ* или *добродѣевъ*, *участниковъ царскаго стола* (потому что отмѣченные этимъ титуломъ имѣли право сидѣть за обѣдомъ, если не за однимъ столомъ съ государемъ, то, по крайней мѣрѣ, ближе другихъ къ его столу), а ужъ самые знатные назывались *государевыми родственниками*. Эти послѣдніе пользовались привилегіей — цѣловать царя прямо въ уста, между тѣмъ какъ для другихъ считалось уже за очень великую честь поддержать царя, когда онъ садился на коня, или оказать ему другую подобную услугу. Царь обѣдалъ всегда за особымъ столомъ, при чемъ находились лица, которыя (въ удостовѣреніе, что въ кушаньѣ и питьѣ нѣтъ отравы) были обязаны отвѣдать отъ каждаго блюда,

*) См. прилагаемый рисунокъ: развалины Персепольскаго дворца.

отлить и вышить изъ каждаго кубка, подносимыхъ царю. Считалось великой милостью, если за обѣдомъ, желая почтить кого-нибудь изъ вельможъ, царь посылалъ ему со своего стола какое-нибудь блюдо или кубокъ вина. Воду для питья царь употреблялъ всегда только изъ той рѣки, на которой лежалъ городъ Суза. Поэтому, во время путешествій или походовъ, запасъ этой воды (чтобы она не портилась, ее предварительно кипятили) всегда возился въ царскомъ обозѣ въ большихъ серебряныхъ кувшинахъ.

Царскіе парадные выѣзды бывали необыкновенно пышны. Дорога, по которой проходилъ *царскій поѣздъ*, усыпалась миртовыми вѣтвями; на пути курились благоуханія, и, какъ это было въ обычаѣ и въ Египтѣ, встрѣчавшіеся на дорогѣ повергались ницъ на землю. Поѣздъ обыкновенно открывался отрядомъ тѣлохранителей въ 2000 человекъ (они шли или ѣхали верхомъ, обыкновенно рядами, по сту человекъ въ каждомъ), затѣмъ слѣдовала священная колесница бога Митры, запряженная осьюми бѣлыми конями; потомъ шли маги, которые несли священный огонь; наконецъ, появлялась царская колесница о четырехъ или шести коняхъ, по бокамъ которой шли особые оберегатели съ жезлами въ рукахъ; за царской колесницей слѣдовала верхомъ блестящая свита изъ знатнѣйшихъ вельможъ („царскихъ родственниковъ“); далѣе вели отъ двухъ до трехъ сотъ коней съ царской конюшни, въ богатыхъ, сіявшихъ золотомъ сбруяхъ, подъ дорогими пурпурными попонами, послѣ чего новый отрядъ, опять изъ 2000 тѣлохранителей, замыкалъ длинное царское шествіе.

Что касается до численности *царскаго двора*, то Геродотъ рассказываетъ, что во дворцѣ царскомъ ежедневно обѣдало до 15.000 человекъ, и въ томъ числѣ, кромѣ великаго множества придворныхъ разныхъ степеней и наименованій, до 14.000 человекъ одного войска. Это дворцовое войско дѣлилось на три отряда. Самый многочисленный составляли 10.000 „*безсмертныхъ*“, называвшихся такъ потому, что число ихъ никогда не убывало даже на одного человека: мѣсто каждаго выбывшаго почему-либо изъ строя въ ту же минуту заступалъ другой изъ запасныхъ. Другой отрядъ составляли тѣ тѣлохранители, которые, какъ мы видѣли, сопровождали царя во время его выѣздовъ. Въ этомъ отрядѣ было 2000 всадниковъ и 2000 пѣшихъ копьеносцевъ: и тѣ и другіе, по словамъ Геродота, отличались отъ остального войска своимъ богатымъ убранствомъ, между прочимъ, серебряными и золотыми яблоками на древкахъ копій.

Таковъ былъ царскій дворъ. Обратимся теперь къ другимъ сторонамъ государственной жизни и прежде всего поговоримъ о *пу-*

Дарій Гистаспъ и его слуги.
(Персидскій рисунокъ.)

тяхъ сообщенія. Какъ изъ Сузы, такъ и изъ другихъ столицъ въ разныхъ направлєнїяхъ пролегали большія царскія *дороги*. Персидскіе государи первые поняли необходимость для государства хорошо устроенныхъ путей сообщенія и всего прежде для того, чтобы въ случаѣ нападенія непріятелей или въ случаѣ народнаго возмущенія въ какой-нибудь области, имѣть возможность тотчасъ узнать объ этомъ и быстро двинуть туда войска. Геродоту была особенно хорошо извѣстна одна изъ этихъ дорогъ, по которой ему случилось путешествовать самому. Эта была та большая дорога, которая вела изъ Сузы до города Сардъ (въ Лидїи), всего на разстоянїи 90 дней пути: понятно, какъ она была велика, какого труда потребовалось, чтобы ее провести (черезъ рѣки, горныя ущелья), и какихъ издержекъ стоило потомъ ея содержаніе. На этой дорогѣ, въ извѣстныхъ разстоянїяхъ одно отъ другого, были выстроены укрѣпленія, заняты военными отрядами (они должны были наблюдать за безопасностью путешественниковъ), и, кромѣ того, имѣлось сто десять *станцій*, при которыхъ, по обычаю персовъ, были разведены тѣнистые парки и сады. На этихъ станціяхъ путешествующіе могли остановиться и находить прїютъ и отдыхъ, но, помимо этого, онѣ служили еще для *царской почты*: на каждой постоянно содержалось извѣстное число осѣдланыхъ коней и царскихъ гонцовъ или курьеровъ, всегда, и днемъ и ночью, и въ лѣтній зной, и въ зимнюю непогоду, готовыхъ мчаться, куда прикажутъ, съ донесенїями ли къ государю отъ его намѣстниковъ, или, наоборотъ, съ указами отъ царя къ правителямъ областей: „гонцы персидскаго царя“, говорили греки, „летаютъ быстрѣе журавлей“. Почта, впрочемъ, была предназначена исключительно для государя и для государственныхъ цѣлей: частные люди ею не пользовались. Кромѣ станцій, въ извѣстныхъ мѣстахъ по дорогамъ, обыкновенно въ такихъ пунктахъ, которыхъ нельзя было миновать ни пѣшему, ни конному (напримѣръ, тамъ, гдѣ дорога вступила въ ущелье между горъ, или при переправахъ черезъ большія рѣки), находились царскія *заставы*. Здѣсь проживали царскіе *приставы*, которымъ было предоставлено право останавливать путешественниковъ, допрашивать ихъ и задерживать всякаго, кто казался имъ подозрительнымъ. Изъ этого видно, что у персовъ была заведена и *полиція*, и какъ дѣятельно персидская полиція исполняла свое дѣло, какъ ея боялись, это доказываетъ, между прочимъ, слѣдующій разсказъ Геродота. Разъ одному, жившему въ Сузѣ греку понадобилось послать въ Малую Азію письмо къ своему прїятелю, чтобы сообщить ему одну важную тайну. Опасаясь (онъ замышлялъ недоброе противъ пер-

сидскаго царя), что посланнаго на дорогѣ остановать и найдуть у него письмо, хитрый грекъ придумалъ очень остроумное средство. Онъ выбрилъ голову одному изъ своихъ рабовъ, на обнаженной кожѣ написалъ, что ему было нужно, затѣмъ продержалъ раба въ темной комнатѣ, пока у него отросли волосы, и тогда уже отправилъ къ своему пріятелю это *живое письмо*.

Посмотримъ теперь, какъ *управлялась* персидская монархія. Она была раздѣлена на двадцать областей или *сатрапій*, какъ онѣ назывались у персовъ. Иногда границы сатрапій соотвѣтствовали границамъ какого-нибудь *прежняго царства*; такъ, на примѣръ, *Вавилонія* съ Ассиріей образовали одну сатрапію, *Египетъ* съ прилежащими странами — другую. Иногда, наоборотъ, одна сатрапія составлялась изъ нѣсколькихъ мелкихъ царствъ; вся *Сирія*, на примѣръ, съ бывшими царствами, Дамасскимъ, Израильскимъ, Иудейскимъ и Финикіей, составляла лишь одну область. Главный правитель сатрапій, намѣстникъ царскій, назывался *сатрапомъ* или по персидскому произношенію *кшатрапаванъ* (что значить — „защитникъ государства“). Власть сатрапа была несравненно обширнѣе, чѣмъ у насъ, на примѣръ, власть губернатора. Это была власть почти неограниченная; въ предѣлахъ своей области сатрапъ была царь въ маломъ видѣ. Онъ держалъ пышный дворъ, имѣлъ даже право чеканить монету (впрочемъ, кромѣ золотой), принимать пословъ отъ пограничныхъ народовъ, заключать съ ними договоры. Онъ же былъ часто и главнокомандующимъ всѣхъ войскъ, стоявшихъ въ его сатрапіи, и могъ даже на свой страхъ предпринимать походы съ этими войсками, на примѣръ, когда нужно было усмирить какой-нибудь беспорядокъ внутри сатрапій или наказать какихъ-нибудь пограничныхъ хищниковъ. Поставленные такъ самостоятельно и имѣя такъ много власти въ своихъ рукахъ, сатрапы могли злоупотреблять своимъ положеніемъ, особенно на окраинахъ, въ мѣстностяхъ, болѣе отдаленныхъ отъ столицы. Персидскіе цари, конечно, понимали это и старались предупреждать злоупотребленія, во-первыхъ, тщательнымъ надзоромъ за дѣйствіями и поведеніемъ сатраповъ и, во-вторыхъ, страхомъ наказанія, которымъ подвергались виновные. Самымъ близкимъ лицомъ къ царю, пользовавшимся всѣмъ его довѣріемъ, былъ одинъ важный сановникъ, который назывался *око государево*, потому что его дѣло было все *видѣть*, т.-е. знать все, что происходитъ въ государствѣ, и обо всемъ доводить до свѣдѣнія царя. Время отъ времени *око государево* (а иногда и самъ царь) неожиданно наѣзжалъ то въ ту, то въ другую изъ сатрапій и обзрѣвалъ ее, чтобы узнать, въ какомъ со-

стояніи она находится, и исполняетъ ли сатрапъ свои обязанности: печется ли онъ, по заповѣдямъ Ормузда, объ улучшеніи земледѣлія, о разведеніи полезныхъ деревьевъ и, особенно, творить ли онъ правый судъ, не лицепріятствуетъ ли, не беретъ ли мзды, не притѣсняетъ ли населеніе. Кромѣ того, у ова „государева“ были въ каждой сатрапіи свои подручники, или тайные агенты, которые за всѣмъ наблюдали и обо всемъ доносили своему начальнику, а онъ самому царю. Эти агенты назывались *уши государевы*, и не даромъ слыла у персовъ пословица, что „у царя персидскаго много глазъ и много ушей“.

Если сатрапъ оказывался хорошимъ правителемъ, онъ могъ ожидать царской милости и щедрыхъ наградъ. *Награды* состояли или въ почетномъ титулѣ (вы уже знаете, какіе это были титулы), или почетныхъ подаркахъ, на примѣръ, богатомъ кафтанѣ (по-персидски *кандисъ*) съ царскаго плеча, драгоценной золотой цѣпи, которая надѣвалась поверхъ платья, золотой саблѣ или дорогомъ конѣ въ драгоценной сбруѣ. Иной разъ царь награждалъ помѣстьями, а иногда, за особыя заслуги, жаловалъ даже цѣлые города. Но горе было сатрапу, который оказывался виновнымъ: царь смѣнялъ его и подвергалъ наказанію. *Наказанія* же, употребительныя у персовъ, какъ и у всѣхъ азіатовъ, были болѣе, чѣмъ строги: они были нерѣдко страшно, безчеловѣчно жестоки. Когда одинъ сатрапъ былъ уличенъ въ томъ, что бралъ взятки, царь (это еще былъ Камбизъ) велѣлъ содрать съ него, живого, кожу и обить ею кресло, а его преемнику въ предостереженіе было приказано садиться на это самое кресло всякій разъ, когда ему приходилось разбирать дѣла на судъ*), — жестокость тѣмъ болѣе ужасная, что первымъ преемникомъ казненнаго былъ, говорятъ, назначенъ его же родной сынъ. Иногда преступникамъ рѣзали носы, рубили уши, отсѣкали правую ногу, раскаленнымъ желѣзомъ или кипящимъ масломъ выжигали глаза; иныхъ по шею закапывали живыми въ землю и потомъ побивали камнями, другихъ распинали. Послѣдній видъ казни былъ особенно мучителенъ, потому что смерть приходила не вдругъ, иногда не скоро: несчастный томился иногда очень долго въ страшныхъ страданіяхъ. Былъ такой примѣръ, что осужденный, провисѣвъ нѣсколько времени на крестѣ, былъ помилованъ смягчившимся царемъ, снятъ и потомъ остался въ живыхъ. Гнѣвъ персидскаго царя былъ тѣмъ болѣе страшенъ, что всего чаще оналъ царской подвергался не

*) Въ провинціи судьей являлся сатрапъ; наиболѣе же важныя дѣла разсматривалъ самъ царь: царскій судъ состоялъ изъ 7 человекъ. С. М.

одинъ только виновный, но и его семья, сыновья, братья, иногда всѣ его родственники мужескаго пола. Прогнѣвавшись однажды на кого-то изъ своихъ приближенныхъ, Дарій вмѣстѣ съ виновнымъ осудилъ на смерть и всѣхъ его сыновей и братьевъ и уже потомъ только, тронутый отчаяніемъ жены осужденнаго, согласился оставить въ живыхъ одного сына и одного брата.

Между прочими обязанностями на сатрапѣ лежалъ и сборъ податей. *Подати* были двоякаго рода: *денежныя* и *натуральныя*. Натуральныя повинности состояли въ томъ, что каждая область должна была доставлять въ царскую казну опредѣленное количество тѣхъ произведеній природы, которыми она была особенно богата: изъ Мидіи, на примѣръ, и нѣкоторыхъ другихъ областей, гдѣ были обильныя пастбища и луга, шли кони для царской конницы и царскихъ конюшенъ (въ томъ числѣ одна мѣстность въ Малой Азіи поставляла ежегодно, по числу дней въ году, 365 коней совершенно бѣлой масти); изъ другихъ мѣстностей доставлялись овцы и разный скотъ; одна провинція въ Сиріи доставляло вино; Аравія присылала свои благовонія; Индія — золотой песокъ изъ Гималайскихъ горъ; изъ мѣстностей на югъ отъ Египта, населенныхъ неграми, шли слоновая кость и черное дерево; оазисъ Сивахъ уплачивалъ дань солью и т. д. Кромѣ того, каждая сатрапія была обязана содержать своего сатрапа и его дворъ, его чиновниковъ и тотъ отрядъ войска, который былъ расположенъ постоемъ въ каждой области, какъ для безопасности жителей, такъ и для поддержанія порядка и повиновенія. Во время же царскихъ путешествій, та провинція, гдѣ царь проѣзжалъ или останавливался, должна была на время его пребыванія доставлять все потребное для содержанія царскаго двора.

Стремясь устроить свое государство правильнымъ и въ то же время нестѣснительнымъ для подданныхъ образомъ, персидскіе цари до нѣкоторой степени заботились, чтобы огромныя повинности, лежащія на народѣ, не были для него отяготительны: съ этой цѣлью, во-первыхъ, былъ точно опредѣленъ размѣръ налоговъ, чтобы всякій зналъ, сколько ему слѣдуетъ платить; во-вторыхъ, эти налоги были соображаемы со средствами каждой области, съ ея обширностью, съ плодородіемъ ея почвы и численностью населенія; вотъ почему, на примѣръ, самый большой денежный сборъ шелъ съ богатой Вавилоніи. Уже по одному этому можно видѣть, что въ Персидскомъ государствѣ мы встрѣчаемъ что-то *новое*, чего мы не встрѣчали у другихъ народовъ, съ которыми знакомились прежде. Въ Ассиріи, въ Вавилоніи, отчасти и въ Египтѣ, мы не видѣли заботы объ установленіи постоянныхъ, опредѣленныхъ порядковъ. Тамъ мы встрѣчали

произволь, насиліе, разореніе поработченныхъ странъ, угнетеніе побѣжденныхъ народовъ. Между тѣмъ цари персидскіе, если и налагали значительныя повинности на своихъ подданныхъ, то въ то же время пеклись и о ихъ благосостояніи. Они, какъ мы видѣли, заботились о хорошихъ и безопасныхъ дорогахъ, которыя, хотя устраивались первоначально съ другими цѣлями, но въ то же время, облегчая сношенія между жителями различныхъ частей государства, черезъ то много способствовали развитію торговли и народнаго богатства; они заботились и о правосудіи, о процвѣтаніи земледѣлія, наконецъ, о правильномъ распредѣленіи налоговъ. Далѣе, разноплеменные народы, изъ которыхъ составилось царство, не угнетались, какъ вы уже знаете изъ примѣра евреевъ: цари персидскіе не стѣсняли ихъ въ дѣлахъ вѣры, предоставляя каждому народу и племени вѣровать по-своему, какъ вѣровали отцы и дѣды (мало того, Дарій изъ царской казны помогаль евреямъ достроить ихъ храмъ, оказываль уваженіе египетской святынѣ и т. п.); не трогали ихъ мѣстныхъ обычаевъ, иногда даже оставляли на своихъ мѣстахъ прежнихъ, туземныхъ правителей, только подъ верхнимъ управленіемъ областного сатрапа*). Разумѣется, рядомъ съ этими свѣтлыми сторонами, не слѣдуетъ упускать изъ виду и весьма существенныхъ несовершенствъ во внутреннемъ устройствѣ персидскаго государства. Нельзя сомнѣваться, на примѣръ, что и самый дѣятельный надзоръ часто, очень часто не былъ въ состояніи помѣшать сатрапамъ сильно злоупотреблять своей слишкомъ неограниченной властью; нельзя не чувствовать отвращенія къ варварской жестокости казней... Но, и при всѣхъ несовершенствахъ, Персидское царство, какъ *первый* опытъ правильнаго государственнаго хозяйства и болѣе правильно устроеннаго государства, представляется весьма замѣчательнымъ. Не забудемъ, что это государство — было государство *арійское*, *первая* великая *арійская* монархія, съ которой мы встрѣчаемся въ исторіи древняго міра.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о персидскихъ *денгахъ* и о персидскомъ *войскѣ*. Говоря о налогахъ, я упомянулъ о *денежныхъ* повинностяхъ. Деньги, т.-е. *монета*, были и прежде въ употребленіи у разныхъ народовъ, жившихъ подъ властью персидскаго царя: у вавилонянъ, у финикянъ и т. д., и, конечно, у каждаго народа — свои, разнаго чекана, разнаго вѣса и цѣнности. Такое разнообразіе представляло, разумѣется, большія неудобства

*) Большинство подчиненныхъ народовъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ продолжали пользоваться прежними законами и собственнымъ управленіемъ. С. М.

какъ для царскихъ казначеевъ при приемѣ податей, такъ и при расчетахъ по торговымъ сношеніямъ между жителями разныхъ частей государства. Дарій не уничтожилъ этой *мѣстной* монеты (вавилонской, финикійской и т. д.), и при немъ она продолжала обращаться въ отдѣльныхъ областяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Дарій ввелъ новую, общую *царскую* монету. На эту царскую монету опредѣлялись всѣ налоги, а мѣстные деньги принимались въ государственную казну не иначе, какъ только по вѣсу металла, затѣмъ переплавлялись и изъ нихъ чеканились новыя *царскія* деньги. Монета, введенная Даріемъ была двухъ видовъ: *золотая* и *серебряная*. При приготовленіи золотой монеты за единицу цѣнности былъ принятъ вавилонскій талантъ, т.-е. количество золота вѣсомъ въ 50 фунтовъ. Изъ этого количества выходило 3000 золотыхъ монетъ, которыя назывались *дарейками*, по имени царя Дарія, потому что на нихъ вычеканивалось его изображеніе. Цѣна золотого дарейка равнялась на наши деньги приблизительно *восьми* рублямъ серебромъ, а дарейкъ серебряный стоилъ въ десять разъ менѣе противъ золотого, стало-быть около нашего рубля. Были и болѣе мелкія монеты: *полударейки* или серебряныя *драхмы* (съ этимъ названіемъ вамъ уже приходилось встрѣчаться въ евангельской исторіи).

Часть государственныхъ доходовъ шла на содержаніе войска. Въ Персіи было, во-первыхъ, *постоянное* войско, которое состояло изъ природныхъ персовъ и мидянъ. Въ мирное время оно, какъ мы видѣли, распредѣлялось по областямъ, составляло гарнизонъ крѣпостей, охраняло дороги, а на войнѣ составляло главную и самую надежную военную силу персидскаго царя. Но, кромѣ этого постоянного войска, въ случаѣ войны, населеніе каждой области должно было выставить извѣстное количество вооруженныхъ людей соотвѣтственно числу жителей. Такимъ образомъ набиралось болѣе, чѣмъ миллионное войско; но, на самомъ дѣлѣ, это войско было далеко не такъ сильно, какъ оно могло казаться на первый взглядъ по своей многочисленности: въ немъ не было и не могло быть главнаго внутренняго условія силы — общаго духа, нравственнаго, духовнаго *единства*. Это была разнородная масса людей, различныхъ между собою и по народности, и по вѣрѣ, и по языку, и по степени умственнаго развитія, представлявшая пеструю смѣсь костюмовъ, вооруженія и типовъ лица. Въ этомъ войскѣ встрѣчались самыя противоположныя крайности: на примѣръ, великолѣпная царская гвардія (*безсмертные*), знаменитая, отлично вооруженная и обученная правильному военному искусству конница изъ природныхъ персовъ и отрядъ какихъ-нибудь, не понимавшихъ по-персидски, стоявшихъ на самой перво-

бытнoй ступени развитiя, полудикихъ *эиотовъ*, въ накинутыхъ на плеча тигровыхъ или леопардовыхъ шкурахъ, съ наконечниками изъ отточенныхъ *кремней* у стрѣлъ и изъ *рога антилопы* у коши. Нелегко было персидскимъ начальникамъ управлять этой разнохарактерной, разноплеменной, многоязычной массой; еще труднѣе было воодушевить ее одной общей мыслью, однимъ чувствомъ, однимъ общимъ стремленiемъ...

Такъ было устроено и такъ управлялось огромное персидское государство, созданное завоеванiями Кира и Камбиза. Я сказалъ уже, что Дарiй-Гистаспъ не желалъ новыхъ завоеванiй и не имѣлъ въ нихъ нужды; несмотря на то, ему пришлось предпринять трудный, отдаленный походъ противъ одного дикаго степного народа — *скивовъ*, которые кочевали въ степяхъ теперешней южной Россiи и время отъ времени производили опустошительные набѣги на сѣверные предѣлы персидской монархiи. Объ этомъ народѣ и о походѣ Дарiя въ страну скивовъ — въ слѣдующемъ разсказѣ.

РАЗСКАЗЪ XXI.

Геродотова Скиоiя. — Природа и климатъ. — Нравы жителей. Походъ Дарiя на скивовъ.

Вамъ извѣстно изъ географiи, что, начиная отъ Монголии, черезъ Среднюю Азiю тянется *степь*, что между Каспiйскимъ моремъ и Уральскимъ хребтомъ эта степь переходитъ въ Европу и здѣсь, къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго моря, занимаетъ всю южную часть Россiи или такъ называемую *Новороссiю*. Вамъ извѣстно также, что на этомъ огромномъ протяженiи степь не вездѣ одинакова. Степи при-каспiйскiя и при-аральскiя — настоящiя безплодныя пустыни съ песчаной или солончаковой почвой, и до сихъ поръ населенныя дикими, хищными кочевниками, между тѣмъ какъ степи Новороссiи представляютъ собою безбрежный океанъ зелени, необъятныя равнины, покрытыя высокой, густой травой. Теперь среди новороссiйскихъ степей есть воздѣланная земля, есть села, города, есть осѣдлое населенiе. Но не то было во время Дарiя-Гистаспа, за двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ до нашего времени.

Въ древности вся вообще восточная европейская равнина (теперешняя Россiя) была извѣстна у грековъ подъ однимъ общимъ именемъ *Скиоiи*, а различныя племена (вѣроятно, турецкаго, арiй-

скаго и чудскаго происхожденія), ее населявшія, назывались *скиѳами**). Скиѳами же, какъ вы помните, назывались и тѣ дикіе степные кочевники, которые жили въ то время дальше на юго-востокъ, въ Азіи къ сѣверу отъ Ирана, и о которыхъ намъ уже приходилось упоминать въ исторіи мидянъ и персовъ. На одно изъ этихъ скиѳскихъ племенъ, какъ вы знаете, ходилъ войной Киръ, а еще прежде, при Киаксарѣ, и *европейскіе скиѳы* вторглись съ сѣвера въ Мидію и много лѣтъ грабили переднюю Азію, пока Киаксару удалось вытѣснить ихъ обратно въ Европу.

Вотъ эти-то *европейскіе скиѳы* во время Дарія и кочевали именно съ степяхъ нашей теперешней Новороссіи; противъ нихъ-то задумалъ походъ Дарій-Гистаспъ. Онъ рѣшился проникнуть въ самую отдаленную глубь ихъ степныхъ кочевьевъ, чтобы разъ навсегда отучить ихъ отъ набѣговъ на предѣлы персидской монархіи. Этотъ походъ, какъ мы увидимъ былъ неудаченъ, и едва ли бы Дарій рѣшился на это предпріятіе, если бы природа скиѳскаго края и нравы скиѳовъ были ему извѣстны, хотя настолько, насколько, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, они были извѣстны „отцу исторіи“ — Геродоту. Откуда же могъ узнать о Скиѳіи Геродотъ? Отъ грековъ, которые въ пятомъ и еще ранѣе — уже въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х., имѣли много торговыхъ колоній по сѣверному берегу Чернаго моря, около устьевъ Днѣстра, Буга и Днѣпра (въ той мѣстности, между прочимъ, гдѣ теперь лежатъ наши города: *Одесса, Николаевъ* и пр., и въ Крыму)**). Странствуя по Востоку, любознательный и неутомимый изслѣдователь успѣлъ побывать и въ этихъ греческихъ колоніяхъ и здѣсь-то, частью какъ очевидецъ, частью изъ разсказовъ своихъ земляковъ, тамошнихъ грековъ, собралъ тѣ свѣдѣнія, изъ которыхъ въ его исторіи составила живая и интересная картина скиѳской страны, особенно интересная для насъ русскихъ, потому что это картина *нашей* теперешней земли въ то время, когда она еще не была русскою. „Разсказы Геродота“, замѣчаетъ по этому поводу одинъ современный историкъ, И. Е. Забѣлинъ, „дышатъ необыкновенной простотой и правдой; они такъ живо изображаютъ и природу страны, и людей съ ихъ нравами, обычаями и дѣлами, что, читая его

*) За послѣднее время нѣкоторые русскіе ученые стали доказывать, что скиѳы не кто иные, какъ славяне, наши предки. Весьма вѣроятно, что подъ общимъ именемъ скиѳовъ въ древности подразумѣвали также и жившихъ въ теперешней южной Россіи *арійцевъ*. Но нравы и обычаи *кочевниковъ*, которыхъ Геродотъ описалъ подъ именемъ *царскихъ скиѳовъ*, нисколько не напоминаютъ намъ славянъ, которые изстари занимались земледѣліемъ.

**) Вспомни сказанное на стр. 12-й.

описанія, какъ будто бы самъ живешь въ то время, въ той землѣ и съ тѣми самыми людьми“...

Страна эта, говоритъ Геродотъ, не представляетъ никакихъ *чудесъ* (т.-е. ни великихъ городовъ, ни такихъ зданій и памятниковъ, какіе вызывали его изумленіе въ другихъ странахъ: въ Египтѣ, Вавилонѣ и проч.). Но его удивила природа края: равнинный просторъ, суровый климатъ и, между прочимъ, *рѣки*, на одной изъ которыхъ Геродотъ останавливается съ особенной любовью. Эта рѣка — *Бористенъ*, какъ греки называли въ то время нашъ *Днѣпръ*. Геродотъ говоритъ, что „послѣ Нила, которому, конечно, во всемъ мірѣ нѣтъ равной рѣки изъ всѣхъ другихъ рѣкъ (какія онъ зналъ), Бористенъ, поистинѣ, самая благодатная. На берегахъ своихъ она питаетъ роскошныя *нивы* (вспомните тучный *черноземъ* теперешнихъ новороссійскихъ губерній), а гдѣ почва не засѣяна, тамъ превосходныя *пажити*, тамъ растетъ густая, сочная трава. Въ его чистыхъ и пріятныхъ на вкусъ водахъ изобиліе рыбы... Вблизи устья безъ труда добываютъ соль, и тутъ же ловятся и солятся *болшія рыбы*, очень вкусныя и *безъ костей*“ (это наши: осетръ, стерлядь и пр., т.-е. такъ называемая „красная рыба“, которою и до сихъ поръ богаты наши воды). Такъ у Геродота описанъ нашъ „широкій“ *Днѣпръ*, и, какъ видите, это описаніе вполне отвѣчаетъ эпитету „кормилецъ“, который придается *Днѣпру* въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ.

Климатъ Скиѳіи, рассказываетъ далѣе Геродотъ, очень суровый: „зимой, которая продолжается цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, стоитъ *невыносимая стужа*, да и въ остальное время года довольно *прохладно*. Даже море замерзаетъ зимою (т.-е. у береговъ и въ узкихъ проливахъ, напримѣръ, Керченскомъ), такъ что люди ѣздятъ по льду, переносятъ тяжести, на льду даже происходятъ битвы... Такой бываетъ холодъ, что прольешь на землю воду — грязи не сдѣлается; напротивъ, отъ разложеннаго на землѣ огня дѣлается грязь“ — явленіе очень привычное для насъ, сѣверныхъ людей, но удивлявшее жителя такой теплой и благодатной страны, какъ Греція. „И совсѣмъ не похожа“, продолжаетъ Геродотъ, „здѣшняя зима на зиму въ другихъ странахъ (т.-е. въ Греціи); зимой ни дождя, ни грома здѣсь не бываетъ (опять не такъ, какъ въ южныхъ странахъ, гдѣ зима по преимуществу дождливое, ненастное время въ году), а если и случается зимою громъ, то это считаютъ за большую диковинку; землетрясенія также за рѣдкость — во всякое время года“.

Теперь обратимся къ жителямъ. Описывая *Бористенъ*, Геродотъ замѣчаетъ, что это (конечно, опять за *исключеніемъ Нила*) — единственная рѣка, истоковъ которой онъ не можетъ указать: „да

едва ли“, прибавлялъ онъ, „извѣстны они кому-нибудь изъ грековъ“. Дѣйствительно, грекамъ былъ хорошо извѣстенъ только край, сосѣдній съ ихъ колоніями, прилегающій къ Черному и Азовскому морю; о томъ же, что лежало дальше отъ моря, на сѣверъ, между греками ходили однѣ лишь смутныя вѣсти и такіе невѣроятные рассказы, что имъ плохо вѣрилъ и самъ Геродотъ, хотя и занесъ ихъ въ свое повѣствованіе.

Я сказалъ, что вся теперешняя Россія слыла у грековъ подъ общимъ именемъ Скиѳіи. Но *настоящіе* скиѳы (т.-е. скиѳы въ собственномъ или *тѣсномъ* смыслѣ), рассказываетъ Геродотъ, живутъ между *Истромъ* (Дунай) и *Танаисомъ* (Донъ), а за ними, на сѣверъ и сѣверо-востокъ, сидятъ разные другіе народы. На сѣверъ: *невры, андрофаги* (т.-е. совсѣмъ дикіе, „людоѣды“), *меланхлены* („черные кафтаны“ — по черному цвѣту платья, которое они носятъ). Невры — чародѣи: объ нихъ рассказываютъ, между прочимъ, будто бы они, когда захотятъ, перекидываются *въ волковъ*. За этими народами, еще дальше на сѣверъ, страна *покрыта болотами и совершенно необитаема*: туда и *пробратся нельзя, тамъ, говорятъ, ничего не видать отъ множества перьевъ или пуха*, которые застилаютъ воздухъ и покрываютъ землю... За Танаисомъ, къ сѣверо-востоку, опять живутъ разные народы (всего *семь*) вплоть до того мѣста, гдѣ дальнѣйшій путь заграждаютъ высокія, непроходимыя горы Рифейскія. Рассказываютъ, будто бы въ этихъ горахъ живетъ племя, которое *спитъ цѣлыхъ полгода* и называется *аримасны* (что значитъ по-скиѳски „одноглазые“), и тамъ же, въ этихъ самыхъ горахъ, будто бы водятся *грифы* — крылатая чудовища съ огненными глазами, орлинымъ клювомъ и львиными когтями. Грифы стерегутъ *золотые клады*, которые лежатъ въ тѣхъ горахъ, и никого не пускаютъ къ нимъ. За горами же, у самаго океана, уже на самомъ крайнемъ сѣверѣ лежитъ страна *ипербореевъ* (буквально *за-борейцевъ*; *Бореемъ же* у грековъ назывался холодный сѣверный вѣтеръ, который своимъ дыханіемъ производилъ холодъ и зиму). Это блаженная страна: тамъ совсѣмъ не бываетъ зимы; тамъ круглый годъ лѣто, и не знаютъ гиперборей (жители этой счастливой страны) ни войны, ни болѣзней, ни пороковъ; они ведутъ праведную жизнь, достигаютъ необыкновеннаго долголѣтія и умираютъ не отъ недуговъ и дряхлости, какъ другіе смертные люди; нѣтъ, вдоволь насытившись жизнью, они всходятъ на вершину высокой скалы на берегу океана и отсюда низвергаются въ волны...

Странными баснями представляются на первый взглядъ всѣ эти рассказы, но, вникнувъ въ нихъ хорошенько, можно пред-

положить не безъ основанія, что подъ ихъ сказочной оболочкой скрываются изображенія близко знакомыхъ намъ *явленій нашей сѣверной природы*. Такъ, на примѣръ, можно предполагать, что поводомъ къ разсказу о племени оборотней, которые перекидываются волками, могли послужить *шубы* изъ волчьяго и другихъ звѣриныхъ мѣховъ, въ которыя кутались и, вѣроятно, не одни невры, а и всѣ ихъ сосѣди, какъ кутаемся и мы въ настоящее время зимою, Точно такъ же и въ разсказѣ о шестимѣсячномъ снѣ аримасповъ опять, можетъ-быть, сказалась все та же наша сѣверная зима, когда въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ бываютъ такіе короткіе, сумрачные дни (точно сплошныя сумерки) и такія безконечно-длинные ночи, и когда дѣйствительно, если не людей, то природу оковываетъ полугодовой зимній сонъ. По крайней мѣрѣ, что касается „перьевъ“ или „пуха“, которые носятся въ воздухѣ такъ густо, что застилаютъ свѣтъ и грудями лежатъ на землѣ, то уже и самъ Геродотъ догадывался, что это не что иное, какъ *снегъ* (снѣжда „хлопья“), наши „пушистые“ инеи, наши подчасъ, дѣйствительно, „непроглядныя“ мятели, глубокіе снѣжные сугробы и заносы... Лѣсистыя горы, въ нѣдрахъ которыхъ таятся драгоценныя клады, вѣроятно, — *Уральскій хребетъ* съ его минеральными богатствами, а грифы, вѣроятно, — „олицетвореніе“ трудностей добыванія руды. Въ то темное время эти трудности, дѣйствительно, должны были казаться почти неодолимыми, какъ будто бы какая-то сверхъестественная сила ревниво оберегала отъ покушеній челоуѣка богатства, скрытыя въ земныхъ глубинахъ.

Баснословная, сказочная форма этихъ сказаній показываетъ только, что въ то время страны, составляющія теперь среднюю и сѣверную Россію, *еще не вступили въ исторію*. Ихъ рѣдкое населеніе, раскиданное среди „дремучихъ“ лѣсовъ и „грязей зыбучихъ“ (какъ называются болота въ нашихъ народныхъ „былинахъ“), въ ту пору *еще не жило исторической жизнью* (вспомните, что было сказано о народахъ историческихъ и неисторическихъ), а потому о немъ не могло еще быть и достовѣрныхъ *историческихъ* свѣдѣній. Для этихъ странъ настоящая, непрерывная исторія настала гораздо позднѣе, только *въ девятомъ столѣтіи* послѣ Р. Х., слишкомъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ Геродота.

Теперь обратимся къ скиѣамъ въ собственномъ смыслѣ, которые, какъ я сказалъ, жили между рѣками Дунаемъ и Дономъ, и о которыхъ Геродотъ могъ получить болѣе полныя и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія отъ своихъ соотечественниковъ. Вотъ какими *эти* скиѣи и ихъ страна представляются намъ въ его изображеніи.

Въ настоящей Скиѣи нѣтъ ни лѣсовъ, ни городовъ, ни селъ, нѣтъ даже домовъ, да и не къ чему быть имъ. Истый сынъ степи, скиѣъ постоянно перекочевываетъ съ мѣста на мѣсто въ погонѣ за травой, которой кормится его скоть. Этотъ скоть составляетъ единственное богатство скиѣа, особенно кони. Онъ и питается обыкновенно кониной и, за неимѣніемъ (въ безлѣсной странѣ) дровъ, варить или жарить мясо убитой на пицу лошади на огнѣ изъ ея же собственныхъ костей или помета. Его любимый напитокъ — лошадиное молоко (его и теперь, подъ названіемъ *кумыса*, пьютъ наши татары, калмыки, киргизы и пр.). Оно замѣняетъ скиѣу и воду, и вино. Для доенія лошадей скиѣа держатъ особыхъ рабовъ; имъ предварительно выкалываютъ глаза, чтобы они не могли убѣжать при частыхъ перекочевкахъ по степи.

При такомъ образѣ жизни постоянный домъ былъ бы только помѣхой; воинственное жилище степняка — *кибитка*, т.-е. войлочный шатеръ, утвержденный на нѣсколькихъ жердяхъ, который легко и собрать и опять разобрать, поставить на колеса и перевезти иногда за десятки верстъ отъ мѣста прежняго кочевья. Въ этихъ кибиткахъ помѣщаются только жены и дѣти скиѣа, а самъ онъ — лихой наѣздникъ, какъ будто приросшій къ своему коню, рыщетъ въ вѣчныхъ развѣздахъ по степи.

Какъ дика степная природа, такъ дикъ и воспитанный ею, съ дѣтства окруженный ею, человѣкъ. Почетъ между скиѣами оказывается только воину-удальцу. Когда, на примѣръ, ходитъ круговая чаша за общимъ праздничнымъ пиромъ, въ ней имѣетъ долю тотъ только, кто можетъ похвалиться, что убилъ хоть одного непріятеля. Юноши, которымъ еще не посчастливилось сдѣлать этого, сидятъ въ отдаленіи и, естественно, ждуть, не дождутся, когда и имъ представится случай отличиться въ боевой схваткѣ. Скиѣъ гордится и хвастаетъ числомъ убитыхъ враговъ. Съ гордостью выставляетъ онъ на показъ снятые съ убитыхъ *скальны* (т.-е. кожу, снятую съ черепа вмѣстѣ съ волосами) и обвѣшиваетъ ими, въ видѣ трофеевъ, узду своего коня, а кожей, содранной вмѣстѣ съ ногтями съ правой руки убитаго непріятеля, обтягиваетъ свой колчанъ, который виситъ у него за спиною. (Многіе изъ содранныхъ человѣческихъ кожъ дѣлали себѣ даже плащи или „бурки“.) Мало того, угощая на пиру дорогихъ гостей, скиѣъ наливаетъ вино въ почетный кубокъ, сдѣланный изъ распиленнаго черепа убитаго врага. У бѣдныхъ такіе кубки обтягивались воловьею шкурой, а у богатыхъ обдѣлывались въ серебро или золото*). Не

*) Даже при заключеніи союза и дружбы у скиѣовъ не обходилось безъ крови: заключавшіе дружескій или братскій союзъ должны были каждый на собственномъ тѣлѣ

удивительно послѣ этого, что сама религія скиѳовъ отзывается кровью. Они поклонялись, между прочимъ, мечу, воткнутому на вершинѣ громадной кучи хвороста, — это изображеніе грознаго бога войны. Предъ этимъ мечомъ приносили въ жертву по одному изъ каждой сотни плѣнниковъ и потомъ кровью жертвъ обливали, какъ бы *поили*, своего кровожаднаго бога.

Скиѳы подраздѣлялись на нѣсколько племенъ. Одно изъ этихъ племенъ, жившее западнѣе (между Бугомъ и Днѣпромъ), Геродотъ называетъ *скиѳы-пахари*, т.-е. земледѣльцы. Можно думать, что это было племя какого-нибудь другого народа, покоренное скиѳами, потому что истые скиѳы были настоящіе степняки и земледѣліемъ вовсе не занимались*). Другое племя (между Днѣпромъ и Дономъ) называлось — *царскіе скиѳы*. Это было главное племя: оно господствовало надъ другими племенами; къ нему принадлежали и цари скиѳскіе.

О *жизни* скиѳскихъ царей Геродотъ сообщаетъ очень мало, зато тѣмъ подробнѣе описываетъ ихъ *погребеніе*. Когда царь умиралъ, всѣ приближенные, въ знакъ печали, разрывали на себѣ одежды и ножами изрѣзывали себѣ лицо, руки и тѣло. Трупъ царскій обливали растопленнымъ воскомъ; внутренности вынимались, и ихъ мѣсто наполнялось разными пахучими сѣменами и травами; затѣмъ заготовленное такимъ образомъ тѣло возлагали на колесницу и развозили по всей скиѳской странѣ. Гдѣ только ни останавливался печальный поѣздъ, вездѣ жители такими же знаками выражали свою скорбь. Только, когда успѣвали такимъ образомъ обвезти покойнаго царя по всему его царству, его отвозили въ одну мѣстность, специально предназначенную для *царскихъ могилъ*, и здѣсь приступали къ погребенію. Въ назначенный день сюда изъ самыхъ отдаленныхъ кочевьевъ собиралось великое множество скиѳовъ; выкапывалась огромная яма; на днѣ ямы соорудился деревянный катафалкъ; на немъ помѣщалось тѣло покойника и сверху накрывалось какъ бы шатромъ или навѣсомъ изъ коній съ верхомъ, сплетеннымъ изъ ивовыхъ прутьевъ.

сдѣлать надрѣзъ, выпѣдить нѣсколько капель крови въ чашу съ виномъ и выпить. Съ презрѣніемъ и ненавистью смотрѣли скиѳы на болѣе мягкіе нравы образованныхъ народовъ. Геродотъ передаетъ печальную повѣсть о скиѳскомъ царевичѣ *Анахарсисѣ*. По невѣстной случайности, этотъ Анахарсисъ попалъ въ Грецію, странствовалъ по греческимъ городамъ, оцѣнилъ и усвоилъ себѣ греческую вѣру и обычай. По возвращеніи на родину онъ заплатилъ жизнью за эту измѣну отечественному быту и погибъ отъ руки роднаго брата.

*) Быть можетъ, эти скиѳы-пахари представляли какое-нибудь осѣдлое *арійское* племя.

Загробную жизнь скиѣ представляли себѣ только *продолженіемъ настоящей*. Потому имъ думалось, что царю ихъ заочно будетъ, и для него самого и для его подданныхъ, предстать на тотъ свѣтъ безъ той царской обстановки, которая его окружала при жизни. Чтобы этого не случилось, въ царскую могилу опускали всю утварь, которою покойный царь дорожилъ при жизни: дорогую посуду, любимое оружіе, лучшее платье и т. д. Но при жизни у него были и любимые кони, были близкіе слуги, были жены, — и вотъ на могилѣ убиваютъ прежде всего любимыхъ коней и также опускаютъ въ могилу, а за конями и людей, ближе другихъ стоявшихъ къ покойнику: его любимая жена, его конюшій, спальникъ, стольникъ, чашникъ (виночерпій) и главный вѣстопосець (по-нашему — адъютантъ) также волей-неволей должны слѣдовать за нимъ въ ту же могилу, и ихъ трупы располагаются вокругъ царскаго въ отдѣльныхъ пещеркахъ (какъ бы особыхъ комнатахъ по бокамъ главной, какъ мы послѣ увидимъ). Затѣмъ каждый изъ многихъ, вѣроятно, тысячъ присутствующихъ бросалъ въ могилу нѣсколько горстей земли, и такимъ образомъ насыпался громадный могильный холмъ или *курганъ* (иногда саженой въ десять отвѣсной вышины и болѣе ста пятидесяти въ окружности). Но еще не все кончалось этимъ: ровно черезъ годъ послѣ погребенія на могилѣ справлялась *тризна*, т.-е. поминки по усопшемъ. Эти поминки ознаменовывались новыми кровавыми жертвами. Къ царю на тотъ свѣтъ слѣдовало, по понятіямъ скиѣвъ, отправить *вѣстниковъ*, которые бы донесли ему, что бывшіе подданные не забыли его, что они вѣрно чтутъ и правятъ его память. Для этого опять убивали *пятьдесятъ* отборныхъ коней и при помощи деревянныхъ подставокъ ставили ихъ на ноги, такъ что они могли казаться живыми; потомъ убивали *пятьдесятъ* отборныхъ же *юношей* (изъ природныхъ скиѣвъ), въ ихъ трупы продвѣвали деревянные колья вдоль спинного хребта, чтобы и они тоже держались прямо, какъ живые всадники, и въ такомъ видѣ разсаживали ихъ на мертвыхъ коней. Эта мертвая конница размѣщалась въ рядъ около кургана, и только затѣмъ уже всѣ похоронные обряды могли считаться оконченными.

Этотъ рассказъ Геродота доставляетъ намъ, между прочимъ, новый случай убѣдиться въ томъ, *какія важныя услуги исторіи оказываетъ археологія*. Огромные скиѣскіе курганы не могли же исчезнуть безслѣдно съ лица земли. Дѣйствительно, курганы эти уцѣлѣли и до сихъ поръ: они разсыяны почти по всему пространству южной степной Россіи, но особенно много ихъ въ *Екатеринославской губерніи*, по обѣ стороны *Днѣпровскихъ пороговъ*.

Здѣсь-то нѣкогда находилась и Геродотова „страна царскихъ могилъ“. На вершинахъ многихъ изъ этихъ кургановъ и теперь еще стоятъ довольно грубые каменные истуканы (иногда болѣе трехъ аршинъ въ вышину). Они изображаютъ частью мужчинъ, частью женщинъ. Можетъ-быть, это — изображенія погребенныхъ здѣсь скиѣскихъ царей и царицъ. Несмотря на всю грубость этихъ изваяній, въ нихъ можно различить главныя черты лица и нѣкоторыя подробности костюма. Такъ, на примѣръ, на мужскихъ изображеніяхъ видны бритыя бороды и придающіе имъ воинственный видъ длинные усы, также длинные волосы, заплетенные въ косы, на шеѣ „обручи“ или ожерелье, короткій кафтанъ, расшитый по швамъ и подолу узорчатыми каймами (вѣроятно, изъ золотыхъ блестящихъ или пуговокъ), у пояса съ одного бока — короткій мечъ, съ другого — колчанъ. Народъ зоветъ эти истуканы *каменными бабами* и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оказываетъ имъ даже суевѣрное уваженіе. Давно уже догадывались, что эти курганы, должно-быть, скиѣскія царскія могилы Геродота; наконецъ, нѣкоторыя изъ нихъ были раскопаны археологами, и что же оказалось? Раскопки почти до послѣднихъ мелочей подтвердили повѣствованіе Геродота! Особенно интересна и наиболѣе извѣстна раскопка такъ называемаго *Чертомлыцкаго* (отъ протекающей неподалеку рѣчки Чертомлыкъ) кургана*) въ Екатеринославской губерніи, произведенная и описанная извѣстнымъ ученымъ *И. Е. Забѣлинымъ*, о которой я и сообщу вамъ нѣкоторыя подробности.

Чертомлыцкій или *Никопольскій* курганъ собственно состоитъ изъ двухъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга расположенныхъ насыпей. Одна, такъ называемая *Толстая могила*, представляетъ округлый земляной холмъ около десяти сажень отвѣсной высоты, съ крутыми боками, которые обложены большими нетѣсанными камнями (до пяти аршинъ въ длину и 1½ арш. въ ширину). Этотъ-то холмъ и есть царская могила. Вторая насыпь продолговатой формы, такъ называемая *Долгая могила* — вѣроятно, могильный холмъ, насыпанный надъ пятьюдесятью юношами, которые погибли здѣсь въ день царской годовщины. При раскопкѣ „толстой“ могилы въ верхнихъ слояхъ земли оказались остатки перержавѣвшихъ конскихъ удилъ, уздечныхъ украшеній, затѣмъ много лошадиныхъ костей и битыхъ глиняныхъ черепковъ — вѣроятно, остатки той тризны, за которой скиѣы, поминая своего царя, угощались кониной и пили вино или свой кумысъ (скиѣы вообще

*) Иначе онъ называется *Никопольскимъ*, потому что находится близъ мѣстечка Никополя. Недалеко отсюда была когда-то Сѣчь Запорожская.

неумѣренно предавались пьянству: „пить по-скиоски“ у грековъ значило — пить, какъ пьютъ грубые варвары, неумѣренно). Оказалось, что до самой гробницы докопаться было нелегко. Скифы рыли могильную яму очень глубоко, иногда на три сажени и болѣе, вообще до тѣхъ поръ, пока дорывались до слоя *бллой*, какъ мѣль, *глины*, которой они, очевидно, придавали какое-то особенное религиозное значеніе. Къ сожалѣнію, когда дорылись, наконецъ, до главной гробницы, она оказалась расхищенною неизвѣстными людьми, которые, должно-быть, уже очень давно поинтересовались скрытыми въ ней богатствами и, конечно, не съ научной, а съ воровской цѣлью. Даже можно было прослѣдить въ землѣ лазейку, прорытую хищниками, которая вела какъ разъ въ середину кургана, но тутъ же, въ этомъ подземномъ ходѣ, были замѣтны иные слѣды обвала, и лежали въ беспорядкѣ человѣческія кости. Должно-быть, земля вдругъ обвалилась въ этомъ мѣстѣ и задавила одного изъ грабителей. Это обстоятельство, вѣроятно, испугало остальныхъ и, къ счастью для науки, помѣшало полному расхищенію: *боковыя* могилы (въ четырехъ углахъ главной) остались нетронутыми. На днѣ главной, средней гробницы, на землѣ еще были видны отпечатки разноцвѣтныхъ красокъ, которыми былъ выкрашенъ гробъ или катафалкъ; тутъ же лежали почти совершенно истлѣвшіе остатки дерева, перержавѣвшіе гвозди и металлическія скобки (вѣроятно, остатки гроба); были найдены и кое-какія золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія (главныя богатства, какъ сказано, были разграблены очень давно).

Но по сторонамъ средней, царской гробницы, оказались боковыя подземелья и въ нихъ семь человѣческихъ остововъ. Изъ нихъ одинъ былъ *женскій*, украшенный золотымъ вѣнчикомъ на черепѣ, съ богатымъ, золотымъ же обручемъ на шеѣ, золотыми перстнями на всѣхъ пальцахъ, золотыми браслетами и серьгами: очевидно, это были кости *царицы*. Изъ другихъ скелетовъ одинъ найденъ лежащимъ у входа одной изъ боковыхъ пещеръ, въ которой еще сохранились слѣды одеждъ и головныхъ уборовъ съ золотыми украшениями и даже слѣды желѣзныхъ крючьевъ, вбитыхъ въ стѣнки пещеры (на которыхъ когда-то висѣли одежды, теперь, разумѣется, представлявшія комки совсѣмъ перетлѣвшей ткани). Очевидно, въ этой пещерѣ былъ положенъ царскій *спальникъ*, какъ бы для того, чтобы и по смерти сторожить ввѣренный ему при жизни одежды своего господина. При остальныхъ остовахъ были найдены также соотвѣствующія украшенія и разное оружіе. Другая пещера заключала въ себѣ остовы одиннадцати коней съ золотымъ и серебрянымъ уздечнымъ наборомъ. Такимъ образомъ, несмотря на рас-

хищеніе главной гробницы, въ общемъ раскопка доставила очень много *археологическаго матеріала*, т.-е. вещей, которыя даютъ понятіе о бытѣ скивовъ, ихъ богатствѣ, костюмѣ, украшеніяхъ и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей очень изящной работы; конечно, скивы получали ихъ отъ черноморскихъ грековъ, у которыхъ вымѣнивали ихъ на рабовъ, звѣриныя шкуры и т. п. Эта раскопка оказала важную услугу исторіи. Прежде всего, она во всемъ главномъ и существенномъ подтвердила достовѣрность и добросовѣстность „отца исторіи“. Во-вторыхъ, она дала возможность пополнить его описаніе нѣкоторыми, неизвѣстными ему подробностями (напримѣръ, относительно слоя бѣлой глины, отъ положенія котораго, какъ я сказалъ, зависѣла самая глубина могилы; относительно вещей, которыя употребляли скивы и т. д.)*). Въ-третьихъ, раскопка дала возможность съ точностью опредѣлить мѣстность, въ которой жили *царскіе скивы*.

Вотъ главное, что мы знаемъ о скивахъ, противъ которыхъ выступилъ Дарій. Теперь намъ пора перейти къ самому походу персидскаго царя.

Путь для похода Дарій выбралъ черезъ Малую Азію и Балканскій полуостровъ. Вести большое войско черезъ Кавказскія горы и ущелья было бы неудобно, а черезъ степи на сѣверъ отъ Аральскаго и Каспійскаго моря — опасно: тамъ въ лѣтнее время невыносимый зной, а зимой свирѣпствуютъ холодныя сѣверныя вѣтры и страшныя снѣговыя вьюги.

Черезъ Босфоръ (теперь Константинопольскій проливъ), по приказанію царя, греки, жившіе по малоазіатскому побережью и имѣвшіе хорошій торговый флотъ (у самихъ персовъ не было флота), навели *мостъ изъ судовъ*. По этому мосту персидское войско перешло изъ Азіи въ Европу, а флотъ, нагруженный провіантомъ, направился между тѣмъ вдоль западнаго берега Чернаго моря, на сѣверъ, къ устьямъ Дуная. На пути отъ Босфора до Дуная персамъ пришлось покорить цѣлую новую страну — *Фракію* (теперь Румелия). Какъ эта страна, такъ и сосѣдняя съ ней *Македонія* (обѣ эти страны въ теперешней Турціи) подчинились персамъ безъ сопротивленія. Повидимому, и переходъ черезъ *Балканскія горы* (въ древности *Гемусъ*) въ удобное время года и близь моря не представилъ особенныхъ затрудненій. Такимъ образомъ персы

*) Особенно любопытна найденная въ Чертомлыцкомъ курганѣ, такъ называемая *Никопольская ваза* (она греческой изящной работы; рисунокъ ея вы можете найти въ книгѣ Полевого: „Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта“), потому что на ней изображены *сами скивы*.

подошли къ самому *Истру* — Дунаю, за которымъ уже начиналась непріятельская земля. Черезъ Дунай былъ опять наведенъ мостъ, и для охраненія этого моста Дарій оставилъ на Дунаѣ избранную дружину изъ малоазіатскихъ грековъ. Преданіе говоритъ, что передъ выступленіемъ въ дальнѣйшій путь Дарій вручилъ начальникамъ греческаго отряда ремень или веревку съ шестьюдесятью узлами, приказавъ имъ каждый день развязывать *по одному узлу* и, когда будетъ развязанъ послѣдній, развести мостъ и отступить во-свояси. Вѣроятно, Дарій думалъ, что походъ будетъ легкій и быстрый; могло быть и такъ, что онъ думалъ вернуться другимъ путемъ. Какъ бы то ни было, онъ обманулся въ расчетѣ, потому что никакъ не ожидалъ того новаго, совсѣмъ необычнаго способа веденія войны, который придумалъ противъ него его степной врагъ. Чувствуя себя не достаточно сильными, чтобы вступить въ открытый бой съ огромнымъ и правильнымъ войскомъ персовъ, скиѣи рѣшились воспользоваться для обороны самыми особенностями своей степной природы и своего быта. Кибитки съ женами и дѣтьми и стада свои они угнали далеко на сѣверъ, а сами, раздѣлясь на нѣсколько отрядовъ, стали отступать, завлекая врага за собою въ глубь степей. Отступая, они на всемъ пути засыпали колодцы, вытапывали и выжигали траву, оставляя за собою одну обнаженную пустыню, въ которой персы не могли уже ничего найти ни для себя, ни для своихъ лошадей. Напрасно Дарій пытался догнать скиѣовъ... они уходили все дальше и дальше, и въ то же время, пользуясь быстротою и выносливостью малорослыхъ, но сильныхъ степныхъ лошадей, постоянно кружили вразсыпную около персидскаго войска и жестоко тревожили персидскую конницу, которая не могла выдержать ихъ натиска. На пѣхоту нападать прямо они не осмѣливались; но стоило только персамъ остановиться для обѣденнаго привала или на ночевку, какъ внезапно мертвая степь оживала: отовсюду, словно изъ земли, вырастали лихіе скиѣскіе наѣздники, нападали, не давали покоя, гарцуя на своихъ неуловимыхъ коняхъ, схватывали отставшихъ или неосторожныхъ, отбивали обозъ — однимъ словомъ, держали персовъ въ вѣчной тревогѣ, и такъ же быстро и безслѣдно исчезали, какъ скоро замѣчали, что персидская пѣхота выстраивается и готовится перейти въ наступленіе. Невыносимымъ и опаснымъ становилось положеніе персовъ... Дарію прискучило, наконецъ, безцѣльно кружить по степи въ напрасной погонѣ за неуловимымъ и почти невидимымъ врагомъ. Онъ отправилъ къ скиѣскому царю *Идантирсу* посла съ такими словами: „странный ты человекъ! зачѣмъ ты все бѣгаешь? Если ты не боишься меня, то остано-

вись и дай битву; а если сознаешь, что я сильнѣе, то покорись, присылай *земли и воды**) и признай меня своимъ господиномъ!“

На этотъ вызовъ Идантирсъ будто бы отвѣчалъ приблизительно такъ: „Персѣ, знай, что таковъ мой обычай. Никогда не боялся я кого бы то ни было, еще ни отъ кого не бѣгалъ я и теперь не бѣгаю, а *веду свою обычную жизнь*, какъ и въ мирное время. Битвы я не принимаю потому, что у насъ, скиѳовъ, нѣтъ ни городовъ, ни домовъ, которые бы нужно было защищать. У насъ есть только *могилы нашихъ предковъ*. Попробуй коснуться ихъ, тогда ты увидишь, будутъ ли скиѳы сражаться! Господами своими я признаю однихъ только боговъ, а вмѣсто дани, которой ты требуешь, вмѣсто земли и воды, скоро жди отъ меня другихъ даровъ“. Дѣйствительно, въ скоромъ времени Дарій получилъ отъ скиѳовъ странный подарокъ: *птицу, мышь, лягушку и пять стрѣлъ*. Сначала онъ принялъ было эту посылку за своеобразное изъясненіе покорности, но одинъ изъ его вельможъ объяснилъ ему, что этими дарами скиѳы хотятъ сказать персамъ слѣдующее: „если вы не умѣете летать, какъ птицы, или прятаться въ норы, какъ полевья мыши, и укрываться въ водѣ, какъ лягушки, то васъ всюду достанутъ скиѳскія стрѣлы“.

Когда вслѣдъ за тѣмъ Дарій, дѣйствительно, вступилъ въ „страну могилъ“ и скиѳскіе наѣздники, уже не скрываясь изъ виду, стали все смѣлѣе и назойливѣе нападать на войско персовъ, истомленное отъ пути и лишений, персидскій царь убѣдился, что надо начать отступленіе.

Поневоля пришлось оставить на жертву часть обоза и всѣхъ отставшихъ, слабыхъ и больныхъ, лишь бы спасти остальное войско. Казалось, спасеніе зависѣло теперь отъ того, кто — скиѳы или персы, раньше успѣютъ добраться до дунайскаго моста. Въ этомъ случаѣ весь перевѣсъ былъ, несомнѣнно, на сторонѣ лихихъ и легкихъ степныхъ наѣздниковъ — скиѳовъ: они легко опередили персовъ и прибыли къ переправѣ, когда Дарій былъ еще далеко отъ нея. Мостъ, какъ сказано, охранялся греческимъ отрядомъ, и вотъ скиѳы тотчасъ вступили въ переговоры съ греческими начальниками, убѣждая ихъ развести мостъ: „погубивъ царя“, говорили они, „вы окажете услугу не только намъ, но и самимъ себѣ, потому что чрезъ это и вы освободитесь отъ персидскаго ига“. Греческіе начальники стали держать совѣтъ между собой, какъ имъ поступить. Одинъ изъ нихъ, по имени *Милтиадъ*, на-

*) Восточный обычай: послать „воды и земли“ значило покориться, отдать и себя и страну свою во власть побѣдителя.

стойчиво убѣждалъ остальныхъ послушаться скиѳовъ и воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы выйти на свободу. Но другой, *Гистіей*, также настойчиво доказывалъ противное: „если теперь всѣ мы“, говорилъ онъ, „начальствуемъ въ разныхъ греческихъ городахъ, то только по милости царя и только до тѣхъ поръ, пока эти города подвластны ему; погибни онъ, мы первые пострадаемъ: насъ могутъ изгнать наши же собственные граждане“. Мнѣніе Гистіея одержало верхъ; Мильтіадъ бѣжалъ, страшась царской опалы, и мостъ не былъ разведенъ: Дарій и его войско были спасены, и истинно царскими наградами почтилъ персидскій царь своего спасителя Гистіея.

Такимъ образомъ, походъ Дарія, совершенно противъ его ожиданій, окончился неудачей. Великая сила „царя царей“ сокрушилась объ еще ббльшую силу — природу скиѳской земли. Впрочемъ, походъ, хотя и неудачный, не остался совершенно безъ результата для персовъ: двѣ новыя *европейскія* страны, Фракія и Македонія, стали платить дань персидскому царю; такимъ образомъ власть его еще распространилась на *третью часть свѣта* — Европу.

На этотъ разъ персы были побѣждены не людьми, а природой; но прошло немного времени, и Дарію пришлось опять помѣриться на этотъ разъ уже съ разумной, одушевленной силой, съ народомъ, котораго, при всей его малочисленности, не могли сломить ни огромныя полчища, ни громадныя средства персидской монархіи. Этотъ народъ были *греки* или *эллины*. Столкновение произошло изъ-за того, что въ подвластныхъ Персіи греческихъ городахъ Малой Азіи вспыхнуло то возстаніе, о которомъ думалъ еще Мильтіадъ. Возставшимъ оказали помощь ихъ европейскіе соотечественники, жившіе въ теперешней Греціи. Несмотря на эту помощь, возстаніе было усмирено, и вотъ разгнѣванный Дарій отправилъ въ европейскую Грецію сильное войско подъ начальствомъ двухъ сатраповъ и съ приказаніемъ примѣрно наказать этихъ дерзкихъ сосѣдей, осмѣлившихъ протянуть руку его мятежнымъ подданнымъ. Тогда-то произошло нѣчто совершенно неожиданное, нѣчто изумившее всѣхъ: всего лишь *десять тысячъ* грековъ при греческомъ городкѣ *Маравонъ* совершенно разбили *стотысячное* войско того народа, противъ котораго до того времени не могъ устоять въ битвѣ ни одинъ народъ, и который считалъ себя, не безъ основанія, безспорнымъ владыкой міра. Чтобы понять, какимъ образомъ могло случиться такое невѣроятное дѣло, мы должны обратиться къ исторіи *Греціи*. Но здѣсь мы должны остановиться... Исторія Греціи переноситъ насъ въ *новую часть свѣта*, изъ Азіи въ Европу, съ *востока* древняго міра на *западъ*.

КРАТКОЕ ПОВТОРЕНІЕ исторіи народовъ древняго Востока.

Народы, встрѣчающіеся въ исторіи древняго Востока, принадлежатъ главнымъ образомъ къ четыремъ племенамъ или отдѣламъ: *монгольскому, африканскому, семитическому и арійскому.*

I. Монгольское племя.

Единственный образованный народъ монгольскаго племени это: **китайцы** — одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ міра. Поселившись въ прекрасной странѣ, китайцы очень рано устроили государство, додумались до законовъ, сдѣлали много изобрѣтеній и открытій, занялись науками (изъ ихъ ученыхъ особенно извѣстенъ *Конфуцій*, основатель ихъ религіи). Но они рано остановились въ своемъ развитіи, такъ какъ чуждались общенія съ другими народами, а потому о нихъ и мало поминается во *всеобщей исторіи.*

Другіе народы монгольскаго племени почти всѣ остались кочевниками и полудикарями*) и потому только *мѣшались другимъ* народамъ развиваться, какъ, напр., это сдѣлали **татары** по отношенію къ намъ, *русскимъ.*

II. Египтское или африканское племя.

Египтяне — также одинъ изъ древнѣйшихъ, если не *самый древній* образованный народъ. (Хотя египтянъ мы называемъ африканскимъ племенемъ, но ихъ *никакъ не слѣдуетъ* считать за *негровъ.* Народы сѣверной Африки ближе къ азіатамъ и, вѣроятно, пришли въ незапамятныя времена изъ Азіи).

Египтяне жили по *Нилу* отъ *пороговъ* (близъ города *Сіене*, теперь *Ассуанъ*) до моря. Земля ихъ, заливаемая рѣкою, простиралась узкою полосою отъ *Ливійскихъ* до *Арабскихъ* горъ. За Ливійскими горами египтянамъ принадлежалъ оазисъ *Аммона* (теперь *Сивахъ*). На югъ отъ пороговъ лежала *Эіопія* (теперь *Нубія*).

*) Въ настоящее время по своему развитію особенно начинаютъ выдвигаться *японцы.*

Египтяне управлялись царями — *фараонами*, которымъ они поклонялись, какъ *земнымъ богамъ*. Въ общественномъ устройствѣ замѣчательно ихъ дѣленіе на *касты*. Главныя касты были *жрецы* и *воины*.

Религія египетская была *политеизмъ* (многобожіе). Главныя божества: *Аммонъ* или *Ра* — богъ свѣтлаго солнца, *Пта* (отъ его имени произошло названіе Египетъ), *Тотъ* (изображался съ головою ибиса), *Озирисъ* и богиня луны — *Изида*. Особенно любимъ былъ *Озирисъ*, богъ Нила и подземнаго царства, судья мертвыхъ; онъ былъ убитъ, говорилъ *миѳъ*, своимъ злымъ братомъ, богомъ пустыни, *Тифономъ* и по смерти своей появляется на землѣ въ видѣ священнаго быка — *Аписа*. Мстителемъ за него является сынъ его *Горъ*. Боговъ своихъ египтяне часто изображали въ видѣ животныхъ или, по крайней мѣрѣ, съ головами животныхъ. Колоссальныя изображенія въ такомъ видѣ (чаще всего лежація изваянія львовъ и барановъ, иногда съ человѣчьею головою), называются *сфинксами*.

Египтяне вѣровали въ *загробную жизнь* и думали, что души умершихъ могутъ возвращаться въ свои тѣла. Поэтому они бальзамировали эти тѣла (*муміи*) и чаще всего клали ихъ въ *саркофаги* (каменные гроба) и помѣщали въ *катакомбахъ* (высѣченныя въ скалахъ комнаты). Греки называли безчисленныя катакомбы у *Фивъ* — *Некрополь* (городъ мертвыхъ).

Египтяне отличались особенно охотою и умѣньемъ *строить*. Самыя замѣчательныя ихъ сооруженія: *пирамиды*, *храмы*, *катакомбы*.

Самыя высокія *пирамиды* находятся на *Гизехскомъ* полѣ близъ *Каира*. Главныя три: *Хеопса* или *Хуфу* (высотою въ 490 фута), *Хефрена* или *Хафры* и *Микерина* или *Манкеръ*.

Храмы были или *надземные*, или *подземные*. Наибольше замѣчательныя, сохранившіеся до сихъ поръ храмы: *Карнакскій*, *Луксорскій* (на мѣстѣ древнихъ *Фивъ*) и храмъ *Озириса* и *Изиды* на островѣ *Филе*. Въ древности славился *Лабиринтъ* (т.-е. храмъ у воды или канала), стоявшій на берегу *Меридова озера*, но теперь онъ, вѣроятно, засыпанъ пескомъ. Изъ подземныхъ храмовъ особенно извѣстенъ *Ибсамбульскій* (въ *Нубіи*), высѣченный въ скалѣ и украшенный колоссальными изображеніями царя *Рамсеса*. (Изъ другихъ колоссовъ особенно замѣчательенъ такъ называемый *большой сфинксъ* у пирамидъ и *колонна Мемнона*). Входъ въ храмъ называется *пилонъ* (= ворота). У входа обыкновенно стоятъ каменные столбы, *obelisks* („*игола Клеопатры*“).

Египтяне славились также своею *наукою*. Рисунки-надписи, которыми они покрывали свои зданія, называются *иероглифы* (священныя изваянія). То письмо, которое они употребляли преимущественно на камнѣ, называется *иератическое* (священное), а

которымъ писали для общежитія, на *папирусь* — *демотическое* (народное). Первый началъ разбирать гіероглифы французскій ученый *Шампльонъ* (съ тѣхъ поръ, какъ въ 1799 г. французы разыскали *Розеттскую* надпись, египетскую съ переводомъ на греческій языкъ).

Всю египетскую исторію по *главнымъ городамъ* можно раздѣлить на *три періода*: *мемфисскій*, *ивскій* и *саисскій*.

а) *Мемфисскій періодъ*.

Первый царь Египта былъ *Менесъ*, *основатель Мемфиса*. Онъ жилъ, по крайней мѣрѣ, за 3500 лѣтъ до Р. Х., а можетъ-быть и гораздо раньше.

Изъ его преемниковъ особенно извѣстны: *Мерисъ* (такъ называли его греки), который выкопалъ знаменитое *Меридово озеро*, и цари — строители высокихъ пирамидъ: *Хеопсъ* (Хуфу), *Хефренъ* (Хафра) и *Микеринъ* (Менкерà).

За 2300 лѣтъ до Р. Х. на Египетъ напали *иксы* („цари-кочевники“), вѣроятно, азіатскіе семиты, покорили его и долго надъ нимъ властвовали. Египтяне укрылись тогда въ *Тивахъ*, а тутъ начинается

б) *Тивскій періодъ*. Царь *Тутмосисъ I* (за 1700 л. до Р. Х.) выгналъ, наконецъ, *иксовъ*; съ того времени и египетскіе цари стали сами дѣлать завоеванія.

Самый блестящій фараонъ, завоеватель и строитель, былъ *Рамсесъ II Міамунъ* (греки звали его *Сезострисъ Великій*), жившій за 1350 лѣтъ до Р. Х. Онъ предпринималъ славные походы въ Азію и Эіюпію; плѣнниковъ своихъ онъ заставлялъ трудиться надъ своими громадными сооруженіями.

Сынъ его былъ *Менефтà*, при которомъ *евреи* выселились изъ Египта (около 1320 года).

Изъ послѣдующихъ фараоновъ прославился *Рамсесъ III*, но ненадолго воскресилъ старое, славное время. Въ Азіи поднимаются новые могущественные народы и не только не пускаютъ египтянъ къ себѣ, но даже сами стараются проникнуть въ ихъ землю; въ самомъ же Египтѣ начинаются *смуты* и *ссоры*. Когда *ассирійскій царь Сенахеримъ* (Сангерибъ) напалъ на Египетъ, въ немъ царемъ былъ, по сказанію, *жрецъ Севоосъ*, и потому войны не захотѣли защищать свою родину, такъ что *Севоосъ* едва отбилъ непріятеля при помощи поголовнаго ополченія простого люда. Несмотря на эту первую неудачу, *ассиріяне* тѣмъ не менѣе добились своего и въ 670 году овладѣли долиною Нила и заставили египтянъ платить себѣ дань. Къ счастью для Египта, *Ассирійское царство* само скоро пало (въ 706 году).

Египетъ въ то время былъ раздѣленъ на 12 маленькихъ царствъ (*додекархія*), но одному изъ этихъ царей, именно *самскому* — *Псаметику*, при помощи греческихъ наемниковъ удалось побѣдить остальныхъ царьковъ и возстановить единство земли (около 670 г.). Съ этого времени начинается

в) *Самскій періодъ*. Отличительная черта этого періода та, что цари египетскіе окружаютъ себя греческими воинами, покровительствуютъ греческимъ купцамъ и стараются всячески сблизить свой народъ съ образованными иностранцами. Недовольные египетскіе воины во множествѣ (250.000 человѣкъ) выселяются въ Эѳіопію, въ *Мѣрозъ*.

Сынъ Псаметиха *Нехао* страстно любилъ море; онъ проводитъ каналъ изъ Нила въ Чермное море, и по его приказанію финикіяне (около 600 г.) объѣзжаютъ кругомъ *Ливіи* (Африки). Но попытка Нехао воспользоваться азиатскими смутами (во время паденія Ассиріи) кончилась очень для него неудачно. Хотя ему и удалось побѣдить *юдеевъ* при *Мегиддо*, но зато самъ онъ былъ совершенно разбитъ при *Кархемьшъ* (на Евфратѣ) *авилонскимъ* царемъ *Навуходоносоромъ* (въ 604 году).

Внучъ его *Апрій* былъ свергнутъ съ престола и убитъ египетскими воинами, которые провозгласили царемъ своимъ *Амазиса*. Амазисъ умѣлъ ладить со своимъ народомъ, но не оставилъ также дружбы и съ греками. Изъ его греческихъ друзей особенно извѣстенъ владѣтель острова Самоса — *Поликратъ*.

Сынъ Амазиса *Псаменитъ* былъ послѣдній царь вольнаго Египта. При немъ вторгнулся въ Египетъ царь *персидскій*, сынъ *Кира*, *Камбизъ*. Въ битвѣ при *Пелузій* (въ 525 г.) египтяне были побѣждены и должны были покориться персамъ. Самъ Псаменитъ черезъ нѣсколько времени былъ казненъ, какъ говорятъ, за участіе въ заговорѣ. Хотя египтяне много разъ пытались сбросить съ себя персидское иго, но имъ уже никогда не удалось вполне вернуть свою свободу.

III. Семитическое племя.

Главные народы семитическаго племени: 1) *финикіяне*, 2) *арабы*, 3) *евреи*, 4) *ассиріяне* и *халдеи* (*авилоняне*) и 5) *лидіянцы*.

1) **Финикіяне**. Это *первыя моряки* въ исторіи.

Они жили въ узкой прибрежной полосѣ Средиземнаго моря, которая *Ливанскими горами* (съ знаменитыми *кедровыми лѣсами*) отдѣляется отъ *Сиріи*.

По морю они плавали на парусныхъ судахъ (самыя большія изъ нихъ назывались у грековъ *триерами*, т. е. трехвесельными)

и, за неимѣніемъ компаса, руководились солнцемъ и звѣздами (особенно *полярною* или *финикійскою* звѣздою). Они посѣщали островъ *Кипръ* (мѣдь), берега *Греціи* (особенно островъ *Китеру* — пурпуръ), *Италіи* и *Африки* (мѣновая торговля); они доходили до *Иберіи* или *Испаніи* (серебро), первые открыли проходъ изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ и скалы, его окружающія, назвали *столбами Мелькарта* (греки говорили — *Геркулеса*). На срединѣ Средиземнаго моря ихъ стоянкою былъ островъ *Мелита* (по имени богини; теперь *Мальта*). За *Гибралтарскимъ* проливомъ они добирались по *Касситеридскихъ* или *оловянныхъ* острововъ (острова *Сцилли* въ *Ламаншѣ*) и *Альбіона* (*Англія*), привозили даже *янтарь* („электронъ“) съ балтійскихъ береговъ. По порученію *Нехао*, египетскаго фараона, въ три года они объѣхали *Ливію*, т.-е. Африку).

Гдѣ можно было, они основывали свои торговые поселенія, *колоніи* (выселки). Самыя значительныя изъ нихъ были: *Утика* и *Карфагенъ* (по-финикійски — *Новгородъ*) въ Африкѣ (гдѣ теперь *Тунисъ*), *Гидра* или *Гадесъ* (теперь *Кадиксъ*) въ Испаніи и *Панормъ* (теперь *Палермо*) въ Сициліи.

Ихъ собственные главные города были *Сидонъ* и *Тиръ* (извѣстна также *Сарепта*).

Греки приписывали имъ чуть не все *открытія* и *изобрѣтенія* (потому что отъ нихъ главнымъ образомъ научились): *пурпуръ*, *стекло*, *грамоту*, *цифры*, *мѣру*, *вѣсъ*, *счетъ* и *монету*.

Какъ *вѣчные купцы*, они были обыкновенно *хитры*, *коварны*, *корыстолюбивы*. Слово „финикіанинъ“ поэтому употреблялось у грековъ, какъ равнозначащее слову „плутъ“.

Религія ихъ была *политеистическая* и *жестокая*. Главный богъ *Вааль* (*Бэль*) извѣстенъ былъ подъ многими прозвищами (*Бэль-Молохъ*, т.-е. царь, *Бэль-Мелькартъ*, т.-е. владыка города, и т. д.); въ немъ олицетворяли солнце и умилостивляли *жгущее* свѣтило *огненными* жертвами (напр., сожигали въ честь его юношей и дѣвицъ). Главную богиню звали *Астарта*.

Финикія не составляла одного цѣльнаго государства, а раздѣлена была на много городскихъ волостей. Въ городахъ правили *цари*, власть у которыхъ постоянно оспаривала городская знать, состоящая изъ купцовъ. Потому и порядка въ Финикіи особаго не было, а къ тому же и богатство вызвало изнѣженность и лѣнь, что губительно повліяло на весь народъ.

Финикія должна была подчиниться сперва *ассиріянамъ*, потомъ *авилоніанамъ* и, наконецъ, *персамъ*.

2) *Арабы*. *Арабы*, по преданію, происходятъ отъ сына Авраама

и *Агари*, *Измаила*, и отъ сына *Исаака* — *Исава* (отсюда *агаряне*, *измаильтяне*).

Въ древней исторіи они, какъ кочевники, мало извѣстны. Сильнымъ и могущественнымъ народомъ становятся они на нѣкоторое время только въ VII столѣтіи послѣ Р. Х., когда ихъ въ одно цѣлое соединилъ основатель новой религіи *Магометъ*.

3) **Еврей.** *Первый народъ, познавшій и сохранившій вѣру въ единого Бога (монотеизмъ).*

Ихъ предокъ *Авраамъ*, сынъ *Фарры*, живетъ сначала въ *Месопотаміи* (между *Тигромъ* и *Евфратомъ*), но оттуда съ племянникомъ своимъ *Лотомъ* переселяется въ *Ханаанъ* (долина рѣки *Иордана*) или *Палестину*. *Авраамъ* былъ родоначальникъ или патриархъ. Родъ его при *Иаковѣ*, его внукѣ, переселился въ *Египетъ*, въ землю *Госемскую*, и тамъ размножился въ цѣлый народъ и раздѣлился на 12 колѣнъ. Когда египтяне стали притѣснять евреевъ, то *Моисей* вывелъ ихъ изъ *Египта* въ пустыню *Синайскую* (около 1320 г. до Р. Х.) и далъ имъ законы гражданскіе и церковные (заповѣди *Господни*, скинія, кивотъ завета). Преемникъ его, какъ вождь народа, *Исусъ Навинъ*, перевелъ евреевъ опять въ *Ханаанъ* („обѣтованная земля“) и завоевалъ эту страну.

Долгое время жили евреи, не имѣя правильнаго государства. Только въ случаѣ опасности подчинялись они выборнымъ судьямъ. Но когда они, наконецъ, увидали, что этою ихъ неурядицею пользуются сосѣди (особенно *филистимляне*), то рѣшили выбрать себѣ царя и поставили первымъ царемъ *Саула* (сынъ *Киса* изъ колѣна *Веніамина*) около 1000 г.

Сауль былъ болѣе похожъ на простаго предводителя воиновъ, настоящимъ же царемъ сталъ *Давидъ*, сынъ *Иесея*, изъ колѣна *Иудина* (отъ 985 до 955 года). Онъ выбралъ себѣ столицею *Иерусалимъ* и отстроилъ въ немъ кремль, *Сіонъ*. Его сынъ, *Соломонъ Премудрый* (955—925 г.), былъ самымъ славнымъ царемъ еврейскимъ. Онъ покорилъ многіе сосѣдніе города (напр. *Дамаскъ*) и усмирить кочующихъ сосѣднихъ грабителей. Финикійскіе художники (посланные царемъ тирскимъ *Хирамомъ*) выстроили ему храмъ для поклоненія *Иеговѣ* (на горѣ *Моріа*). Воины его вмѣстѣ съ финикійскими кучами доплыли до арабской *Сабы* (откуда вывозили въ то время благоуханіе) и даже до *Офира*, т.-е. до *Индіи*.

По смерти *Соломона* (въ 925 г.) царство его однако раздѣлилось на два:

Иудейское (въ которомъ сталъ править сынъ его *Ровоамъ*; оно состояло всего изъ двухъ колѣнъ — *Иудина* и *Веніамина*); главный городъ былъ *Иерусалимъ*) и

Израильское (въ немъ сталъ править *Иеровоамъ*; состояло оно изъ 10 колѣнъ, и главнымъ городомъ въ немъ была *Самарія*). Цари израильскіе особенно часто забывали служеніе единому Богу, *Иеговѣ*, и, въ угоду своимъ финикійскимъ женамъ, дозволили поклоненіе *Ваалу* или *Бэлу* (напр. *Ахавъ* и *Иезавелъ*) и гнали тѣхъ пророковъ (*Илія* и *Елисей*), которые уличали ихъ въ нечестіи.

Этою внутреннею смутою и ссорами двухъ царствъ воспользовались *ассирійскіе* владыки. Призванный на помощь *Ахазомъ*, царемъ іудейскимъ, *Тиглатъ-Пилесаръ* заставилъ израильскаго царя платить ему дань; *Салманасаръ* осадилъ *Самарію*, а его преемникъ *Саргонъ* взялъ и разрушилъ ее въ 721 году, ослѣпилъ царя *Осію*, а израильтянъ увелъ въ плѣнъ. Такъ пало *Израильское царство*.

Иудейское царство просуществовало дольше, но и оно было уничтожено въ 586 году, когда *авилонскій* царь *Навуходоносоръ* побѣдилъ царя *Седекію* и разрушилъ *Іерусалимъ*.

Іудеи долго томилась въ вавилонской неволѣ (плачъ *Іереміи*), пока, наконецъ, не пало и самое царство *Вавилонское* (въ 537 году) отъ руки *Кира*, царя *персидскаго*.

Киръ дозволилъ іудеямъ вернуться на родину, гдѣ они возобновили храмъ *Соломоновъ* и зажили свободно, хотя подъ верховною властью персовъ.

4) *Ассиріяне* и *вавилоняне* (халдеи).

Ассирія лежала по среднему теченію *Тигра*, ея главный городъ былъ *Ниневія*.

Вавилонія (или *Халдея*) лежала по нижнему теченію *Евфрата* и называлась такъ по имени *Вавилона* (*Бабъ-илу* = домъ божій), величайшаго города древняго міра.

Вавилоняне и ассиріяне, родственные другъ другу народы, чаще всего были соединены въ одно государство. Ассиріяне прославились, какъ великіе завоеватели, а халдеи — своею наукою и образованностью. *Религія* ихъ была похожа на финикійскую. Верховное божество было богъ солнца, *Бэлъ*, которому поклонялись подъ разными именами (въ *Ниневіи* его называли *Ассуръ*); богиня луны называлась *Истаръ* или *Мелита* (въ *Вавилонѣ*). Особенно почитали божества звѣздъ (преимущественно *планетъ*) и приписывали имъ великое вліяніе на судьбу народовъ и отдѣльныхъ людей. Отсюда — *гаданіе по звѣздамъ* (звѣздохетство, *астрологія*), которымъ занимались главнымъ образомъ жрецы (*маги*).

Преданія называютъ древнѣйшимъ царемъ *Ассиріи* *Нина*, основателя *Ниневіи*. Съ особенною любовью преданія останавливаются на его женѣ и преемницѣ *Семирамидѣ* (*Нинъ* женился на ней, когда она помогла ему взять городъ *Бактру*), дѣла которой опи-

сываютъ въ самыхъ чудесныхъ чертахъ. Личности Нина и Семирамиды относятся къ области мифа.

Основателемъ Вавилона Библия называетъ *Нимврода*, который былъ „великій довецъ передъ Господомъ“.

Съ IX и VIII столѣтій до Р. Х. въ Ассиріи появляется цѣлый рядъ *царей-завоевателей*, которые мало-по-малу подчиняютъ себѣ всю *переднюю Азію* и основываютъ громадное государство. *Тиллатъ-Пилесаръ*, призванный на помощь царемъ іудейскимъ *Ахазомъ*, побѣждаетъ царя *дамасскаго* и *израильскаго* и налагаетъ на нихъ тяжкую дань. Когда царь Израиля *Осія* попытался возстать противъ ига ассирійскаго, царь *Салманасаръ* осадилъ *Самарию*. Его преемникъ *Саргонъ* разрушаетъ Израильское царство (въ 721 г.), ослѣпляетъ Осію и большинство израильтянъ уводитъ въ плѣнъ; ему подчиняется также и вся *Финикія* (исключая Тира). Памятникомъ его могущества остаются развалины великолѣпнаго *хорсабадскаго* дворца, въ которомъ онъ изобразилъ письмомъ и рисункомъ свои подвиги (*каменная летопись*).

Преемнику его *Сенахериму* (или *Сангерибу*) не удалось его походы на Іерусалимъ и Египетъ; но зато преемникъ Сангериба *Асаргонъ* побѣдоносно ворвался въ долину Нила, взялъ *Мемфисъ* и *Фивы* (въ 670 г.) и обложилъ египтянъ данью.

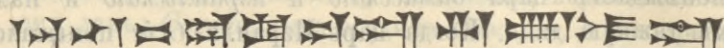
Царство Ассирійское, несмотря на кажущееся свое могущество, было однако же *непрочно*: главная причина заключалась въ страшной *жестокости* ассиріянъ и непримиримой къ нимъ *ненависти* побѣжденныхъ народовъ. Послѣднимъ царемъ Ассиріи преданіе называетъ *Сардананала* и рисуетъ его лѣнивымъ и изнѣженнымъ. Противъ него возстаютъ царь *Мидіи Кіаксаръ* и намѣстникъ Вавилоніи *Набопаласаръ*, осаждаютъ Ниневію и послѣ трехлѣтней осады берутъ ее и сожигаютъ до тла (въ 606 г.).

Вмѣсто Ассиріи возвышается теперь *Халдея*. Наибольшаго могущества достигаетъ она при сынѣ Набопаласара — *Навуходоносоръ*. Послѣдній побѣдилъ египетскаго царя *Нехао* при *Кархемъшишъ* (въ 604 г.), разрушилъ *Іерусалимъ* (въ 586 г.) и подчинилъ себѣ *Финикію*.

Вавилонъ, украшенный его постройками, сталъ *чудомъ свѣта*. Особенно поражали путешественниковъ: высокія и широкія *стѣны* (на 80 верстъ длины), храмъ *Бэла* (съ башнею въ 600 ф. высоты), храмъ *семи свѣтилъ* и *висячіе сады*. Изъ другихъ сооруженій замѣчательны: *мидійская стѣна* и *царскій каналъ* („Нагръ-Мальха“). *Ново-Вавилонское* царство продержалось очень недолго. Послѣдними царями были *Набонедъ* и *Валтасаръ* (*Валтасаровъ пиръ* и пророкъ *Даніилъ*). При нихъ на Вавилонію напалъ царь *персидскій Киръ* и овладѣлъ ею (въ 537 г.).

Вавилоняне хотѣли было воспользоваться смутами, возникшими въ Персіи, и возмущились противъ царя *Дарія-Гистаспа*, но скоро были побѣждены и окончательно потеряли свою независимость. Несмотря на это, вавилоняне надолго остались учителями сосѣднихъ народовъ, которые подражали имъ въ *одеждѣ, обычаяхъ и образѣ жизни*. Изъ наукъ въ Вавилонѣ особенно процвѣтали *астрономія и математика*. Письмо вавилонское извѣстно подъ именемъ *клинообразнаго* или *клинописи*.

5) **Лидійцы**, по всей вѣроятности, были тоже *семиты*. Жили они въ Малой Азіи, отъ Архипелага до рѣки *Галиса*; главный городъ ихъ былъ *Сарды*.

Наиболѣе извѣстенъ послѣдній царь Лидіи — *Крезъ* (онъ потомокъ *Гигеса*, который вступилъ на престоль, когда убилъ царя *Кандавла*). Крезъ славился богатствомъ и гостепрѣимствомъ. Особенно любилъ онъ *грековъ* и часто посылалъ съ запросами и дарами въ *Дельфы* къ оракулу. (Его бесѣда съ *афинскимъ* мудрецомъ *Солономъ*; Солономъ указываетъ ему на жизнь афинянина *Телла* и аргосскихъ юношей *Клеобиса* и *Битона*).

Крезъ, неправильно понявъ предсказанія дельфійскаго оракула (о томъ, что онъ *разрушитъ* большое царство, и о *муль*, который возсядетъ на престоль персидскій), началъ войну съ *Киромъ*, царемъ персидскимъ, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Осужденный, говорить преданіе, на смерть на кострѣ, онъ припомнилъ *Солона*, передалъ Киру наставленія греческаго мудреца и получилъ помилованіе.

Однако *Лидія* должна была покориться персамъ.

IV. Арійское племя.

Арійцы, какъ думаютъ, жили когда-то вмѣстѣ, недалеко отъ *Памира* и истоковъ *Аму-* и *Сыръ-Дары*, но оттуда постепенно разошлись и раздѣлились на разныя вѣтви:

1. **Индусы**. Такъ назывались тѣ арійцы, которые завоевали долины *Инда* и *Ганга*. Хотя финикійскіе купцы и ѣздили, говорятъ, въ *Обфиръ* (т.-е. Индію), но индусы становятся болѣе извѣстными другимъ народамъ только гораздо позднѣе, со временъ царя *Александра Македонскаго*.

Ираняне жили въ *Иранѣ* (между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ; пустынные степи по Каспію и Аралу они называли *Тураномъ*).

Европейцы. Такъ называютъ тѣхъ арійцевъ, которые съ теченіемъ времени перешли въ *Евроту*. Здѣсь они раздѣлились на слѣдующіе главные народы:

греки,
римляне (итальянцы),
кельты (предки французовъ),
германцы,
литовцы,
славяне.

Ихъ исторія принадлежитъ позднѣйшему времени, въ исторіи же древняго Востока главное мѣсто занимаютъ:

Ираняне. Они дѣлились въ свою очередь на нѣсколько народовъ, изъ которыхъ особенно важны три: 1) *бактрыане*, 2) *мидяне* и 3) *персы*.

1) **Бактрыане.** Ихъ главный городъ былъ *Бактра* (теперь *Балхъ*, недалеко отъ верхняго теченія Аму-Дарьи), слышій у иранянъ священнымъ, потому что въ немъ жилъ, по преданіямъ, ихъ пророкъ *Заратустра* (или *Зороастръ*).

Религія Зороастра признавала двухъ главныхъ боговъ, добраго — *Аурамазду* (Ормуздъ), и злого — *Анромайню* (Ариманъ), вѣчно другъ съ другомъ воюющихъ. (Такая религія называется *дуализмъ*, двойственность боговъ). Добрые боги, помощники Ормузда, называются *Амиаспанды* (изъ нихъ наиболѣе извѣстны: *Митра* — богъ солнца и *Ани* — богъ огня), злые же боги — *Дивы* или *Дэвы* (самый страшный изъ нихъ ночной духъ, *Друджъ-Нэчу*). Добрый человекъ долженъ помогать доброму богу: обрабатывать землю, уничтожать нечистыхъ звѣрей, а болѣе всего соблюдать чистоту тѣлесную и духовную. Гніющее тѣло особенно нечисто: отсюда особые похоронные обряды. Чище всего на землѣ *огонь*: отсюда *поклоненіе огню* (огнепоклонники — *зебры*). Священными животными почитались: *лошадь, тѣтухъ* и *собака*.

2) **Мидяне.** Мидію называлась вся теперешняя сѣверная Персія; главнымъ городомъ въ ней была *Экбатана* (теперь *Гамаданъ*). Мидяне жили сперва отдѣльными родами; по словамъ *Геродота*, одинъ изъ родоначальниковъ, *Дейокъ*, сталъ *первымъ царемъ мидійскимъ*.

Внукъ его *Кіаксаръ* началъ войну съ ассиріянами, но ему помѣшали *скиѣвы*, дикіе кочевники, которые ворвались въ Мидію изъ своихъ степей и много лѣтъ властвовали въ ней. Только послѣ изгнанія скиѣвовъ *Кіаксаръ* заключилъ союзъ съ *Набоналасаромъ вавилонскимъ* и съ его помощью одолѣлъ *Ниневію* (въ 606 году).

Сынъ Кіаксара *Астіагъ* былъ послѣднимъ царемъ Мидіи, и верховная власть перешла къ *персамъ*.

3) *Персы* жили въ южной части Ирана у Персидскаго залива. Главный городъ ихъ назывался *Персеполь*, а царское село съ дворцомъ — *Пасаргады**).

Первый царь персидскій былъ *Киръ* (558—529), сынъ князя персидскаго *Камбиза* и дочери Астіага мидійскаго *Манданы*. Въ исторіи Кира, особенно въ началѣ, много полубаснословныхъ преданій, въ которыхъ важное мѣсто отводится вельможѣ мидійскому *Гарпагу*. (Киръ воспитанъ былъ будто бы пастухомъ *Митридатомъ*, т.-е. по-нашему Богданомъ.)

Киръ побѣдилъ Астіага при помощи *Гарпага* и сталъ *царемъ Мидіи* и *Персіи* (около 550 г.). Затѣмъ онъ пошелъ войною на *Креза*, царя лидійскаго, и также побѣдилъ его (въ 546 г.). Довольно легко завоевалъ онъ и многолюдный *Вавилонъ* (въ 537 г.), но самъ былъ смертельно раненъ (по другимъ сказаніямъ — убитъ) въ войнѣ съ *Томирисою*, царицею *маскетовъ* (кочующій народъ Турана) въ 529 году.

Сынъ его *Камбизъ* (529—522) въ разсказахъ Геродота является жестокимъ и необузданнымъ человекомъ: онъ собственноручно убилъ сына любимца своего *Прексаспа* и приказалъ отправить на тотъ свѣтъ изъ зависти родного брата своего *Смердиса* (иначе: *Бартя*).

Онъ началъ также войну съ *египетскимъ* царемъ *Псаменитомъ*, разбилъ египтянъ при *Пелузіи* (въ 525 г.) и взялъ *Мемфисъ* и *Оивы*. Однако походы его въ *Эѳіопію* (теперь Нубія) и въ оазъ *Аммона* были неудачны; въ раздраженіи онъ закололъ тогда *Аписа*, но тутъ же получилъ извѣстіе о возстаніи противъ него въ Мидіи и Персіи, гдѣ одинъ *магъ* выдалъ себя за покойнаго *Смердиса*. На пути въ Персію *Камбизъ* самъ нечаянно смертельно поранилъ себя. Самозванецъ *Смердисъ* (его настоящее имя *Гаумата*) недолго пользовался своимъ обманомъ (522—521). Семь важнѣйшихъ персидскихъ вельможъ (главные изъ нихъ: *Отанъ*, *Гобрій* и *Дарій*) узнали про обманъ, собственноручно убили обманщика и царемъ выбрали *Дарія Гистаспа* (изъ царскаго рода *Ахеменидовъ*), который правилъ отъ 521 до 486 г.

Въ первое время *Дарію* пришлось укротять мятежи. Особенно трудно было совладать съ возмущившимся *Вавилономъ*, но тутъ его выручилъ своимъ самопожертвованіемъ его другъ и вельможа *Зопиръ*.

*) Быть можетъ, *Персеполь* и *Пасаргады* одно и то же. Вопросъ этотъ не рѣшенъ учеными.

Послѣ подавленія мятежа Дарій занялся *устройствомъ* своего *громаднаго* царства. Царь персидскій имѣлъ много царствъ подъ своею властью и потому величалъ себя *царемъ царей* (*шахъ-ин-шахъ*). У него было 4 столицы: *Персеполь*, *Экбатана*, *Вавилонъ* и *Суза* (на р. *Хоаспъ*, притокъ Тигра). Обстановка его была необыкновенно *роскошная*. Его постоянно окружалъ отрядъ изъ 4000 человекъ гвардіи и еще 10.000 такъ называемыхъ *безсмертныхъ*. Изъ столицъ вели отличныя дороги во всѣ части государства. Тайная и явная полиція наблюдала строго за порядками и безопасностью (*око и уши* государевы). Все царство было раздѣлено на особыя области, *сатрапіи*, и въ каждой управлялъ, какъ бы маленькій царь, *сатрапъ*. Каждая область знала свою ежегодную *повинность*: иногда *деньгами*, иногда *натурой*. Судъ на царскихъ слушниковъ былъ строгій, иногда даже жестокой.

Устроивъ свое государство, *Дарій* рѣшился наказать *скивоовъ* и вторгнулся въ ихъ главную землю, на югъ теперешней Россіи. Онъ перешелъ черезъ *Босфоръ* (Константинопольскій проливъ), на пути подчинилъ своей власти *Фракію* (теперь *Румелия*) и, построивъ мостъ черезъ *Истръ* (Дунай), вступилъ въ скиѣскія (новороссійскія) степи. Однако царь скиѣскій *Индантуръ* не принялъ битвы и все отступалъ въ глубь своей земли, пока персидское войско не измучилось совершенно. Царь Дарій принужденъ былъ, наконецъ, отступить и спастся отъ гибели почти потому только, что *греки*, охранявшіе мостъ черезъ Дунай, сохранили ему вѣрность (по совѣту *Гистіа* и вопреки требованію *Мильтиада*).

Побѣжденные природою, но побѣдившіе пока всѣ народы, персы въ скоромъ времени (въ 490 г.) были однакоже побѣждены при *Маравоннъ* маленькимъ, но избраннымъ войскомъ *грековъ*. Съ этого времени понемногу начинается *упадокъ великаго Персидскаго царства*, и исторія тогда переходитъ изъ *Азіи въ Европу*.

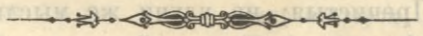
Хронологическій перечень событій исторіи древняго Востока.

Древнѣйшія событія исторіи произошли въ такое отдаленное отъ насъ время, когда точнаго счета годамъ не вели, и потому весьма трудно выставить эти годы, хотя бы и приблизительно достоверно. Свой перечень мы начнемъ поэтому только со времени величайшаго фараона Египта:

Около	1350	года	до Р. Х.	Рамсесъ II, Міамунъ.
"	1320	"	"	Менефтѣ. Моисей. Выходъ евреевъ изъ Египта.
"	1000	"	"	Саулъ, первый царь еврейскій.
Отъ	985—955	"	"	Царь Давидъ.
"	955—925	"	"	Соломонъ Премудрый.
Въ	925	"	"	Раздѣленіе царствъ. Ровоамъ и Иеровоамъ.
"	721	"	"	Салманасаръ и Саргонъ. Осада Самаріи. Осія и паденіе Израильскаго царства.
Около	700	"	"	Сангерибъ (Сенахеримъ).
Въ	670	"	"	Асаргадонъ. Ассиріяне въ Египтѣ.
"	660	"	"	Додекархія. Псаметихъ.
"	606	"	"	Сарданапаль. Разрушеніе Ниневіи. Набопаласаръ вавилонскій и Кіаксаръ мидійскій.
"	604	"	"	Навуходоносоръ вавилонскій и Нехао египетскій. Битва при Кархемышѣ.
Около	600	"	"	Финикіяне оплываютъ Африку.
Въ	586	"	"	Разрушеніе Иерусалима. Царь Седекія. Пророкъ Іеремія.
Отъ	558—529	"	"	Киръ, царь персидскій.
Въ	550	"	"	Киръ завоевываетъ Мидію. Царь Астиагъ.

Въ	546	году	до Р. Х.	Киръ	завоевываетъ	Лидію.	Царь
				Крезъ.			
"	537	"	"	"	"	Киръ	завоевываетъ
						Вавилонію.	Царь
						Валтасаръ	(Набонедъ).
Отъ	529—522	"	"	"	"	Камбизъ.	
Въ	525	"	"	"	"	Битва	при
						Пелузіи.	
Отъ	522—521	"	"	"	"	Самозванецъ	Смердисъ.
"	521—486	"	"	"	"	Дарій	Гистаспъ.
Въ	508	"	"	"	"	Походъ	Дарія
						на	скивоувъ.
"	500	"	"	"	"	Возстаніе	малоазійскихъ
						грековъ	
						противъ	персовъ.
"	490	"	"	"	"	Битва	при
						Мараѳонѣ.	

ДОПОЛНЕНІЯ.

Для сравненія лѣтописнаго разсказа съ былиною.

Въ лѣтописи подъ лѣтомъ 6835 (1327-й г. по Р. Х.) читаемъ: „Того же лѣта приде изъ орды посоль силенъ на Тверь, именемъ *Щелканъ* (собств. Чол-ханъ), со множествомъ татаръ и начаша *насиліе творите велико*, а князя *Александра Михайловича* и его братію хотяши побити, а *самъ състи хотяше во Твери на княженіе*, а *иныхъ князей своихъ* хотяше *посажати по инымъ городамъ русскимъ*, и хотяше привести христіанъ въ бесерменскую (т.-е. бусурманскую или мусульманскую) вѣру. Бывшу же ему въ Твери на самый праздникъ Успенія Богородицы, и хотѣ всѣхъ тогда ту (туть) избити: собралъ бо ся баше ту весь градъ, праздника ради Пречистыя; не улучи же мысли своея (т.-е. не успѣлъ въ замыслѣ своемъ) окаянный, помилова Богъ христіанскій отъ сыроядецъ (т.-е. употребляющихъ въ пищу *сырое мясо*, невѣрныхъ татаръ). Увѣда бо (узналъ) мысль окаяннаго князя Александръ Михайловичъ и созва къ себѣ всѣхъ тверичъ и вооружився поиде на Щелкана, рече (говоря): не азъ почохъ избивати, но онъ; Богъ да будетъ отмстникъ (мститель) отца моего крове князя великаго Михаила (Михаила Александровича Тверского, погибшаго въ Ордѣ) и брата моего князя Дмитрія, зане (ибо) пролія кровь (ихъ) безъ правды (несправедливо): да егда и мнѣ же се створить (чего добраго, и со мной то же сдѣлаеть); и поиде на нихъ (т.-е. на татаръ). Щелканъ слышавъ на ся идуща Александра ратью (что идетъ на него Александръ боемъ, войною), изыде противу ему со множествомъ татаръ своихъ, и сосупишася (сошлись, вступили въ бой) восходящу солнцу (на разсвѣтѣ), и бишася чрезъ весь день, и уже къ вечеру одолѣ князь Александръ, а Щелканъ побѣже на сѣни (Михайлова дворца, гдѣ жили татары); Александръ же зажже сѣни отца своего и дворъ весь, и *зорь Щелканъ съ прочими татари*. Бысть се (это) мѣсяца августа 15-го дня, на Успеніе Свѣтыя Богородицы“. Узбекъ не замедлилъ страшно выместить гибель Чол-хана на несчастномъ Тверскомъ княжествѣ: пришло много-

численное татарское войско, разорило Тверь, Торжокъ, Кашинъ и опустошило Тверскую область; жители были истреблены или уведены въ неволю; князь Александръ Михайловичъ успѣлъ бѣжать въ Псковъ... Съ приведеннымъ разказомъ лѣтописи сличите слѣдующую народную былинку о *Щелканѣ Дудентьевичѣ*, въ которой сохранены: главный фактъ, имя хана и его намѣстника, вѣрно передана общая картина насилій и кровожадности татаръ, но историческія подробности забыты и замѣнены другими, вымышленными, *хотя уже не столько фантастическими*, какъ въ пѣснѣ о царѣ Калинѣ:

А и дѣялося въ Ордѣ,
 Передѣялося въ Большой,—
 На стулѣ золотѣ,
 На рытомъ бархатѣ,
 На червчатой камкѣ (дорогая матерія),
 Сидятъ тутъ царь Азвякъ (ханъ Узбекъ),
 Азвякъ Тавруловичъ;
 Суды разсуживаетъ
 И ряды разряживаетъ,
 Костылемъ размахиваетъ,
 По бритымъ тѣмъ усамъ,
 По татарскимъ тѣмъ головамъ....
 Шурьевъ царь дарилъ,
 Азвякъ Тавруловичъ,
 Городами стоальными (на Руси):
 Василья на Плесу,
 Гордѣя въ Вологдѣ,
 Ахрамѣя въ Костромѣ;
 Одного не пожаловалъ
 Любимаго шурина,
 Щелкана Дудентьевича.
 За что не пожаловалъ?
 И за то онъ не пожаловалъ:
 Его дома не случилось;
 Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
 Въ дальнюю землю Литовскую,
 За моря синія,
 Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
 Дани, невыходы (недоимки),
 Царскія невыплаты...
 Съ князей бралъ по сту рублевъ,
 Съ бояръ по пятидесять,
 Съ крестьянъ по пяти рублевъ.
 У котораго денегъ нѣтъ,
 У того дитя возьметъ;
 У котораго дитя нѣтъ,
 У того жену возьметъ,
 У котораго жены-то нѣтъ,

Того самого головой возьметъ.
 Вывезъ младъ Щелканъ
 Дани, невыходы,
 Царскія невыплаты...
 Проговоритъ младъ Щелканъ,
 Младъ Дудентьевичъ:
 „Гой еси, царь Азвякъ,
 Азвякъ Тавруловичъ!
 Пожаловалъ ты молодцовъ,
 Любимыхъ шуринонь,
 Пожалуй ты, царь Азвякъ,
 Пожалуй ты меня
 Тверью старую,
 Тверью богатою,
 Двумя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи“.
 Проговоритъ царь Азвякъ,
 Азвякъ Тавруловичъ:
 „Гой еси, шуринъ мой,
 Щелканъ Дудентьевичъ!
 Заколи-т-ко ты сына своего,
 Сына любимаго,
 Крови ты чашу нацѣди,
 Выпей ты крови тоя,
 Крови горячія;
 И тогда я тебя пожалую
 Тверью старую,
 Тверью богатою,
 Двумя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи“.
 Втапоры младъ Щелканъ
 Сына своего закололъ,
 Чашу крови нацѣдилъ,
 Крови горячія.
 Выпилъ чашу тоя крови горячія.
 А втапоры царь Азвякъ
 За то его пожаловалъ
 Тверью старую,

Тверью богатую,
 Двумя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи.
 И втапоры младъ Шелканъ
 Онъ судьейо насѣлъ
 Въ Тверь ту старую,
 Въ Тверь ту богатую.
 А немного онъ судьейо сидѣлъ...
 (И сталъ онъ) надо всѣми наругаться,
 Надъ домами насмѣхаться.
 Мужики-то старые,
 Мужики-то богатые,
 Мужики посадские,
 Они жалобу приносили,
 Двумъ братцамъ родимымъ,
 Двумъ удалымъ Борисовичамъ.

Отъ народа они съ поклономъ
 Пошли, съ честными подарками,
 И понесли они честные подарки,
 Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
 Изошли (нашли) его въ домъ у себя
 Шелкана Дудентьевича:
 Подарки принялъ отъ нихъ,
 Чести не воздалъ имъ...
 Втапоры младъ Шелканъ
 Зачванился онъ, загординился,
 И они съ нимъ раздорили —
 Одинъ ухватилъ за волосы,
 А другой за ноги
 И тутъ его разорвали,
 Тутъ смерть ему случилася
 Ни на комъ не сыскалося.

Хороводная пѣсня.

Въ этой пѣснѣ (*сѣяніе проса*) можно предполагать сохранившееся отъ глубокой старины воспоминаніе о *захватахъ* и *выкупахъ*, которые нѣкогда, при родовомъ бытѣ, играли роль у нашихъ предковъ-славянъ, между прочимъ, и при заключеніи брачныхъ союзовъ между лицами, принадлежавшими къ двумъ разнымъ *родамъ*. Пѣсня эта *играется*, т. е. разыгрывается, поется вмѣстѣ съ игрою въ весеннее хороводное время. Два хора (которые, можно думать, представляютъ въ этомъ случаѣ два *рода*, живущіе по сосѣдству) становятся одинъ противъ другого и поютъ:

1-й хоръ.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
 Ой дидь-ладо*), сѣяли!

2-й хоръ.

А мы просо вытопчемъ,
 Ой дидь, и т. д.
 1. А чѣмъ же вамъ вытоптать?
 2. А мы коней выпустимъ.
 1. А мы коней переймемъ.
 2. А чѣмъ же перенять?
 1. Шелковымъ мы поводомъ.
 2. А мы коней выкупимъ.

*) Имя одного языческаго бога русскихъ славянъ.

1. А чѣмъ же вамъ выкупить?
2. А мы дадимъ сто рублей.
1. Не надо намъ тысячи.
2. А что же намъ надобно?
1. Намъ надобно дѣвцу.

(Въ это время изъ второго хора переходитъ дѣвушка въ первый).

2. *Нашего полку убыло!*
1. *Нашего полку прибыло!*

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣвушки не перейдутъ изъ второго хора въ первый.

Разливъ Нила.

Вотъ какъ описываетъ постепенный ходъ наводненія англійскій путешественникъ *Осбёрнъ*.

„Надобно видѣть Египетъ въ пору наибольшей убыли воды въ Нилѣ, такъ хоть за мѣсяцъ до лѣтняго солнцестоянiя, чтобы понять, что стало бы съ этой страной, если бы вдругъ, по какой-нибудь несчастной случайности, она лишилась своей кормилицы-рѣки. Къ этому времени уровень воды въ Нилѣ понижается до такой степени, и онъ такъ далеко уходитъ въ свой узкіе берега, что представляетъ только половину своей нормальной ширины, и его мутныя, илистыя, лѣнныя воды кажутся какъ будто утратившими всякое движеніе. Оба берега рѣки въ это время представляютъ или песчаныя отмели, или крутыя чернѣющія массы грязи, до послѣдней степени пересохшія и потрескавшіяся на солнцѣ. За ними ничего, кромѣ песку и голаго безплодія пустыни, потому что въ эту пору почти непрерывно дуетъ *Хамсинъ* — такъ называется вѣтеръ, господствующій въ продолженіе цѣлыхъ *пятидесяти дней* и приносящій съ собою массы летучаго песку. Въ насыщенной тончайшею песчаной пылью, ослѣпительной отъ яркаго солнца, донельзя накаленной атмосферѣ кой-гдѣ только можно различать стволы и вѣтви деревьевъ, но листья ихъ до такой степени покрыты пылью, что издали ихъ никакъ не отличишь отъ окружающихъ песчаныхъ равнинъ. Только въ садахъ паша*) и то лишь съ величайшими усиліями, благодаря самой упорной и безпрестанной поливкѣ, удается поддержать нѣкоторое подобіе зелени. Наконецъ — и это первый признакъ, предвѣщающій конецъ этой ужасной поры — поднимается сѣверный вѣтеръ и начинаетъ дуть цѣлыми днями съ необыкновенной силой, переходящей нерѣдко въ бурные порывы. Онъ быстро успѣваетъ смести пыль

*) Т.-е. вице-короля египетскаго.

съ лнсты кустарниковъ, которые тянутся по всему нижнему Египту, и возвратитъ имъ ихъ первоначальную зеленѣющую окраску. Благодаря этому вѣтру, господствующему какъ въ этотъ, такъ и въ три слѣдующіе за тѣмъ мѣсяцы, въ цѣломъ Египтѣ въ значительной степени, и очень кстати, умѣряется и палящій зной солнца, которое въ эту пору находится на своей наибольшей высотѣ.

Затѣмъ наступаетъ перемѣна и съ самой рѣкой. Каирскій *нилометръ* (т.-е. *водомеръ*) показываетъ, что Нилъ поднялся на одинъ или на два вершка, и въ то время вода утрачиваетъ послѣдній остатокъ прозрачности и свѣжести, которыя еще наканунѣ дѣлали эту воду пріятнымъ питьемъ. Она принимаетъ ту зеленую, клеевидную, тусклую окраску, какую обыкновенно отличается *солонцеватая* вода*) подъ тропиками, — и до сего времени не существуетъ еще на свѣтѣ такого фильтра, посредствомъ котораго можно было выдѣлить вредныя для здоровья и зловонныя примѣси, которыя производятъ въ ней эту перемѣну. Явленіе *зеленаго Нила* объясняется существованіемъ въ южной Нубіи громадныхъ лужъ стоячей воды, которыя изъ года въ годъ остаются послѣ каждаго разлива на обширныхъ песчаныхъ равнинахъ *Дарфура***). Полгода и болѣе стоитъ эта вода подъ тропическимъ солнцемъ, загниваетъ и потомъ, когда нахлынетъ новый разливъ, уносится его теченіемъ и такимъ образомъ попадаетъ снова въ русло рѣки. Явленіе это рѣдко продолжается долѣе трехъ дней, и слава Богу! ибо, какъ ни коротко это время, горе несчастному, который вынужденъ утолять свою жажду изъ Нила, когда онъ находится въ этомъ періодѣ: употребленіе такой воды вызываетъ несносныя страданія. Потому городскіе жители соблюдаютъ предосторожность запасаться водой, заранѣе наполняя ею свои водохранилища.

Съ этой поры уровень рѣки начинаетъ необыкновенно быстро возвышаться. Но не ранѣе какъ дней черезъ десять или двѣнадцать наступаетъ съ Ниломъ послѣдняя и наиболѣе изумительная перемѣна. Попытаюсь передать первыя поразительныя впечатлѣнія, которыя вызвало во мнѣ это послѣднее превращеніе. Это было въ концѣ длинной и, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось, томительно-удушливой ночи. Когда я поднялся съ дивана, на которомъ напрасно старался заснуть на нашей баркѣ, застигнутой штилемъ на широтѣ Бени-Гассана (городъ въ нижнемъ Египтѣ), верхній край солнца только что выглянулъ изъ-за цѣпи

*) Такъ называется вода, пропитанная солью.

**) Оазь на одномъ изъ притоковъ Нила.

Аравійскихъ горъ. Каково же было мое изумленіе, когда я замѣтилъ, что, лишь только его первые лучи коснулись рѣки, эта послѣдняя внезапно вся подернулась темно-краснымъ отблескомъ. Отблескъ этотъ выступалъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ ярче становилось освѣщеніе, и, прежде чѣмъ солнце успѣло совершенно отдѣлиться отъ гребня холмовъ, Ниль уже превратился точно въ рѣку крови. Подозрѣвая оптической обманъ, я быстро вскочилъ и нагнулся за бортъ, но то, что представилось моему зрѣнію, только подтвердило первое впечатлѣніе. Вся вода въ рѣкѣ, утратившая всякую прозрачность, представляла одну сплошную массу темно-багроваго цвѣта, болѣе чѣмъ что-нибудь напоминавшаго цвѣтъ крови. Я замѣтилъ при этомъ, что за ночь рѣка поднялась на нѣсколько вершковъ, и арабы объяснили мнѣ, что это-то и есть *красный Ниль*. Все время, пока продолжается это необычайное состояніе рѣки, яркость красного цвѣта и степень мутности воды бываютъ подвержены постояннымъ колебаніямъ. Въ тѣ дни, когда вода прибываетъ болѣе чѣмъ на одинъ или два вершка, она на нѣкоторое время опять становится полупрозрачной, но постепенно пріобрѣтаетъ упомянутый темно-красный цвѣтъ. Въ эту пору она не заключаетъ въ себѣ никакихъ вредныхъ примѣсей, какія бываютъ въ ней въ періодъ „зеленаго Нила“. Вообще, никогда нильская вода не бываетъ такъ здорова, такъ пріятна на вкусъ и такъ освѣжительна, какъ именно во время разлива. Въ нѣкоторые дни массы глины, которыя она влечетъ съ собою въ своемъ теченіи, въ верхнемъ Египтѣ превосходятъ все, что уносятъ съ собою во время разлива другія, мнѣ извѣстныя рѣки, но, какъ я не разъ имѣлъ случай въ томъ убѣдиться, эти огромныя массы не замедляютъ замѣтнымъ образомъ быстроты теченія. Когда зачерпнувъ воды въ стаканъ, я давалъ ей нѣкоторое время отстояться, оказывалось слѣдующее: верхній слой жидкости оставался совершенно непрозрачнымъ и окрашеннымъ въ темно-красный цвѣтъ, между тѣмъ какъ на днѣ стакана, приблизительно до одной четверти его высоты, оказывался осадокъ черного ила. Прежде чѣмъ наводненіе достигаетъ средняго и нижняго Египта, значительная часть этого ила и глины успѣваетъ осѣсться.

Во всемъ царствѣ природы, можетъ-быть, нѣтъ такого веселаго зрѣлища, какъ то, которое представляетъ Ниль во время своего возрастанія. И днемъ и ночью, оживленно, безъ усталы катитъ онъ свои широкія волны, величаво заливая въ своемъ побѣдномъ шествіи одну за другой, жаждущія песчаныя равнины и необозримыя пустыни. Пока мы медленно поднимались вверхъ по рѣкѣ, подгоняемые сѣвернымъ вѣтромъ, не проходило часа, чтобы съ бе-

реговъ не доносился до нашего слуха гулъ разрушенія какой-нибудь горы изъ засохшаго ила и грязи, и потому, какъ въ ту сторону, откуда раздавался этотъ гулъ, устремлялось все одушевленное, легко можно было угадать, что это Ниль еще одолѣлъ какую-нибудь, встрѣченную имъ на пути преграду, и его могучія воды даруютъ жизнь еще какой-нибудь пустынь. Изъ всѣхъ впечатлѣній, какія мнѣ когда-либо приходилось испытывать, немногія вспоминаются мнѣ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ я вспоминаю о томъ впечатлѣніи, которое производитъ Ниль въ ту минуту, когда онъ въ первый разъ вторгается въ одинъ изъ большихъ каналовъ, прорытыхъ для принятія его ежегоднаго разлива. Вся природа ликуетъ. Мужчины, дѣти, дикія стада рогатаго скота съ наслажденіемъ бродятъ въ его освѣжающей влагѣ, стаи рыбъ, сверкая на солнцѣ серебряной чешуей, несутся въ его широкихъ волнахъ, а надъ ними вьются цѣлыми тучами птицы, въ самомъ пестромъ нарядѣ разноцвѣтнаго пера. Это истинный праздникъ природы, и притомъ не только для существъ, занимающихъ высшія ступени въ ея царствѣ. Какъ скоро прикосновеніе животворныхъ водъ сообщаетъ влажность песку, песокъ буквально оживаетъ: въ немъ начинаютъ кишѣть и копошиться миллионы насѣкомыхъ. За нѣсколько дней до солнворота наводненіе доходитъ до Мемфиса, около нашего осенняго равноденствія достигаетъ своей наибольшей высоты, затѣмъ начинаетъ спадать и приблизительно въ пору нашего зимняго солнцестоянія Ниль уже вступилъ обратно въ свои берега,—и его воды снова приняли свой обычный свѣтло-синій оттѣнокъ. Въ этотъ промежутокъ начинается посѣвъ, который заканчивается съ концомъ наводненія. Непосредственно за весной наступаетъ время жатвы, и, прежде чѣмъ опять задуетъ хамсинъ, жатва уже бываетъ совсѣмъ убрана. Такимъ образомъ, египетскій годъ естественно раздѣляется на три поры или времени: четыре мѣсяца сѣянія и роста, приблизительно соответствующія нашимъ: ноябрю, декабрю, январю и февралю; затѣмъ—четыре мѣсяца жатвы, которые тоже приблизительно можно приурочить къ тѣмъ мѣсяцамъ нашего календаря, которые лежатъ между мартомъ и іюнемъ включительно; наконецъ, четыре мѣсяца разлива, которые заканчиваютъ собою этотъ годичный круговоротъ“.

Какъ открыли муміи 36 фараоновъ. Мумія Рамсеса II.

Въ одномъ изъ предмѣстievъ *Каира*, по имени *Булакъ*, устроенъ теперь музей, въ которомъ собираютъ и тщательно сохраняютъ всѣ древности, находимыя въ Египтѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начальникъ этого музея знаменитый французскій египтологъ (такъ

называются знатоки египетской старины и древняго египетскаго языка) *Масперо* замѣтилъ, что въ Каирѣ стали внезапно появляться въ продажѣ въ большомъ количествѣ разные древніе египетскіе предметы, какъ, напр., папирусы, статуэтки и т. д. Надо замѣтить, что въ Египтѣ по теперешнимъ законамъ строго запрещено продавать и вывозить за границу старинныя вещи, найденныя гдѣ бы то ни было въ странѣ: всякій, кто нашель какую-нибудь древность, долженъ заявить объ этомъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, правительству. Несмотря однако на угрозы закона, надежда на большую прибыль заставляетъ мѣстныхъ арабовъ, откинувъ весь страхъ, рыться и копать въ землѣ, чтобы разыскать какую-нибудь рѣдкость и за дорогія деньги продать ее иностраннымъ путешественникамъ (болѣе неопытнымъ изъ нихъ они никогда не прочь всучить какую-нибудь свою собственную, подчасъ очень грубую, поддѣлку). На этотъ разъ въ продажѣ стали появляться несомнѣнно подлинныя египетскія вещи, и *Масперо* было не трудно поэтому догадаться, что арабы, очевидно, наткнулись какъ-то случайно на древнюю гробницу, можетъ-быть, очень любопытную и важную для науки, и расхищаютъ ее, конечно, только ради своего кармана. Народная молва указала въ скоромъ времени и на опредѣленное лицо, какъ на главнаго хищника и продавца — это былъ именно одинъ арабъ, по имени *Абдъ-ер-Рассуль*, хижина котораго стояла какъ разъ на мѣстѣ древнихъ *Өивъ*, близъ теперешняго мѣстечка *Дейръ-ель-Бахары*. Помянутаго араба притянули, конечно, сейчасъ же къ суду, допрашивали, засадили даже въ тюрьму, однако добиться ничего не могли: онъ упорно отрицалъ взводимое на него обвиненіе, такъ что его поневолѣ, за отсутствіемъ всякихъ точныхъ уликъ, пришлось выпустить на волю. Къ счастью, однакоже, для науки дѣло тѣмъ не кончилось: черезъ два мѣсяца по окончаніи слѣдствія къ властямъ явился съ доносомъ родной братъ мошенника, *Мохаммедъ* (его кто-то изъ братьевъ обидѣлъ при раздѣлѣ барышей), и выдалъ всю тайну. Оказалось, что дѣйствительно *Абдъ-ер-Рассуль* и его братья случайно наткнулись въ скалахъ ливійскихъ горъ на тайникъ съ древними царскими гробницами и стали таскать оттуда все, что было доступнѣе и сподручнѣе для продажи. Такъ какъ *Масперо* въ то время, когда раскрылось все дѣло, не было въ Египтѣ, то вмѣсто него, его помощникъ *Брушизъ* (извѣстный ученый) немедленно по полученіи такихъ вѣстей отправился на мѣсто находокъ. Дѣйствительно, безъ указанія *Мохаммеда* или его сообщниковъ невозможно было бы разыскать тайникъ: онъ находился въ дикой, малодоступной, скалистой мѣстности, усѣянной грудами камней и

глиняныхъ обваловъ; самый ходъ въ пещеру былъ заставленъ громадною каменною глыбою и засыпанъ мусоромъ. Чтобы проникнуть въ катакомбу, нужно было спуститься въ длинный цилиндрической колодець по лѣстницѣ, наполовину завалившейся; на днѣ колодца оказался ходъ въ слишкомъ 100 аршинъ длины, вырубленный въ скалѣ, и мѣстами такой узкій, что приходилось подвигаться ползкомъ. Въ этомъ-то именно ходѣ и помѣщались въ *большомъ безпорядкѣ*, иногда наваленные другъ на друга, древніе царскіе саркофаги съ муміями фараоновъ, какъ видно стало по надписямъ. „Г. Бругшъ“, — говоритъ самъ Масперо, „очутившись внезапно въ этомъ многочисленномъ и величественномъ собраніи царей, не вѣрилъ своимъ глазамъ, да и я до сихъ поръ не могу прійти въ себя и какъ-то недовѣрчиво смотрю на то, что было плотью всѣхъ этихъ лицъ, которыхъ я зналъ и думалъ, что буду знать только по именамъ!“ Дѣйствительно, было отчего прійти въ изумленіе: вмѣсто одной, двухъ ожидаемыхъ мумій, ихъ оказалось цѣлыхъ 36, и къ тому же *такія муміи, какъ тѣло славнаго фараона Египта, Рамсеса II Міамуна!*

Триста нанятыхъ арабовъ въ два дня очистили подземелье, и царскія муміи съ торжествомъ были перевезены на пароходѣ въ Каиръ, гдѣ ихъ поставили въ *Булакскомъ музее*. Тутъ только началось тщательное изученіе каждаго саркофага и каждой муміи въ отдѣльности. Нѣкоторые гробы и ихъ содержимое сохранились изумительно хорошо. Особенно поразительно сохранились вѣнки цвѣтовъ въ гробѣ одного изъ фараоновъ (*Аменофиса I*): состоятъ они изъ кувшинокъ, лотосовъ, акацій и др. цвѣтковъ, и хотя вѣнки эти пролежали въ могилѣ 3000 слишкомъ лѣтъ, но сохранились такъ хорошо, что ихъ почти нельзя отличить отъ растений, засушенныхъ въ самое послѣднее время въ новѣйшихъ гербаріяхъ! Въ одномъ цвѣткѣ кувшинки, найденной въ гробѣ Аменофиса, оказалась даже отлично уцѣлѣвшая *оса*: забралась она, очевидно, въ гробъ, привлеченная запахомъ душистыхъ цвѣтовъ, и такъ и осталась тамъ до нашего времени и сохранилась притомъ столькія сотни лѣтъ, какъ будто живая! Все это возможно, конечно, только при необычайной сухости воздуха египетскаго и при той внимательной заботливости, съ которою жрецы въ былыя времена охраняли вѣренныя имъ тѣла своихъ царей.

Но является невольно вопросъ: почему эти гробницы далекихъ другъ отъ друга по времени царей и царицъ найдены всѣ вмѣстѣ? почему онѣ найдены въ такомъ страшномъ безпорядкѣ? почему въ одномъ саркофагѣ иногда по двѣ муміи? почему, напр., въ саркофагѣ, носящемъ имя царицы *Нефритари*, кромѣ ея тѣла,

найдена еще мумія *Рамсеса III*? Неужели великій фараонъ, славою уступавшій развѣ одному только Рамсесу II, не могъ удостоиться своего отдѣльнаго гроба?

Отвѣтъ на вопросы эти, которые невольно предложить себѣ всякій, даетъ сама исторія древняго Египта. Послѣ Рамсеса III въ Египтѣ наступаютъ внутренніе беспорядки и смуты и нашествіе разныхъ внѣшнихъ враговъ. Населеніе очень обѣднѣло; появились шайки воровъ и грабителей, которыхъ особенно соблазняли гробницы древнихъ фараоновъ, потому что, какъ вы это знаете, царскія муміи обыкновенно украшались золотомъ и драгоценными камнями. Начался всеобщій грабежъ старыхъ катакомбъ: хищники разыскивали ихъ тщательно закрытые входы, выламывали себѣ доступъ до внутренности и здѣсь вскрывали саркофаги и жадною рукою забирали найденныя богатства; они доходили въ своемъ неистовствѣ до того, что обобранныя муміи даже сожигали, а по вѣрѣ египетской они этимъ лишали почившихъ фараоновъ ихъ послѣдняго покоя въ загробной жизни... Тогда-то жрецы, на обязанности которыхъ лежала забота о покойникахъ, постарались собрать царскія муміи, какія только можно было, и запрятали ихъ въ такіе тайники, что разыскать ихъ теперь могъ только посвященный въ тайну. Понятно, что при этомъ приходилось всячески торопиться, чтобы не выдать себя и не подать подозрѣнія грабителямъ. Второпяхъ, конечно, приходилось размѣщать саркофаги кое-какъ въ избранномъ убѣжищѣ, даже одну мумію, выхваченную изъ ея гроба, запрятывать въ чужой: хлопотали объ одномъ только, какъ бы спасти самыя муміи и не дать повода никому подозрѣвать, что идетъ какая-то особая работа. Однимъ-то изъ такихъ, *сравнительно новыхъ* тайниковъ является и найденный близъ *Дейръ-ель-Бахари* — и, быть можетъ, это не единственный склепъ, который случайность открыла, а, быть можетъ, и еще откроетъ для научныхъ изслѣдованій.

Муміи, помѣщенные въ Булакскомъ музеѣ, какъ уже сказано, подверглись самому внимательному осмотру и описанію. Нѣкоторыя изъ нихъ были осмотрѣны Масперо въ присутствіи самого хедива (правителя, или вице-короля Египта). Для насъ особенно любопытенъ *осмотръ тѣла славнѣйшаго владыки египетскаго, Рамсеса II Міамуна*, и потому помѣщаю здѣсь выписку изъ протокола, написаннаго при этомъ разслѣдованіи.

„Мумія № 5233, извлеченная первою изъ-подъ стекляннаго футляра, гдѣ она хранилась, есть мумія *Рамсеса II* (Сезостриса), какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ хронологическія указанія на 6-й и 16-й годъ великаго жреца *Хригора Сіамуна*, на 10-й годъ

великаго жреца *Пинотмау I*, писанныя черными чернилами на деревянной крышкѣ гробницы, а также указаніе на 16-й годъ великаго жреца *Пинотмау I*, находящееся на первомъ погребальномъ саванѣ противъ самой груди. Присутствіе этой послѣдней надписи было въ первый разъ засвидѣтельствовано хедивомъ и другими высшими лицами, собравшимися въ залѣ, гдѣ происходилъ осмотръ. Оказалось, что за первой оболочкой скрывается лента въ 20 сантиметровъ, которая обвивала все тѣло; надъ нею ле-

Голова муміи Рамсеса II.

жалъ другой саванъ, шитый и перевязанный по мѣстамъ узкими лентами. Далѣе слѣдуютъ два ряда повязокъ и затѣмъ кусокъ тонкаго полотна, простирающійся отъ головы до ногъ. Сдѣланное на немъ изображеніе богини *Мутъ*, около 1 метра (метръ = почти 1½ арш.; въ немъ 100 сантиметровъ) вышиною, писано красною и черною красками, согласно древнему египетскому обряду; очертанія лица богини чрезвычайно близко напоминаютъ намъ красивое и изящное изображеніе *Сети I* (отецъ Рамсеса II), которое мы (т.-е. Масперо) открыли на *барельефахъ* (выпуклыхъ

изображеніяхъ) Оивъ и *Абидоса**)). Подъ самымъ изображеніемъ помѣщена новая лента, за которою находится нѣчто въ родѣ подушки изъ кусковъ полотна, сложенныхъ четырехугольниками и пропитанныхъ смолистымъ веществомъ, какимъ пользовались бальзамировщики труповъ въ Египтѣ.

Когда было снято послѣднее покрывало, мы увидѣли *самого Рамсеса II*. Голова его, хотя и продолговата, но мала въ сравненіи съ тѣломъ. Темя черепа совершенно голое. Волосы, рѣдкіе на вискахъ, дѣлаются густыми на затылкѣ и составляютъ прямыя и гладкія пряди длиною около пяти сантиметровъ; бѣлые въ моментъ смерти, они были подкрашены при бальзамированіи въ желтоватый цвѣтъ. Лобъ низкій и узкій, бровныя дуги выдаются впередъ, брови бѣлыя и густыя, глаза маленькіе и близко подходящіе къ носу; носъ длинный и тонкій, немного раздавленный у конца свивальникомъ, виски впалые, уши оттопырены и проколоты, какъ у женщины, для ношенія серегъ, челюсть крѣпкая и сильная, подбородокъ очень большой. Ротъ немножко открытъ, губы толстыя и мясистыя, ротъ наполненъ черноватою массою въ родѣ тѣста; часть ея была вынута при помощи ножицъ, и тогда стало видно нѣсколько зубовъ, которые крайне испорчены и рассыпаются, но сохранили замѣчательную бѣлизну. Усы и борода довольно густые; сбываемые съ заботливостью въ продолженіе жизни, они отросли въ теченіе послѣдней болѣзни; волосы здѣсь также бѣлые, какъ на головѣ и бровяхъ, но грубы и щетинисты. Кожа желто-грязноватаго цвѣта; она покрыта черною краской. Наконецъ, маска муміи даетъ весьма достаточное понятіе о томъ, каковъ былъ видъ у фараона живого. Выраженіе лица совсѣмъ не интеллигентное, можно даже сказать немного звѣрское, но носить на себѣ печать надменности, упорства и царскаго величія, что замѣтно еще и теперь, несмотря на странныя украшенія бальзамированія. Остальныя части тѣла сохранились не настолько хорошо, какъ голова, и, кромѣ того, уменьшеніе мясистыхъ массъ, вслѣдствіе ссыхания, чрезвычайно сильно измѣнило внѣшній видъ. Шея имѣетъ діаметръ только позвоночнаго столба, грудь широкая, плечи высокія, руки скрещены на груди, онѣ тонки и выкрашены лавзоніей**), на лѣвомъ боку замѣтна большая рана, которую сдѣлали бальзамировщики, чтобы достать внутренности.

*) Одинъ изъ священныхъ городовъ Египта (тамъ, думали египтяне, былъ убитъ Озирисъ Тифономъ), къ сѣверу отъ Оивъ.

**) *Лавзонія* — темно-красная краска, которая и до сихъ поръ употребляется на Востокѣ. Персы называютъ ее *зна* и окрашиваютъ ею бороду и ноги.

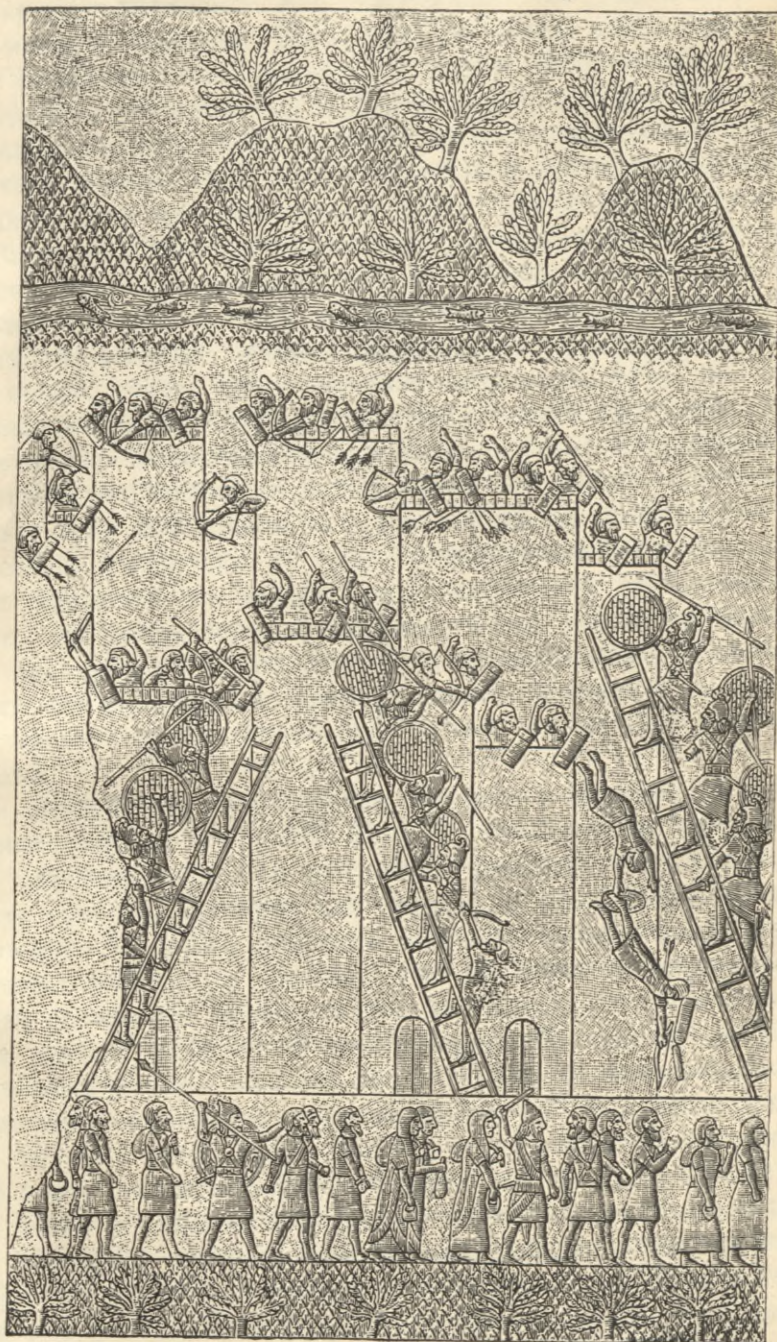
Бедра и другія мясистыя части ногъ высохли; ноги длинныя, тонкія, немного плоскія, натерты лавзоніей, какъ и руки. Все показываетъ, что передъ нами трупъ старика мужественнаго и крѣпкаго. И дѣйствительно, полагаютъ, что Рамсесъ II царствовалъ около 67 лѣтъ и умеръ, имѣя отъ роду приблизительно лѣтъ сто“.

Ниневійскіе памятники въ московскихъ снимкахъ. (Прогулка по Румянцовскому Музею И. М. Живаго.)

Если, живя въ Москвѣ, вы пожелали бы познакомиться съ образцами памятниковъ древне-ассирійскаго искусства, добытыми изъ развалинъ Ниневіи, и убѣдиться *наглядно* въ томъ значеніи, которое имѣютъ для исторіи археологическія находки, то пойдете въ *Румянцовскій музей*. Тамъ, войдя въ первую залу скульптурнаго отдѣленія, по лѣвой сторонѣ отъ входа, мы найдемъ цѣлый рядъ *ипсовыхъ слѣпковъ* съ рельефныхъ картинъ, которыя служили нѣкогда украшеніемъ внутреннихъ стѣнъ въ царскихъ дворцахъ Ниневіи. Содержаніе почти всѣхъ этихъ изображеній одно и то же: какъ бы *каменная летопись*, свидѣтельствующая изъ глубины вѣковъ о той воинственности, которая, какъ мы знаемъ, дѣлала ассиріянъ грозой Востока въ пору ихъ могущества и славы. Это — сцены *войны и охоты*. Три изъ этихъ картинъ (по каталогу онѣ значатся подъ №№ 12, 16 и 17-мъ) знакомятъ насъ съ военнымъ искусствомъ ассиріянъ. На первой (№ 12) вы видите осажденный городъ. Онъ обнесенъ зубчатыми стѣнами съ высокими, также зубчатыми башнями; вотъ въ стѣнѣ и наглухо запертыя (вѣроятно мѣдныя) ворота о двухъ створахъ. На стѣнахъ люди, вооруженные луками, — гарнизонъ крѣпости; они осыпаютъ осаждающихъ стрѣлами, стараясь не подпустить ихъ къ стѣнамъ. Но, несмотря на укрѣпленія и храбрую защиту, едва ли устоитъ бѣдный городъ противъ *осадныхъ орудій*, которыя, не взирая на стрѣльбу осажденныхъ, ассиріяне, какъ видите, уже успѣли придвинуть къ стѣнѣ города. Вотъ высокая подвижная башня на колесахъ; ея верхній ярусъ возвышается вровень съ верхомъ стѣны; помѣщенные на верху башни стрѣлки ведутъ жаркую перестрѣлку съ защитниками города: такъ и кажется, что еще немного, и они перекинутъ на стѣну опускной мостъ и овладѣютъ ею...

Внизу между тѣмъ осажденнымъ угрожаетъ другая, быть можетъ, еще большая опасность. Рядомъ съ подвижной башней ассиріянами придвинуть еще другой осадный снарядъ, также на колесахъ. Это — *стѣнобитный таранъ* въ видѣ огромнаго бревна

Ассириане берутъ приступомъ городъ (внизу проходятъ плѣнники).

(въ родѣ тѣхъ *бабъ*, какими у насъ вбиваютъ сваи), съ толстымъ, повидимому металлическимъ или окованнымъ въ какой-нибудь твердый металл, концомъ. Жаль, что не видно, кто и какимъ образомъ приводитъ въ движеніе это орудіе: дѣйствующіе имъ, для безопасности отъ вражьихъ стрѣлъ и камней, и сверху и съ боковъ укрыты навѣсомъ, подъ защитой котораго они успѣли придвинуть свой снарядъ такъ близко къ стѣнѣ и изъ-подъ котораго, какъ видите, вонъ въ одномъ только мѣстѣ замѣтна нижняя часть колеса. Зато очень видно разрушительное дѣйствіе снаряда; видно, какъ подъ ударами, наносимыми имъ, изъ стѣны сыплются камни, и готовится *проломъ*. А вотъ позади военныхъ машинъ и *самъ царь*: онъ въ длинной одеждѣ, нисходящей до пятъ; на перекинутой черезъ правое плечо перевязи привѣшенъ мечъ; на головѣ шапка въ видѣ усѣченнаго конуса*); волосы на головѣ, зачесанные за ухо и ниспадающіе до плечъ, а также и на длинной бородѣ тщательно завиты въ мелкіе кудри; въ ушахъ — серьги. Царь не только наблюдаетъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, онъ и самъ лично участвуетъ въ нихъ: обнаженными по плечо руками, съ браслетой на каждой, онъ натягиваетъ лукъ, между тѣмъ какъ два воина бережно заслоняютъ его своими круглыми щитами отъ непріятельскихъ стрѣлъ, а стоящій позади безбородый слуга или придворный (евнухъ), также въ длинной одеждѣ, держитъ запасъ стрѣлъ, готовый каждую минуту подать ихъ своему повелителю.

Почти совершенно тождественно съ этой содержаніе другой однородной картины (подъ №№ 16—17, послѣдней въ ряду, къ дверямъ слѣдующей залы), съ той только разницей, что здѣсь ужъ не просто осада, а *приступъ* или *штурмъ* и, какъ видно, въ самомъ разгарѣ. На всѣхъ пунктахъ дѣятельно кипитъ самая горячая военная работа: къ стѣнамъ уже приставлены штурмовыя лѣстницы; ассирійскіе воины лѣзутъ на приступъ; вотъ нѣкоторые уже успѣли добраться до самаго верха... Но тамъ ихъ встрѣчаетъ сильный отпоръ: въ нихъ летятъ стрѣлы, на нихъ сыплется градъ камней, и многіе изъ этихъ передовыхъ, убитые, стремглавъ валятся внизъ**). Внизу между тѣмъ у основанія стѣны осаждающіе работаютъ ломомъ, стараясь устроить *подкопъ*, а дальше дѣйствуетъ опять стѣнобитный снарядъ, совершенно такого же вида, какъ и на первой картинѣ. Противъ него, сколько можно видѣть (правый уголъ картины поврежденъ), осажденные принимаютъ нѣкоторыя мѣры: они спустили со стѣны какія-то цѣпи, которыми,

* Сравни съ рисункомъ на стр. 107, гдѣ царь *Саргонъ* изображенъ въ такой шапкѣ.

** См. предлагаемый рисунокъ.

вѣроятно, стараются захватить и опутать бревно тарана, чтобы остановить его дѣйствіе. Кругомъ весь городъ оцѣпленъ стрѣлками, чтобы непрерывной стрѣльбой поддержать усилія штурмующихъ и смутить защитниковъ города, заставить ихъ бросить стѣны. Замѣтите, что передніе ряды стрѣляютъ, опустившись на одно колѣно; это для того, чтобы не мѣшать заднимъ рядамъ, которые стрѣляютъ стоя. Какъ видно, есть ужъ и плѣнники (быть можетъ, они были захвачены, когда пытались спастись бѣгствомъ изъ города): вотъ ассирійскій воинъ уводитъ въ плѣнъ трехъ женщинъ; несчастныя, въ знакъ отчаянія, посыпаютъ себѣ голову прахомъ; одна изъ нихъ ведетъ нагого ребенка. *Выше* изображены *три быка* — часть добычи, доставшейся ассирійскому войску. Изъ массы остальныхъ воиновъ выдѣляются *два фигуры*. Съ одной (лѣвой) стороны — *царь*. И здѣсь такъ же, какъ и на первой картинѣ, онъ стрѣляетъ изъ лука, и опять стоящій рядомъ съ нимъ воинъ закрываетъ его особу длиннымъ, продолговатой формы щитомъ, между тѣмъ какъ евнухъ держитъ надъ его головой зонтикъ (для защиты отъ палящихъ лучей солнца). Съ другой стороны города (№ 17) военными дѣйствіями руководитъ главный начальникъ (визирь).

Картина № 14 вводитъ насъ, какъ гласитъ каталогъ, *во внутренность ассирійской крѣпости*, „жители которой заняты домашними работами; по мнѣнію другихъ, это изображеніе (въ горизонтальномъ разрѣзѣ, который, по совершенному незнанію ассирійскими художниками перспективы, представляется *вертикальнымъ*) зданія царской кухни, въ которой приготавливаютъ яства для пира“. Возлѣ этого зданія находится шатеръ или палатка, поддерживаемая тремя колоннами; на двухъ переднихъ довольно изящныя изображенія двухъ сернь. Тутъ же, подлѣ палатки, конюхъ усердно чиститъ коня, а рядомъ другія лошади ѣдятъ овесъ. При входѣ въ палатку стоитъ евнухъ: онъ принимаетъ четырехъ плѣнныхъ, которыхъ приводитъ воинъ съ копьемъ въ рукѣ. *Надъ* этой группой (опять по незнакомству съ перспективой) скульпторъ помѣстилъ какихъ-то двухъ челоуѣкъ, переряженныхъ въ лъвиныя шкуры, при нихъ третій, какъ будто жокакъ. Быть можетъ, это солдаты среди скуки и бездѣйствія крѣпостной или лагерной жизни для развлеченія своего и товарищей затѣяли исполнить какое-нибудь импровизированное представленіе (въ родѣ тѣхъ, что у насъ на *святкахъ* разыгрываютъ *ряженые*).

Картина № 13. Тяжка ассирійская неволя, но иногда и изъ нея удается вырваться, какъ свидѣтельствуетъ эта картина. Передъ нами берегъ рѣки или озера, поросшій деревьями; по немъ

бѣгутъ ассирійскіе воины, на всемъ бѣгу пуская стрѣлы: они цѣляютъ въ *трехъ пльнниковъ*, которые бросились въ воду и дѣлаютъ отчаянныя усилія, чтобы доплыть до крѣпости, стоящей на островѣ. Двое плывутъ, лежа грудью на *кожаныхъ мѣшкахъ*, наполненныхъ воздухомъ. Этотъ плавательный снарядъ снабженъ трубкой, конецъ которой плывущій держитъ во рту. Одинъ изъ плывущихъ, вѣроятно — самый сильный или искусный, опередилъ остальныхъ, хоть и плыветъ безъ помощи такого снаряда. И здѣсь, изъ-за стѣнъ крѣпости видны люди, но на этотъ разъ они не стрѣляютъ: очевидно, они уже признали *своихъ* въ этихъ смѣлыхъ пловцахъ. Ихъ возведенныя кверху руки выражаютъ участіе или, быть можетъ, мольбу къ богамъ сжалиться надъ бѣглецами и способствовать ихъ спасенію.

Картина № 15. Торжество побѣды: царь или главнокомандующій ѣдетъ, стоя на *боевой колесницѣ*, запряженной прекрасными конями въ богато убранной кистями и бляхами сбруѣ и съ высокими украшеніями на головахъ; въ правой рукѣ онъ держитъ значокъ (штандартъ); подлѣ него щитоносецъ и возница; у послѣдняго въ сильныхъ, жилистыхъ рукахъ крѣпко натянуты вожжи и бичъ. Передъ колесницей идутъ музыканты (у нихъ струнные инструменты, похожіе на небольшія арфы; такой приблизительно видъ имѣли, вѣроятно, и тѣ *исли*, на которыхъ такъ искусно игралъ *Давидъ* предъ лицомъ тоскующаго Саула); впереди музыкантовъ воины (ужь не хоръ ли военныхъ пѣсельниковъ?), въ островерхихъ шлемамъ и короткомъ, по колѣно, военномъ платьѣ; они ликують; каждый изъ нихъ держитъ въ обѣихъ рукахъ по отрубленной непріятельской головѣ; одни въ знакъ торжества только потрясаютъ этими мертвыми головами, поднимая ихъ вверхъ, а другіе *играютъ ими въ мячъ*, подбрасывая на воздухъ (не правда ли, какъ и здѣсь ярко сказывается дикая жестокость ассиріянь съ побѣжденнымъ врагомъ?!).

Для людей, сжившихся съ военнымъ ремесломъ, для которыхъ опасности составляютъ потребность, въ мирное время войну замѣняетъ *охота*. Картины №№ 21 и 22 изображаютъ *охоту за львами*: смотрите, вотъ царь несется на конѣ и на всемъ скаку мѣтитъ копьемъ въ разинутую пасть этого льва, который кидается ему навстрѣчу, разъяренный, широко, точно объятія, раскинувъ на воздухъ свои переднія лапы (движеніе разъяреннаго звѣря передано очень выразительно, какъ и вообще всѣ фигуры животныхъ гораздо удачнѣе, сравнительно съ человѣческими; см. на другой стѣнѣ прекрасное изображеніе раненой львицы, въ которомъ такъ хорошо переданы и страданіе, и безсильная ярость),

между тѣмъ какъ позади другой левъ, уже тяжело раненый (въ его тѣлѣ торчатъ три стрѣлы), впился когтями переднихъ лапъ въ трупъ запаснаго царскаго коня... А вотъ, на другой картинѣ (№ 24), и *возвращеніе послѣ счастливой охоты*: царь, окруженный своимъ придворнымъ штатомъ и музыкантами, только что воротился съ охоты, которая была, вѣроятно, трудна и опасна, но увѣнчалась удачею; убитый левъ лежитъ, распростертый у ногъ царя, который одной рукой держитъ лукъ, а другой изъ какого-то сосуда совершаетъ возліаніе (т.-е. льетъ на землю струю вина) передъ жертвенникомъ, благодаря боговъ за побѣду надъ звѣремъ, а можетъ-быть, и за избавленіе отъ угрожавшей на охотѣ опасности.

Но не все же военные подвиги, не все же бой съ звѣрями; когда-нибудь нуженъ и отдыхъ. Картина № 25 вводитъ насъ въ *домашнюю жизнь ассирійскаго владыки*: передъ нами садъ изъ кедровыхъ деревьевъ и пальмъ; посрединѣ царская бесѣдка, сплетенная изъ виноградныхъ лозъ, перекинутыхъ съ одного дерева на другое. Подъ этимъ шатромъ изъ живой зелени покоится царь, полулежа на великолѣпномъ ложѣ; онъ подноситъ къ устамъ чашу, съ боку у ложа столикъ, на которомъ приготовлены, вѣроятно, разныя яства, а немного въ сторонѣ другой такой же столикъ, на которомъ царь передъ отдыхомъ сложилъ свой лукъ и другое оружіе (какъ видно, оно у восточныхъ царей бывало всегда подъ рукой; вспомните о томъ, какъ Камбизъ убилъ Прексаспова сына за пиромъ). Напротивъ царя, на высокомъ сѣдалищѣ (въ родѣ высокаго кресла съ подножіемъ), сидитъ женская фигура, очевидно, *царица*; она также пьетъ изъ какого-то сосуда, быть-можетъ, за здравіе своего царственнаго супруга, привѣтствуя его съ счастливымъ возвращеніемъ изъ похода или съ охоты. Позади царя и царицы стоятъ евнухи съ опахалами въ рукахъ, отмахивая мухъ; вонъ — слуги несутъ царское кушанье, а возлѣ нихъ другіе, и опять съ опахалами, — все, должно-быть, отъ тѣхъ же назойливыхъ мухъ, непрошенныхъ гостій царской трапезы. На деревьяхъ и въ воздухѣ видны птицы; можетъ-быть, онѣ своимъ пѣніемъ вторятъ этому музыканту, который вотъ стоитъ тутъ же съ своими гуслями, утѣшая слухъ царя и царицы... Одна только подробность рѣзко нарушаетъ мирный характеръ всей этой картины царственнаго покоя: *на сукъ одного дерева виситъ отрубленная человѣчья голова*. Чья она? преступника ли, навлекшаго на себя царскую опалу, или побѣжденнаго врага — кровавый трофей счастливаго похода?

На другой стѣнѣ (направо отъ двери въ слѣдующую залу) по-

мѣщенъ большой рельефный портретъ, изображающій ассирійскаго царя во весь ростъ; изъ первыхъ картинъ мы уже достаточно знакомы съ царскимъ костюмомъ: на этой взгляните только въ эти узоры (вѣроятно, вышитые или затканые золотомъ), которые здѣсь видны на ткани царскаго платья, замѣьте богатую длинную бахрому, которой оно обшито, поясъ, въ видѣ шнурка, перехватывающій станъ и спускающійся концами почти до самой земли.

Сродство арійскихъ языковъ.

Индусы, персы, славяне, германцы, греки, древніе римляне (языкъ которыхъ назыв. *латинскимъ*) и пр. — *родня* между собою, если они, дѣйствительно, *когда-то* составляли одинъ народъ, *одну семью*. Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что они *когда-то* должны были имѣть и *одинъ общій языкъ*, изъ котораго потомъ уже, когда арійская семья раздѣлилась на отдѣльные народы, образовались со временемъ отдѣльные языки, у каждаго народа свой особый. Если же это такъ, то очевидно, что и теперь еще между этими различными языками должны были уцѣлѣть нѣкоторые *слѣды сходства* или *родства*, напоминающіе ихъ общее происхождение. Дѣйствительно, ученые *филологи* помогли въ этомъ случаѣ исторіи; они стали *сравнивать* между собою разные языки арійской семьи и доказали, что такое сходство или родство между ними несомнѣнно *есть*. Для примѣра *сравнимъ* слова, которыми въ нѣкоторыхъ арійскихъ языкахъ называются *члены семьи*:

	Санскритъ (языкъ древнихъ индусовъ).	Зендъ (языкъ древнихъ персовъ).	Греческій.	Латинскій.	Древне-германскій.	Славянскій.
Отець	pitár	patar	patér	pater	fadar (теп. Vater)	Народное русское: <i>батя</i> .
Мать	mâtár	mâtar	méter	mater	теп. Mutter	<i>мать</i> .
Братъ	bhrátar	bhâta	fratér	frater	bróthar (теп. Bruder)	<i>братъ</i> .
Сестра	svásar	—	—	soror (Фр. soeur)	svistar (теп. Schwester)	<i>сестра</i> .
Дочь	duhitar	dughdar	thiugáter	—	dauhtar (теп. Tochter)	<i>дѣштеръ</i> .

Примѣровъ такого родства можно указать очень много, какъ въ корняхъ словъ, такъ и во флексіяхъ, или грамматическихъ окончаніяхъ. Возьмемъ, на примѣръ, третье лицо настоящ. вр. глагола *быть*: въ санскр. *asti*, зендск. *ásti*, греч. *estí*, лат. *est*, нѣм. *ist*, слав. *естъ* и т. д.

СКИОБЫ
Мертвое озеро

Понть Эвксинский море
(Черное море)

Каспійское море

Массагеты
(Туранъ)

Оракія

Колхида

Арменія

Бактра

Бактрія

Средиземное море

Ассирія

Мидія (Иранъ)

Сирія

Вавлонъ

Персиполь

Храмъ Амидна (Сива)

Мемфисъ

Израильтяне

Халдеи

Персія

Офиръ (Индія)

Ливія (Африка)

Эѳіопія (Нубія)

Аравія

Индійскій океанъ

Оивы

Сіене (Асуанъ)

Пороги (Камераны)

Свѣи Свѣи

BIBLIOTEKA POLITECHNICZNA
KRAKÓW

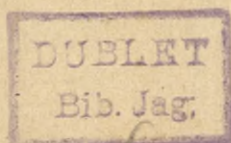
S. 61

82-2

S-96

Stb. 3722

Biblioteka Politechniki Krakowskiej

100000297366